

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

РОБЕРТ ШЕКЛИ

В темном-темном космосе

В НАУЧНОЙ ФАНТАСТИКЕ ШЕКЛИ — ПЕРВЕЙШИЙ ВОЗМУТИТЕЛЬ СПОКОЙСТВИЯ.
КИНГСЛИ ЭМИС

ЗВЕЗДЫ МИРОВОЙ ФАНТАСТИКИ

**РОБЕРТ
ШЕКЛИ**

**В темном-темном
космосе**

Санкт-Петербург

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-445
Ш 40

Robert Sheckley
SPACEMEN IN THE DARK
Copyright © 2014 by Robert Sheckley
All rights reserved

Публикуется с разрешения автора
при содействии Агентства Александра Корженевского (Россия).

Составитель А. Жикаренцев

Перевод с английского
Н. Абдуллина, С. Гонтарева, В. Зари, Г. Корчагина,
Е. Лисичкиной, А. Лотарева, Н. Нортова, М. Штольца

Оформление С. Шикина

Иллюстрация на обложке В. Еклериса

ISBN 978-5-389-05879-8

© Н. Абдуллин, С. Гонтарев, В. Заря,
Г. Корчагин, Е. Лисичкина, А. Лотарев,
Н. Нортов, М. Штолец, перевод, 2014
© ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2014
Издательство АЗБУКА®

Часть первая

ПОСЛЕДНЕЕ ИСПЫТАНИЕ

Думаю, началось это давно. Гораздо раньше, чем засуетились астрономы, и уж точно задолго до того, как об этом узнал я. Насколько давно — не представляю: может, тысячи лет назад, а может, и больше. Сам я узнал об этом одним мартовским вечером из газеты.

Джейн хозяйничала на кухне. Я устроился в большом мягком кресле и просматривал передовицы — милитаристская болтовня, рассуждения о контроле над инфляцией. Потом пробежался по разделу самоубийств и по разделу уголовной хроники. Пролистывая последние страницы, я наткнулся на небольшую заметку.

«Астрономы теряют звезды» — гласил заголовок. Судя по фамильярному стилю, это была типичная бульварная беллетристика. «Доктор Вильгельм Менцнер из обсерватории Сан-Джейн не может отыскать некоторые звезды Млечного Пути. Такое впечатление, говорит доктор Менцнер, что они попросту исчезли. Многочисленные фотографии звездного неба подтверждают: многие неяркие звезды пропали с небосвода. Они были на небе еще совсем недавно — судя по фотографиям, сделанным в апреле 1942 года...» Дальше автор перечислял пропавшие звезды — их названия ничего мне не говорили — и отечески журил ученых за рассеянность: только представьте, писал он, потерять нечто такое огромное, как звезда. Впрочем, волноваться не стоит, подытоживал журналист, звезд на небе еще много.

Заметка в тот момент показалась мне забавной, хоть и сомнительной по стилю. Я не очень хорошо разбираюсь в науке — я торговец одеждой, — но ученых я всегда уважал. Стоит только посмеяться над ними, и они тут же

придумывают какую-нибудь гадость вроде атомной бомбы. Лучше уж относиться к ним с почтением.

Не помню, показал я заметку жене или нет. Если и показал, значит она ничего не сказала.

Жизнь текла своим чередом. Я ездил в свой магазин на Манхэттен и возвращался домой в Куинс. Через несколько дней появилась другая статья. Написал ее доктор наук, и фамильярным стилем здесь и не пахло. В статье говорилось, что звезды с огромной скоростью исчезают из нашей галактики Млечный Путь. Обсерватории обоих полушарий подсчитали, что за последние пять недель пропало несколько миллионов далеких звезд.

Я вышел на задний двор и посмотрел на небо. Мне показалось, что все в порядке. Млечный Путь — на привычном месте, густо пачкает небосвод, как и всегда. Немного в стороне — Большая Медведица. Северная звезда по-прежнему указывала на Вестчестер.

Земля под ногами была мерзлая и твердая, как камень, но воздух уже не такой холодный. Скоро придет весна, а с ней и весенние коллекции одежды. По другую сторону моста Куинсборо сияли огни Манхэттена, и это окончательно меня отрезвило. Главная моя забота — одежда, поэтому я вернулся в дом, чтобы заняться делом.

Через несколько дней история о пропавших звездах добралась до первых полос. «ЗВЕЗДЫ ИСЧЕЗАЮТ! — кричали заголовки. — ЧТО ДАЛЬШЕ?»

Из статьи я узнал, что, оказывается, Млечный Путь теряет по несколько миллионов звезд в день. Другие галактики, по-видимому, не пострадали, хотя никто ничего толком не знал. Но из нашей галактики звезды выбывали определенно. Большинство из них — такие далекие, что разглядеть их можно только в мощный телескоп. А вот то, как они исчезают, разом и сотнями, мог увидеть любой зрячий. Это был не взрыв и не медленное угасание. Нет. Просто — раз! — и звезды как будто и не было.

Автор статьи, профессор астрономии, подчеркивал, что на самом деле мы видим не исчезновение звезд, а то,

как иссякает их свет. Сами звезды, очевидно, погасли сотни миллионов лет назад, а свет от них еще долго летел сквозь космическое пространство. Сотни миллионов лет... кажется, так было в статье. Хотя, возможно, и тысячи миллионов.

Статья не касалась причин происходящего.

Поздно вечером я вышел посмотреть на небо. Все со-седы высыпали на свои участки. И действительно, в бес-конечной россыпи звезд я мог видеть, как гаснут малень-кие крапинки света. Они были едва заметны. Если не смотреть прямо на них, то никаких изменений и не уви-дишь.

— Джейн! — крикнул я в открытую дверь. — Иди по-смотри!

Жена вышла и подняла голову. Уперев руки в бока, она хмурилась, будто ее оторвали от важного дела.

— Ничего не вижу, — заявила она наконец.

— Присмотрись повнимательней. Выбери кусок Млеч-ного Пути и наблюдай за ним. Вот, только что погасла! Видела?

— Нет.

— Следи за мерцающими точками, — сказал я.

Но Джейн так ничего и не увидела, пока соседский сын Томас не дал ей подзорную трубу.

— Вот, миссис Остерсен, попробуйте, — сказал он. К груди он прижимал три или четыре подзорные трубы, пару биноклей и стопку карт звездного неба. Ничего себе ребенок. — Вы тоже, мистер Остерсен.

В подзорную трубу я увидел это совсем четко: точка только что светилась в темноте и вдруг — раз! — исчезла. Очень странно.

В тот момент я впервые ощутил тревогу.

Джейн же отнеслась к этому совершенно безразлично. Она вернулась на кухню.

Катаклизмы катаклизмами, а торговля должна идти своим чередом. Правда, я поймал себя на том, что по-купаю газеты четыре или пять раз на день и держу радио

в магазине включенным, чтобы быть в курсе последних новостей. Все остальные поступали так же. Разговоры о звездах выплеснулись на улицы.

Газеты предлагали всевозможные объяснения. Страницы пестрели научными статьями о красном смещении, межгалактической пыли, эволюции звезд и оптических обманах. Психологи доказывали, что исчезнувших звезд вообще никогда не было, что это была только иллюзия.

Я не понимал, чему верить. Единственную, на мой взгляд, осмысленную статью написал журналист, специализирующийся на проблемах общества. Ученым его уж точно не назовешь. По его мнению, в галактике кто-то затеял генеральную уборку.

У малыша Томаса на этот счет была собственная теория. Он считал, что это козни захватчиков из другого измерения — якобы они засасывают нашу галактику, как пыль в пылесос, чтобы переместить к себе, в другое измерение.

— Это же очевидно, мистер Остерсен, — объяснял мне Томас как-то вечером. — Они начали засасывать звезды с той стороны Млечного Пути и теперь подбираются к центру. До нас они дойдут в последнюю очередь, потому что мы на самом краю.

— Да уж... — вздохнул я.

— К тому же, — добавил он, — «Удивительные факты и сверхъестественно-научные истории» придерживаются такой же точки зрения, а они лидеры в области научной фантастики.

— Но они не ученые, — возразил я.

— Ну и что? Ведь они предсказали подводную лодку задолго до ее появления. И самолеты, когда ученые еще спорили, может ли шмель летать. А ракеты, радары, атомные бомбы? Они оказались правы и насчет них тоже.

Он перевел дыхание.

— Кто-то должен остановить захватчиков, — добавил он убежденно и вдруг косо посмотрел на меня. — Они путешествуют сквозь измерения, а значит могут принимать человеческий облик. — Он снова взглянул на меня, на этот раз с явным подозрением. — Любой может оказаться одним из них. Например, вы.

Я заметил, что малыш Томас нервничает, а может, уже подумывает сдать меня какой-нибудь комиссии, поэтому угостил его молоком и печеньем. Он, правда, насторожился еще больше, но тут уж ничего не поделаешь.

Газеты принялись за обсуждение той же самой фантастической версии, что рассказал мне малыш Томас, только дополнительно приукрасив ее. Какой-то парень заявил, что знает, как остановить агрессора. Захватчики предложили ему возглавить какую-нибудь небольшую галактику в обмен на согласие сотрудничать с ними... Разумеется, он отказался.

Возможно, это прозвучит глупо, но небо начало пустеть. Люди во всем мире говорили глупости и совершали глупые поступки. Мы начали задаваться вопросом: когда же погаснет наше солнце?

Каждый вечер я смотрел на небо. Звезды гасли все быстрее и быстрее. Количество исчезнувших звезд возрастало в геометрической прогрессии. Вскоре маленькие огоньки на небе стали гаснуть с такой скоростью, что их невозможно было сосчитать. Теперь их исчезновение можно было наблюдать невооруженным глазом — эти звезды находились ближе к нам.

Через пару недель от Млечного Пути остались только Магеллановы Облака, но астрономы объяснили, что они вообще не относятся к нашей галактике. Погасли Бетельгейзе, Антарес и Ригель, следом — Сириус и Вега. Потом исчезла альфа Центавра, наш ближайший сосед. Небо совсем опустело — только редкие точки и пятнышки. И Луна.

Я не знаю, что произошло бы, если бы мы не услышали голос. Возможно, все пошло бы иначе, кто знает.

Но голос прозвучал — на следующий день после того, как погасла альфа Центавра.

Первый раз я услышал его по пути в магазин. Я спулся по Лексингтон-авеню от станции «Пятьдесят девятая улица», разглядывая витрины конкурентов. Когда я проходил мимо «Платьев Мэри Бэйли» и прикидывал, как скоро они выставят весенне-летнюю коллекцию, я услышал голос.

Голос был приятный и дружелюбный. Казалось, его источник находился у меня за спиной, чуть выше уровня головы.

— *Страшный суд над жителями Земли состоится через пять дней*, — сказал голос. — *Пожалуйста, подготовьтесь к последнему испытанию и отбытию. Это объявление будет повторено.*

Я сразу же оглянулся, чтобы посмотреть, кто говорит. Я ожидал увидеть высокого, мертвенно-бледного фанатика — эдакого сумасшедшего с горящими глазами и развешивающейся бородой. Но рядом со мной никого не было. До ближайшего прохожего — не менее пятнадцати метров. В тот момент я решил, что голос мне померещился. Но потом обратил внимание, что все люди на улице недоуменно крутят головами.

Вообще-то, Лексингтон-авеню в девять часов утра весьма оживленное место: толпы людей спешат по своим делам, дети торопятся в школы, гудит метро под ногами, сигналият автомобили.

Но тут на улицу опустилась тишина. Машины остановились там, где ехали, люди замерли на тротуарах.

Ко мне подошел ближайший прохожий, прилично одетый, примерно моего возраста — сорок с небольшим. Он смотрел на меня с подозрением, словно обвинял в хулиганстве. Кажется, я смотрел на него так же.

— Вы это слышали? — спросил он.

— Да.

— Это вы говорили?

— Нет. Может быть, вы?

— Ни в коем случае, — ответил он с негодованием.

Несколько секунд мы сверлили друг друга взглядами. Но, мне кажется, мы уже понимали, как и все вокруг, что это не розыгрыш. Особенно после того, как исчезли все звезды.

Подошла симпатичная девушка в меховой шубке. Она была напугана и держалась вызывающе.

— Вы слышали? — спросила она.

— Да, — ответил я. Мужчина подтверждающе кивнул.

— Она что, говорила в громкоговоритель? — спросила девушка.

— Она? — хором переспросили мы.

— Ну, этот женский голос. — Девушка начала сердиться. — Молодая женщина... она еще сказала: «Страшный суд над жителями...»

— Голос был мужским, — возразил мужчина. — В этом я уверен. — Он посмотрел на меня. Я кивнул.

— Да нет же! Это была девушка с легким, но хорошо различимым новоанглийским акцентом... — Она оглянулась по сторонам, словно ища поддержки.

Люди на Лексингтон-авеню начали собираться группами. Народ заполнил всю улицу, насколько хватало глаз. Автомобили не двигались. Водители вылезали из машин, чтобы расспросить про голос.

— Прошу прощения, — обратился ко мне прохожий. — Это только мне послышалось или вы слышали тоже?..

Так продолжалось весь следующий час. Оказалось, что голос слышали все. Но все женщины были уверены, что слышали женский голос, а все мужчины — что мужской.

Наконец я добрался до магазина.

Продащица Минни и кладовщик Фрэнк были уже на месте. Они включили радио на полную громкость и разговаривали, стараясь его перекричать.

— Мистер Остерсен, — обратился ко мне Фрэнк, как только я вошел. — Вы слышали голос?

Мы обсудили случившееся, но не сообщили друг другу ничего нового. Фрэнк услышал голос, когда был уже в магазине. Минни как раз входила, взявшись за ручку двери. По ее словам, голос принадлежал девушке ее возраста с едва заметным акцентом жительницы Бронкса. Мы же с Фрэнком настаивали, что голос мужской. Правда, я слышал голос мужчины лет сорока — сорока пяти, а Фрэнк уверял, что это был молодой человек лет двадцати с небольшим.

Наконец мы вспомнили о радио, которое надрывалось все это время.

— ...Голос прозвучал во всех регионах страны в девять часов три минуты утра по восточному времени. Этот голос, предположительно принадлежащий... э-э-э... Создателю, возвещающему Судный день, был слышен... э-э-э...

во всех регионах страны. — Диктор неуверенно замолчал, потом продолжил: — Вместо нашей обычной программы слово предоставляется преподобному Джозефу Моррисону, который расскажет о... — Диктор помолчал секунду, затем торжественно произнес: — Преподобный Джозеф Моррисон!

Почти все утро мы слушали радио. Преподобный Джозеф Моррисон казался таким же растерянным, как и все остальные. После его выступления начался специальный выпуск новостей. Выяснилось, что голос слышали люди по всей Земле. Голос обращался на разных языках, наречиях и диалектах.

Минни слушала репортажи, которые следовали один за другим, с изумлением, Фрэнк тоже, казалось, был потрясен. Думаю, я и сам выглядел настолько испуганным, насколько позволяло мое невыразительное лицо. Без четверти двенадцать я решил позвонить жене. Безрезультатно. Я не смог даже связаться с оператором станции.

— ...Возможно, это мистификация, — вещал приемник неубедительным тоном. — Массовые галлюцинации плохо изучены, поэтому их нельзя сбрасывать со счетов. В Средние века...

И тут, прерывая наш разговор и заглушая радиоэфир, снова прозвучал голос:

— *Страшный суд над жителями Земли состоится через пять дней. Пожалуйста, подготовьтесь к последнему испытанию и отбытию. Это объявление будет повторено.*

«Отбытие! — подумал я. — Интересно — куда?»

— Вот! — закричал Фрэнк. — Слышала? Молодой человек!

— Совсем спятил?! — крикнула Минни в ответ. Волосы упали ей на глаза, и она стала походить на драчливого кокер-спаниеля.

— Сама спятила!

Они свирепо уставились друг на друга. Минни, казалось, собиралась швырнуть во Фрэнка кассовый аппарат.

— Успокойтесь, — сказал я. — По-моему, голос разговаривает с каждым на самом понятном для него языке — его собственном.

— Разве такое возможно? — удивился Фрэнк.

— Не знаю. Но это логично. Если бы голос использовал только латынь, иврит или английский, никто бы из арабов или армян его не понял. Оно обращается к каждому на его родном языке и даже диалекте.

— А разве можно называть его «Оно»? — прошептал Фрэнк и оглянулся через плечо, словно ожидая увидеть ангела возмездия. — Может, лучше говорить «Он»?

— «Она», ты хочешь сказать, — вставила Минни. — Ох уж этот мужской шовинизм: Бог непременно должен быть мужчиной! А ведь женское начало очевидно повсюду, во всем окружающем мире. Ты... ты просто не смеешь говорить «Он», когда... когда...

Минни не была сильна в теоретических выкладках. Она запнулась и замолчала, тяжело дыша и откидывая назад волосы.

Некоторое время спустя мы уже говорили об этом спокойно и слушали радио. Выступали эксперты, их становилось все больше. Потом передали короткие репортажи из разных стран, жители которых слышали второе объявление. В два часа я распустил всех по домам. Какой смысл работать в такой день? К тому же к нам не зашел ни один покупатель.

Когда я добрался до «Бруклин—Манхэттен транзит», подземка работала как обычно, и я поехал домой в Куинс.

— Ты слышал голос? — спросила жена, не успев я войти.

— Конечно. Говорила женщина тридцати пяти лет с легким акцентом жительницы Куинса?

— Точно! — воскликнула она. — Слава богу, мы согласны хоть в чем-то!

Но конечно, это было не так.

Мы поговорили про голос за ужином и продолжили обсуждение после ужина.

В девять часов вечера объявление прозвучало вновь:

— *Страшный суд над жителями Земли состоится через пять дней. Пожалуйста, подготовьтесь к последнему испытанию и отбытию. На этом все.*

— Ну вот, — сказала Джейн. — Ясно же, что «Он» на самом деле «Она».

— Думаю, все-таки «Он», — возразил я, и мы отправились спать.

Утром я поехал на работу, хоть и не знаю зачем. Я, как и все, понимал, что все кончено. Просто казалось естественным вернуться к работе — будь то конец света или нет. Большая часть моей сознательной жизни была связана с магазином, и я хотел провести в нем еще один день. К тому же я собирался привести в порядок дела, хотя и знал, что это лишено смысла.

Езда на метро превратилась в тихий ужас. В Нью-Йорке и так-то не протолкнуться, но сегодня, казалось, все Штаты решили воспользоваться нью-йоркской подземкой. Вагоны были набиты до такой степени, что двери едва закрывались. Когда я наконец выбрался на свет божий, то обнаружил на улицах почти такую же толчею. Движение застопорилось, и люди покидали машины и автобусы, отчего толчея только усиливалась.

Фрэнк и Минни уже были на месте. Наверное, их осенила та же мысль — привести в порядок дела.

— Как здорово, что вы здесь, мистер Остерсен, — сказал Фрэнк. — По-вашему, как Он поступит? Я имею в виду наши грехи.

Фрэнку шел двадцать второй год. Я с трудом допускал, что он успел наделать много грехов. И все же они его беспокоили. Судя по тому, как он хмурился и расхаживал по залу взад-вперед, он являлся, как минимум, поборником дьявола.

Минни, насколько я видел, грехи не заботили вообще. Она надела свой лучший наряд — кстати, купленный не в моем магазине, — а ее волосы были чуть темнее, чем вчера. Полагаю, она решила выглядеть перед Всевышним на все сто, будь он хоть мужчина, хоть женщина.

Все утро мы говорили о грехах и слушали радио. По радио тоже много рассуждали о грехах, и у каждого выступающего было свое личное мнение.

Около полудня заглянул Олли Бернштейн.

— Салют, экс-конкурент, — сказал он, стоя в дверях. — Как дела?

— Продал пятьдесят нимбов, — сказал я. — А у тебя?

— А, какая разница! — Он протиснулся боком в дверной проем. — До Страшного суда четыре дня, и всем на все наплевать. Пойдем, экс-конкурент, пообедаем.

Формально мы не были друзьями. Мы торговали товаром одной ценовой категории, и наши магазины располагались слишком близко друг к другу. К тому же Олли страдал ожирением, а я всегда настороженно относился к толстякам. Но тогда я почувствовал к нему симпатию. Жаль, что не разглядел его монолитные качества годы назад.

Мы направились в «Лотто», первоклассный ресторан на Семьдесят третьей улице. Мы надеялись, что в центре народу поменьше, однако мы просчитались. «Лотто» оказался забит до предела, и мы ждали столик сорок пять минут.

Мы заказали жаркое из утки, но в итоге согласились на стейк. С самого утра, сказал официант, наплыв посетителей, и все заказывают жаркое из утки.

В «Лотто» работало радио — впервые, наверное, за все время, что существует ресторан. Выступал какой-то священнослужитель — кажется, раввин. Его прервал короткий выпуск новостей.

— Война в Индокитае закончилась, — сообщил диктор. — Сегодня, в семь тридцать утра, был провозглашен мир. Кроме того, объявлено перемирие в Монголии и Танганьике.

Мы узнали еще много интересного. В Индокитае повстанцы уступили французам территорию, заявив, что все люди должны жить в мире. Франция немедленно объявила, что отзывает свои войска и что они вернутся домой, как только найдутся транспортные самолеты.

Все французы решили провести оставшиеся до Страшного суда дни в Париже. В тот момент я тоже захотел присоединиться к ним. Диктор добавил, что русские ВВС согласились перевезти французов домой.

Везде было одно и то же. Все страны шли на уступки, отдавая соседям спорные территории, отправляя гуманитарную помощь в «горячие точки» — и всё в том же духе.

Мы слушали радио за бутылкой мозельского — все шампанское было выпито еще с утра. Думаю, я немного перебрал. Так или иначе, я возвращался в магазин в обнимку с двумя незнакомцами, и мы убеждали друг друга, что мир — это хорошо.

Именно так и было.

Домой я вернулся пораньше, чтобы не нарваться на вечерний час пик. Хотя совсем избежать его не удалось. С порога я ухмыльнулся жене, и она ухмыльнулась в ответ. Джейн тоже была навеселе.

Назавтра я взял жену с собой. Мы придумали, как провести последние три дня — вернее, два, ведь сам Судный день не в счет. Мы поселимся в хорошем отеле, накупим классической музыки и устроим скромный праздник для двоих. Я считал, мы его заслужили. Хотя и мог ошибаться.

В магазине нас поджидал Фрэнк — в парадной одежде и с чемоданом в руке.

— В чем дело, Фрэнк? — спросил я.

— Мистер Остерсен, осталось два дня, и я хочу отправиться в свое первое путешествие на самолете. Я лечу в Техас.

— Правда?

— Да, сэр.

Фрэнк переминался с ноги на ногу, как если бы думал, что совершает глупый поступок. Но его лицо выражало решимость. Он ожидал, что я буду его отговаривать.

— Там я смогу покататься на лошади, мистер Остерсен. Я давно мечтал съездить в Техас и покататься верхом. И не только на лошади. Я хочу посмотреть, как выглядит наша страна с самолета. Я собирался отправиться в Техас летом, во время отпуска, но теперь... в общем, я улетаю.

Я прошел в кабинет и открыл сейф. Там лежали четыре тысячи долларов, остальное хранилось в банке. Я вернулся и вручил Фрэнку две тысячи.

— Держи, парень, — сказал я. — Купи мне лошадь.

Он посмотрел мне в глаза и ушел, не проронив ни слова. Да и что тут скажешь? И потом, не такой уж это и шед-рый жест. Кому теперь нужны деньги? Мне хотелось, чтобы парень отлично провел время.

Жена на этот раз, похоже, была согласна со мной. Она улыбалась.

Минни пришла почти сразу же после ухода Фрэнка. Она снова принарядилась, и эту одежду она тоже купила не в моем магазине. Ее сопровождал молодой человек. Не красивый, не страшный — из тех парней, каких видишь на каждом шагу. Но Минни, похоже, считала иначе, судя по тому, как она сжимала его руку.

— Ты тоже собралась в Техас? — спросил я.

— Конечно нет, — сказала она. — Я выхожу замуж.

— Правда? — оживилась Джейн.

— Да, мэм. Мы с Хербом ждали, когда он окончит стоматологический колледж, — чтобы пока он мог пожить у родителей. Но теперь...

Должен заметить, выглядела она премило. Светло-русые волосы были ей к лицу.

— Вот, Минни. — Жена вытянула две тысячи у меня из руки и передала ей. — Проведи эти дни в свое удовольствие.

— Эй! — сказал я жене, когда Минни и ее жених ушли. — А как же мы? В банк идти бесполезно. И что теперь делать без денег?

— Да не переживай ты так, — сказала Джейн. — Разве ты не веришь в первую любовь?

Она уселась в единственное удобное кресло в зале, предназначенное для покупателей.

— Знаешь, я устала быть бережливой, — сказала она, когда увидела, что я смотрю на нее.

— Понимаю, — ответил я.

— И деньги пока имеют хоть какую-то ценность, — добавила она. — Разве у тебя совсем нет веры? Господь позаботится обо всех.

— Ну тогда все в порядке, — сказал я и уселся рядом.

Дверь отворилась. В магазин вошел незнакомый коротышка в годах, одетый как банкир. Я сразу понял, что он из наших. Одежный бизнес накладывает на человека отпечаток.

— Дела не очень? — спросил он.

— Не очень. Ни одного покупателя за весь день... вчера тоже.

— Неудивительно. Все бросились в дорогие магазины. Хотят напоследок одеться во все лучшее.

— Это можно понять, — сказал я.

— Понять — да, но это несправедливо. — Коротышка неодобрительно смотрел сквозь маленькое пенсне. — Почему большие магазины должны вытеснять с рынка мелких торговцев? Я представляю Бонзелли, и я здесь, чтобы возместить ваши финансовые потери.

Он положил на прилавок толстый конверт, улыбнулся как мог и ушел.

— Бонзелли, — рассеянно заметила жена. — Большой дорогой магазин...

В конверте лежало восемь тысяч долларов.

Впрочем, этим дело не кончилось. Каждые несколько минут в магазин заходили незнакомые люди и оставляли деньги. Через некоторое время я решил их раздавать. С двадцатью тысячами долларов в бумажном пакете я отправился в магазин Олли Бернштейна. Через квартал я с ним столкнулся. Он шел мне навстречу с пачками банкнот в руках.

— У меня для тебя подарочек, экс-конкурент, — сказал он.

Он нес около пятнадцати тысяч. Все, у кого были деньги, раздавали их — и получали назад от других людей.

— Кажется, придумал, — сказал я. — Может, осчастливим несчастных?

— Ты имеешь в виду магазины одежды в Бронксе?

— Нет, я имею в виду нищих и бомжей. Почему бы не поделиться с ними?

Он согласился без колебаний. Мы обсудили план. Идея спуститься в квартал дешевых притонов и там раздавать

деньги показалась нам не очень удачной. Улицы по-прежнему были забиты народом, и я не хотел надолго оставлять Джейн в магазине. В конце концов мы решили пожертвовать деньги ближайшей церкви. Кому, как не им, знать, куда их пристроить.

Церковь на пересечении Шестьдесят пятой улицы и Мэдисон была ближе всего, поэтому мы отправились туда и встали в конец очереди. Она растянулась на полквартала, но продвигалась быстро.

— Вот уж не думал, что это так сложно, — сказал Олли и покачал головой. Пот ручейками сбегал по его лицу. Жертвуя деньги, он прилагал больше усилий, нежели когда их зарабатывал.

— Что это за церковь? — спросил он.

— Не знаю. — Я похлопал по плечу мужчину впереди. — Уважаемый, что это за церковь?

Мужчина обернулся. Он весил не меньше Олли, но был старше и выглядел совсем измученным.

— Откуда мне знать, — пожал он плечами. — Я из Бруклина.

Наконец мы вошли в церковь, и священник взял у нас деньги. У него не было времени даже поблагодарить нас — позади гудела длинная очередь. Он просто бросил деньги на стол. Другой священник сгреб банкноты и унес, потом возвратился за новой порцией. Мы пошли за ним, просто из любопытства. Я не сомневался, что церковь распорядится деньгами как надо, однако человеку свойственно стремление знать, куда идут его пожертвования. Кроме того, Джейн наверняка меня об этом спросит.

К боковому входу в церковь выстроилась очередь красноносых людей в лохмотьях. Их лица светились от радости. Священник вручал каждому по несколько пачек банкнот, потом торопливо уходил за новой порцией.

— Проще было б впустить вторую очередь внутрь, — сказал Олли, когда мы шли обратно. — Парни с деньгами встречались бы с парнями без денег, и процесс бы ускорился. Но всегда есть посредник, которого не обойдешь. — Он закашлялся. Физическая нагрузка добивала его. Человеку комплекции Олли не следовало бегать, раздавая деньги таким способом.

По пути в магазин мне вручили пять тысяч долларов. Человек просто улыбнулся, сунул мне пачку денег и поспешил прочь. Запоздало я узнал в нем одного из бомжей, стоявших в очереди у церкви.

На прилавке меня ждал целый ворох банкнот. Жена сидела в кресле и листала журнал.

— Вот, накопилось, — кивнула она на деньги.

Я бросил пять тысяч в общую кучу.

— Ты бы послушал радио, — сказала она. — За последний час конгресс принял около двадцати законов. Они дали нам все права, о которых мы не могли и мечтать, и еще несколько, о существовании которых я даже не подозревала.

— Наступила эра простого человека, — констатировал я.

Следующий час я простоял в дверях, раздавая деньги. Это была очевидная глупость. Множество людей на улицах пытались всучить деньги друг другу. Это было что-то вроде игры: богатый отдавал деньги бедному, а бедный поворачивался и отдавал их другому богатому. К двум часам дня уже невозможно было сказать, кто богат, а кто беден.

Джейн держала меня в курсе того, что передавали по радио. Страны мира одна за другой принимали гуманные законы, как только собирали кворум. Эра простого человека действительно наступила — за два дня до конца света.

В три часа дня мы пошли обедать. И я, и Джейн понимали, что видим магазин в последний раз. В качестве прощального жеста мы рассыпали по стойке пятьдесят тысяч долларов и оставили дверь нараспашку. Это единственное, что мы могли сделать.

Мы перекусили в ресторане на Шестьдесят третьей улице. Персонал покинул заведение, и посетители обслуживали себя сами. Приготовив что-нибудь с запасом, они ели и уходили. Джейн соорудила несколько десятков трехслойных сэндвичей как наш вклад в общее дело, а потом мы поели. Следующий вопрос — ночлег. Я не сомневался, что все отели заняты, но попытаться стоило. В крайнем случае мы могли переночевать в магазине.

Мы пошли в «Стэнтон-Карлер», один из самых больших отелей Нью-Йорка. Молодой человек за стойкой читал «Мир как воля и представление» Шопенгауэра.

— Есть свободный номер? — спросил я.

— Вот ключ, он подходит ко всем дверям. Занимайте любой свободный, если найдете.

— Сколько? — спросил я и развернул веер из тысяче-долларовых купюр.

— Вы что, шутите? — сказал парень и снова уткнулся в книгу. Очень серьезный юноша.

Мы отыскиали свободный номер на пятнадцатом этаже и сразу упали в кресла. Джейн тут же подскочила.

— Мы забыли про пластинки! — воскликнула она. — Я хочу провести последний день, слушая хорошую музыку.

Я устал как собака, но наши желания совпали. Нам с Джейн вечно не хватало времени, чтобы послушать все, что мы хотели. Можно сказать, мы еще и не начинали.

Джейн выразила желание пойти со мной, но я решил, учитывая толчею на улицах Нью-Йорка, что будет проще, если я пойду один.

— Запри дверь, — сказал я. — Может, до Страшного суда и остался один день, но люди пока еще не ангелы.

Она подмигнула мне. Она не подмигивала мне уже несколько лет.

С трудом протискиваясь сквозь толпу, я добрался до музыкального магазина. Внутри не было ни души. Я взял проигрыватель и пластинки — столько, сколько мог унести. В отеле мне пришлось подниматься на пятнадцатый этаж пешком, потому что кто-то вздумал кататься на единственном работающем лифте.

— Поставь Дебюсси, — попросил я Джейн и без сил рухнул в кресло. Какое наслаждение — вытянуть усталые ноги!

Остаток дня и весь вечер мы слушали музыку. Понемногу Баха, Дебюсси, Моцарта, Гайдна и тех композиторов, которых я еще не знал. В тот день я прослушал музыки больше, чем за последние пять лет.

Проснулись мы поздно, примерно в половине второго. Я чувствовал себя виноватым. Так глупо проспать свой последний день!

— Привычка поспать не хуже любой другой, — утешила меня Джейн. Возможно, она была права.

Как бы то ни было, мы ужасно проголодались. Оказалось, что у Джейн натерты ноги — она не ходила так много со времен моего ухода за ней.

— Не вставай, — сказал я. — Твой рыцарь в сияющих доспехах принесет тебе завтрак. Мое последнее доброе дело.

— Первое, — улыбнулась она.

— Запри дверь, — сказал я и ушел. Я вообще никогда не доверял людям. Не знаю почему. Даже накануне Страшного суда я не мог доверять никому.

Город поразил меня непривычной тишиной. Лишь несколько человек нарушали мертвый пейзаж: одни шли, нервно оглядываясь по сторонам, другие — с довольными улыбками на лице. Улицы были пусты. На проезжей части стояли брошенные автомобили, такси и автобусы. Светофоры по-прежнему перемигивались, но им нечего было регулировать.

Я не заметил ни одного полицейского и вдруг осознал, что со времени первого объявления не встречал ни одного копа. Не помню, понравилось мне это или нет, но я подумал, что копы тоже люди. Наверное, решили провести последние дни в кругу семьи. Да и кому что тут красть?

Может, стоит заглянуть в церковь и помолиться, подумал я. Не то чтобы это могло изменить мою жизнь или я как-то особенно этого хотел. Но я подумал, что Джейн бы одобрила мой поступок. Я обошел три церкви, но все они были битком набиты, и снаружи стояли длиннющие очереди. Стало ясно, куда все подевались.

Конечно, я тоже мог постоять в очереди, но Джейн ждала завтрака, и я отправился в ресторан.

По дороге из ресторана меня несколько раз останавливали и пытались всучить деньги. Казалось, люди были в отчаянии. Они объясняли, что пытаются избавиться от денег, но не знают, как это сделать. Они копили их всю

жизнь и теперь не могут просто взять и выбросить. Но деньги никому не нужны. И они не знают, что делать.

Один человек меня поразил особенно.

— Будь добр, возьми деньги, старик, — сказал он. — У меня горе, понимаешь? Я скопил их так много, что теперь не знаю, куда девать. Не хочу, чтоб они у меня оставались. Правда, не хочу. Может, возьмешь?

Я узнал его. Это был известный актер. Мне он нравился, поэтому я взял у него пачку долларов и оставил на стойке в отеле. Юноша, который читал Шопенгауэра, исчез.

Мы с Джейн поели и снова включили музыку. И слушали ее весь день, не тратя времени на разговоры. Ближе к вечеру глаза Джейн предательски заблестели. Я понял: она вспоминает нашу жизнь. Я тоже углубился в воспоминания. Прожитая жизнь показалась мне не такой уж и плохой. Хотя и не без изъянов. В жизни я совершил несколько ошибок, но не фатальных.

Вечером мы поужинали остатками обеда. Мы не хотели выходить из номера и не хотели спать.

— Это случится на рассвете, — сказала Джейн.

Я попытался возразить, мол, пути Господни неисповедимы. Но Джейн слишком полагалась на женскую интуицию.

Ночь была долгая и не самая приятная. Я чувствовал себя, как заключенный перед казнью. Недостойное чувство, но я был напуган. Полагаю, не я один.

Стоя у окна, я смотрел, как разгорается заря несбывшихся надежд. День обещал быть хорошим. Звезд на небе не было, зато в городе горели все фонари и все окна. Кажалось, Нью-Йорк зажег свечи накануне шага в неизвестность.

— Прощай, Джейн, — сказал я и понял, что она права. Объявление прозвучит на рассвете. Я надеялся, что Минни сейчас в объятиях своего мужа, а Фрэнк... скорее всего, он на лошади — привстал в непривычном седле и смотрит на восток. Я надеялся, что именно так все и обстоит.

— Прощай, дорогой, — сказала Джейн и поцеловала меня.

Из окна веял прохладный ветерок, черное небо казалось бархатным. Это было красиво. Вот так все и должно было закончиться.

— *Рассмотрение дел жителей планеты Земля откладывается,* — произнес приятный голос у меня за спиной. — *Последнее испытание и отбытие отсрочены на десять лет, считая с настоящего момента.*

Я стоял у окна, обнимая Джейн. Наверное, минут десять мы не могли произнести ни слова.

— Да уж, — сказал я наконец. — Да уж.

— Да уж, — вздохнула она.

Мы помолчали еще несколько минут. Потом она повторила:

— Да уж.

А что тут еще скажешь?

Я выглянул в окно. Город искрился огнями. Солнце выползало из-за горизонта, стояла мертвая тишина. Единственный звук, который ее нарушал, — гудение неоновых вывесок: они жужжали, как сломанный будильник. Или как бомба с часовым механизмом.

— Тебе надо на работу, — сказала Джейн и заплакала. — Хотя десять лет — всего лишь мгновение в масштабе вечности. Одна секунда — для Нее.

— Меньше, — сказал я. — Доля секунды. Или еще меньше.

— Но не для нас.

Лучше бы в тот момент все и закончилось. Судный день должен был наступить в урочный час, что бы он ни принес с собой. Мы подготовились. Мы отказались от мирских благ — в Нью-Йорке, да и, думаю, во всем мире тоже. Но десять лет — слишком большой срок. Слишком тяжелое испытание для добродетели.

Нужно было как-то жить дальше, и формально этому ничего не мешало. Мы могли вернуться к работе. Фермеры оставались фермерами, продавцы и служащие тоже никуда не делись.

Мы могли изменить мир к лучшему, чтобы указывать на эти десять лет с гордостью и говорить:

— Смотрите! Тысячи лет алчности, жестокости и ненависти — это не вся наша история! Наши последние десять лет — такие благие, непорочные, великодушные! Десять лет мы были братьями!

Увы, все пошло не так.

Фермеры не захотели возвращаться на фермы, продавцы — в магазины. Нет, некоторые вернулись. На время. Ненадолго. Все рассуждали о высоких идеалах, но это были пустые разговоры, как и прежде.

Полгода мы с Джейн боролись за жизнь, страдая от голода, отбиваясь от бандитов, которых расплодилось вокруг Нью-Йорка в избытке. В конце концов мы решили уехать. Мы влились в поток беженцев, покидающих Нью-Йорк, пересекли Пенсильванию и взяли курс на север.

Везде царила разруха, страна собиралась с духом, правда не очень успешно. Сперва голодали тысячи, потом миллионы. Те, у кого были запасы еды, не хотели делиться — они не представляли, как проживут десять лет, если отдадут хотя бы часть. Деньги раздавали мешками. Они потеряли всякую ценность. Какие-то девять месяцев — и за миллион долларов не купишь гнилой репы.

Время шло, и все меньше людей оставалось на рабочих местах. За их зарплату ничего нельзя было купить. Да и зачем работать, если скоро конец света? Для кого стараться?

Примерно через год случился инцидент: в Софии пропал американец. Исчез без следа. Американский посол выразил протест, и ему посоветовали убраться домой. Болгары не хотели, чтобы последние девять лет кто-то вмешивался в их жизнь. Кроме того, добавили они, им не известно, куда подевался человек. Возможно, они говорили правду. Люди тогда пропадали повсеместно.

После третьего ультиматума мы сбросили на них бомбу. Атака совпала по времени с бомбардировкой, принятой против нас Китаем, который решил, что мы слишком вмешиваемся в его отношения с Японией.

Англия тоже подверглась бомбардировке и разбомбила кого-то в ответ.

Все начали бомбить всех.

Мы с Джейн оставили город, в котором остановились на короткую передышку, и взяли курс на открытую местность. Мы, спотыкаясь, бежали по полю под рев самолетов. Прятались в придорожных канавах. Во время одного из налетов Джейн сразила пулеметная очередь. Наверное, ей повезло. Она не дожила до атомной бомбардировки, которая случилась неделей позже. И не видела взрыва водородной бомбы еще неделю спустя.

Когда упала водородная бомба, я был далеко, в Канаде. Но я слышал грохот и видел дым. Бомбу сбросили на Нью-Йорк.

После этого все сбросили самые большие бомбы на все возможные цели, заразив планету радиацией и болезнетворными микробами. Отравляющие газы долго висели над землей, пока их не сдуло ураганом.

Все это время я шел на север, хотя все остальные, спасаясь от голода, двигались на юг. Но я решил: лучше смерть от голода, чем от радиоактивной пыли или бактерий. Хотя бактерии все же добрались до меня. Целые сутки я мучился от болей. Я хотел умереть. Будь у меня пистолет, я бы, наверное, застрелился. Но я выжил. И микробы оставили меня в покое.

За Полярным кругом я прибил к компании из нескольких человек, но пробыл с ними недолго. Через день после моего прихода один из них заболел, а потом и все остальные. Я понял, что заразил их, поэтому ночью ушел, по-прежнему держа курс на Север.

Потом и Север подвергся бомбардировке, чтобы урановые рудники не достались никому. Я бежал через лес, прятался в пещерах. Ночью смотрел на луну и редкие брызги звезд.

Четыре года спустя я уже не встречал никого. Да и некогда было кого-то искать. Все время я тратил на поиски пропитания. Ежедневное занятие с утра и до вечера — собирать травы и корни, а если повезет, убить камнем кролика. Я здорово наловчился метать камни.

Я даже не представлял, когда истекут эти десять лет.

Не думаю, что я последний человек на Земле. Люди в других частях света могли спрятаться в пещерах, на остро-

вах, на вершинах гор. Если Вы их найдете, они подтвердят мой рассказ. Думаю, Вы убедитесь, что он довольно точный.

Теперь что касается меня...

Думаю, я не менее грешен, чем большинство людей, но это решать Вам, Создатель.

Зовут меня Адам Остерсен. Я родился в Пин Гроув, штат Мэн, в июне...

МЫ ОДИНОКИ

Садись бы они на Земле или на любой из планет Солнечной системы, Маглио направил бы судно вниз отработанным движением, легко и непринужденно. Но поскольку они были далеко, в огромной неизученной галактике, где-то возле Альтаира, он сжимал рукоятку тяги до боли в пальцах, готовый мгновенно поддать мощности, если что-то пойдет не так. Что-то... но что?

На худом лице пилота блестели капельки пота. В его памяти всплывали байки космонавтов, над которыми он когда-то посмеивался, — о планетах-миражах, где посадочные дистанции предательски обманчивы, о живых планетах, о планетах смерти. И его ничуть не успокаивало, что ни одна из этих диковин так и не была открыта. Ведь их корабль первым вышел в межзвездное пространство. Но именно их корабль мог столкнуться с любой из этих опасностей, и мысль об этом не давала покоя.

Навигатор Залыцман пытался осуществить неисполнимый трюк: одним глазом считывал показания шести приборов, вторым же старался рассмотреть несущуюся навстречу красную планету. При этом он сжимал ручку вспомогательной тяги — на тот случай, если что-то произойдет с главным двигателем. Или с Маглио. Будь у него третий глаз, он еще следил бы и за бортинженером Оливером.

Оливер в ожидании вероятного нападения противника сидел за большой атомной пушкой. Сняв ее со всех предохранителей, он наставил пушку в центр планеты. Его палец напрягнулся на спусковом крючке. За последние дни он почти убедил себя в том, что по ту сторону планеты, за ее краем, их подкарауливает космический флот ино-

планетян. А может, взять да и пальнуть, просто чтоб не-
повадно было?

Когда они подлетели ближе, Зальцман смог различить раздвигающиеся контуры суши. На лице планеты проступили красные, розовые и фиолетовые леса. Корабль с ревом пронизывал все более плотные слои атмосферы. Разбросанные по лесам черные точки увеличивались, превращаясь в города и поселки. Зальцман наспех отметил расположение населенных пунктов — он был слишком занят приборами, чтобы четко отпечатать в памяти все подробности местности.

Капля пота закатилась в правый глаз Маглио, но он не решался ни протереть его, ни даже моргнуть. Поверхность планеты приближалась, раздвигаясь во все стороны. А вдруг она распахнется гигантским ртом, как любили подшучивать на базе Плутона? Или случится что-нибудь похлеще? Маглио сильнее сдвинул рукоятку тяги в ожидании какого-нибудь подвоха.

Корабль ревел, рассекая воздух и постепенно теряя скорость...

...Но в конечном итоге снижение прошло без происшествий. Маглио взял себя в руки, высмотрел свободный участок и элегантным маневром посадил корабль. Оливер в конце концов поборол страхи и поставил оружие на предохранители. Зальцман поднял дрожащую руку и внимательно рассматривал отпечаток ручки управления на ладони.

Все было в порядке. Ни оравы нападающих инопланетян, ни чудовищ — по крайней мере, пока. Ни двадцатиметровых драконов, ни зеленоглазых упырей. Только красный лес — немного подпаленный там, где корабль прошел над верхушками деревьев, но все еще мирный.

После мгновения тишины космонавты бросились хлопать друг друга по спине, загомонили от избытка чувств, от того, что тревоги остались позади. Зальцман подхватил невысокого Маглио, широко улыбнулся ему и перебросил к Оливеру. Бортинженер крикнул, поймав Маглио, и на мгновение растерялся. Потом решил, что его достоинство

унижено до конца полета, и перебросил пилота обратно Зальцману.

— Эй, обезьяны, полегче, — возмутился Маглио, вырываясь из объятий и приглаживая волосы, — или я сдам вас юфангам.

Зальцман улыбнулся и снова вздохматил пилоту волосы. Он знал о юфангах все. Семейство черно-оранжевых летающих рептилий с плавниками для подводной охоты, питающихся исключительно человеческими глазами.

Юфанги — характерный пример мифотворчества, составной части сложной истории освоения космоса. Первые люди на Марсе были разочарованы, не встретив разумной жизни, поэтому сочинили истории о вистиях и сербенах. Они пугали взрослых людей детскими страшилками о неведомых опасностях, таящихся на юпитерианских лунах. Первопроходцы Юпитера тоже не встретили разумной жизни — ни монстроидной, ни гуманоидной, поэтому пополнили галерею чудовищ глазоядными юфангами, поселив их на Сатурне.

Теперь, когда Солнечная система изучена вдоль и поперек — пусть и остается местом первозданным и пустынным, — чудовища, по общему мнению, переместились в дальний космос. Согласно поверьям, они могут скрываться где угодно, готовые в любой момент наброситься на космонавта, стоит только зазеваться.

Зальцман задавался вопросом, насколько сильно Маглио верит в эти сказки. Пилот носил на запястье маленький амулет для отпугивания чужаков. Или — в продолжение вопроса — насколько сильно Оливер верит в то, что полчища агрессивных инопланетян только и ждут, чтобы разнести их корабль в щепки?

Или — насколько сильно во все это верит он сам? Зальцман понимал, что у него нет иммунитета к страху, хотя и сознавал, что суть всех пугающих историй сводится к одному: где-то там, сразу за границей исследованного пространства, существует разумная жизнь. Встретить братьев по разуму — давняя мечта Земли. И не важно, какими

они окажутся. Лишь бы только знать, что в бесконечности космоса мы не одиноки.

Они приземлились ранним утром и к полудню были готовы отправиться на разведку. Зальцман и Оливер отбирали последние пробы воздуха, а Маглио листал книгу комиксов, которую тайно пронес на борт.

— Все в порядке, — сообщил Зальцман, втискиваясь в рубку управления. — Воздух пригоден для дыхания. По составу очень близок к земному. Из местных никто не объявлялся?

Маглио покачал головой. На фронтальной панели обзора — никаких признаков любопытных туземцев.

— Ну тогда навестим их сами. Полная защита, бластер, дыхательные аппараты и радиопередатчики.

— С кем это ты собрался говорить по радио? — поинтересовался Маглио и тут же воскликнул: — Ну уж нет!

— Да, — улыбнулся Зальцман, распаковывая бластер. — Будешь нас подстраховывать.

— Нет, — обиделся Маглио. — Я хочу в разведку. Я ведь тоже герой, ясно?

— Нет, — отрезал Зальцман, заканчивая спор. — Я возьму тебя завтра утром, если все пройдет хорошо. Но сегодня главное — безопасность.

Зальцман и Оливер выбрались через люк и спустились по изогнутой лестнице на боку корабля. Оливер сошел первым. Он осторожно коснулся ногой земли, словно опасаясь, что она вот-вот разверзнется, даже несмотря на то что корабль стоял на ней вполне устойчиво.

Спустившись на землю, космонавты помахали Маглио и направились к лесу. Они дышали чужим воздухом, их лица были открыты, а тело защищали почти невесомые, но непроницаемые для излучения скафандры.

— Я поведу, — сказал Зальцман Оливеру, когда они подошли к лесу. Бортинженер то и дело нервно касался оружия. Вспомнив, как местность выглядела сверху, Зальцман прикинул направление, ведущее к ближайшему городу.

Шагая по лесу, космонавты были готовы к любому повороту событий. Оливер держал руку на бластере, готовый отстреливаться от толпы дикарей, которая вот-вот выскочит из-за деревьев. Живое воображение Зальцмана рисовало иные картины: опасности, падающие с неба, вздымающиеся из-под земли, материализующиеся прямо из воздуха и возникающие десятком других способов — как одновременно, так и по очереди.

Ветер шелестел в красных кронах деревьев. Но больше ничего не происходило.

Город оказался небольшим поселением, больше похожим на деревню, к тому же очень тихую. Широкие мощеные улицы пустынные. Ни животное не выскочит из-за угла, ни птица не пролетит над головой. С оружием наготове космонавты обследовали один из домов. Постройка из белого камня и розового дерева свидетельствовала о мастерстве строителей. Внутри дома обнаружились столы, стулья, диваны, шкафы...

— Они наверняка люди! — воскликнул Оливер, впечатленный формой мебели. Он хотел было присесть на стул, но подскочил как ужаленный. — А вдруг это ловушка, — пробормотал он, подозрительно глядя на стул.

— Логичнее было бы заминировать дверь, — заметил Зальцман, опускаясь на стул. Стул не взорвался, и Оливер облегченно вздохнул. — А размер-то у мебели подходящий.

Внезапно и безотчетно он почувствовал себя ребенком из сказки про трех медведей: уселся на стул медвежонка — а стул как раз впору. Он расхохотался, не став ничего объяснять Оливеру. Бортинженер — человек без воображения, еще решит, что навигатор сошел с ума.

Через арочный проем они переместились в другую комнату. Там висели картины, изображающие людей!

— Ну вот! — вскричал Оливер. — Они точно люди! — И от души хлопнул Зальцмана по спине, отчего тот чуть не клюнул носом в стену.

— Ну и какого беса они не дома? — спросил Зальцман, переходя от картины к картине. На них были изображе-

ны мужчины и женщины, светло-, темно- и рыжеволосые. С виду похожие на людей, хоть и чересчур бледные, даже бесплотные. Впрочем, это могла быть манера художника.

Космонавты заглянули в другие комнаты, мало обращая внимания на обстановку. Одежда, вазы, принадлежности для письма — все это интересно, но позже. Сейчас главное — найти людей.

В задней части дома обнаружилась кухня. Еда была еще теплая. В плите тлели дрова.

— Они явно уходили в спешке, — констатировал Зальцман.

Земляне бегло осмотрели еще пять домов, но везде было одно и то же. В некоторых домах — больше беспорядка. Разбросанная одежда, обувь посреди комнат. В двух домах — опрокинутая на пол еда.

— Они не просто спешили, — сказал Оливер уже на улице. — Они убегали в панике.

— Похоже на то, — согласился Зальцман. Он откинул капюшон и почесал лысеющую макушку, не зная, что делать дальше. Напутственные инструкции носили самый общий характер. Обследовать в секторе назначения звезды класса G-76, искать планеты земного типа. При обнаружении обитаемых — по возможности установить контакт, если туземцы не проявят враждебности.

Зальцман не знал, являлось ли поведение, с которым они столкнулись, проявлением враждебности. Он медленно шел по улице, гадая, куда подевались все жители. Оливер вышагивал позади.

— Мне кажется, они спрятались от нас, — сказал Оливер, словно отвечая на мысли навигатора.

— Может, и так. Эти люди не дикари, но и не факт, что высокоразвиты. Кто знает, что они подумали, увидев в небе огненный шар? Возможно, что к ним пожаловал дьявол.

— Дьявол — это чисто земное, — возразил Оливер. — Откуда мы знаем, какие у них суеверия?

— Не знаем. Однако строение тела у них такое же, как у нас, а значит, и нервная система должна быть похожа. Аналогичные изобретения предполагают идентичный

склад ума. Я знаю, что утверждение спорное, но я приму его в качестве рабочей гипотезы, пока не придумаю что-нибудь получше.

— Интересно, почему они не оставили аррьергард? — задумчиво спросил Оливер. — И не устроили что-то вроде засады? Просто ушли, бросив дома... Ну и что будем делать?

— Пойдем по следу, — решил Зальцман, поразмыслив. — Покажемся им, пусть посмотрят на нас. Объяснимся мирными жестами. Попытаемся завязать разговор.

Оливер кивнул, и они направились к выходу из деревни.

Утоптанная трава и поломанные кусты подлеска указывали направление исхода селян. Следовать за беглецами не составляло труда: по лесу как будто бульдозер проехал. В пути Зальцман вызвал Маглио и коротко описал обстановку.

— Если поймаете миниатюрную блондинку, — протрещал в наушниках голос Маглио, — забросьте на плечо и доставьте ко мне. Но если это племя шестиметровых сербенов, имейте в виду, я вас предупреждал!

— Ладно, — усмехнулся Зальцман и отключился.

Пока они шли по лесу, что-то зудело в голове у Зальцмана, не давая покоя. Он озирался на высокие безмолвные деревья, едва заметно покачивающие красными ветвями. Вроде бы ничего подозрительного. Но беспокойство не проходило и не поддавалось анализу.

Он посмотрел на Оливера. Массивный бортинженер тяжело шагал рядом, раскидывая ботинками землю. Зальцман никак не мог разобраться, что его беспокоит, — и вдруг его озарило.

— Не замечаешь ничего странного? — спросил он Оливера.

— Что именно? — Оливер машинально положил руку на бластер.

— Ни птиц. Ни зверей. Вообще никого.

— Возможно, эти формы жизни здесь не развились, — сказал Оливер после раздумий.

— Должны были. Не может быть, чтобы эволюция породила только растительность и людей. Природа не настолько избирательна.

— Значит, они попрытались. Такие же робкие, как туземцы.

Зальцман кивнул, хотя уверенности у него не было. Уж слишком тихо в лесу. словно затишье перед грозой. снова разыгралось воображение, сплетая гротескные, но вполне правдоподобные объяснения происходящего. Возможно, лес — это огромное существо, а люди и животные — его симбионты.

«Чепуха, — сказал он себе. — Зачем тогда строить дома?»

Потая в пластиковых скафандрах, космонавты шли по следу жителей деревни. Через час лес кончился, и они попали в небольшую долину. Вскоре долина сузилась и превратилась в тропу, которая, постоянно петляя, повела их вверх между невысоких гор. Космонавты запыхались, но упорно двигались вперед, пока после очередного поворота не уперлись в преграду. Баррикада, сложенная из ветвей и камней, уходила вверх метров на семь. По бокам ее подпирали огромные гладкие валуны.

— Может, подорвем? — предложил Оливер.

— Не знаю. — Зальцман похлопал ближайший валун и посмотрел на солнце. Оно висело над самым горизонтом, по красной земле протянулись длинные тени. — Уже поздно. — Он включил радиопередатчик. — Маглио?

— Слушаю.

— Выводи скутер и забирай нас. Блондинок сегодня не предвидится. — Он отключил связь и повернулся к Оливеру. — Завтра наведаемся в другую деревню. Не думаю, что найти кого-нибудь из местных — такая уж трудная задача.

Через пять дней оптимизма у Зальцмана значительно поубавилось. На исследовательском ракетоплане они облетели все города и деревни в радиусе восьмидесяти километров — общим числом двенадцать. И везде ситуация повторялась. Пустынные улицы, пустые дома — и огонь

в очагах. Туземцы засекали землян за несколько минут до их прилета. С высоты космонавты успевали заметить намеки на человеческие фигуры, ныряющие под защиту красного леса. Но когда они приземлялись, от туземцев не оставалось и следа.

На четвертый день они вновь посетили первую деревню и нашли очевидные признаки того, что жители в нее возвращались. Но туземцам снова удалось засечь приближение землян и сбежать за полчаса до их прилета.

Остаток четвертого дня космонавты потратили на поиски в деревне хоть каких-то признаков электрического оборудования. Казалось, туземцы используют систему, которая с точностью до минуты информирует их обо всех передвижениях землян. Но единственное механическое приспособление, которое космонавты нашли в деревне, было колесо. Сигналы с помощью дыма и барабанов не остались бы незамеченными. Маглио выдвинул гипотезу о почтовых голубях, да вот только ни одной птицы космонавты до сих пор так и не видели.

На рассвете пятого дня они погрузились в скутер и отправились в дальний конец континента. По расчетам Оливера, они покрыли шесть тысяч километров за пять с половиной часов. Заприметив деревню, с ревом устремились вниз и затормозили перед самой землей так резко, что их едва не размазало по полу. На все про все — с момента, как они появились в небе в виде точки, и до самого приземления — ушло не больше трех минут.

Но туземцы вновь опередили их на четверть часа.

На этот раз земляне не стали задерживаться в деревне и выяснять, как это случилось. В соответствии с разработанным ночью планом Зальцман и Оливер направились по следу убежавших туземцев. Маглио снова поднял скутер и выписывал в небе круги, высматривая толпу.

— Они в двух километрах от вас, — протрещал в наушниках его резкий голос. — Примите немного вправо... то что надо!

Зальцман, кряхтя, взбирался по склону горы. На уступе он задержался и подал Оливеру руку.

«Недели невесомости ослабили мускулатуру», — подумал он.

В небе кружил маленький скутер Маглио. Вокруг простирался красный лес, над кронами деревьев кое-где торчали неровные вершины гор.

— Двигутся в прежнем направлении, — сообщил Маглио. — Их около двухсот. Идут в другую часть леса.

Земляне продолжали преследование. Зальцману казалось, что двое взрослых мужчин должны передвигаться быстрее, чем жители целой деревни, среди которых — и женщины, и старики. И все же космонавты не могли не только догнать туземцев, но и даже сократить дистанцию.

— Алло, шеф, — радировал Маглио. — Кажется, я придумал, как вам срезать угол. Возьмите правее на следующей прогалине...

Прошел еще час. Они с трудом продвигались по извилистому пути. Судно Маглио висело в небе, но так, чтобы не выдать их местоположение. Солнце нагревало пластиковые скафандры, пока они карабкались по скалам и продирались сквозь заросли.

— Ну и что это такое, — проворчал Оливер. Он исчерпал запас бранных слов на туземцев, обзывая их кем угодно, только не человеческими существами. — Я бы мог остаться в Монтане и заниматься тем же самым. Господи, мы запулили консервную банку за шестнадцать световых лет только ради того, чтобы найти кого-то родом не с Земли и просто поговорить. Пришли подружиться, а они шарахаются от нас, как пугливое стадо...

— Алло, шеф, — протрещал Маглио. — Они, должно быть, засекли ваше местоположение! Они повернули и снова удаляются от вас!

— Засекли? — гаркнул Зальцман в головной телефон. — Снова? Каким образом?

— Я не знаю, — сказал голос Маглио в наушниках. — Но могу поклясться, группу не покинул ни один человек.

— Ты уверен, что внизу нет кого-то еще, кого ты не видишь? — спросил Зальцман, усаживаясь на землю.

— Уверен на сто процентов. Лес здесь редкий. Я бы заметил и кошку. И насколько я... Шеф, вы сидите?

— Да, а что?

— Они все уселись несколько секунд назад!

Зальцман вскочил на ноги, дернул за плечо Оливера и побежал.

— Они встали, — сообщил Маглио. — Бегут... остановились... снова сели.

Зальцман тоже уже сидел.

— Связь налицо, — прошептал он Оливеру. — Либо у них датчики в каждом дереве, либо они телепаты!

Маглио подобрал товарищей и направил скутер домой. Оливер сидел притихший, как побитая собака. Зальцман непрерывно матерился, постукивая кулаком по ноге. Это удерживало его от того, чтобы не сорвать зло на Оливере и Маглио. Забраться в такую даль — и найти стадо кроликов-телепатов, маскирующихся под людей!

К тому времени, как они вернулись на корабль, Зальцман успокоился. Он был полон решимости сохранять самообладание, что бы ни случилось. Да пусть хоть деревья начнут разбегаться — больше его ничто не удивит.

После ужина космонавты спустились на землю и растянулись на фиолетовой траве возле корабля. Они не стали надевать скафандры ввиду отсутствия каких бы то ни было угроз, но на всякий случай прихватили бластеры.

— Я заметил там кое-что еще, — сообщил Маглио. — Они были похожи на зверей и тоже удирали как сумасшедшие, стоило вам приблизиться на километр-два. И еще пару птиц. Но в радиусе километра от вас не было ни одного живого существа.

— Наверное, тут все телепаты, — предположил Зальцман. — Это многое объясняет. Но, если они могут читать наши мысли, то почему убегают? Они должны знать, что мы пришли с добрыми намерениями. — Он замолчал, потом грозно взглянул на Маглио. — А может, это ты слишком много думаешь об их женщинах?

— Кто, я? — возмутился Маглио. — Да ни в коем случае. Я думаю о своей подруге. Я ей верен. Понятно?

— Если они читают наши мысли, — продолжил Зальцман, скорее рассуждая вслух, нежели обращаясь к дру-

гим, — то должны знать, что мы пытаемся с ними подружиться. Мы не собираемся колонизировать планету. Мы не будем их обкрадывать. Мы не можем взять на борт даже пару килограммов лишнего веса. Мы здесь для того, чтобы, черт возьми, навести мост между звездами. Просто поговорить. Что с ними не так?

— Может, просто хотят, чтобы их оставили в покое? — предположил Оливер.

— Тогда зачем убегать? Просто не обращали бы на нас внимания. Нет, мне кажется, они чего-то боятся.

— Монстров, — подсказал Маглио.

— Да, но это если бы они не могли читать наши мысли. Мы не ангелы, но наши намерения чисты. — Зальцман снова задумался, опустив голову.

— Завтра, — сказал он наконец, — займемся поимкой туземца. Раньше мы не знали про телепатию. Но теперь мой план сработает. — И он вкратце объяснил, что они будут делать. В заключение коротко добавил: — А теперь — спать.

Лежа в койке, Зальцман пытался соединить части головоломки. Бесполезно. Но он точно знал: завтра все выяснится. Главное — поговорить с туземцами.

Разумная жизнь! Вот что было важнее всего. Идея контакта завладела им с самого детства. Иначе бы он не отправился в космос, чтобы провести изрядную часть жизни в железном сфероиде.

Сон все не шел. Зальцман ворочался час или больше, пытаясь найти удобное положение. Наконец, думая о сербенах, вистиях, юфангах Маглио и полчищах инопланетян Оливера, он задремал.

И оказался в лесу. Вот только лес был другой. Нежные красные, розовые, фиолетовые оттенки исчезли, все стало кроваво-красным. Кровь капала с листьев, корни и ветви сочились кровью. За ним гналось ужасное уродливое создание. Оно ревело и стонало, с треском проламываясь сквозь кустарник, то поднимаясь на две ноги, то по-собачьи опускаясь на четыре. Дистанция между ними неуклонно сокращалась, пока...

Зальцман проснулся и выругался.

— В чем дело? — спросил Оливер с соседней койки.

— Кошмар приснился. Наверное, от переизбытка впечатлений.

Сон взволновал Зальцмана. Он не видел сны целый год, а кошмары и подавно, с самого детства. Возможно, всему виной истории Маглио о монстрах.

Наконец он снова заснул.

Утро было жарким, как и накануне. Космонавты быстро забрались в скутер.

— Думайте о чем-нибудь приятном, — насмешливо сказал Маглио, когда они поднялись в воздух. — Например, о кружке пива в компании дочери вождя. Если, конечно, у туземцев есть вождь с дочерью и пиво.

— Неудивительно, что они бегут, едва уловив твои мысли, — заметил Оливер. Маглио улыбнулся и подмигнул.

Зальцман рассматривал проплывающий внизу красный лес. Они мчались в район, выбранный накануне. Он пытался представить, что скажет, когда они поймают туземца. По какому праву они заставляют людей покидать дома и метаться, как зайцев, по лесу? По какому праву преследуют их и вынуждают говорить?

По какому праву? Да по такому! Они пролетели шестнадцать световых лет, чтобы установить контакт с братьями по разуму. Земля с нетерпением ждет результатов миссии. Они посвятили себя работе, которая стала для них смыслом жизни.

По какому праву? По праву интеллекта устанавливать контакт с другими интеллектами, чтобы обмениваться информацией, к обоюдной пользе.

Но эти дураки разбегаются, как испуганные овцы. Неужели среди них ни одного смелого мужика?

— А вот и мы, — сказал Маглио, когда они промчались над деревней. — А вон и они.

— Начинаем облаву, — распорядился Зальцман.

Скутер спустился к деревьям, потом спикировал прямо на туземцев. Те разбегались в безотчетном ужасе. Зальц-

ман увидел, как мужчины, не в силах справиться с паникой, обгоняют женщин и детей.

— Сбрось Оливера перед ними, — приказал он.

Скутер пролетел над толпой, и через сто метров Оливер спрыгнул вниз с парашютом. Туземцы как по команде развернулись и помчались в обратном направлении.

— Теперь меня с фланга. — И Зальцман тоже спрыгнул вниз. Управляя потоком воздуха, он приземлился на открытом месте, отцепил парашют и побежал вперед.

— Приземляюсь с другого фланга, — сказал Маглио в наушниках. — Мы заблокировали их с трех сторон. С четвертой — отвесная стена.

Всё как запланировали вчера вечером. Скутер нырнул к земле и лихо развернулся, согнав туземцев вместе, как стадо баранов. Зальцман бежал к толпе, продираясь через подлесок. Он уже слышал, как они тяжело дышат и стонут в нескольких сотнях метров перед ним.

На бегу он на всякий случай расстегнул кобуру.

И вдруг резко остановился.

— Оливер, Маглио, быстро сюда! Ко мне идет один из них!

Туземец приближался нетвердой походкой, поскользываясь, падая и снова поднимаясь. Он не был похож ни на один из портретов, которые они видели в покинутых домах. Только не в том состоянии, в котором он находился в данный момент. Его лицо было искажено мукой, по телу пробегали судороги, грозившие переломать кости. Мертвенно-бледную кожу покрывали пятна, похожие на злокачественные опухоли. Туземец больше напоминал труп, нежели живое существо.

Оливер и Маглио подбежали и встали в нескольких шагах позади Зальцмана.

Туземец остановился в трех метрах, и Зальцман почувствовал в голове странный зуд. Потом зуд исчез и вместо него появилась мысль: «*Уходите*».

— Почему? — вслух спросил Зальцман.

— *Вы убиваете наш разум. Берите что хотите и уходите.*

— Мы пришли как друзья, — произнес Зальцман успокаивающим тоном. — Мы не хотим причинять вам вред и не хотели нарушать ваши табу. Если вы больны, на корабле есть лекарства... мы можем вас вылечить...

Туземец рухнул на колени:

— *Вы лишаете нас рассудка.*

— О боже, — охнул Оливер. — Мы что, притащили с собой заразу?

— *Нет,* — послал мысль туземец. — *Все дело в ваших мыслях. Они очень яркие и кровожадные. Слишком страшные, чтобы их вынести... Ваш разум болен... и эта болезнь поражает нас, когда мы вступаем в контакт...*

— Наши мысли? — переспросил Зальцман. Он оглянулся на Оливера и Маглию. Неужели у кого-то из них нездоровая психика? А может, у него самого? Он тут же отбросил эту мысль: перед полетом они прошли тщательное обследование на вменяемость и психическую устойчивость. Нездоровые люди не проникли бы в экипаж.

Туземец терял силы на глазах, но уловил мысль.

— *Нет,* — подумал он. — *Все ваши мысли. И те, что позади, тоже.*

Позади? Что это значит? Зальцман задумался, не сводя глаз с задыхающегося туземца.

— *Вы чудовища,* — пришла слабеющая мысль туземца. — *То, что в ваших головах, отвратительно. Твари, поедające глаза... это ужасно... и другие...*

— Космические байки! — ахнул Оливер. — Ты неправильно нас понял, друг. Это не более чем...

— *Нет!* — рассердился туземец. — *Не эти, другие. Те, что позади! Ужасы в ночи. То, о чем вы сами не думаете, потому что иначе они бы свели вас с ума и убили. Истекающий кровью лес!*

Зальцман уже догадался, о чем говорит туземец, но не хотел в это верить. Да только выбора не осталось.

— Он имеет в виду наше подсознание, — медленно проговорил он.

— *Да,* — пришла мысль туземца. — *Это правильно. Вещи, о которых вы не позволяете себе думать, потому что*

они отвратительны. А вот мы... мы не можем не думать о них, когда вы близко.

Он хотел сказать что-то еще, но тут он перестал себя контролировать. Мгновение ничего не происходило. А потом на землян обрушился мощный поток из обрывков безумных мыслей. Тут были все монстры Маглио, вылезающие с визгом и клекотом из безумного сознания. Покрытые черно-оранжевой чешуей юфанги. Орды захватчиков Оливера, прокладывающие путь через кровотокащий лес из сна Зальцмана и ведомые безликой тварью, захлебывающейся от ненависти ко всему живому. А следом из глубин сознания выползали огромные осклизлые существа, воплотившие в себе все опасения и страхи мальчишек, растущих на кишашей суевериями Земле. Чудовища, которые прячутся в безлюдных ночных переулках, жуткие создания, которые ухмыляются из-за дверок шкафа, когда родители спят. А за ними, из самой глубины детской памяти, подслеповато косясь...

Земляне бежали, всхлипывая и спотыкаясь. И до самого скутера их преследовало безумие. Маглио сорвал маленький корабль с места и бросил вверх, не дожидаясь, пока Оливер полностью заберется в люк. Зальцману пришлось затаскивать его внутрь, когда скутер уже с ревом набирал высоту.

Долгое время казалось, что Оливер и не думает выходить из прострации. Он не разговаривал и не двигался, уставясь в одну точку невидящим взглядом. Зальцман не очень-то разбирался в психиатрии, поэтому испробовал народное средство: плеснул инженеру в лицо воды из чашки и хлопнул ладонью по спине. Грубая шоковая терапия сработала.

— Ну, ты как? — спросил Зальцман.

— Они не могли подпустить нас к себе, — проговорил Оливер тусклым голосом. — Не могли вынести ужасные мысли из закоулков нашей памяти. — Он поднялся на ноги, опираясь на руку Зальцмана. — Даже звери не могли вытерпеть наше присутствие.

— Постарайся забыть об этом, — посоветовал Зальцман. — Мы не виноваты.

— Только представьте, — продолжал Оливер тем же тусклым голосом. — Мимолетного отражения нашего подсознания было достаточно, чтобы сделать нас невменяемыми. А они воспринимали его в полном объеме.

— Забудь об этом.

— Я противен самому себе!

— Да заткнись ты! — крикнул Маглио.

Бортинженер еще некоторое время смотрел в пустоту, потом попробовал улыбнуться. Маглио насвистывал что-то немелодичное, пока они готовились к старту.

— Шеф, поищем другую звезду класса G и другую планету?

— А надо ли? — вздохнул Зальцман.

РАСА ВОИНОВ

Кто виноват, они так и не выяснили. Фаня съязвил, что если бы Донни имел не только комплекцию, но и хотя бы интеллект быка, то не забыл бы проверить топливные баки. Донни был в два раза крупнее Фани, но думал в сто раз медленнее: на быстрый обмен колкостями у него не хватало смекалки. Поразмыслив, он заявил, что, скорее всего, это огромный нос Фани загородил датчик топлива и помешал ему правильно считать показания.

До Тетиса оставалось двадцать световых лет, а трансформаторного топлива в аварийном баке — кот наплакал.

— Ладно, — сказал Фаня чуть погодя. — Что сделано, то сделано. Выжмем еще три световых года из остатков топлива, а потом переключимся на атомные двигатели. Дай-ка «Путеводитель по галактике», если не забыл и его тоже.

Донни вытащил из шкафа объемистую книгу, и они приступили к ее изучению.

«Путеводитель» сообщил, что они находятся в удаленной, редко посещаемой части космоса, о чем они знали и так. Неподалеку — планетарная система Хэттерфилд, но там отсутствует разумная жизнь. Рядом Серсус, он населен, но на нем нет топливных заправок. Та же история с Иллед, Ханг и Пордерай.

— Вот! — воскликнул наконец Фаня. — Прочти это, Донни. Если умеешь читать, конечно.

— Касцелла, — медленно прочитал Донни, водя по строчкам толстым указательным пальцем. — Звезда М-типа. Система включает три планеты, на второй — разумная жизнь гуманоидного типа. Атмосфера содержит кислород. Культура немеханическая, религиозная. Население

дружественное. Уникальное общественное устройство, подробное описание — в бюллетене «Галактический обзор № 33877242». Оценочная численность населения — три миллиарда. Базовый словарь касцеллианских слов заархивирован на ленте Кас33b2. Дата повторного обследования: 2375 год. Присутствует аварийный запас трансформаторного топлива, радиосигнал в системе координат 8741 кгл. Описание прилегающей к хранилищу местности: необитаемая равнина.

— Трансформаторное топливо, чувак! — возликовал Фаня. — Судя по всему, мы доберемся-таки до Тетиса. — Он задал новый курс на пульте управления. — Если топливо на Касцелле все еще цело.

— А нужно читать про уникальное общественное устройство? — спросил Донни, отрываясь от «Путеводителя».

— Всенепременно, — сказал Фаня. — Прямо сейчас сгоняй на Землю, на главную галактическую базу, купи два экземпляра бюллетеня — себе и мне.

— Ох, я и забыл, — помедлив, признался Донни.

— Посмотрим, что у нас есть, — забормотал Фаня, вытягивая из ячейки корабельную библиотеку языков. — Касцеллианский, касцеллианский... вот! Донни, води себя хорошо, пока я буду изучать язык. — Он вставил кассету в гипнофон и шелкнул переключателем. — Еще один ничемный язык в мою перегруженную голову, — посетовал он, отдаваясь во власть гипнофона.

Отключив трансформаторный привод, в котором осталась последняя капля топлива, они перешли на атомные двигатели. Фаня елозил радиосканером по поверхности планеты, уточняя местоположение тонкого металлического шпиля аварийного склада.

Равнина больше не была необитаемой. Касцеллианцы построили вокруг склада большой город, и шпиль господствовал над примитивными деревянно-глинобитными постройками.

— Держись, — сказал Фаня и бросил корабль вниз, на свежееубранное поле на окраине города. — А теперь слу-

шай меня, — сказал он, отстегивая ремень безопасности. — Мы здесь исключительно ради топлива. Никаких сувениров, никаких экскурсий и никакого братания.

В бортовой иллюминатор они увидели облако пыли, движущееся со стороны города. Приблизившись, облако рассыпалось на отдельные фигуры бегущих людей.

— Что, интересно, представляет собой их уникальное общественное устройство? — спросил Донни, в задумчивости проверяя заряд бластера.

— Не знаю и знать не хочу, — ответил Фаня, втискиваясь в тяжелый космический скафандр. — Ты одевайся тоже.

— Зачем? Ведь воздух за бортом пригоден для дыхания.

— Послушай, толстокожий. О местных мы не знаем почти ничего. Возможно, их излюбленный способ приветствовать гостей — отрубать им головы и фаршировать зелеными яблоками. Раз «Путеводитель» говорит «уникальное общественное устройство», то, надо полагать, он подразумевает наличие чего-то из ряда вон выходящего.

— В «Путеводителе» сказано, они дружелюбные.

— Это значит, что у них нет атомных бомб. Давай надевай скафандр.

Донни отложил оружие и надел бронированный космический костюм. Оба космонавта прицепили к скафандрам бластеры, парализаторы и по паре гранат.

— Думаю, беспокоиться не о чем, — сказал Фаня, затягивая последний винт на шлеме. — Даже если они проявят агрессию, космический скафандр им не по зубам. А не проявят — тогда вообще никаких хлопот... Надеюсь, эти безделушки придутся кстати. — Он подхватил контейнер с товарами для обмена: зеркальца, игрушки и тому подобное.

В полном защитном комплекте Фаня выскользнул из люка и поднял руку, приветствуя касцеллианцев. Слова чужого языка, гипнотически внедренного в память, сами сложились в нужную фразу:

— Мы пришли как друзья и братья. Отведите нас к вождю.

Туземцы столпились вокруг космонавтов, с любопытством рассматривая корабль и скафандры. Несмотря на то что у них было такое же, как и у людей, количество глаз, ушей и конечностей, выглядели они совсем не как люди.

— Если они дружелюбны, зачем им столько оружия? — удивился Донни, выбравшись из люка. Одежда касцеллианцев состояла в основном из ножей, мечей и кинжалов. На каждом висело не менее пяти экземпляров холодного оружия, а на иных — восемь или девять.

— Возможно, в «Путеводителе» напутали, — предположил Фаня, когда туземцы рассредоточились вокруг них, образовав что-то вроде конвоя. — А может, они используют ножи только для игр.

Город оказался типичным для немеханической культуры скоплением ветхих построек с петляющими между ними грязными улочками. Всего несколько двухэтажных домов, и те готовы обвалиться в любую секунду. Воздух настолько пропитан смрадом, что даже фильтры скафандра не могут с ним справиться.

Касцеллианцы скакали вокруг облаченных в тяжелые скафандры землян, словно орава игривых щенят. Ножи звякали и сверкали на солнце.

Дом вождя был единственным трехэтажным строением в городе. Высокий шпиль аварийного хранилища возносился в небо прямо за ним.

— Если вы пришли с миром, то добро пожаловать, — обратился к вошедшим землянам вождь, средних лет касцеллианин. На разных частях его тела висели, по меньшей мере, пятнадцать ножей. Вождь сидел, скрестив ноги, на возвышении.

— У нас дипломатическая неприкосновенность, — сообщил Фаня на всякий случай. Он помнил из гипнотической лекции, что вождь на Касцелле значит гораздо больше, чем когда-то вождь значил на Земле. Местный вождь совмещал функции короля, первосвященника, бога и самого храброго воина.

— Мы принесли вам подарки, — добавил Фаня, возлагая безделушки к ногам короля. — Примет ли их ваше величество?

— Нет, — сказал король. — Мы не принимаем подарков.

Может, как раз это и было проявлением уникального общественного устройства?

— Мы — раса воинов. Если мы чего-то хотим, то берем сами.

Фаня уселся, скрестив ноги, напротив возвышения и продолжил беседу с королем. Донни заинтересовался отвергнутыми игрушками. Стараясь исправить плохое впечатление, Фаня рассказал вождю о звездах и других мирах. Прimitивные создания, как правило, любят сказки. Он рассказал о корабле, не упомянув, правда, о дефиците топлива. Рассказал о том, что слава Касцеллы гремит на всю галактику.

— Так и должно быть, — гордо заявил вождь. — Мы — раса воинов, равной которой нет на свете. Каждый из нас умирает сражаясь.

— Вы, должно быть, участвовали во многих великих войнах? — вежливо поинтересовался Фаня. Что за идиот готовил сводку в «Путеводитель по галактике»!

— Я не сражался уже много лет, — ответил вождь. — Сейчас у нас мир, все наши враги к нам присоединились.

Слово за слово Фаня подвел разговор к вопросу о топливе.

— Что такое это ваше топливо? — спросил вождь, споткнувшись на последнем слове: в касцеллианском языке у этого слова не было эквивалента.

— Оно заставляет корабль двигаться.

— И где оно?

— В металлическом шпиле, — сказал Фаня. — И если вы позволите...

— В святыне?! — ахнул потрясенный вождь. — В высокоом металлическом храме, который боги оставили здесь в стародавние времена?

— Ну да, — выдавил Фаня, уже предчувствуя, что за этим последует. — Думаю, именно там.

— Чужеземцы не могут приближаться к храму, это кошунство, — сказал вождь. — Я запрещаю вам это делать.

— Но нам нужно топливо. — Фаня устал сидеть, скрестив ноги. Космический скафандр не был рассчитан на

сложные позы. — Шпиль и поставлен здесь именно для таких случаев.

— Чужеземцы, имейте в виду: я бог и полководец своего народа. Посмеете приблизиться к священному храму — быть войне.

— Этого я и боялся, — вздохнул Фаня, поднимаясь на ноги.

— Мы — раса воинов. Стоит мне приказать — и против вас выступят все бойцы планеты. Подкрепление придет из-за рек и с гор.

Внезапно вождь выхватил нож. Видимо, это был какой-то сигнал, потому что все туземцы в комнате сделали то же самое.

Фаня оттащил Донни от игрушек:

— Послушай, балда. Эти «дружелюбные» воины не смогут нам ничего сделать. Их ножи не разрежут материал скафандра, и я сомневаюсь, что у них есть что-то более эффективное. Но все же не позволяй им наваливаться на тебя. Используй парализатор... Бластер — только если их станет слишком много.

— Ясно. — Донни одним ловким движением выхватил парализатор и снял его с предохранителя. С оружием Донни управлялся проворно и со знанием дела, из-за чего, собственно, Фаня и взял его в команду.

— Обойдем здание и возьмем топливо. Двух канистр должно хватить. А потом быстренько побьем их.

Они вышли на улицу. Касцеллианцы следовали за ними по пятам. Четыре носильщика вынесли вождя, выкрикивающего приказы. Узкая улочка вмиг заполнилась вооруженными туземцами. И хотя никто из них даже и не думал трогать землян, по меньшей мере тысяча ножей поблескивали на солнце.

Перед хранилищем стояли плотные ряды касцеллианцев. На земле между землянами и касцеллианцами лежали сплетенные в жгут канаты, которые, по-видимому, отделяли священную землю от земли мирской.

— Пойдем, — сказал Фаня и переступил через канаты.

Защитники храма, стоящие в первом ряду, немедленно подняли ножи. Фаня вскинул парализатор и шагнул вперед.

Стоящий перед ним туземец что-то выкрикнул, его нож описал сверкающую дугу. Касцеллианец булькнул что-то еще, пошатнулся и упал. Из его горла хлынула яркая кровь.

— Я же просил тебя не трогать бластер! — рыкнул Фаня.

— Я и не трогал, — отозвался Донни. Фаня оглянулся. Бластер Донни действительно лежал в кобуре.

— Тогда я не понимаю, — растерянно произнес Фаня.

Еще три туземца шагнули вперед. Их ножи взметнулись — и все трое рухнули на землю. Фаня остановился. Теперь на него надвигался целый взвод. Как только туземцы приближались к землянам на расстояние удара ножом, они тут же вскрывали себе горло!

Фаня замер на месте, не веря своим глазам. Донни остановился у него спиной.

Теперь сотни туземцев мчались на землян со всех сторон с криками и выставленными ножами. Приблизившись, они наносили себе удар и падали на быстро растущую груды тел. В считанные минуты вокруг землян выросла баррикада из истекающих кровью касцеллианцев. И она продолжала расти.

— Хватит! Прекратите побоище! — крикнул Фаня, отступая назад и утягивая за собой Донни. — Прошу о перемирии!

Толпа расступилась, образуя проход, по которому принесли вождя. Сжимая в каждой руке по ножу, он тяжело дышал от возбуждения.

— Мы выиграли первый бой! — воскликнул вождь. — Наша сила испугала даже таких чужаков, как вы. Вам не удастся оскорбить наш храм, пока жив хоть один мужчина!

Его поддержал одобрительный рев туземцев.

Потрясенные до глубины души земляне ретировались на корабль.

— Так вот что подразумевал «Путеводитель» под «уникальным общественным устройством», — проворчал Фаня. Он стянул с себя скафандр и развалился на койке. —

Их способ ведения войны — самоубийствами вынуждать противника капитулировать.

— Видать, они здесь все чокнутые, — прогудел Донни. — Разве так выиграешь войну?

— И все же это работает. — Фаня поднялся с кровати и глянул в иллюминатор. Солнце клонилось к закату, окрашивая город в очаровательные алые тона. Лучи света играли на шпигеле галактического склада. В открытый люк влетали рокот и бой барабанов.

— Местное племя созывает армии, — сказал Фаня.

— Говорю же, это безумие. — Донни имел четкие представления о том, как надо сражаться. — Не по-людски это.

— Согласен. Но их расчет таков: если много людей покончит с собой, противник капитулирует из чувства вины.

— А если не капитулирует?

— До того как туземцы объединились, они, должно быть, шли войной от племени к племени и совершали самоубийства, пока противник не сдавался. Проигравшие присоединялись к победителям. Племя победителей росло и в итоге взяло под контроль всю планету. — Фаня пристально посмотрел на Донни, чтобы убедиться, что тот улавливает суть. — Разумеется, это антивывживание. Если бы одно из племен не захотело сдаться, раса, по всей видимости, уничтожила бы себя. — Он покачал головой. — Впрочем, любая война — антивывживание.

— А если все сделать быстро? — предложил Донни. — Ворваться в хранилище, отлить немного топлива и смотреть, пока они не поубивали себя все.

— Ну не знаю, — сказал Фаня. — Они могут продолжать самоубийства еще десять лет, считая, что сражаются с нами. — Он задумчиво посмотрел на город. — Корень зла — их вождь. Он их бог и, надо полагать, будет подстрекать людей на самоубийства до тех пор, пока не останется единственным мужчиной на планете. Потом он усмехнется, скажет: «Мы великие воины» — и покончит с собой.

Донни с отвращением передернул массивными плечами:

— Почему бы нам не прихлопнуть его?

— Тогда они выберут другого бога.

Солнце почти скрылось за горизонтом.

— Хотя есть у меня один план, — сказал Фаня и почесал затылок. — Может, и сработает. Все равно делать нечего, отчего бы не попробовать.

В полночь две безмолвные фигуры отделились от корабля и двинулись в направлении города. Они снова были в космических скафандрах. Донни нес две пустые канистры. Фаня держал наготове парализатор.

На улицах было темно и тихо. Земляне крались вдоль стен и обходили посты, стараясь держаться в стороне от посторонних глаз. Внезапно из-за угла вынырнул туземец, но Фаня тут же парализовал его — тот не успел даже пикнуть. Дойдя до аллеи, ведущей к складу, они замерли в темноте.

— Все запомнил? — спросил Фаня. — Я парализую охранников. Ты бежишь в хранилище и наполняешь канистры, которые сейчас у тебя в руках. После этого мы линияем отсюда ко всем чертям. Проверив храм, они убедятся, что главные канистры все еще там. Может, тогда они не станут себя убивать.

Земляне прокрались по темной аллее. Вход в хранилище охраняли три касцеллианца с ножами, подвешенными к набедренным повязкам. Фаня оглушил их зарядами средней мощности, и Донни сорвался с места.

В тот же миг вспыхнули факелы. Из переулков, размахивая ножами, хлынули туземцы.

— Засада! — крикнул Фаня. — Донни, назад!

Донни немедленно развернулся. Выходит, туземцы их поджидали. С криками и воем они бросились на землян, и каждый перерезал себе горло. Тела упали на землю перед Фаней, едва не сбив его с ног. Он попятился. Донни схватил его за руку и потянул за собой. Они выбежали из священной зоны.

— Перемирие, вашу мать! — выкрикнул Фаня. — Я хочу говорить с вождем. Прекратите! Я требую перемирия!

С явной неохотой касцеллианцы остановили резню.

— Это война, — сказал вождь, выступая вперед. Его почти человеческое лицо, освещенное огнем факела, выражало непреклонность. — Вы видели наших воинов. Теперь вы знаете, что не сможете нам противостоять. Весть разлетелась по всем землям. Весь мой народ готов сражаться.

Он с гордостью оглядел соплеменников, потом снова повернулся к землянам:

— Я сам поведу свой народ, и ничто нас не остановит. Мы будем сражаться, пока вы не капитулируете и не снимете ваши доспехи.

— Подожди, вождь. — У Фани перехватило дыхание: сколько же крови кругом! Окружающее напоминало сцену из ада. Сотни тел, разбросанных по земле, улицы, залитые кровью... — Дай мне время до конца ночи. Я посоветуюсь с партнером и приду к тебе утром.

— Нет, — сказал вождь. — Вы сами начали сражение. Оно должно завершиться. Храбрые мужчины мечтают умереть в бою. Это наше заветное желание. Вы — наш первый враг с тех пор, как мы покорили племена горцев.

— Кто же спорит, — сказал Фаня. — Но давайте поговорим...

— С тобой я буду сражаться лично, — объявил вождь и поднял кинжал. — Я умру за свой народ, как и подобает воину!

— Стойте! — крикнул Фаня. — Даруйте нам перемирие. По правилам моего племени мы можем сражаться только при свете солнца. Сражаться ночью — табу.

Вождь подумал секунду и сказал:

— Отлично. Тогда встретимся завтра.

И побежденные земляне отправились восвояси, сопровождаемые улюлюканьем туземцев-победителей.

К утру у Фани по-прежнему не было плана. Топливо надо заполучить в любом случае. Он не собирался провести остаток жизни на Касцелле, ожидая, пока служба изучения галактики пришлет следующий корабль — лет этак через пятьдесят. Но и перспектива нести ответственность за гибель трех миллиардов туземцев его тоже не радовала. Ни к чему тащить подобного рода информацию за собой

на Тетис. Да и служба изучения галактики все равно докопается до истинной причины массовой гибели туземцев. Хотя дело даже не в этом. Он просто не может так поступить.

Оба пути вели в тупик.

Земляне отправились в город. Медленно шагая навстречу барабанному бою, Фаня продолжал лихорадочно искать выход.

— Если бы только было с кем сражаться, — посетовал Донни, глядя на бесполезные бластеры.

— В том-то и дело, — сказал Фаня. — Мы заложники совести. Они рассчитывают, что мы уступим прежде, чем резня примет неконтролируемый характер. — Он задумался. — И это вовсе не безумие. Армии на Земле не сражаются до последнего человека. Одна из сторон сдается, когда начинает нести значительные потери.

— Если б только они сражались!

— Да, если б только... — Он смолк. Потом сказал: — Мы будем сражаться друг с другом! Туземцы считают самоубийства войной. А что, если на войну — то есть на настоящий бой — они будут смотреть как на самоубийство?

— И что это нам даст? — спросил Донни.

Они вошли в город. Улицы были забиты вооруженными туземцами. Еще больше их было вокруг города. Туземцы запрудили равнину, насколько хватало глаз. По всей видимости, они откликнулись на призыв барабанов и явились сражаться с чужаками.

Что означало, конечно, массовое самоубийство.

— Подумай сам, — сказал Фаня. — Если кто-то на Земле собирается покончить жизнь самоубийством, что мы делаем?

— Берем его под арест? — предположил Донни.

— Не сразу. Сначала мы предлагаем ему все, чего бы он ни пожелал, только бы он не исполнил задуманное. Предлагаем деньги, работу, своих дочерей — все что угодно, лишь бы только он отказался от своей затеи. Самоубийство — табу на Земле.

— И что?

— А то, что сражение может являться табу здесь. А вдруг они предложат нам топливо в обмен на то, чтобы мы прекратили драться?

Лицо Донни выразило сомнение, но Фаня считал, что попробовать стоит.

Они протолкались к хранилищу через запруженный город. Вождь поджидал их, лучезарно улыбаясь своему народу, словно жизнерадостный бог войны.

— Вы готовы сражаться? — спросил он. — Или сдае-
тесь?

— Конечно готовы, — сказал Фаня. — Давай, Донни!

Он размахнулся, и его бронированный кулак врезался напарнику в грудь. Донни удивленно наморщил лоб.

— Давай, идиот, ударь меня тоже!

Донни ударил, и Фаня пошатнулся. Через секунду они уже молотили друг друга, как пара кузнецов. Бронированные кулаки со звоном отскакивали от бронированных доспехов.

— Эй, полегче, — выдохнул Фаня, поднимаясь с земли. — Ты помял мне ребра. — Он ожесточенно хлестнул Донни по шлему.

— Прекратите! — крикнул вождь. — Это отвратительно!

— Сработало, — проговорил Фаня. — А теперь давай я тебя задушу. Думаю, это поможет.

Донни послушно грохнулся на землю. Фаня сомкнул руки вокруг его бронированной шеи:

— Притворись, что у тебя агония, дубина!

Донни стонал и кричал, насколько мог убедительно.

— Сейчас же остановитесь! — ревел вождь. — Это ужасно — убивать друг друга!

— Тогда позволь мне взять немного топлива, — сказал Фаня и сильнее сжал руки на горле Донни.

Некоторое время вождь обдумывал предложение. Потом покачал головой:

— Нет.

— Что?

— Вы чужаки. Можете продолжать свое постыдное занятие. Но наши святыни вам не осквернить.

Донни и Фаня с трудом поднялись на ноги. Фаня едва двигался: борьба в тяжелом космическом скафандре лишила его сил.

— А теперь сдавайтесь и снимайте доспехи, — приказал вождь, — или сражайтесь.

Тысячи воинов — а может, и миллионы, потому что каждую секунду прибывали все новые группы, — начали скандировать боевой клич. Набирая силу, крик разлетелся по окрестностям и отразился от холмов, откуда на равнину стекались новые потоки туземцев.

Фаня нахмурился. Он не может отдать себя и Донни на милость касцеллианцев. А вдруг они зажарят землян на ближайший священный ужин? Через секунду он принял решение: идти за топливом напролом, и пусть чертовы болваны кончают с собой сколько им вздумается.

Не чувствуя ничего, кроме злости, Фаня шагнул вперед и нанес удар бронированной перчаткой вождю в лицо.

Вождь упал как подкошенный. Туземцы в ужасе попятились. Вождь проворно выхватил нож и поднес к горлу. И тогда рука Фани сомкнулась на его запястье.

— Слушайте меня, — хрипло выкрикнул Фаня. — Сейчас мы заберем топливо. Если хоть кто-то покончит с собой или даже просто пошевелится, я убью вашего вождя.

Туземцы неуверенно переминались с ноги на ногу. Вождь яростно извивался в руках Фани, пытаясь достать ножом до своего горла и умереть благородно.

— Донни, забирай топливо, — велел Фаня, — да поторапливайся.

Туземцы не знали, что делать. Они держали ножи поднятыми к шее, готовые в любую секунду пустить их в ход.

— Даже и не думайте, — предупредил Фаня. — Я убью вождя, и он умрет не так, как подобает воину.

Вождь по-прежнему пытался перерезать себе горло. Фаня отчаянно старался его удержать. Он понимал: покончит с собой вождь — и угроза смерти нависнет над остальными.

— Послушай, вождь, — сказал Фаня, озираясь на растерянную толпу. — Пообещай, что война между нами закончена. Или я получаю обещание, или убиваю тебя.

— Воины! — проревел вождь. — Выбирайте нового правителя! Забудьте обо мне и сражайтесь!

Касцеллианцы все еще мучились сомнениями, но руки с ножами поднялись чуть выше.

— Если вы сделаете это, — крикнул Фаня, — я убью вашего вождя! И убью вас всех!

Это остановило туземцев.

— На моем корабле есть мощная магия. Я могу убить вас всех до последнего воина, и тогда вы лишитесь шанса умереть достойно. Или попасть на небеса!

Вождь предпринял отчаянную попытку вырваться и почти высвободил одну руку. Фане удалось удержать его, заломив руки за спину.

— Ладно, — сказал вождь, и слезы навернулись ему на глаза. — Воин должен погибать от своей руки. Ты победил, чужеземец.

Толпа сыпала проклятиями, когда земляне тащили вождя и канистры с топливом на корабль. Обезумев от ненависти, туземцы размахивали ножами и подпрыгивали на месте.

— А теперь — быстро, — сказал Фаня, когда Донни заправил корабль.

Оттолкнув вождя, он запрыгнул в люк, и уже через секунду они были в воздухе, взяв курс на Тетис и ближайший от космопорта бар.

Туземцы жаждали крови — собственной крови. Каждый готов был отдать жизнь, чтобы смыть оскорбление, нанесенное их вождю, богу и святыне.

Но чужеземцы ушли. Сражаться было не с кем.

КУРС ПИСАТЕЛЬСКОГО МАСТЕРСТВА

Эдди Макдермотт на мгновение замер в дверях аудитории и, затаив дыхание, на цыпочках прокрался на свое место. Лучший друг Морт Эддисон взглянул на него с укором: занятие идет уже четверть часа, а на лекции профессора Карнера не опаздывают. Особенно в первый день.

Впрочем, профессор ничего не заметил: он стоял к студентам спиной и чертил на доске схему.

Эдди вздохнул с облегчением.

— Итак, — повернулся к аудитории Карнер, — предположим, вы пишете про... э... венерианского тренгенера, у которого, как известно, три ноги. Как вы его изобразите?

Один из студентов поднял руку:

— Я бы назвал его трехногим чудовищем, зародившимся в кошмарном аду...

— Неверно, — спокойно ответил Карнер. — Да, именно так живописали на заре нашей профессии. Но не забывайте: читатель сейчас продвинутый, метафорами его не проймешь. Чтобы его зацепить, надо, наоборот, сдерживать фантазию. Понимаете? Сдерживать! Ну, кто-нибудь еще?

Морт поднял руку, глянул на Эдди и сказал:

— А если так: сгусток оранжевой протоплазмы с тремя конечностями, ощупывающий все вокруг себя наподобие осьминога?

— Уже лучше, — ответил Карнер. — Сгусток протоплазмы — это хорошо и очень точно. Но стоит ли сравнивать его с осьминогом?

— А почему нет?

— Осьминог — это форма жизни, хорошо известная на Земле. Он не пробуждает ни страха, ни интереса. Лучше

сравните тренгенера с другим инопланетным монстром... с косоротым эдделем с Каллисто, например. — И Карнер победительно улыбнулся.

Эдди, хмурясь, почесал стриженную ежиком белобрысую голову. Ему больше понравилось первое описание. Хотя Карнеру, конечно, виднее. Ведь он — один из самых знаменитых авторов и сделал университету одолжение, согласившись вести курс. Некогда Эдди читал кое-какие тексты Карнера, и у него просто мороз шел по коже. Взять хоть описание сатурнианских мозгов, которые парализовали весь флот Земной конфедерации. Да, вот это история...

Беда в том, думал Эдди, что все это просто неинтересно. У него были серьезные сомнения насчет этого курса. Он вообще записался на него только потому, что на этом настоял Морт.

— Вопросы есть? — спросил Карнер.

Руку поднял серьезный парень в черных роговых очках.

— Допустим, — сказал он, — мы пишем о том, что некий межзвездный альянс планирует захватить Землю. Можно ли для пушего контраста изобразить врагов Земли вероломными злодеями?

Парень интересуется политикой, усмехнулся про себя Эдди и с надеждой посмотрел на часы.

— Лучше не надо. — Карнер по-свойски присел на краешек стола. — Наделите их человеческими качествами, покажите читателю, что эти инопланетяне — не важно, одна у них голова или пять — испытывают чувства, которые нам понятны. Пусть они радуются и страдают, совершают ошибки и сбиваются с пути. Абсолютное зло давно вышло из моды.

— А их вождь — можно его сделать законченным злодеем? — не унимался юноша, торопливо записывая каждое слово Карнера.

— Думаю, да, — глубокомысленно протянул Карнер. — Но и у него должна быть мотивация. Кстати, когда возьметесь за такой материал — обзорного типа, — не вздумайте

сбрасывать со счетов проблемы инопланетян. Скажем, у них двадцатимиллионная армия — так ведь каждого солдата надо накормить. Если правители пятидесяти разбросанных по космосу звездных систем слетаются на тайный совет, не забывайте о том, что все они говорят на разных языках и у них разное устройство нервной системы. Да и с позиций логики нападение на Землю не слишком обоснованно: кругом уйма планет, зачем завоевывать именно эту?

Парень в роговой оправе робко кивал, продолжая судорожно строчить. Эдди подавил зевок. Ему больше нравилось представлять отрицательных героев абсолютными, законченными злодеями. Так их описывать гораздо легче. И вообще, все это ему страшно наскучило...

Карнер отвечал на вопросы еще полчаса. Не надо, убеждал он студентов, изображать Венеру как «опутанную джунглями влажную зеленую преисподнюю». И никогда, никогда в жизни не пишите, что Луна «рябая», «испещренная оспинами» или «покрытая шрамами от вековых метеоритных бомбардировок»...

— Все это уже сказано, — объяснял он. — Миллионы раз. Выкиньте из головы все эти клише. Хватит уже называть красное пятно Юпитера «злобным багровым глазом», и кольца Сатурна вовсе не обязательно сравнивать с нимбом, и не путайте, наконец, венерианцев с венецианцами...

— Это все типичные ошибки, — подытожил профессор. — А теперь задание: к следующему разу жду от каждого из вас по тысяче слов. Выберите любую планету и опишите ее — только свежо, без упомянутых мной клише. На этом все.

— Ну, как тебе? — спросил Морт в коридоре. — Классный мужик, правда? Я имею в виду — свое дело знает.

— Я не буду ходить на этот курс, — внезапно принял решение Эдди.

— Что? Это почему?

— Знаешь, — сказал Эдди, — я не понимаю, почему нельзя называть пятно Юпитера «злобным багровым

глазом». Я так и написал в рассказе месяц назад, и мне понравилось. И этот венецианский тренгенер — я вот думаю, что он все-таки чудище, и намерен описывать его именно так.

Он замолчал, и на его лице отразилась убежденность.

— А если честно — ну не люблю я эту вашу журналистику! Зачем мне карнеровский спецкурс по документальным очеркам? Я хочу заниматься художественной литературой!

ИНСТРУКЦИЯ ПО ЭКСПЛУАТАЦИИ

Осознавая важность момента, капитан Пауэлл напустил на себя беззаботный вид и вошел в рубку «Рискового». Поначалу он даже подумывал засвистеть, но потом решил, что не стоит. В конце концов, это не в его стиле, а астронавты шкурой чувствуют неладное, их даже мелочи настораживают.

— Всем привет, — сказал он и плюхнулся в мягкое кресло. Дэнтон, штурман, кивнул, от души зевнув. Бортинженер Аррильо посмотрел на часы.

— Стартуем по графику, Сэм?

— Ну да, — ответил Пауэлл. — Через два часа.

Бортинженер и штурман буднично покивали головами, словно полеты на Марс — дело совершенно обычное. Капитан, помедлив немного, добавил:

— Мы, кстати, берем на борт еще одного члена экипажа.

— Это еще зачем? — Загорелое лицо Дэнтон выразило недоверие.

Аррильо угрожающе поджал губы.

— Третий штаб распорядился, в последний момент, — как ни в чем не бывало ответил Пауэлл. Его подчиненные даже не шевельнулись, однако капитану почудилось, будто они на него надвигаются. Необъяснимая сила всегда сближает членов экипажа, заставляя блюсти замкнутость круга и охранять свою территорию.

— И какую работу поручили новичку? — поинтересовался Аррильо. Коренастый и очень смуглый, с острыми зубами и кучерявой черной шевелюрой, он напоминал чудовищно умного жесткошерстного терьера, готового всегда облаять чужого пса, даже если такового поблизости нет.

— Вы ведь знаете про паранормов? — как бы невзначай спросил капитан.

— Еще бы! — живо отозвался Аррильо. — Слыхал я про этих шизиков.

— Да не шизики они, — задумчиво протянул широколицый Дэнтон.

— Значит, — продолжил Пауэлл, — вы и про Уэйверли слышали. Тот парень, что пытается приспособить паранормов к жизни в обществе, найти их способностям применение. У него под опекой телепаты, предсказатели погоды и прочие таланты.

— Про Уэйверли я в газете читал, — сказал Дэнтон. — Его питомцев еще называют экстрасенсами.

— Точно. В общем, этот тип, Уэйверли, собирает экстрасенсов чуть ли не на помойках, подыскивая им нормальную работу. Верит, что их дару есть применение.

— То есть мы берем на борт паранорма? — уточнил Дэнтон.

— Точно, — ответил Пауэлл, внимательно присматриваясь к подчиненным. Астронавты — народ забавный, многие из них прикипают к одиночеству и опасностям космоса и при этом наглухо закрываются от внешнего мира. А еще эти труженики новейшей области человеческой деятельности — жуткие ретрограды. Если старое работает, то зачем вводить новое, ведь оно может стоить тебе жизни!

Принять в свои ряды паранорма им будет очень нелегко.

— Кому он нужен? — злобно спросил Аррильо, явно встревоженный, что из-за новичка его собственный авторитет пошатнется. — Не хватало еще, чтобы у нас на борту кто-то мысли читал!

— Он не читает мысли, — попытался успокоить его Пауэлл. — Наш новичок займется другой, очень важной работой.

— Какой же? — поинтересовался Дэнтон.

Пауэлл нерешительно помедлил и наконец выдал:

— Он должен помочь нам при взлете.

— Как?!

— С помощью телекинеза, — протараторил Пауэлл. — Наш новенький передвигает предметы силой мысли.

Дэнтон ничего не ответил, зато Аррильо, поглядев на капитана, разразился хохотом:

— Силой мысли! А у него извилины от натуги не распрямятся?

— Распрямятся — так мы из них веревочки свяжем и сделаем для него упряжь!

— Смотри, чтобы тебя самого не запрягли, Сэм!

Пауэлл широко улыбнулся, мысленно похвалив себя за остроумие. Лучше уж пусть члены команды над ним смеются, чем бьют по морде.

Пригладив усы, командир сообщил:

— Новенький скоро прибудет.

— Ты серьезно? — переспросил Дэнтон.

— Как никогда.

— Но, Сэм...

— Позволь, я кое-что объясню, — прервал штурмана Пауэлл. — Телекинез — способность, которой наделен будущий член нашего экипажа, — это неизученная и почти неизвестная науке форма управления материей. Это энергия, позволяющая передвигать предметы, порой даже очень крупные. Она реальна, и она действует.

Штурман и бортинженер слушали капитана внимательно, хотя и с долей настороженности. Пауэлл глянул на часы:

— В штабе считают, если паранорм поможет нам взлететь, то мы сэкономим изрядное количество топлива. То есть увеличим резерв.

Члены экипажа дружно кивнули. Они только за экономию топлива, ведь в космосе запас горючего — самое главное. Много его на борт не погрузишь, а стоит слегка ошибиться в навигационных расчетах, израсходовать чуть больше запланированного объема драгоценного вещества — тут-то всем и конец. До сих пор к Марсу отправилось всего пять кораблей, и два из них пропали в открытом пространстве именно из-за нехватки горючего.

— Будьте уверены, — сказал Пауэлл, — в ваши дела паранорм вмешиваться не станет. Его единственная задача — двигать наше судно.

Он улыбнулся и приготовился сообщить еще одну неприятную новость.

— Ладно, — тем временем произнес Дэнтон, — лишь бы ко мне не приставал.

— Извини, — поспешил огорчить его Пауэлл. — Паранорма без присмотра оставлять нельзя.

— Это еще почему?!

Пауэлл владел множеством профессиональных навыков, и самый важный из них получил не в университете. Капитан умел управляться с людьми и сейчас призвал на помощь именно этот свой дар.

— Паранормы, знаете ли, не совсем обычные люди. Плохо приспосабливаются к обществу, часто хандрят. Кто-то даже считает, что степень их депрессии прямо пропорциональна силе таланта. Короче, если хотите, чтобы наш паранорм справлялся со своей работой, обращайтесь с ним достойно.

— Я и не собирался с ходу плевать ему в лицо, — сказал Аррильо.

— Этого мало. Я, кстати, поговорил с Уэйверли, и он дал мне руководство по эксплуатации.

Сказав это, капитан вытащил из кармана лист бумаги.

— Руководство? По эксплуатации?!

— Совершенно верно. Мы ведь эксплуатируем способности паранорма. Вот, послушайте.

Разгладив инструкцию, Пауэлл зачитал вслух:

— «Паранормальные способности, возможно, существуют с начала времен, однако общество эксплуатирует их лишь с недавних пор. Сегодня мы понимаем экстрасенсорику как проявление воли человека в материальном мире, но до конца ее природу и назначение познаем еще не скоро.

Таким образом, любому, кому предстоит работать с паранормами, следует ознакомиться с представленными ниже правилами, основанными на опыте. Они помогут добиться лучших — если не единственно возможных — результатов.

В практическом плане паранорма следует расценивать как мощный агрегат повышенной сложности и тонкой кон-

струкции. Как и любой другой механизм, он требует ухода и соблюдения всех пунктов инструкции по эксплуатации. Перед началом использования любую машину надлежит:

привести в устойчивое положение,
заправить,
смазать,
настроить.

Принимая во внимание вышеназванные пункты, приходим к следующим выводам:

— чтобы прийти в рабочее состояние, паранорм должен чувствовать комфорт, безопасность и дружелюбный настрой;

— периодически (желательно, как можно чаще) паранорма следует хвалить; поскольку эмоционально он нестабилен, его это нуждается в систематическом поощрении;

— работая с паранормом, постоянно проявляйте сочувствие и понимание;

— излишнее давление может сломать паранорма; если он захочет уединиться, не мешайте ему».

Закончив читать, Пауэлл улыбнулся и произнес:

— Вот, собственно, и все.

— Сэм, — тихо сказал Дэнтон, — у нас забот полон рот, не хватало еще с невротиком нянчиться.

— Согласен, — кивнул Пауэлл. — Но ты представь, каким прорывом это станет для нас, для всей космонавтики, если мы сумеем взлететь, сохранив основную часть топлива в баках!

— Верно, — подтвердил Аррильо, вспомнив, как порой трясся над счетчиками горючего.

— А вот и ваши экземпляры инструкции. — Пауэлл протянул им копии документа. — Пока меня нет, заучите их, как «Отче наш».

— Приехали, — проворчал Аррильо, хмуро глядя на листок с печатным текстом. — Ты уверен, что паранорм вообще сможет поднять корабль?

— Нет, — честно признался Пауэлл. — Да и никто не уверен. Способности нашего паранорма активны примерно пятнадцать часов в сутки.

— Повезло так повезло, — простонал Дэнтон.

— Сейчас я его приведу. Как услышите, что мы поднимаемся на борт, прячьте инструкции. — Улыбнувшись во все тридцать два зуба, капитан добавил: — И да пребудет с вами мир.

Он вышел из рубки и по коридору направился к люку, на ходу насвистывая бодрящую мелодию. В целом, все прошло недурно.

Минут через десять он вернулся с паранормом.

— Парни, знакомьтесь, это Билли Уокер. Уокер, это Стив Дэнтон и Фил Аррильо.

— Здравсте, — кивнул Уокер. Высокий, ростом под метр девяносто, невероятно худой; вокруг шишковатого черепа — нимб редких бледно-соломенных волосков. На унылом лице торчит длинный нос. Оглядывая членов экипажа, Уокер покусывал вялую нижнюю губу.

М-да, милый же им достался попутчик на ближайшие несколько месяцев!

— Присаживайся, Уокер. — Аррильо горячо пожал паранорму руку.

— Да-да, не стесняйся, — поддержал товарища Дэнтон. — Как жизнь, как здоровье?

Пауэлл едва сдержал улыбку, вспомнив первое правило из инструкции: «Чтобы прийти в рабочее состояние, паранорм должен чувствовать комфорт, безопасность и дружелюбный настрой». Право же, ребята стараются изо всех сил. Им ли не знать цену лишней капли горючего!

Подозрительно глядя на экипаж, Уокер тем не менее присел.

— Как тебе наш корабль? — поинтересовался Аррильо.

— Ничего, — ответил Уокер таким тоном, будто видел корабли и получше, и покрупнее. Хотя во всех Штатах больше не имелось достроенных и оснащенных для полета судов.

— Готов к путешествию? — спросил Дэнтон.

— А что к нему готовиться? — вопросом на вопрос ответил Уокер и откинулся на спинку кресла. — Путешествие как путешествие. Сел — и поехал.

Аррильо уже закипал, да и Дэнтон не выглядел сильно счастливым.

Пауэлл поспешил предложить паранорму:

— Хочешь, устрою тебе экскурсию по кораблю?

— Не-а, — отказался телекинетик. — Успею еще по нему нагуляться.

Повисла неловкая пауза, которая, впрочем, Уокера ничуть не расстроила. Прикуривая сигарету, Пауэлл краем глаза следил за паранормом: вообще-то, он ожидал увидеть нервного, депрессивного типа, но Уокер ведет себя попросту наплевательски... Шмыгнув носом, новый член экипажа засунул руки в карманы и принялся сжимать и разжимать кулаки.

«Ага, все-таки нервничает, — догадался Пауэлл. — Что бы такого приятного ему сказать?..»

— Насколько сильно ты сможешь разогнать корабль? — спросил Аррильо.

Паранорм взглянул на него презрительно:

— Мало не покажется. — И вдруг судорожно сглотнул.

Нет, он не нервничает. Он напуган. Всего лишь напуган и бравирует, пытаясь скрыть страх.

— Что ж, кораблик у нас крепкий, — заметил Дэнтон.

— Крепкий, это да, — подхватил Аррильо.

— Хочу шоколадный батончик, — заявил вдруг Уокер.

— Может, покуришь? — предложил сигарету Пауэлл.

— Лучше сойду и куплю батончик. На площадке вроде был автомат.

— Скоро взлет, — напомнил Пауэлл. — Надо ввести тебя в курс дела, проинструктировать...

— На фиг мне это нужно, — бросил Уокер и выбежал из рубки.

— Нет, я его точно прихлопну, — пообещал Аррильо.

Дэнтон хмуро взглянул на Пауэлла, и тот произнес:

— Запасемся терпением, парни. Паранорм еще впишется в коллектив.

— Да тут никакого терпения не хватит, — возмутился штурман.

Дожидаюсь паранорма, астронавты мрачно смотрели на вход в рубку. Пауэлл уже начинал себя жалеть. И во что только штаб его втянул!

Внезапно в дверном проеме возник Уокер.

— Что-то расхотелось шоколада, — бросил он и, посмотрев на лица будущих коллег, спросил: — Меня обсуждали?

— С чего ты взял? — вскинулся Аррильо.

— Вы, поди, решили, что мне это корыто не поднять?

— Послушай, — строго сказал Пауэлл. — Никто из нас ни о чем подобном не думает. Каждому на борту отведена своя роль, вот и все.

В ответ паранорм молча уставился на капитана.

— Начинаем инструктаж, — приказал Пауэлл. — Уокер, за мной.

Он провел паранорма на мостик, показал несколько силовых схем и, объяснив порядок действий, сказал, что от него конкретно требуется. Уокер, по-прежнему кусая нижнюю губу, внимательно слушал.

— Значит, так, капитан, — произнес он, — я, конечно, постараюсь...

— Вот и славно, — ответил Пауэлл и, скрутив карты в рулон, отложил их в сторону.

— ...но вы на меня не больно-то рассчитывайте, — закончил паранорм и выбежал.

Пауэлл, покачивая головой, начал проверять приборы.

Пристегнувшись в кресле, командир включил ин-терком.

— Дэнтон, — произнес он в микрофон, — к старту готов?

— Готов, капитан.

— Аррильо?

— Один момент, капитан... все, готов, сэр.

— Уокер?

— Ага.

— Отлично. — Из диспетчерской доложили: площадка свободна, и Пауэлл откинулся на спинку кресла. — Десять секунд до старта. Запустить главный привод.

— Готово, — ответил Аррильо, и корабль содрогнулся от дикого рева оживших двигателей.

— Прибавить мощности. — Пауэлл вчитался в показания приборов. — Отлично, Дэнтон, включай вспомога-тельный.

— Есть.
— Шесть секунд. Уокер, готовься.
— Есть, сэр.
— Четыре секунды. — Еще с полдюжины точных настроек, пошел кислород...

— Две секунды! Одна!

— Зажигание. Уокер, твой ход!

Корабль, покачиваясь на струях пламени из сопл, начал взлетать. Пауэлла неожиданно вдавило в сиденье — это Уокер подхватил «Рисковый» силой мысли и понес его вверх. Пауэлл посмотрел на высотомер. Как только отметка перевалила за сто пятьдесят метров, он включил интерком.

— Главный привод отключить! Уокер, жми что есть мочи!

Двигатели перестали реветь, но корабль понесся еще быстрее. Потом их резко и неожиданно дернуло вперед.

Что это? Точно не обычное ускорение... Корабль снова дернуло, Пауэлл охнул и потерял сознание.

Когда он пришел в себя, корабль уже мчался сквозь тьму открытого космоса. Невидимая рука инерции по-прежнему давила на грудь, но капитан поднатужился и наклонился к иллюминатору.

За бортом он, само собой, увидел звезды.

Пауэлл слабо ухмыльнулся. Работает. Двигатель на основе телекинеза доходяги Уокера работает — и еще как! Когда они вернутся на Землю, Пауэлл угостит паранорма выпивкой. Кстати, а далеко ли они от дома?

Нажав кнопку на приборной панели, он вывел на экран изображение с камеры заднего вида. Поискал взглядом сине-зеленый шарик Земли — и не нашел его.

Тогда он изменил угол обзора и быстро обнаружил Солнце. Правда, оно было маленькое, размером с крупную горошину.

Куда же их занесло?!

Пауэлл отстегнулся. Чувствуя, что корабль постепенно теряет скорость, проверил показания приборов и вычислил быстроту хода.

Фантастика!

- Дэнтон! — прокричал он в микрофон.
- Ух! — раздалось из динамика. — Ну ничего себе!
- Встречаемся в рубке, нужно определить наше местоположение. Аррильо!
- Да, Сэм?
- Проверь, как там Уокер.

Пауэлл снова посмотрел на звезды, на Солнце и, нахмурившись, перепроверил свои вычисления. Только бы он ошибся...

Спустя примерно полчаса Дэнтон предположил:

— Если я правильно все рассчитал, то мы сейчас где-то между Сатурном и Юпитером. Возможно, даже ближе к Сатурну.

— Не может быть, — упавшим голосом произнес Пауэлл.

— Если не веришь, — ответил штурман, — то на, взгляни сам.

Пауэлл взял у него лист с вычислениями. Тщательно просмотрел, но ошибок не нашел. «Рисковый» забросило на восемьсот миллионов километров дальше Марса, плюс-минус пятнадцать миллионов километров.

Пауэлл покачал головой. Цифры не произвели на него должного впечатления — да и не должны были, поскольку никто не в состоянии вообразить, что такое восемьсот миллионов километров. Подсознательно Пауэлл уменьшил это расстояние до параметров, которые человеческий разум в состоянии воспринимать.

А что еще ему оставалось?

— Ну, с местоположением определились, — буднично констатировал он и, заметив, что вошел Аррильо, спросил: — Что у нас с горючим?

— Так себе, — ответил бортинженер. — Паранорм, конечно, сэкономил нам много топлива, но все равно не хватит.

— Да, не хватит, — согласился Пауэлл.

Корабль, заправленный и снабженный запасом топлива на полет только до Марса, с Сатурна никак не вернется. Да и с Красной планеты он бы теперь не долетел до Земли без дозаправки.

Сатурн! Это как же надо было разогнать корабль, чтобы скакнуть в такую даль? Не в силах решить задачу логически, Пауэлл пришел к выводу, что на телекинетическом ускорении «Рисковый» просто миновал часть пространства.

В рубку вошел Уокер. Его бледные губы подергивались.

— Кто-то сказал, что мы у Сатурна? — спросил паранорм.

— У его орбиты, — уточнил Пауэлл, выдавив улыбку. — А сам Сатурн сейчас по другую сторону от Солнца.

Командир улыбнулся еще шире, вспомнив второе правило обращения с паранормами: «Периодически (желательно как можно чаще) паранорма следует хвалить. Поскольку эмоционально он нестабилен, его это нуждается в систематическом поощрении».

— Ну ты даешь, — сказал он. — Сила-то у тебя есть. И еще какая!

— Но я хотел... хотел... — Оглядев космонавтов, Уокер наморщил лицо и разревелся.

— Ну-ну, будет. — Преодолевая неловкость, Пауэлл попытался успокоить паранорма. Но утешить живую машину не получалось.

— Я знал, что провалю дело! — в сердцах выкрикнул телекинетический ускоритель. — Знал!

— Еще не все потеряно, — спокойным, ласковым голосом проговорил Пауэлл. — Ты просто не рассчитал силы. Ты вернешь нас обратно.

— Не верну, — протянул Уокер и спрятал лицо в ладони. — У меня больше ничего не получится.

— Что?! — вскричал Дэнтон.

— Ничего не получится! Я утратил силу! Она меня покинула, я больше не телекинетик!

Последнюю фразу он прокричал. Потом сполз по стенке на пол и, содрогаясь от рыданий, безвольно уронил голову в колени.

— Взяли, — сказал капитан Дэнтону. Вместе они подняли Уокера с пола, отнесли в кают-компанию и там уложили на койку. Дэнтон дал паранорму снотворное, дождался, пока тот забудется беспокойным сном, и вместе с капитаном вернулся в рубку.

— Ну как? — спросил Аррильо, но ответа не получил. Все трое расселись по креслам и некоторое время смотрели в иллюминатор.

Наконец Дэнтон нарушил молчание:

— Если он и правда больше не может двигать предметы усилием воли...

— Думаешь, он одноразовый паранорм? — прошептал Аррильо.

Пауэлл, заставив себя отвернуться от иллюминатора, возразил:

— Нет, это вряд ли. Я слышал, что паранормальные способности вот так запросто не пропадают.

Если честно, ничего подобного он не слышал, но важно было поддержать дух команды.

— То есть, — произнес Дэнтон, — силу он потерять не должен? Но если Уокер уверен, что на самом деле ее утратил...

— Мы убедим его в обратном, — подсказал Пауэлл. — Вспомните, что Уокер — машина. Сложная, хитро устроенная машина. И у нас есть инструкция по эксплуатации.

— Надеюсь только, что мы не оставили на Земле нужных запчастей, — пошутил Дэнтон.

На несколько секунд воцарилась тишина, которую нарушил капитан:

— Пора бы включить двигатели. Развернем корабль, не то вот-вот окажемся за пределами системы.

— Это значит жечь топливо, — напомнил Аррильо.

— Ничего не подделаешь. Дэнтон, рассчитай поворот. Максимально экономный.

— Будет сделано, — ответил штурман.

— А потом мы поедем.

Задав кораблю новый курс, экипаж перекусил. После устроили совещание.

— Наша судьба — в наших руках, — сказал Пауэлл. — Перед стартом паранорм просто храбрился, желая показать свою значимость. Он блефовал, но теперь нервы у него сдали. Нам предстоит вернуть ему веру в себя.

— Делов-то, — сказал Аррильо. — Позвоним психотерапевту?

— Очень смешно, — заметил Дэнтон.

— Да не особенно, — вставил Пауэлл. — Психотерапевт нам бы здорово пригодился. Но поскольку его нет, вооружимся инструкцией по эксплуатации.

Аррильо и Дэнтон достали из карманов свои копии документа и принялись их просматривать.

— До конца полета, — сказал Пауэлл, — Уокера надо воспринимать как машину. Машину, которая закинула нас сюда. Она же и вернет нас на Землю. Ну, есть мысли, как привести агрегат в рабочее состояние?

— У меня вроде появилась идея, — нерешительно произнес Дэнтон. Экипаж обсудил его задумку и пришел к выводу, что попробовать стоит. Аррильо отправился за Уокером.

Когда они с паранормом вернулись в рубку, Дэнтон с Пауэллом тасовали колоду карт.

— Перекинемся в покер? — беззаботно предложил Пауэлл. — Пока корабль разворачивается, нам все равно делать нечего.

— Приглашаете сыграть? — прошептал Уокер.

— Конечно. Двигай стул.

Долговязый паранорм нерешительно присел за столик и взял карты. Игра началась.

«Поскольку эмоционально он нестабилен, его это нуждается в систематическом поощрении», — вспомнил Пауэлл.

Партия выдалась поистине сумасшедшей. Все старались поддаваться Уокеру, лишь бы поднять ему настроение. Однако проиграть паранорму оказалось задачей далеко не из легких. Он с ужасом пялился в карты, сбрасывая одну комбинацию за другой; когда все поднимали ставки, пасовал. Карта не шла Уокеру, как бы Аррильо ни мухлевал, а мухлевать он умел. И Уокер ни разу не вскрылся.

Но астронавты не сдавались. Сбрасывали хорошие комбинации в надежде получить слабые. Пасовали раньше

Уокера, буквально выдавливая его вперед. Печальную, простоватую физиономию паранорма перекосило от напряжения. Каждую карту он брал так, словно от нее зависла его жизнь.

Еще никто на памяти Пауэлла не подходил к игре так серьезно и вместе с тем так неумело.

Наконец собрался приличный банк. Уокер, кажется, обрел уверенность в своих силах и сделал ставку. Пауэлл поднял. Подняли и Аррильо с Дэнтоном. Уокер, немного помявшись, ответил.

После нескольких кругов торговли Уокер решил вскрываться.

У Пауэлла оказалась десятка старшая, у Аррильо — восьмерка, а у Дэнтона — дама. Уокеру достался туз.

— Хорошо блефуешь, — сказал Пауэлл, и Уокера снова перекосило.

Вскочив из-за стола, он не своим голосом выкрикнул:

— Я не могу проиграть!

— Да не волнуйся ты так, — сказал Дэнтон.

— Я вас обыграл подчистую, парни, и... ваши бабки теперь мои, — пролепетал Уокер и выбежал вон.

Только сейчас до Пауэлла дошло: Уокер хотел проиграть, чтобы искупить свою вину. Капитан решил не тратить время на то, чтобы делиться догадкой с товарищами, и бросился вслед за паранормом.

Уокер сидел на койке и рассматривал свои руки. Пауэлл присел рядом и предложил самое экономичное — закурить. Еда и питье закончатся прежде, чем кислород.

— Нет уж, спасибо, — глухо произнес Уокер.

— В чем дело? — спросил капитан.

— Во мне. Я опять все испортил.

— Как?

— Да вот так. Вечно я все порчу. Не могу не испортить.

Пауэлл вспомнил один из пунктов инструкции: «Работая с паранормом, постоянно проявляйте сочувствие и понимание».

— Не огорчайся, — теплым, отеческим голосом произнес Пауэлл. — В конце концов, ты совершил нечто, на что никто не способен. Так далеко запустил наш корабль...

— Ага, просто супер, — с горечью ответил паранорм. — Мы теперь ровно там, куда никому не надо.

— И все же, — возразил капитан, — ничего более потрясающего я в жизни не видел.

— И что с того? — отчаянно заломив руки, спросил Уокер. — Я не могу вернуть нас обратно. Я всех нас угробил!

— Не вини себя... — начал Пауэлл, но паранорм перебил его:

— Нет, это я виноват. Только я! — И он опять расплакался.

— Тогда просто перенеси нас обратно.

— Я же сказал, — глядя дикими глазами, паранорм хватал ртом воздух, — я утратил силу! И больше не могу перемещать предметы! — Он почти сорвался на крик.

— Послушай-ка, — строгим голосом урезонил паранорма Пауэлл. — Что за пораженческие настроения? Ничего ты не потерял!

И капитан плавно перешел к своей самой лучшей, самой проникновенной речи, припасенной для безнадежнейшей ситуации. Говоря о звездах и Земле, о науке и миссии человека во Вселенной, не открытых еще гранях паранормальных способностей и их важной роли в мировом порядке, Пауэлл невольно думал: эх, как красиво я загнул!

Уокер, уняв слезы, внимательно слушал и неотрывно глядел на капитана.

А Пауэлл все говорил и говорил, сочиняя на ходу, о будущем паранормальных способностей, о том, как однажды благодаря им удастся наладить связь между звездами, но до тех пор предстоит упорно работать. И такие люди, как Уокер, должны идти в авангарде.

Командир вошел в раж и под конец, видя, что жертва клюнула, воскликнул:

— Давай, парень! Твой дар при тебе, никуда он не делся! Попытайся вернуть нас!

— Сейчас, сейчас! — Уокер утер нос рукавом и закрыл глаза. От натуги жилы у него на шее взбухли. Вцепившись в край койки, капитан приготовился смотреть, как разгоняется бесценный ускоритель на паранормальной тяге.

Дверь в дальнем конце каюты распахнулась и снова захлопнулась. Уокер побагровел.

Пауэлл завороченно следил за его лицом: длинный нос блестит от пота, зубы обнажились в напряженном оскале. Паранорм выкладывался без остатка.

И вдруг, обмякнув, повалился на койку.

— Не получается, — прошептал он. — Совсем.

Пауэлл хотел было заставить его попробовать еще, но четвертое правило инструкции гласило: «Излишнее давление может сломать паранорма. Если он захочет уединиться, не мешайте ему».

— Ладно, отдохни, — сказал капитан и, стараясь сохранять лицо, встал.

— Я вас всех убил, — проговорил паранорм.

Пауэлл молча вышел из каюты.

Описав широкую дугу, корабль отдался на волю притяжения Солнца. Аррильо, глуша двигатели, скорбел о потраченном топливе — теперь его действительно оставалось мало. А вот насколько мало, готовился выяснить Дэнтон.

В свободном падении «Рисковый» будто повис в открытом пространстве; казалось, он и не движется вовсе. Солнце тем временем увеличивалось в размерах. Правда, медленно. Даже чересчур медленно.

Уокер так и не вышел из каюты. Лежал на койке, проклиная себя за ошибку. Пауэлл изо всех сил старался найти выход, но ничего придумать не мог.

— Взглянем на расчеты, — сказал в рубке Дэнтон. Показав Пауэллу график, принялся водить пальцем по линиям и объяснять: — Вот наш курс, это вот скорость, а здесь пункт назначения. На этой отметке у нас закончится пища. — Точка располагалась слишком уж далеко от пункта назначения. — А вот здесь мы останемся без воды. — Вторая точка была еще дальше от финиша.

— А если ускориться? — спросил Пауэлл.

— Расстояние слишком большое, — ответил Дэнтон. — Я прикинул и так и этак — ничего не выйдет. Мы недотянули бы до конца пути, даже съев друг друга и выпив кровь.

— Хорошая новость, свинья ты циничная, — подал голос Аррильо из другого конца рубки.

— Тебе что-то не нравится? — спросил Дэнтон.

— Да, мне все не нравится. — Бортинженер оттолкнулся от стенки и в полной невесомости плавно подплыл к коллегам.

— Тогда сам предлагай выход, — парировал Дэнтон и взлетел ему навстречу.

— Эй, прекратите! — крикнул Пауэлл. — Отставить грызню, немедленно!

Бортинженер и штурман расцепились.

— Добраться бы сейчас до этого...

— Тихо! — одернул их Пауэлл, услышав шум из коридора. В рубку влетел Уокер, и капитан от души понадеялся, что паранорм не слышал перепалки.

— Милости просим, — сказал Пауэлл.

— Да-да, бери стул, присаживайся, — как можно дружелюбнее подхватил Дэнтон.

И штурман, и бортинженер сейчас с огромной радостью порвали бы Уокера на лоскуты, но инструкция предписывала им быть вежливыми и обходительными. Ребятам и так нелегко, а тут еще сюсюкайся с виновником такой переделки.

— Я хотел сказать... — начал было Уокер, но запнулся.

— Говори-говори, — подбодрил его Аррильо, явно не желая уступать в терпимости Дэнтону. — Не стесняйся, парень.

Голос его звучал вежливо, но в глазах застыл холод.

— Я хотел извиниться. Мне, правда, очень жаль, — сказал Уокер. — Я бы и не полетел с вами, да вот мистер Уэйверли настоял.

— Мы все понимаем, — заверил его Дэнтон, сжимая кулаки.

— Ничего страшного, — согласился Аррильо.

— Но вы меня ненавидите. — И Уокер вылетел в коридор.

Пауэлл набросился на подчиненных:

— Вы что, совсем себя в руках держать не умеете? Забыли третье правило: «Проявляйте сочувствие и понимание»?

— А я что, не проявлял? — огрызнулся Аррильо, и Дэн-тон согласно кивнул.

— Проявлял он... Ты бы свою рожу со стороны видел!

— Виноват, капитан, — по форме извинился Аррильо. — Просто я не умею притворяться. Если мне человек не нравится, ничего с собой поделывать не могу.

Тут он зыркнул на Дэнтон — а Дэнтон на него в ответ.

— Сколько раз я вам говорил: воспринимайте Уокера как машину, — напомнил Пауэлл. — Аррильо, ты ведь со своими движениями чуть не целуешься!

— Так точно, — ответил бортинженер. — Но если я не в духе, то и обругать их могу, и ногой двинуть.

Да, в этом-то и недостаток работы с разумной машиной — на ней злобу не выместишь.

— Ладно, вы, двое, ведите себя тихо, — приказал капитан.

Аррильо оттолкнулся от пола и улетел в дальний конец рубки. Взяв колоду карт, начал раскладывать пасьянс. А Пауэлл удалился на мостик, чтобы подумать в одиночестве.

За бортом мерцали звезды. Мертвое пространство открытого космоса простиралось вокруг корабля. Бесконечная могила. Восемьсот миллионов километров.

Капитан сказал себе: «Выход есть. Иначе и быть не может».

Их ускоритель на паранормальной тяге сработал на старте, так почему не действует сейчас?

«Любому, кому предстоит работать с паранормами, следует ознакомиться с представленными ниже правилами, основанными на опыте...» — вспоминал Пауэлл.

Да уж, на опыте. Этот Уэйверли еще не знает, что такое настоящий опыт работы с паранормами!

«Как и любой другой механизм, этот требует ухода и соблюдения пунктов инструкции по эксплуатации...»

Ну так ведь они и соблюдали. Как могли. Чисто теоретически Уокер не пострадал и не поврежден. Почему же хитрый паранормальный механизм у него в мозгу не работает?

В отчаянии Пауэлл хлопнул себя по бедру. Такая сила в его распоряжении, такая махина — и не фурычит! Паранорм мог бы с легкостью отправить их домой... да что там, к альфе Центавра! К центру галактики... И на тебе, не заводится.

А все потому, что астронавтам непонятно, как управлять своим новым ускорителем.

Инструкция по эксплуатации... Пауэлл — не психотерапевт, ему не вытащить Уокера из депрессии. Он может лишь успокоить команду и дать паранорму спокойно работать.

Что же он упустил?

Пауэлл еще раз перечитал инструкцию, и вдруг у него в голове забрезжила идея. Она уже почти созрела, как вдруг его окликнули:

— Капитан!

— Что тебе?! — Впервые с начала полета Пауэлл позволил себе сорваться на подчиненном. Он был так близок к решению...

Под грозным взглядом командира Дэнтон отрапортовал:

— Уокер, сэр! Он заперся в каюте и, кажется, собирается покончить с собой!

Оттолкнувшись от стены, Пауэлл стрелой вылетел с мостика и метнулся по коридору в сторону кают-компании; Дэнтон — следом. Аррильо уже барабанил в дверь и кричал.

Оттолкнув бортинженера, Пауэлл позвал паранорма:

— Уокер! Отзовись!

Тишина.

— Принесите что-нибудь, чтобы взломать дверь, — шепотом велел капитан помощникам и снова позвал: — Уокер! Не глупи. слышишь?

Изнутри донесся слабый голос:

— Я уже все решил...

— Не вздумай! Как капитан, приказываю тебе...

Он замолчал, услышав булькающие звуки и хрип.

Вернулся Аррильо с паяльной лампой. Пока они плавили замок, Пауэлл мысленно зарекся никогда больше не летать на корабле с дверьми. Если он вообще куда-нибудь еще полетит...

Наконец замок сдался, и астронавты ворвались внутрь. Аррильо захохотал.

Несчастный депрессивный ускоритель, неуклюже дергая конечностями, парил между полом и потолком. От его шеи к потолочной подпорке тянулась веревка. Уокер, этот феерический идиот, решил повеситься в полной невесомости!

Скоро ситуация перестала забавлять космонавтов. Уокер задыхался, а им никак не удавалось ослабить петлю. Экипаж вертелся вокруг паранорма, лихорадочно пытаясь найти точку опоры. Наконец Дэнтон додумался пережечь веревку паяльной лампой.

Один конец веревки Уокер закрепил на потолке, другой обмотал вокруг шеи. А чтобы уж наверняка удавиться, завязал конец на потолке в «констриктор»: раз затянувшись, этот узел не ослабевает. И распутать его можно, только потянув за оба конца сразу, особым образом. На шее Уокер завязал рифовый узел, да еще так, чтобы самому до него не дотянуться. Взлетел к потолку и что было мочи оттолкнулся ногами. Узел затянулся...

В общем, паранорм чуть не умер, и только теперь команда поняла глубину его отчаяния.

— Держите его и не отпускайте, — приказал Пауэлл. Серdito глядя на багрового, кряхтящего Уокера, он пытался сообразить, как быть дальше.

Всю дорогу он нянчился с паранормом. Смазывал колесики механизма маслом сочувствия и направлял топливом похвалы. И что получил взамен?

Драгоценный ускоритель едва не самоуничтожился!

Нет, так дело не пойдет. Если надо заставить двигатель работать — так Пауэлл его и заставит. Не станет с ним церемониться и гладить по кожуху. К черту правила Уэйверли!

— Ну все, игры закончились, — обратился капитан ко всем сразу. — По местам. Мы стартуем!

Одного сурового взгляда хватило, чтобы команда беспрекословно подчинилась. Оттолкнувшись от стенки, Пауэлл вылетел из каюты.

Уже на мостике он мысленно прочитал молитву и включил интерком.

— Дэнтон. На месте?

— Так точно, сэр.

— Аррильо?

— На месте.

— Уокер?

— На месте, сэр.

— Готовность десять секунд. Включить главный привод. — Двигатели взревели. — Прибавить мощности, выжмем из корабля максимум.

— Так точно, капитан.

— Дэнтон, активировать вспомогательные приводы.

— Есть, сэр.

— Готовность шесть секунд. Уокер!

— Тут, сэр, — испуганно отозвался паранорм.

— Готовность четыре секунды, — предупредил Пауэлл, от души надеясь, что за такое короткое время Уокер не успеет разубедить себя в способности двигать корабль.

— Две секунды! — Хоть бы, ну хоть бы сработало. Сейчас или никогда...

Одна секунда.

— Пуск! Пошла, родимая! Уокер, действуй!

Корабль рванул вперед... но своим ходом, без ускорения Уокера.

— Молодец, Уокер, — хладнокровно сказал в микрофон Пауэлл. — Поддай еще газку.

Ходу между тем не прибавилось.

— Хорошо, хорошо, Уокер, — продолжал нахваливать паранорма капитан. — Аррильо, руби главный двигатель. Уокер, ну а дальше — ты сам.

Миг ожидания растянулся, казалось, на целую вечность. Но «Рисковый» понесся вперед. Рывок, только мягче того, что был на старте, — и звезды за бортом превратились в размытые полосы.

— Дэнтон сейчас скорректирует направление, — сказал паранорму Пауэлл. — Отличная работа, мистер Уокер.

Вот оно как получается. Правила Уэйверли работают только на Земле, ну а в космосе, под прессингом... Ладно, будет что рассказать дома.

Когда пришлось быстро и беспрекословно подчиняться приказам, паралич, внушенный Уокером самому себе, как рукой сняло. А значит, инструкции Уэйверли можно смело забыть. В космосе с паранормами работать надо по другим правилам:

«Лица, наделенные паранормальными способностями, тоже люди, и обращения заслуживают соответствующего. Сами же паранормальные способности следует воспринимать как рядовой талант и навыки определенного рода, а не проявление „инакости“».

— Сэр? — раздался из динамика голос Уокера.

— Слушаю.

— Разрешите прибавить ходу?

— Выполняйте, Уокер, — спокойным командирским голосом ответил капитан Пауэлл.

ЧЕМ ВЫШЕ ПОДНИМЕШЬСЯ...

— Ну что, космический заяц, выметайся. — Младший офицер улыбался широко, по-мальчишески.

— Может, обсудим это? — спросил Эдгарсон, спускаясь по трапу и стараясь не терять достоинства. — Вовсе не обязательно бросать меня в этой глуши... — Он указал на пустынную посадочную площадку, примитивные постройки из кирпича, асфальтовую дорогу — все признаки атомной отсталой цивилизации. — Поверьте, я отработаю проезд, только подбросьте меня в какое-нибудь цивилизованное...

Люк с лязгом захлопнулся. Эдгарсон вздохнул и поспешил отойти от корабля.

«Боже мой, — подумал он, — я даже не знаю названия планеты, на которую меня выбросили!»

Расправив плечи, он вышел на дорогу. Позади него корабль тихо и грациозно взмыл в небо. Как только он растворился в вышине, Эдгарсон позволил себе сосулиться.

Чертовы звездолетчики...

Впрочем, за что их винить? У безбилетников нет никаких прав — он знал это изначально. Просто у него не было другого выхода.

Когда все его деловые проекты на Мойре-2 потерпели фиаско, ему пришлось уносить ноги. Самый простой способ, если у тебя в кармане ни гроша, — спрятаться на борту корабля-дальнобойщика. Эдгарсону повезло — корабль взлетел как раз вовремя. Власти Звездного Пояса, украшением которого была Мойра-2, довольно строго относились к тому, что они называли «безответственными банкротствами».

Увы, капитан корабля не менее строго относился к «левому» грузу. Шестьдесят костлявых килограммов Эдгарсона сбросили на первой же по курсу планете с кислородной атмосферой.

И что теперь делать?

Эдгарсон оглянулся на дорожные указатели возле маленького космопорта. К счастью, они были на фаммийском, одном из распространенных языков галактики. Планета называлась Пориф. Раньше про такую он никогда не слышал.

Одна из табличек указывала на город Миф. Сунув руки в карманы, Эдгарсон двинулся в указанном направлении, шаркая ногами о грубое шоссе.

«Это конец, — сказал он себе. — Надежды никакой. Мне ни за что не выбраться с этой планеты».

Четыре раза он зарабатывал состояние и четыре раза терял из-за нелепой изменчивости финансовой системы Пояса.

«Я обречен, — думал он. — С тем же успехом можно повеситься».

Случайный автомобиль едва не сделал повешение излишним. Антикварный бензиновый драндулет мчался по шоссе со скоростью сто километров в час. Эдгарсон услышал рев мотора и обернулся. Авто было уже совсем рядом, его мотало из стороны в сторону. Эдгарсон вытаращил глаза: машина неслась прямо на него.

В последний момент, сбросив оцепенение, Эдгарсон отпрыгнул в придорожный ров.

Автомобиль остановился в тридцати метрах поодаль.

— Сумасшедший! — крикнул Эдгарсон предположительно по-фаммийски. Самоубийство — это, конечно, хорошо. Но когда тебя чуть не сбивают насмерть... — Эй, что ты делаешь? — крикнул он человеку, который начал сдавать машину задом. — Хочешь повторить попытку?

— Мне ужасно жаль, — сказал водитель, любезно улыбаясь. Он был крупного сложения, краснощекий и рыжеволосый. — Вот уж не хотел тебя напугать.

— Напугать? — рассердился Эдгарсон. — Черта с два. Ты меня чуть не убил!

— Ничего подобного. — Здоровяк внимательно оглядел Эдгарсона. — Ты еще не в том возрасте.

— Да ладно, — сказал Эдгарсон. — Умереть можно в любом возрасте.

— А-а, ты, наверно, с другой планеты, — догадался рыжий. — Я не сразу обратил внимание на твой акцент. Что ж, приятель, здесь ты не можешь умереть. По крайней мере, не сейчас.

— Я могу умереть в любом месте и в любое время, когда захочу, — сказал Эдгарсон и почувствовал себя глупо.

Рыжеволосый задумался на секунду, потирая нос веснушчатым указательным пальцем.

— Сколько тебе лет? — спросил он.

— Тридцать шесть.

— Так я и подумал, ты примерно моего возраста. Здесь, на Порифе, ты не можешь умереть, пока тебе не исполнится сорок четыре. По крайней мере, не в текущем цикле.

Эдгарсон не нашелся что ответить. Он просто удивленно разинул рот.

— Меня зовут Фаулз, — представился мужчина. — Могу подбросить до города.

Эдгарсон забрался в машину, и уже через несколько секунд Фаулз закладывал крутые виражи.

— Ты убьешь нас обоих, — охнул Эдгарсон. Пейзаж за окном со свистом проносился мимо.

— Может быть, я и в состоянии эйфории, — сказал Фаулз, — но статистика не подтверждает твои страхи. Я не убью ни тебя, ни себя. А машина застрахована.

Остаток пути Эдгарсон стоически хранил молчание. Пока он не выяснит, что представляет собой Пориф, лучше держать язык за зубами. Не хватало еще нарушить какое-нибудь табу.

Среди великого множества планет цивилизованной галактики встречаются довольно-таки странные места, где благоразумие и здравый смысл не стоят ни гроша. Где закон гравитации отменяется на шесть месяцев в году,

а постулаты земной науки воспринимаются как изящные фантазии.

Законы мироздания в формулировке ученых Земли и Пояса нисколько не волновали древнюю матушку-природу. Возможно, ей просто наскучило создавать однотипные Вселенные. Поэтому Эдгарсон вполне допускал, что здесь, на Порифе, он может умереть только по достижении сорока четырех лет.

— Вот мы и приехали, — радостно сообщил Фаулз, останавливаясь перед кирпичным домиком в пригороде. — Что я еще могу для тебя сделать? Какое-нибудь одолжение?

«Да, парень явно в состоянии эйфории, — подумал Эдгарсон. — Но это не повод отпускать его просто так».

— Временно я стеснен в средствах, — начал он вкрадчиво. — Может быть, ты...

— Ни слова больше, — прервал его Фаулз. — Будь моим гостем. Заходи в дом, располагайся. Сейчас я не могу отказать тебе ни в чем.

— Точно ни в чем? — Глаза Эдгарсона прищурились.

— Почти ни в чем. У меня сейчас пик альтруизма. Одна из моих особенностей. Конечно, через день или два это пройдет. Вероятно, потом я буду очень жалеть. Но сейчас — добро пожаловать!

Возле самой двери Фаулз остановился.

— Не обращай внимания на мою сестру, — прошептал он. — Настроение у нее не очень. Ты же знаешь, какими несносными бывают астеники. Сейчас она выбирается со дна депрессивного провала. Будь с ней добрее. — Он громко рассмеялся и толкнул дверь.

Внутри было именно то, чего Эдгарсон ожидал от жилища отсталой атомной эпохи: бутристые диваны, кляксообразные картины на стенах, нелепые шторы и дутые кресла.

Эдгарсон настороженно огляделся, пытаясь просчитать свои следующие ходы. Или его покровитель слегка съехал с катушек, или на этой планете и правда кроется нечто уникальное. Депрессивный провал! Даже жители

продвинутых регионов не оперируют в быту такими терминами.

— Наверное, ты психолог, — предположил Эдгарсон, усаживаясь в кресло.

— О нет, — улыбнулся Фаулз, — я пожарный. Время от времени.

— Время от времени?

— Ага. Сейчас у меня каникулы. Как и у всех наших.

— Тогда кто тушит пожары?

— Какие пожары? — удивился Фаулз.

Эдгарсон хотел было начать все заново, но тут вошла депрессивная сестра.

— Ох, как же я устала, — простонала она и рухнула на диван, игнорируя присутствие гостя.

Пару секунд он разглядывал ее, но, вспомнив о приличиях, быстро вскочил на ноги. Девушка была рыжеволосая, как и ее брат, но гораздо стройнее. Фаулз сказал, она — астеничка? Да, худощава, но и отчетливые припухлости, свойственные женскому полу, все на своих местах.

Эдгарсон приободрился. Самоубийство может подождать. В жизни снова забрезжил интерес. Возможно, даже коммерческий.

Долгое время разговор не клеился. Фаулз включил маленький экран, похожий на недоразвитого младшего брата трехмерного телевидения, и увлекся какой-то, предположительно комедийной, передачей. Рыжеволосая Хетта не шевелилась. Один раз она пробормотала что-то про жестокость мира, но так невнятно, что Эдгарсон не знал, что ответить.

Наконец она приподнялась на диване и попыталась улыбнуться.

— Видишь? — прошептал Фаулз. — Выбирается из депрессивной ямы.

Эдгарсон покачал головой. Пожарник, который не тушит пожары, зато демонстрирует знание психологии... Что ж, придется во всем этом разобраться.

— Приготовлю-ка я ужин, — объявила Хетта и соскочила с дивана.

Трапеза проходила очень приятно. Хетту очаровали истории о великом внешнем мире, которого она никогда не видела. Затаив дыхание слушала она рассказы Эдгарсона о межзвездной торговле и нелепом обвале фондового рынка на Мойре-2, в результате которого Эдгарсон разорился вчистую.

Поставив суп на стол, она спросила:

— Как такое могло случиться?

Эдгарсон улыбнулся ее очаровательной наивности.

— Или ты был не в цикле? — допытывалась она. — Разве ты не знал, что рынок собирается упасть?

Эдгарсон постарался объяснить, как работают рынки. Иногда можно поймать тренд, предсказать рост, подготовиться к падению. Но не всегда. И даже в самом лучшем случае прогноз поведения рынка — гадание на кофейной гуще.

— Но это нелепо! — воскликнула Хетта, очаровательно хмурясь. — Как можно жить в таком непредсказуемом мире? Я рада, что у нас все иначе.

— Прости мою сестру, — улыбнулся Фаулз. — Она ничего не знает о внешнем мире...

Эдгарсон пропустил его слова мимо ушей.

— У вас все иначе? Это как? — спросил он у девушки.

— Так, как написано в книгах, — пояснила она тоном, каким объясняют азбучные истины детям. — В статистических книгах. Если дела будут идти хорошо, статистические книги расскажут об этом.

— И книги никогда не ошибаются? — снисходительно спросил Эдгарсон.

Она покачала головой:

— Только не внутри цикла.

В этот момент зазвонил телефон. Фаулз встал из-за стола и взял трубку:

— Да. Да-да. Хм. Хорошо, я проверю. — Он прикрыл трубку ладонью. — Пожар в районе склада тридцать один. — Он задумался на секунду. — Не думаю, что огонь распространится дальше.

— Ты должен быть абсолютно уверен, — сказала Хетта. — Я принесу книгу.

— Одну минуту, — сказал Фаулз в трубку.

Хетта вернулась с толстенным томом. Книга называлась «Статистика пожаров, город Миф, цикл Б».

— Вот, — сказал Фаулз, переворачивая страницу. — Маргат-билдинг. Район склада тридцать один. Как я и думал.

Глядя через плечо Фаулза, Эдгарсон прочитал: «Маргат-билдинг. Вероятность 78,4%: крупного пожара не будет до 18 аргета».

— Алло, — сказал Фаулз в трубку. — Большого пожара не ожидается до восемнадцатого аргета, а сейчас еще даже не ховл. Для беспокойства нет причин. Скоро потухнет само собой.

Человек на другом конце линии, видимо, возразил. Фаулз резко ответил:

— Не надо рассказывать мне, приятель. Ведь я пожарный. В книге написано — семьдесят восемь целых четыре десятых процента против пожара. Позвони, если огонь пойдет дальше. — И повесил трубку.

— Вот так всегда. — Он повернулся к Эдгарсону. — Из-за какой-то искры готовы поднять всех на ноги. Не понимаю, почему бы не посмотреть статистику для своих зданий.

— Что-то я не пойму, — сказал Эдгарсон. — Есть на этом складе пожар или нет?

— Он говорит, что есть. Видимо, мусорный бак горит или типа того. У страха глаза велики, — ответил Фаулз, доедая суп.

Хетта убрала тарелки и принесла мясо.

— Но если человек заявляет о пожаре...

— Там не может быть большого пожара, — сказала Хетта. — Иначе бы его отразила статистика.

— Статистика может ошибаться, — возразил Эдгарсон, вспоминая свои верные ставки, которые в итоге приносили убытки.

— Только не эта, — сказал Фаулз.

Снова зазвонил телефон.

— Алло, — произнес Фаулз в трубку. — Так я и думал. Конечно, он прогорел и погас сам собой. Нет, вы не помещали, не беспокойтесь. Но, пожалуйста, купите книгу по

статистике пожаров. Тогда вам не придется то и дело звонить на пожарную станцию. Уверяю вас, если случится настоящий пожар, мы прибудем еще до его начала. Спокойной ночи.

— Можно взглянуть на пожарную книгу? — спросил Эдгарсон. Фаулз протянул ему толстый том, и Эдгарсон стал листать его, читая случайные записи.

«Ферма Джоенсона. Вероятность 56%: крупного пожара не случится до 7 ховла».

«Городской парк. Вероятность 64%: крупного пожара не случится до 1 эгла. Вероятность 89%: пожар 19 эгла, выгорит двадцать гектаров в северо-восточном углу».

Остальные записи были в том же ключе.

— Не понимаю. — Эдгарсон захлопнул книгу. — Да, можно рассчитать вероятность даже для пожаров. Так работают страховые компании. Но откуда вы знаете, что пожара точно не будет? Ведь если вероятность того, что он не случится, равна семидесяти процентам — хоть я и не могу понять, откуда взялась эта цифра, — то все еще остается тридцать процентов за то, что пожар произойдет.

— Только не у нас, — сказал Фаулз с оттенком гордости. — Не на Порифе. Вероятность выше пятидесяти процентов — это все равно что сто процентов. Внутри цикла, конечно. Мы не верим в исключения. Вероятное — неизбежно.

— И это справедливо для всего, что здесь происходит? — спросил Эдгарсон.

— Конечно. Вот почему я знал, что не собою тебя. Согласно статистике в этом цикле не погибнет ни один человек моложе сорока четырех лет. За редкими исключениями, ни одно из которых не касается тебя никаким боком.

— Сколько длится цикл?

— Десять лет. Потом начинается следующий. Пойдем в библиотеку, я покажу другие книги.

Целую стену в библиотеке Фаулза занимали тома «Экономическая статистика, цикл Б». Эдгарсон полистал некоторые из них. Книги содержали прогнозы для каждого вида хозяйственной деятельности до самого конца цикла. Они показывали возможные прибыли и потери, причем

с понедельной разбивкой. Там были списки компаний, которые обанкротятся, и списки компаний, которых ожидал взрывной рост.

Бегло просматривая страницы, Эдгарсон выхватывал отдельные записи: «Джинингс Карбон, обыкновенная акция: продажа 145,1 марстга. Вероятность 56%: рост до 189 в течение двух недель. Без изменений до егла. Далее, вероятность 89%: рост до 720. Отскок до 700 и быстрый непродолжительный рост до 842...» Это было итоговое резюме. Понедельная разбивка предлагалась ниже.

— И все это правда? — спросил Эдгарсон.

Хетта заглянула ему через плечо:

— Да, конечно. Сейчас курс акций — сто восемьдесят девять. И дальше пойдет так, как написано.

— Боже мой! — Эдгарсон захлопнул книгу. Если данные соответствуют действительности, то можно нажать целое состояние, купив акции сейчас и продав по восемьсот сорок два позже. Полученная прибыль составит...

— Стоп, — сказал он. — Этого не может быть. Если каждый пойдет и купит эти акции, прогноз изменится.

— Не изменится, — усмехнулся Фаулз. — Вероятные покупки акций скрупулезно подсчитаны. Никто не будет вкладываться в акции одной компании. Мы распределяем вложения равномерно — и на растущие, и на падающие бумаги. Мы, жители Порифа, не гонимся за быстрой прибылью.

«Вот и конец моим бедам, — подумал Эдгарсон. — Нужно только узнать, всегда ли прогнозы сбываются. Если всегда, то здесь золотая жила.

Предсказуемый рынок акций! Предсказуемый бизнес — никаких потерь! Возможно, они предсказали еще и землетрясения, и наводнения. Имея голову на плечах, можно сколотить состояние за год. Или даже быстрее.

Но нужен стартовый капитал. Надо придумать, где его раздобыть».

Эдгарсон заметил, что Хетта бросает на него заинтересованные взгляды. Это хорошо. Причем бросает исподтишка. А это еще лучше. Он понял, что раздобыть стартовый капитал будет не так уж трудно.

Утром, не мешкая, Эдгарсон направился в библиотеку Фаулза. У порифианина был неполный комплект статистических книг, но он собрал все, что относилось к его родному городу Миф и области.

Даже не позавтракав, Эдгарсон углубился в чтение, переходя от одной книги к другой. Сто девяносто томов «Экономической статистики, цикл Б» — ничего себе собрание сочинений. В книгах описывалось будущее каждой компании на планете, и Эдгарсон не мог усомниться в правдивости данных. Сухой и содержательный язык текстов вызывал доверие сам по себе.

«Джакнкс Мауф, Ко. Обычная акция: 23. 13 луггата, вероятность 76%: рост до 26. 19 луггата, вероятность 93%: рост до 28. 1 менера, вероятность 98%: падение до 18».

Разве это могло вызывать сомнения?

Эдгарсон решил исследовать историю вопроса. Съев завтрак вместо обеда, он отправился в городскую библиотеку. Сравнивая данные из старых газет и устаревших статистических книг, он пришел к выводу: все предыдущие прогнозы сбылись на сто процентов.

Он стал разбираться дальше. Как выяснилось, цикл длится десять оборотов планеты вокруг светила, то есть десять лет. Между циклами бывает промежуток, очевидно, для сбора и публикации статистических данных на следующий цикл. Циклы всегда помечаются буквами «А» или «Б», которые чередуются.

Сравнивая циклы, Эдгарсон не нашел между ними особых различий. Несколько новых компаний взамен обанкротившихся; несколько пунктов в ту или другую сторону в оценке вероятности. Но ничего кардинально нового.

Эдгарсона не интересовала теория, он жаждал прибыли. Но все же он считал своим долгом выяснить почему. Поэтому он зарылся в кучу справочников.

В дом Фаулза он вернулся поздно вечером. Познакомившись с историей Порифа и психологией порифиан, Эдгарсон нашел ответы на некоторые вопросы. Согласно учебнику психологии, порифиане были проще землян и жителей Звездного Пояса и вели себя более предсказуемо.

Не составляло труда составить ясную, четкую картину личности порифианина, что в случае с человеком Земли было невозможно.

Индивидуальная психология оказалась труднее всего, но после ее освоения сводная психология далась на порядок легче. Эдгарсон обнаружил, что порифиане — конформисты. Сознательно и неосознанно они верили своей статистике и хотели, чтобы ее предсказания сбывались. Часто они меняли свои планы только затем, чтобы вписаться в предсказанный сценарий. На взбалмошной Мойре-2 такое было бы невозможно.

Излюбленное занятие большинства миров — война. Горстка планет обрела смысл жизни в искусстве или религии. На Порифе же главной страстью была статистика и вероятности. Казалось, порифианам помогает сама природа. Своенравная старая леди отменила здесь стандартный закон усреднения. Здешняя константа — не процесс уравнивания, а точность прогнозов. Например, если возгорание возникало раньше срока, то не было сквозняка, чтобы раздуть слабый огонь до масштабов пожара. А если человек попадал в катастрофу раньше, чем ему было предсказано, то каким-то чудом его отбрасывало в сторону — так, чтобы он не пострадал.

В общем, природа решила сделать Пориф понятным и предсказуемым местом для жизни. И подходящим местом для землянина, желающего быстро сколотить капитал.

С этой мыслью Эдгарсон уснул. Наутро он спустился в библиотеку, чтобы снова поразмыслить над своими планами. Усевшись в пухлое кресло Фаулза, он бросил в рот местную разновидность сливы и задумался.

Первый шаг к богатству — стартовый капитал, а первый шаг к стартовому капиталу — женитьба на Хетте. Получив после женитьбы доступ к ее деньгам, он сможет играть на бирже — если, конечно, можно назвать игрой верное дело. У него есть полгода до конца цикла Б. К этому времени он должен разбогатеть.

Да и жениться на Хетте не так уж и неприятно — Эдгарсону нравились рыжеволосые астенички с женственными формами.

Не откладывая на завтра то, что можно сделать сегодня, сказал он себе. Хетта ушла по магазинам, Фаулз уехал дожидаться пожара на отдаленной ферме. Эдгарсон отыскал подборку книг «Население. Статистические данные, цикл Б» (170 томов, перекрестное индексирование). Хетту он обнаружил на странице 1189 в томе 23. Она была классифицирована как «неуравновешенный астеник женского пола, темно-рыжая, 32-saa3b».

Согласно справочнику, персона с характером Хетты подчинялась пятидневному эйфорично-депрессивному циклу, типичному для рыжеволосых астеников. Депрессивный провал начинался на закате третьего дня. В это время рыжеволосым астеникам требовались комфорт, поэзия, понимание, тихая музыка и красивые закаты.

Эдгарсон усмехнулся, записал информацию в блокнот и вернулся к чтению.

Пик эйфории наступал на пятый день и продолжался почти два часа. Этот период характеризовала сильная склонность к влюбленности (вероятность 89%), жажда приключений и тяга к загадочному и неизвестному.

Эдгарсон усмехнулся еще шире и продолжил читать дальше.

На пятидневный цикл накладывался другой, более масштабный и менее выраженный цикл длительностью тридцать пять дней. Он носил название «вторичный ритм нежности».

Книга содержала и массу других полезных подробностей.

Эдгарсон составил график циклов Хетты на следующий месяц с комментариями и подсказками самому себе и дочитал последний параграф.

Неуравновешенность Хетты была общей особенностью всех рыжих астеников. «Патологические наклонности, крайняя подавленность — вероятность 7 %». Что, по меркам Порифа, означало «равно нулю».

Вооруженный знаниями, Эдгарсон приступил к уходу.

— Позволь рассказать тебе о космосе и великих планетах, — предложил он Хетте, когда та была на пике эйфории.

— О, конечно, расскажи, — обрадовалась Хетта. — Как бы я хотела отправиться в путешествие!

— Почему бы и нет? — сказал Эдгарсон, осторожно вытягивая руку вдоль спинки дивана. — Почему бы не погонять на двухместном скутере меж звездами? Испытать приключения в незнакомых портах! Получить незабываемые впечатления в отдаленных краях!

— Как это замечательно! — воскликнула Хетта и не отодвинулась, когда его рука мягко обняла ее за плечи.

В свободное от ухаживаний время Эдгарсон штудировал деловую статистику. Он составил список из десяти компаний, которым был обещан бурный рост, рассчитал, сколько времени следует держать их акции, во что вложить полученную прибыль и что можно купить на маржинальный кредит. По его расчетам, к концу месяца прибыль должна была составить несколько сотен тысяч.

— Ты такая изысканная, — промурлыкал он Хетте на экстремуме ее ритма нежности. — Такая чудесная. Такая трогательная.

— Правда?

— Да, — вздохнул Эдгарсон. — Как бы я хотел...

— Что?

— Ах, ничего. — Он вздохнул еще раз и завел душещипательный рассказ о вымышленных событиях своего детства. Это сработало. На Эдгарсона обрушилась вся нерастраченная нежность Хетты.

— Бедный мальчик, — прошептала она.

Вездесущая рука Эдгарсона обняла ее.

— Я люблю тебя, Хетта, — хрипло проговорил он, чувствуя себя полным идиотом. Да, к такому пафосу он не привык. На Земле и Мойре-2 известные вопросы между мужчинами и женщинами решались легко и к обоюдному удовольствию за какие-то пять минут. Но на Порифе, и тем более с девушкой вроде Хетты, такой подход явно не годился.

Продолжая играть роль сентиментального влюбленного, Эдгарсон не забывал и о своем бизнес-плане. Если верить данным «Деловой статистики», в конце цикла у него будет десять миллиардов чистой прибыли. Он просчитал

все: как получит первый доход, сколько реинвестирует, насколько расширится на марже, сколько положит под проценты. Дальше он планировал вложить деньги в землю, фермы, водоканалы, страховые компании, банки и государственные бумаги. Десятилетний цикл заканчивался через несколько месяцев. И он хотел обезопасить свои активы на период между циклами.

Эдгарсон сделал предложение, когда у Хетты начался депрессивный провал. Он накупил ей сладостей, окружил девушку заботой и любовью. Фонограф играл ее любимые песни, которые предлагал Эдгарсон. И в довершение ко всему ее глазам предстал великолепный красочный закат — мечта любого любителя закатов.

Конечно, это было неслучайно. Эдгарсон тщательно все спланировал. Закат он подобрал в «Погодной статистике, цикл Б» по наводке из холинимской «Великой книги закатов».

Его предложение руки и сердца имело предсказанный с вероятностью 89,7% успех. Через три дня они поженились.

Вооруженный деньгами жены, которых оказалось даже больше, чем он ожидал, Эдгарсон приступил к инвестированию. До конца цикла оставалось пять месяцев, и он собирался использовать их как можно более эффективно.

Статистические книги не подвели. Прибыль росла именно так, как он запланировал, — с точностью до последнего десятичного знака.

Эдгарсон попытался подбить новоиспеченного шурина на пару беспроигрышных ставок, но у Фаулза был период утрюмости. Он держался за свой небольшой пакет заурядных акций и решительно отказывался играть на бирже.

— Да что с тобой такое? — спросил как-то Эдгарсон, когда его прибыль перевалила за восемьсот тысяч. — Ты не веришь вашей же статистике?

— Конечно верю, — сердито зыркнув на зятя, ответил Фаулз. — Но мы дела так не делаем.

Ответ Фаулза поставил Эдгарсона в тупик. Отказываться от денег, которые буквально сыплются в руки! Именно эта черта больше всего отличала жителей Порифа от землян.

— Ты совсем не будешь покупать акции? — спросил Эдгарсон.

— Обязательно буду. Я куплю пакет «Хемстел лимитед».

Эдгарсон заглянул в «Деловую статистику», которая стала для него настоящей библией, и нашел названную компанию. Судя по прогнозу, ее ждали в текущем цикле с вероятностью 77% значительные убытки.

— Ну и зачем ты их покупаешь?

— Им нужен оборотный капитал. Это молодая компания, и по моим расчетам...

— Все, хватит! Ты меня утомляешь, — сказал Эдгарсон.

Фаулз одарил его еще более мрачным взглядом и ушел.

А что я могу поделаться, сказал себе Эдгарсон. И потом, кто-то же должен вкладываться в неперспективные акции. Все не могут разбогатеть. Поддерживая проблемные компании, порифианцы поступают благородно. И что с ними делать? Таких не переубедишь.

Остается только забрать их деньги.

Наступили горячие деньки. Нужно было покупать точно вовремя и продавать точно вовремя. Порифианский фондовый рынок напоминал оркестр: чтобы получить от него максимум отдачи, требовалось играть точно, как по нотам.

Дела Эдгарсона шли в гору.

Теперь он почти не уделял внимания Хетте. Еще бы, ведь сколачивание крупного капитала — это работа без выходных. Эдгарсон рассчитывал, что наверстает упущенное позже. Кроме того, Хетта и так считала, что он замечательный муж.

С приближением конца цикла Б Эдгарсон начал готовиться к промежутку между циклами. В течение года будут составляться и публиковаться прогнозы на следующий цикл. В этот период Эдгарсон не хотел рисковать.

Большинство его активов должны преодолеть промежуток между циклами Б и А без особых потерь. Это акции высоконадежных компаний с высокими значениями вероятностей. Но он желал абсолютной уверенности, поэтому продал наиболее рискованные акции и вложил деньги в фермы, городскую недвижимость, отели, парки, государственные облигации... в общем, во все самое надежное.

Сверхприбыли он разместил в банках. Конечно, даже самый надежный банк может разориться. Но не пять таких банков! Не десять!

— Хочешь хороший совет? — спросил шурин за два дня до конца цикла. — Бери акции «Верст». Покупай их, да побольше.

Заглянув в книги, Эдгарсон узнал, что «Верст» — на пороге конкурсного управления, и холодно посмотрел на Фаулза. Порифианина, видимо, не радует его присутствие в доме. Фаулз не одобрял методы, какими Эдгарсон прибегает к рукам денежки, вот он и пытается ставить ему палки в колеса.

— Я обдумую твоё предложение, — сказал Эдгарсон, провожая Фаулза к двери. Зачем спорить с идиотом?

Наступил последний день цикла Б. Эдгарсон просидел все утро у телефонов в ожидании новостей.

Зазвонил телефон.

— Да.

— Сэр, падают акции «Маркинсон компани».

Эдгарсон улыбнулся и повесил трубку. Акции «Маркинсон» — отличная инвестиция. Они отыграют любые потери. После того как они пройдут через этот провал — если это действительно провал, — у них будет десять лет, чтобы наверстать упущенное. Вот тогда-то он их и сбросит!

«Бери много, оставляй мало», — таков был его девиз.

Телефоны стали звонить чаще. Все больше компаний, в которые он вложился, объявляли себя банкротами и прекращали работу. Производства останавливались. Железная руда шла на бирже по цене шлака. Рудники обесценивались.

Но Эдгарсон не бил тревогу. У него еще были фермы, недвижимость, страховые компании, судоходные пути, гособлигации...

Следующий звонок принес известие о его самой крупной ферме: она сгорела дотла. Погибли зерновые, и вообще все...

— Хорошо, — сказал Эдгарсон. — Получайте страховку.

Следующий звонок сообщил, что головная страховая компания обанкротилась вслед за гарантами размещения.

Эдгарсон начал беспокоиться. Да, его корабль получил несколько серьезных пробоин, однако потеряно еще далеко не все...

Кошмар продолжался. Телефоны трезвонили день и ночь. Банки закрывались один за другим. Флагманские предприятия Эдгарсона теряли капитал и прекращали работу, как, впрочем, и остальные его компании. Фермы сгорали дотла, наводнения размывали дороги, трубопроводы взрывались. Люди терпели убытки и подавали на Эдгарсона в суд. Налетели ураганы, за ними последовали землетрясения. Прорвало все плотины, построенные за последние сто лет. Рушились здания.

«Стечение обстоятельств», — говорил себе Эдгарсон, смертельной хваткой удерживая боевой дух на высоте.

Правительство объявило о временном переходе на внешнее управление — если найдутся желающие, конечно. На этой новости Эдгарсон потерял несколько миллиардов, по сравнению с чем его прежние потери можно было считать слабым преуспеванием.

Прошел месяц, и Эдгарсон потерял большинство своих активов. Шатаясь в прострации по дому, он забрел в библиотеку Фаулза. Хетта, свернувшись клубочком, сидела в углу — видимо, снова пребывала в депрессии. Фаулз стоял в центре комнаты, скрестив руки на груди, и смотрел на Эдгарсона с глубоким удовлетворением.

— Что происходит? — хрипло спросил Эдгарсон.

— В период между циклами, — объявил Фаулз, — все вероятности меняют значение на противоположное.

— Что?

— Ты не знал? — удивился Фаулз. — А я думал, ты крупный финансист.

— Объясни.

— Как, по-твоему, статистики получают свои цифры? Если бы прогнозы с высоким значением вероятности исполнялись всегда, они были бы стопроцентными. Все события, вероятность которых ниже пятидесяти процентов, то есть те, которые не произошли в течение цикла, случаются как раз в промежутке между циклами.

— Не может быть, — выдохнул Эдгарсон.

— Смотри. Допустим, тебе нужно уравнивать некие шансы — в соответствии с законом природы. Что-то на девяносто процентов истинно. На протяжении десяти лет эти девяносто процентов работают как сто. Чтобы девяносто-процентный прогноз не нарушал закона природы, в течение следующих десяти лет это что-то должно быть на десять процентов ложно. Или стопроцентно ложно на протяжении одного года. Понимаешь? Если все десять лет цикла предприятие было на девяносто процентов успешным, то в год между циклами оно станет стопроцентно неблагоприятным. И никак иначе.

— Повтори еще раз, — с трудом выдавил Эдгарсон.

— Думаю, ты все понял, — сказал Фаулз. — Вот почему все мы покупаем акции с низкой вероятностью роста в течение цикла. В промежуточный год они показывают отличный результат.

— О боже, — сказал Эдгарсон и упал в кресло.

— Ты же не думал, что твои акции будут расти вечно? — спросил Фаулз.

Эдгарсон именно так и думал! Вернее, принял как должное.

Разумом он понимал, что Фаулз прав. На других планетах шансы уравниваются постоянно. Но не на Порифе. Здесь все идет или в одну сторону, или в другую. Десять лет все идет к максимуму. А потом всего за год откатывается на прежний минимум. Ну да, все уравнивается. Но каким диким способом!

Фаулз вышел, но Эдгарсон даже не заметил этого. Где-то настойчиво звонил телефон.

— Да? — Эдгарсон взял параллельную трубку, некоторое время слушал, потом бросил. Его долг достиг нескольких миллиардов, сообщили ему, главным образом из-за маргинальных покупок. А на Порифе безответственных банкротов сажают в тюрьму.

— Что ж, — сказал Эдгарсон. — Наверное, я должен...

— Не двигайся, черт бы тебя побрал, — злобно проговорила Хетта, поднимаясь на ноги. Обеими руками она сжимала револьвер — древний, основанный на химической реакции. В цивилизованных мирах такие не используют уже много веков, однако его убойная сила от этого не стала меньше.

— О, как же я тебя ненавижу! — заявила Хетта со свойственной ей экзальтацией. — Я ненавижу всех, но ты самый худший. Не двигайся!

Эдгарсон прикинул вероятность благополучно выпрыгнуть в окно. К несчастью, под рукой не было книги, чтобы посмотреть точную цифру.

— Я выстрелю тебе в живот, — прошипела Хетта с улыбкой, от которой он похолодел. — Хочу наблюдать, как ты будешь умирать — медленно, мучительно...

Вот оно! Семипроцентная нестабильность Хетты вышла на первый план — точно так же, как и незначительные шансы ураганов, наводнений и землетрясений. Его жена превратилась в убийцу!

«Неудивительно, — подумал Эдгарсон, — что она так легко согласилась выйти замуж: вряд ли кто из местных решился бы на такой брак».

— Хватит дергаться, — сказала Хетта, прицеливаясь.

Эдгарсон вышиб окно и едва не оглох от выстрела. Он даже не остановился, чтобы посмотреть, не ранен ли он, и со всех ног припустил в космопорт. Он надеялся, что у побега есть хоть какая-то вероятность успеха.

— Ну что, космический заяц, — с ухмылкой произнес младший офицер. — Выметайся!

Он подтолкнул Эдгарсона вниз по трапу.

— Где я? — спросил Эдгарсон.

На Порифе он успел вбежать на борт корабля прежде, чем его схватила разгневанная толпа. Капитан согласился взять его до первой остановки, но не дальше.

— А какая разница? — спросил офицер.

— Если б вы подбросили меня до какого-нибудь цивилизованного места...

Люк с лязгом захлопнулся.

«Вот и все, — сказал себе Эдгарсон. — Конец пути, глухая стена. Еще одна провинциальная планета, с которой ни за что не выбраться. Уж лучше сразу покончить с собой».

— Привет, — раздался голос.

Эдгарсон поднял глаза. Прямо перед ним стоял зеленокожий туземец. На всех трех его руках были браслеты, которые выглядели как платиновые. Каждый браслет был инкрустирован крупными камнями. Камни блестели и переливались, словно бриллианты.

Зеленокожий катил тачку с землей. Тачка на вид была из чистого золота.

— Как дела, приятель? — Эдгарсон широко улыбнулся и шагнул навстречу туземцу.

ЧАС БИТВЫ

— Ну что, не сдвинулась? — спросил Эдвардсон, не оборачиваясь.

Он стоял у иллюминатора и смотрел на звезды.

— Нет, — отозвался Морс.

Битый час он не сводил глаз со стрелки детектора Аттисона. Трижды быстро моргнув, он снова уставился на прибор.

— Ни на миллиметр, — добавил Кассель из-за панели управления огнем.

Так оно и было. Черная тонкая стрелка замерла на нулевой отметке.

Ракетные пушки ждали своего часа, уставив черные жерла в черный космос. Детектор Аткинсона гудел, и этот ровный гул действовал успокаивающе, напоминая, что устройство соединено с другими такими же и вместе они образуют гигантскую сеть вокруг Земли.

— Какого черта они ждут? — Эдвардсон по-прежнему глядел на звезды. — Почему не летят? Почему не нападают?

— Заткнись, — буркнул Морс.

Вид у него был встревоженный и усталый. Старый шрам на левом виске, память о лучевом ударе, издали казались нарисованным.

— Да заявили бы они уже, что ли. — Эдвардсон оторвался от иллюминатора и двинулся к своему креслу, пригибая голову из-за низкого потолка. — Что? А ты разве этого не хочешь?

Лицо у Эдвардсона было узкое и опасливое, как у мыши, но мыши хитрой, от которой кошкам лучше держаться подальше.

— Не хочешь? — повторил он.

И не дождался ответа. Товарищи были заняты делом — неотрывно глядели на шкалу детектора.

— Времени у них было достаточно, — сказал Эдвардсон, ни к кому не обращаясь.

Кассель облизнул губы, зевнул.

— Кто-нибудь хочет забить козла? — спросил он, тряся бородой.

Бороду он носил со студенческих времен и уверял, что может продержаться без воздуха почти четверть часа только за счет содержащегося в фолликулах волосков кислорода. Правда, Кассель ни разу не вышел в космос без шлема, чтобы доказать это.

Морс повернул голову, и Эдвардсон машинально уставился на стрелку. Все как всегда. Это стало их жизнью, вошло в подсознание. Они скорее друг другу глотки пережгут, чем оставят прибор без наблюдения.

— Как думаете, скоро мы их увидим? — Карие мышинные глазки Эдвардсона прикипели к стрелке.

Ему никто не ответил. Два месяца в космосе — и темы для разговоров исчерпаны. Студенческие приключения Касселя и боевые победы Морса больше никого не интересуют. Даже собственные мысли и мечты вызывают смертную тоску, как и ожидание вторжения, которое может произойти в любую минуту.

— Лично меня интересует только одно, — с легкостью завел привычную шарманку Эдвардсон. — Как далеко дотягивается их сила?

Целыми днями они рассуждали о телепатических возможностях неприятеля, много раз клялись оставить эту тему, но неизменно возвращались к ней. Профессиональные солдаты, они не могли не думать о враге и его оружии. Только об этом и говорили.

— Ну, — тихо ответил Морс, — сеть наших детекторов контролирует систему далеко за орбитой Марса.

— Где мы и находимся, — сказал Кассель, не сводя глаз с прибора.

— Возможно, они даже не знают, что у нас сеть детекторов. — Эти слова Морс повторял уже тысячу раз.

— Да ладно! — ухмыльнулся Эдвардсон. — Они же телепаты. Наверняка просканировали мозг Эверсета.

— Эверсет не знал про детекторы. — Морс снова перевел взгляд на прибор. — Его захватили раньше, чем была развернута сеть.

— Ну и что? — сказал Эдвардсон. — Им достаточно было спросить: «Слушай, как бы ты поступил, если бы узнал, что раса телепатов хочет захватить Землю? Чем бы защитил свою планету?»

— Нелепое рассуждение, — возразил Кассель. — Возможно, Эверсет даже и не подумал бы о таком способе обороны.

— Но ведь он человек. И мыслит как человек. Все согласились с тем, что такая защита — самая надежная. И Эверсет согласился бы.

— Силлогизм, — проворчал Кассель. — Очень шаткий довод.

— Плохо, что его захватили в плен, — вздохнул Эдвардсон.

— Могло быть и хуже, — отозвался Морс. Взгляд у него был печальнее, чем всегда. — Что, если бы сцапали обоих?

— Скорее бы они заявили, — повторил Эдвардсон.

Ричард Эверсет и К. Р. Джонс совершали первый межзвездный перелет и в системе Веги обнаружили обитаемую планету. Дальше, как обычно, все решил жребий — монетка. И на планету в разведывательном скутере полетел Эверсет. Джонс оставался на корабле и поддерживал радиокontakt.

Запись их разговора потом транслировали по всей Земле.

— Встретил туземцев, — передавал Эверсет. — Какие забавные! Опишу тебе их позже.

— Они пытаются как-то объясниться? — спросил Джонс, ведя корабль по снижающейся спирали.

— Нет! Постой... Черт возьми! Они телепаты! Представляешь?

— Чудненько. Продолжай.

— Слушай, Джонс, они мне не нравятся. Эти ребята задумали какую-то гадость. О господи!

— Что случилось? — Джонс поднял корабль чуть выше.

— Плохо дело. Эти гады одержимы властью. Они захватили все близлежащие звездные системы и сейчас собираются...

— Что?

— Нет, я не так их понял. — Голос Эверсета вдруг потеплел. — И совсем они не плохие.

Соображал Джонс быстро, к тому же отличался природной подозрительностью. Он поставил автопилот на максимальное ускорение, лег на пол и сказал:

— Рассказывай дальше.

— Спускайся сюда, — предложил Эверсет, нарушая все мыслимые регламенты. — Сам увидишь. Отличные ребята, никогда не встречал таких...

Здесь разговор прекратился, потому что Джонса вжало в пол ускорение в двадцать G — он хотел, чтобы корабль быстрее набрал скорость, необходимую для совершения С-прыжка.

Джонсу сломало три ребра, но он вернулся домой.

Итак, телепатическая раса начала войну. И как теперь быть Земле?

Информацию, которую доставил Джонс, тщательно проанализировали и сделали выводы. Самый очевидный из них был таков: телепаты без труда воздействуют на мозг человека. Они быстро внушили Эверсету что хотели и стерли все его подозрения. Завладели сознанием легко и просто.

Но почему они не влезли в мозг Джонса? Помешало расстояние? Или просто не были готовы к его неожиданному отлету?

Ясно одно: противник теперь знает все, что знал Эверсет. То есть врагам известно, где расположена Земля и насколько она незащищена перед телепатами. Следовательно, вскоре они пожалуют в гости. Нужно найти хоть какую-то

защиту от их мощной способности. Но какую? Где взять броню против мысли? Как уклониться от пси-волны?

Ученые с красными от недосыпания глазами непрерывно обсуждали свои периодические таблицы.

Как понять, что мозг человека взят под контроль? Да, в случае с Эверсетом враг действовал не очень шустро. Но будет ли так всегда? Что, если телепаты умеют делать правильные выводы из собственных ошибок?

Психологи рвали на себе волосы и посыпали голову пеплом. Как отличить человеческую мысль от нечеловеческой, по каким критериям?

В любом случае надо было что-то делать, и делать срочно. Но что? Технологическая планета выдвинула технологическое решение: построить космический флот и оснастить его специальными датчиками и орудиями. Что и было исполнено в кратчайшие сроки.

Был создан детектор Аттисона — нечто среднее между радаром и электроэнцефалографом. Любое отклонение от типичной волновой картины человеческого мозга вызвало бы движение стрелки прибора. Даже кошмарный сон или нарушение пищеварения, а попытка воздействовать на мозг человека и подавно.

Звездолеты с экипажами по три человека заполнили пространство между Землей и Марсом, образовав гигантскую сферу с Землей в центре. Десятки тысяч людей склонились над пультами, пристально наблюдая за стрелками детекторов Аттисона.

А стрелки не двигались.

— Может, пальнуть разок-другой? — спросил Эдвардсон, положив палец на красную кнопку. — Чисто для проверки орудий.

— Они не нуждаются в проверке, — ответил Кассель, поглаживая бороду. — Кроме того, на других кораблях нас не поймут. Еще, чего доброго, паника поднимется.

— Кассель, — с ледяным спокойствием произнес Морс, — оставь свою бороду в покое.

— Почему?

— Потому, — прошипел Морс. — Потому что я сейчас записхну ее в твою жирную глотку.

Кассель широко улыбнулся и сжал кулаки.

— А ну попробуй! — сказал он, вставая с кресла. — Меня вот тоже достал твой шрам.

— Прекратите! — рявкнул Эдвардсон. — И следите за стрелкой.

— Чего ради? — Морс откинулся в кресле. — К системе подведен сигнал тревоги. — Но он все же посмотрел на шкалу.

— А вдруг звонок не сработает? — спросил Эдвардсон. — Хотите, чтобы кто-то залез в ваши мозги?

— Звонок сработает, — сказал Кассель.

Его взгляд тоже переместился с лица Эдвардсона на шкалу прибора.

— Пойду-ка я вздремну, — вздохнул Эдвардсон.

— Постой, — сказал Кассель. — Забьем козла?

— Можно.

Эдвардсон достал колоду засаленных карт, а Морс снова уставился на стрелку.

— Скорей бы они прилетели, — сказал он.

— Славай. — Эдвардсон протянул Касселю колоду.

— Интересно, как они выглядят, — проговорил Морс, глядя на шкалу.

— Может, как мы, — ответил Кассель, не упуская из виду прибор.

Он раздавал карты медленно, по одной, будто надеясь найти под ними что-то интересное.

— Надо было послать с нами еще одного, — произнес он наконец. — Могли бы тогда играть в бридж.

— Я не умею, — ответил Эдвардсон.

— Научился бы.

— Почему мы сами не послали флот? — не унимался Морс. — Почему не разбомбили их планету?

— Не пори чушь, — ответил Эдвардсон. — Конеч бы тогда всем нашим звездолетам. То есть, возможно, они бы и вернулись, но с противоположной целью.

— Ты проиграл, — констатировал Кассель.

— В тысячный раз! — рассмеялся Эдвардсон. — Сколько я тебе должен?

— Три миллиона пятьсот восемьдесят долларов.

— Скорей бы они прилетели, — повторил Морс.

— Выписать чек?

— Не спеши. Выпишешь через недельку.

— Нет, кто-то должен разобраться с этими уродами. —

Морс заглянул в иллюминатор.

Кассель перевел взгляд на прибор.

— Я тут кое о чем подумал, — сказал Эдвардсон.

— О чем?

— Наверное, ужасно, когда кто-то управляет твоими мыслями. Наверное, это вообще невыносимо.

— Если это с тобой произойдет, ты сразу почувствуешь, — пообещал Кассель.

— А Эверсет почувствовал?

— Скорее всего. Но только ничего не мог поделать. А вообще, с моим-то мозгом все в порядке. Но если кто-то из вас, парни, начнет вести себя как... в общем, не как обычно... держитесь!

Они расхохотались.

— Ладно, — сказал Эдвардсон, — я не прочь с ними разобраться. Хватит уже тупить.

— И правда, почему бы нет? — согласился Кассель.

— Ты меня понял? Я о том, чтобы лететь к ним на встречу.

— Ну да. А чего сидеть-то?

— Мы справимся, — протянул Эдвардсон. — Они же не боги. Просто разумные существа.

Морс сверил курс корабля с расчетным и поднял голову.

— Думаешь, надо связаться с центром? Сообщить о наших намерениях?

— Ни в коем случае! — воскликнул Кассель, и Эдвардсон согласно кивнул. — Это запрещено. Мы просто полетим и попробуем с ними договориться. Если не выйдет — вышибем их из космоса.

— Смотрите!

В иллюминаторе они увидели красное пламя реактивного двигателя — соседний корабль устремился вперед.

— Должно быть, им пришла в голову та же идея, — сказал Эдвардсон.

— Давайте доберемся туда первыми, — предложил Морс.

Кассель включил двигатели, и перегрузка вжала их в кресла.

— Стрелка так и не сдвинулась? — спросил Эдвардсон, стараясь перекрыть звонок присоединенной к детектору сигнальной системы.

— Ни на миллиметр, — ответил Кассель, глядя на стрелку, которая прошла весь путь по шкале прибора и уперлась в ограничитель.

ПЕТЛЯ ВРЕМЕНИ

— Прошу всех за мной. — Экскурсовод указал в сторону следующего зала. — Демонстрация вот-вот начнется.

Веерд и Ган проследовали за остальными посетителями музея. В середине выставочного зала возвышалась небольшая платформа, вокруг которой и сгрудилась толпа.

— Сейчас прибудет человек из прошлого, — сказал Веерд, даже не заглядывая в программу экскурсии. — Тот самый. Знаменитый.

— Мило. — Ган пригладила волосы. В музее ей не особенно нравилось. По ее мнению, медовый месяц надо было посвятить танцам и шоу. Ну и возможно, в довершение всего — совершить прыжок на Марс. Но у Веерда другое представление о медовом месяце. Он давно мечтал побывать в Музее времени.

— Я так рада, что мы сюда заглянули, — сказала Ган.

— И я, — улыбнулся Веерд своей новоиспеченной (вот уже шесть часов как) супруге. — А после — на танцы. Будем делать все, что твоей душеньке угодно!

— Тсс, — шикнула Ган.

Гид тем временем говорил:

— Бернард Оллин, человек из прошлого, — один из самых ценных и знаменитых экспонатов Музея времени. Стержень, на котором держится наш музей. — Гид взглянул на часы, затем оглядел толпу. — Всем все видно? Сэр, пройдите сюда, здесь есть место... Замечательно. Человек из прошлого появится вот на этой платформе. Ровно через три минуты.

— Я читал об этом, — признался Веерд.

— Тсс, — снова шикнула на него Ган. — Зато я — нет.

— Когда Бернард Оллин прибудет, — вещал гид, — обратите особое внимание на его одежду, костюм двадцатого века. «Костюм» — принятый в то время термин для

обозначения набора из нескольких предметов одежды. Хотя...

Перестав слушать экскурсовода, Ган искоса глянула на Веерда.

— Любишь меня? — шепнула она.

— Спрашиваешь! — тихонько воскликнул супруг.

Полчаса электронная лампа спокойно лежала на столе и вот теперь покатилась. Бернард Оллин успел поймать ее у самого края. Задумчиво взвесил в руке и убрал в ящик стола. Фигушки, на этот раз его не остановят!

Затем он вернулся к пульту управления машиной времени. Машина состояла из двух секций. Первая — та, что пошлет Оллина в будущее, — останется в подвале. Вторая — размером поменьше — отправится вместе с ним и позволит вернуться.

Обе секции, как и сам Оллин, выглядели компактно и внешне полностью отражали внутреннюю суть своего создателя: маниакальную решимость и самоотдачу.

Резкими уверенными движениями Оллин установил регуляторы в нужное положение, удовлетворенно сдвинул брови... и тут краем глаза заметил какое-то движение.

Присмотревшись к основанию пульта, он увидел, что отпавшийся оголенный провод сам тянется к другому проводу.

Выругаться не позволило воспитание. Крепко стиснув зубы, Оллин взял пассатижи, ухватил ими оголенный провод, вернул его на место и прикрутил как следует.

Вот ведь умники! Коснись провода друг друга — и многомесячная работа коту под хвост.

Но провода сами по себе не отходят. К тому же Оллин надежно припаял все до единого. И электронные лампы тоже просто так со столов не падают...

Его по-прежнему пытаются остановить, весь последний час злоумышленники из кожи вон лезут! Схемы таинственным образом перемешались, настройки сбились. В запечатанные колбы с растворами попали посторонние микроэлементы. Они делают все, чтобы не пустить его в будущее.

Но почему?! Ответа Оллин не знал.

Он извлек из ящика стола электронную лампу и чуть не выронил — лампа проскользнула (или ее протолкнули) между пальцами. Оллин вовремя успел сжать кулак, до боли стиснул зубы и вставил лампу в гнездо.

Еще раз перепроверив настройки, он с силой потянул за главный рубильник.

Голова закружилась, все словно бы сдвинулось с места — и тут же остановилось. Оллин даже не покинул подвала.

Он вновь потянул за рубильник, и на сей раз ощутил сопротивление. Его будто пыталась удержать на месте чья-то гигантская невидимая рука.

Отключив питание, Оллин еще раз перепроверил соединения и настройки. Все было в порядке.

Не повезло ему и в третий раз. Впору было смачно плюнуть, благо Бернард Оллин давно не размыкал губ и слюны скопилось достаточно. Это все Они. Невидимые злопыхатели преследуют его с самого детства — Оллин зовет их не иначе как просто «Они».

Вот и сейчас Они срывают эксперимент. Пустили в ход некую силу, противопоставив ее мощи машины времени.

Оллин давно понял: в будущее его не пускает чья-то злонамеренная, упрямая воля. Впервые она дала о себе знать, когда Оллину было десять и он играл с набором юного химика. Потом сила преследовала его в школе и университете. Но никогда она не проявляла себя так настойчиво, как сейчас.

Впрочем, от этого решимость Оллина запустить машину времени лишь крепла.

Ох уж эти Они!

Оллин резко потянул за рубильник, голова закружилась, его повлекло куда-то... Никто ему не препятствовал, никто не держал на месте. Стиснув кулаки, он крепко зажмурился.

В воздухе из ничего начала проступать фигура Бернарда Олина. Толпа ахнула, гид улыбнулся и приготовился произнести заученную речь. Своим появлением Оллин никогда не перестанет поражать гостей музея.

— И вот перед вами Бернард Оллин, человек из прошлого. Он вас не видит и не слышит. Обратите внимание на ошеломленное и отчаянное выражение его лица. Сейчас Оллин не видит ничего, кроме бесконечной серой пустоты. А все потому, что... — И гид, что называется, на пальцах объяснил теорию путешествий во времени.

— Прическа этого человека, — перешел он к более приземленным темам, — весьма характерна для людей прошлого: длинные волосы спереди и короткие сзади. В двадцатом веке длинная челка служила своеобразным признаком научного или артистического склада ума. Хотя...

Экскурсовод продолжал описывать обычаи эпохи, из которой прибыл Оллин, а толпа во все глаза таращилась на обескураженного мужчину на платформе.

— Он так несчастен, — заметила Ган, сжав руку Веерда. — Взгляни на него!

Люди затаив дыхание взирали на перекошенное от страха, почти обезьянье лицо представителя двадцатого века.

— Он озирается, — пояснил Веерд. — В справочнике написано, что Оллин страдает манией преследования.

О том же заговорил и гид. Молодожены прислушались.

— Его паранойя — как вы, должно быть, знаете — имеет вполне вескую причину. В данный момент Оллин еще не подозревает об истинной природе своего страха и верит, что работать ему мешают люди из будущего.

— Ой, смотри, — сказала Ган. — Он сейчас вернется назад, в свое время. Нажимает кнопку... ах!

Она вцепилась в руку Веерда. Человек из прошлого нажал на пульте кнопку, но ничего не произошло. Взгляд Оллина преисполнился ужаса.

Когда кнопка не сработала, в желудке у Бернарда Олина будто разверзлась бездна. Неужели он заперт в этом сером лимбе? Что же случилось?

Он еще раз перевел реле в нужное положение и нажал кнопку.

На сей раз он отчетливо ощутил противостоящую ему силу.

Значит, никуда Они не делись. Должно быть, Оллин совершил нечто непозволительное. Наверное, есть установленные неведомыми существами законы о запрете на путешествия во времени. Им не удалось задержать Оллина в прошлом, и вот они заперли его в будущем.

Чем дольше он вглядывался в окружающую серую дымку, тем меньше у него оставалось прежнего самообладания. Да, он заперт в будущем, его не пустят обратно с новым знанием.

Издав нечто среднее между криком и рычанием, он снова надавил на кнопку.

Окружающая его серость никуда не исчезла. Тогда Оллин сел и задумался.

— Знаю, вам всем интересно, о чем сейчас думает Оллин, — сказал гид. — Наверху есть экран, прошу, взгляните на него.

Здрав головы, гости увидели, как по дисплею ползут слова, окрашенные соответственно передаваемому настроению. Параллельно основному потоку мыслей вспыхивали и гасли мысли второстепенные, а по краям экрана мигали цветные вспышки эмоций.

«Потерялся... потерялся... преследуют... черт подери... выход... природа времени...»

— Заметьте, — говорил гид, — что слова появляются в случайном порядке, и тем не менее в ассоциациях уже прослеживается нить истины.

— А что, люди и правда так думали? — спросила Ган, удивленная окраской некоторых слов.

— Постоянно, — ответил Веерд.

— Но откуда у него эти мысли сексуального содержания?

— Он просто не умеет себя сдерживать.

Ган покачала головой. Как настоящий человек своего времени, она умела контролировать свое сознание —

каждую мысль. Если ей хотелось думать о сексе, тогда — и только тогда — она о нем думала.

Просто невероятно, человек думает о совокуплении, когда хочет совсем не этого!

— Ассоциативный ряд меняется, — заметил гид. — Обратите внимание на ключевые слова: «взаимодействие», «перемены», «стазис» — и на то, как они переплетаются.

— Любопытно, — призналась Ган. Она и представить не могла, сколько жизненной энергии и эмоций требует сухое и чисто академическое занятие вроде путешествий во времени.

— Смотри, — указал на экран Веерд. — Видишь второстепенные мысли — они появляются и сразу гаснут? Это отвергнутые решения задачи.

— А вот Оллин нащупал нить, — предупредил гид. — Проверил все существующие возможности. Теперь он знает, что не может отправиться в альтернативное будущее, потому что пульт управления машиной времени остался в подвале.

Ган показалось, что человек из прошлого смотрит прямо на нее.

— Но он не может принять жизнь и в другом варианте прошлого — по причинам, раскрывающимся в его теории времени, которая, кстати, все еще представляется ему верной.

— И почему же? — спросил кто-то рядом с гидом.

— Если говорить совсем уж просто, — ответил экскурсовод, — то Оллин движется по замкнутому кругу между своим настоящим и нынешним моментом. Он способен повлиять — и влияет — на свои действия в прошлом. Этот замкнутый круг, эта петля, не дает ему жить нигде, кроме как в собственном времени.

— Так почему он не может... — хотел было спросить гость, но гид перебил его:

— Я с радостью отвечу на все ваши вопросы позже, сэр. Сейчас я бы хотел рассказать, что намерен предпринять Оллин. — Экскурсовод улыбнулся и продолжил заранее подготовленную речь: — Оллин сделал определенные

выводы и догадался: повлиять на свое нынешнее положение все-таки можно. Изменив ход событий в переломные моменты жизни, он сумеет предотвратить создание машины времени. И таким образом освободит себя от невыносимого существования в замкнутом круге.

В этот момент Бернارد Оллин исчез с платформы.

— Никогда не забуду лицо этого человека, — сказала Ган.

— Он вернется к нам примерно через пять минут, — предупредил гид. — А пока длится пауза, я буду рад ответить на ваши вопросы.

— Можно мне? — поднял руку Веерд.

Десятилетний Бернارد Оллин сидел на корточках в своей комнате перед аккуратно расставленным рядом пробирок.

Он проводил эксперимент, описанный в прилагавшемся к набору юного химика буклете. Правда, внес в формулу кое-какие изменения: что-то подсказывало, что опыт выйдет куда интереснее, если вместо большого количества того использовать небольшую массу этого.

Ух ты, вот это реакция!

Оллин во все глаза уставился на пробирку, а затем принялся искать в буклете, что же он такого нахимичил.

В книжечке о полученном результате не говорилось совсем ничего. Тем временем раствор в пробирке вел себя очень странно: он постоянно менялся. Юному Оллину оставалось только удивляться. Он чувствовал, что готов открыть нечто новое.

Так, сказал он себе, а что, если...

В этот момент в комнату неслышно вошел отец. Мистер Оллин справедливо считал, что мальчику положено играть на улице, а не возиться целый день с химикатами в душной комнате. Вмешиваться он не хотел, только наклонился поближе, чтобы разглядеть...

Но вдруг его будто кто-то толкнул. Мистер Оллин повалился вперед и, выпростав руку, опрокинул пробирку с раствором.

— Ну пааааап! — отчаянно взвыл маленький Оллин. Он и слышать не хотел отцовских извинений. Его мысли были заняты несостоявшимся опытом. Успокоившись и немного подумав, Оллин кивнул сам себе.

Пройдет время, и он воссоздаст реакцию.

Четырнадцатилетний Оллин заперся в семейном гараже и заново смешал тот самый раствор. На сей раз он опустил в него контакты аккумулятора и, нахмурившись, — как всегда будет хмуриться в будущем, — следил за реакцией.

Достав из лотка с инструментами магнит, юноша установил его рядом с пробиркой. Затем повернул его раз, потом еще раз...

Результат получился неожиданный. Оллин записал его в школьную тетрадку и подвинул магнит на четверть дюйма ближе к пробирке.

Внезапно его отвлек непонятный звук. Оллин задрал голову. Гараж семья Оллинов использовала как склад: на стропилах лежали лыжи, брезент, пылились старые инструменты и мебель — в общем, все, чему отец не мог найти применение в доме. По непонятной причине стул провалился в промежуток между стропилами, и подросток замороженно следил, как этот предмет мебели падает...

В последний момент он успел отскочить в сторону, и металлический стул рухнул на пробирки с аккумулятором. Раствор расплескался, залил и наскоро составленные записи.

Злобно выругавшись, юноша хлопнул себя по губам.

«Нет, — сказал он себе, — это неспроста! Отнюдь неспроста».

Схватив чистый лист бумаги, он по памяти записал результаты опыта.

Так родились первые уравнения для путешествия в другие эпохи.

Двадцатилетний Бернард Оллин особой популярностью среди однокурсников не пользовался. Все свободное время он проводил в лаборатории, проверяя бредовые идеи.

Преподаватель физики терпел его, позволяя бить пробирки и разливать препараты, — до тех пор, пока Оллин платил за ушиб.

Правда, сегодня физик не был настроен столь же терпимо: жена за завтраком наградила его саркастичным замечанием, декан прошел мимо, не удостоив даже обычным сдержанным кивком, а входя в лабораторию, преподаватель ударился ногой и рассадил лодыжку.

Он с отвращением взглянул на оборудование Оллина, захламляющее практически все свободное пространство.

— Приберись-ка здесь, — раздраженно велел он студенту, задаваясь про себя вопросом: почему же декан не кивнул ему? Может, из-за какой-то ошибки? Проступка?

— Я почти закончил одну стадию опыта, — не выпуская из руки паяльника, ответил Оллин. Он как раз припаивал к непонятной машине какие-то провода.

— Не знаю, зачем ты... — Преподаватель взвыл от боли: Оллин уронил разогретый паяльник прямо ему на руку.

— Выметайся из моей лаборатории! — заорал он. — И свой хлам забирай, пока все не взорвалось!

— Но, сэр... — начал было Оллин. Как объяснить, что паяльник выдернули у него из руки? Как рассказать о невидимых существах, преследующих Оллина? О Них?

— Убирай всю эту дрянь, — приказал преподаватель твердым голосом, каким должен был ответить час назад своей жене.

— А сейчас, — комментировал гид, — Оллин переместился в собственное настоящее. Все попытки остановить себя в прошлом потерпели неудачу, и вот он пытается столкнуть электронную лампу со стола. Это последний шанс. Он вырвал провод из пульты машины и хочет замякнуть его с другим проводом.

— Разве он еще ничего не понял? — спросил кто-то из гостей.

— Он не дал себе шанса, — ответил гид. — Оллин слишком сильно увлечен насущной задачей. Правда, скоро он

поймет ошибочность своего устремления. Тогда и обретет понимание.

На глазах у публики человек из прошлого вновь материализовался на платформе.

— Он устал, — заметила Ган.

— Правда, — согласился Веерд. — Взгляни на его лицо!

В этот момент все видели в Оллине первобытную версию самих себя, карикатуру на истинного человека.

— В прошлом все так выглядели, — напомнил Веерд жене, и та снова взяла его за руку.

— Мы вновь можем видеть его мысли, — сказал экскурсовод. — Смотрите. Они обретают связность.

По экрану проносились слова: «Я сам... все это время... сам... замкнул... не изменить...»

— Гляди, — сказал Веерд супруге. — Настал решающий момент: он догадался, что сам себя преследовал, и теперь абсолютно убежден в этом.

— Вообще-то, я умею читать, — напомнила Ган и тут же стиснула руку мужа, как бы извиняясь за резкость.

Окруженный серой дымкой будущего, Оллин понял: не было никаких невидимых преследователей. Это он сам пытался остановить свои эксперименты. Не пускал себя в будущее.

Но чем все закончится? Неужели он навечно заперт в бескрайней серой пустоте?

Нет. Кое-что он упустил.

— Я пытался попасть в будущее, — вслух произнес Оллин, — и встретил на пути сопротивление. Что это за сила?

Через секунду он сам же и ответил:

— Это я сам. Я — в попытке вытащить себя из будущего — сводил на нет собственные усилия попасть туда. Сейчас сила бездействует.

Гм, как сложно. Оллин попытался представить ситуацию в виде диаграммы: было три неудачные попытки попасть в будущее. Представим три параллельных вектора. Дальше: навстречу, останавливая их, идут другие три

вектора — три случая, когда Оллин пытался из будущего вернуться в прошлое.

— Эти три вектора уравнивают друг друга, — понял он. — На каждое действие в прошлом находит противодействие в будущем. И наоборот.

Оллин почесал в затылке. Все это, конечно, хорошо и правильно, но как он здесь очутился?

— Проведем четвертый вектор, которому ничто не препятствует. Он идет вокруг трех противопоставленных векторов и замыкается на первом, направленном в будущее. Это я — в тот момент, когда первый раз пытаюсь вернуться в прошлое.

Точно!

— В четвертом случае я сам себе не препятствую — ни в будущем, ни в прошлом. Четвертый вектор и приведет меня домой!

Засмеявшись, Оллин нажал на кнопку.

Человек из прошлого исчез.

— Бедняга, — сказала Ган.

— Пока мы здесь, давай посмотрим остальные экспонаты, — предложил Веерд. — Есть неплохие экземпляры: катамаро, три-в-трех...

— Ну конечно, — ответила Ган, — я так и думала.

— Ну вот и все, уважаемые, — произнес гид. — Полное объяснение этого феномена вы можете найти в путеводителе. Плюс детальный анализ теории времени Оллина. А в общем...

— Обещаю, будем танцевать ночь напролет, — сказал жене Веерд. — Отправимся в турне по Солнечной системе. Если только ты...

— Я с радостью взгляну на три-в-трех, — ответила Ган, хотя даже понятия не имела, о чем речь.

— ...а в общем, — договорил гид, — на ваших глазах замкнулась неизменяемая петля времени. Кто знает, когда этот человек из нее освободится. Пожалуй, раньше изнашивается сама ткань времени!

Ган взглянула на Веерда и позволила себе роскошь — мысль сексуального содержания. Приятную, но недолгую.

О сексе можно подумать после, а сейчас нужно сосредоточиться на трех-в-трех.

За спиной у молодой четы экскурсовод вещал:

— Человек из прошлого вернется через два часа шестнадцать минут. Эта экспозиция открыта все дни, кроме воскресенья. В субботу — до двух часов дня.

Полчаса электронная лампа спокойно лежала на столе и вот теперь покатилась. Бернард Оллин успел поймать ее у самого края. Задумчиво взвесил в руке и убрал в ящик стола. Фигушки, на этот раз его не остановят!

ТО, ВО ЧТО ТЫ ВЕРИШЬ

— Простите меня, пожалуйста, — сказал мистер Арчер, и его губы снова растянулись в улыбке. — Я не должен улыбаться... тем более смеяться. — Он громко расхохотался. — Сейчас это пройдет. Я просто не ожидал... даже на смертном одре...

— Ничего страшного. — Человек за столом ободряюще кивнул. В огромном зале были только мистер Арчер, стол, перед которым он стоял, и мужчина, сидевший за столом. Сводчатый потолок уходил далеко ввысь — так же далеко, как голубое небо, которое Арчер видел при жизни. Стены терялись во мгле. И в центре всего этого он — Эдвард Моран Арчер.

— Самая обычная реакция, уверяю вас. — Человек за столом разглядывал лацканы своего пиджака, давая Арчеру время справиться с эмоциями. — Мы делаем скидку на текущие обстоятельства. В вашем просвещенном мире не осталось места ангелам и бесам. Люди больше не верят в рай и ад, для вас это выдумки проповедников и поэтов. Естественно, когда люди умирают и оказываются здесь — или там, — у них начинается истерика. Одни рыдают. Другие смеются.

— Ясно. — Мистер Арчер уже взял себя в руки, но усмешка все еще подергивала уголки его широкого рта. — Что ж, меня не назовешь хорошим человеком. Я нарушил некоторые из десяти заповедей, в том числе самые важные. Ну и где ваши огонь и сера? — Он поджал губы: усмешка грозила вырваться в любой момент. Подумать только! Его поджарят в старом добром аду! Дедушка любил описывать это в мельчайших подробностях. И все же Арчер не мог принимать происходящее всерьез. Ситуация была не только причудлива, но и комична.

— Вы желаете огня и серы? — спросил человек за столом.

— Вообще-то, не очень, — признался мистер Арчер. — А что, есть выбор?

— Конечно! — Человек за столом выглядел как-то совсем не по-дьявольски в сером деловом костюме и с гладко зачесанными волосами. — Свобода воли — краеугольный камень в конструкции Вселенной, и данное место — не исключение. У вас есть несколько альтернатив.

— Разные варианты адских мук? — опять усмехнулся Арчер. — Выбор между вырыванием ногтей и испанским сапожком? Дыбой и раскаленным железом?

— Это все входит в одну категорию, — объяснил человек за столом. — Позвольте, я вам покажу.

И в тот же миг Арчер принял форму бестелесного разума и оказался в небольшой комнате с низким потолком. Свет чадающих факелов ложился на каменные стены неровными красно-желтыми полосами.

«Ну чисто Эдгар По», — подумал Арчер и похвалил себя за хладнокровие.

Его взгляду предстала живописная сцена. В центре комнаты — мужчина в набедренной повязке, распятый на горизонтальном колесе. Его тело как натянутая струна. Вокруг него неподвижно стоят палачи. Один держит раскаленное железо в сантиметре от тела жертвы, другой прилаживает железный сапог к его ноге, а рука третьего лежит на рычаге колеса. И все замерли, как в стоп-кадре. Лица палачей скрыты капюшонами, искаженное болью лицо человека обращено вверх — Арчер видел лишь белую полосу щеки и перетянутую веревкой шею. Он вгляделся, пытаясь уловить движение, но ничего не заметил. Потом он обнаружил, что дыба незаметно натягивается туже, сапог сжимает ногу, дымящееся железо приближается к телу, обжигая плоть своим жаром так медленно, что это почти незаметно со стороны.

Сцена исчезла.

— Уже не смешно? — дружелюбно осведомился человек за столом. Арчер покачал головой. — Эту сцену мы все-

гда показываем первой. Ничто так не приводит человека в чувство, как зрелище старой доброй пытки. Правда, говорят, что физические муки — ничто по сравнению с душевными, и я уверен, что так оно и есть. Поэтому для тех, кто не выдерживает душевных мук, у нас имеются камеры пыток.

— Вы говорили про выбор. — Арчер заметил, что его бьет дрожь. Телесные истязания всегда приводили его в ужас. С самого детства. Даже мысль о боли — от занозы или ушиба — он переносил с трудом.

— Да, у вас есть несколько вариантов, — сказал человек. — Можете выбрать любой. Позвольте представить ассортимент.

Сознание Арчера тотчас переместилось в пространстве. Он летел к отвесному склону горы. На белой гладкой поверхности появилась темная точка. Точка превратилась в человека. Арчер завис рядом с ним.

Человек медленно полз вверх. Ему не за что было уцепиться: на гладком камне — ни выступа. словно гигантский муравей, человек боролся за каждый сантиметр.

Вершина скалы исчезала в тумане, подножие тоже скрывал туман. А между двумя слоями тумана — только голая скала и ползущий по ней мужчина.

Человек карабкался вверх, и Арчер понял: он вынужден это делать, чтобы не начать сползать. Потому что стоит только начать сползать, и падение уже не остановить.

«Интересно, свалится, — спросил себя Арчер, наблюдая, как человек вжимается всем телом в скалу и нащупывает рукой следующий выступ, — или победит, добравшись до вершины?»

Арчер почувствовал, как в нем пробуждается симпатия к человеку.

— Сделай их! — крикнул он безмолвными губами. — Доберись до вершины!

Сцена исчезла.

— Вариация на тему Сизифа, — сказал человек за столом. — Только вместо камня человек толкает вверх самого себя.

— Что случится, когда он доберется до вершины? — Арчер приободрился. Скала гораздо лучше пыток, подумал он, опираясь на стол.

— Честно говоря, никто точно не знает, есть ли там вершина вообще, — сказал человек. — Хотя лично я верю, что она есть.

— Нет вершины? — Арчер охнул и резко выпрямился. — То есть вы хотите сказать, что человек будет просто карабкаться и карабкаться — целую вечность?

— Я не говорил, что вершины нет. Просто это точно не установлено. Да, он будет карабкаться. Пока не сдастся. Тогда он упадет. А «целая вечность» — всего лишь одна из ваших пустых абстракций. В ней нет никакого смысла.

Следующая сцена изображала океан. Серая вода, серые волны без единого барашка на гребнях — и небольшая лодка. Перед лодкой — стена тумана. Позади и с обеих сторон — серая гладь, уходящая вдаль, за горизонт. Человек на борту всматривается в туман. Лодка медленно плывет по серым волнам навстречу расступающемуся туману.

— Мило, не правда ли? — спросил человек за столом, когда сцена исчезла. — И так романтично. Утлое суденышко, таинственные воды...

— И океан, разумеется, бесконечен? — спросил Арчер, кривя губы. Он чувствовал, что его загоняют в угол.

— Не знаю, — ответил человек. — Безусловно, он где-то кончается. Но вполне возможно, шлюпка ходит по кругу.

— И человек никогда не ступит на землю.

— Но он на это надеется, — возразил человек. — Если у него есть вера, он думает, что сразу за стеной тумана лежит берег. На расстоянии километра, десяти километров, ста. А может, в нескольких метрах.

— Покажите что-нибудь еще, — попросил Арчер. — Кажется, я начинаю понимать.

Появилась еще одна сцена. Маленькая, хорошо освещенная комната с закрытой дверью. Лента транспортера всплывает в комнату через отверстие в одной стене и исчезает через отверстие в другой стене. Перед лентой стоит мужчина и вставляет в проплывающие мимо механизмы бол-

ты. Вроде бы несложная работа: каждую секунду подплывает очередной образец, мужчина сует в него болт и ждет следующего.

— Влияние эры машин, — сказал человек за столом. — Некоторым подходит в самый раз.

— Он вставит последний болт и его работа будет закончена?

— Верно.

— Но лента транспортера, разумеется, бесконечна. И кто-то другой, возможно, вынимает болты в соседней комнате.

Арчер позволил себе горько усмехнуться. Теперь он понял, как здесь все устроено, точно так же, как понимал это про другие места, в которых ему довелось побывать при жизни. Кроме разве что больницы, где никакие деньги не могли дать ему новое сердце.

— Почему он не выйдет в дверь? — спросил Арчер. — Она заперта?

— Здесь нет запертых дверей. Но он не должен бросать работу. Как только он ее закончит, он сможет выйти.

— Уловка старая как мир, — скривился Арчер. — Дай им надежду, заставь их верить, что в конце все будет хорошо. Умные, черти!

— Возможно, — сказал человек за столом. Он опустил взгляд на лацканы своего пиджака и рассматривал их до тех пор, пока ухмылка не сошла с лица Арчера. — Но лично я не знаю.

Потом были другие сцены, удивительные, странные, иногда страшные. Арчер увидел выбор древних людей: лесная поляна, на ней человек с мечом. Меж деревьев огромными скачками несется крупный волк. Взмах меча — человек явно натренирован — и волк падает на землю. Смертельно раненное животное уползает прочь. Человек стоит с мечом на изготовку и прислушивается. Едва различимые звуки — шелест ветки, стук чужого сердца — предупреждают его, и он поворачивается им навстречу как раз вовремя. Из-за деревьев с другой стороны поляны выскакивает другой волк. Человек рубит его мечом и ждет следующего.

— Будет забавно, — хмыкнул Арчер, — если это окажется один и тот же волк, нападающий снова и снова.

— А может, и не окажется, — возразил ему человек. — Может быть, волков очень много — сотни, тысячи, миллионы. Однажды он убьет их всех и продолжит свой путь через лес навстречу судьбе.

— Может, да, а может, нет, — язвительно заметил Арчер. — Особенно если это тот же самый волк. Как мы с вами знаем.

Человек пожал плечами:

— Это не мое дело. Вера или ее отсутствие меня не касаются. Теперь вы все видели. Выбирайте!

«Душевные муки, — задумался Арчер. — Но разве не так было всегда? Разве ад — не просто еще один способ заставить человека ждать, надеяться, верить? Вот, значит, в чем тут суть. Ну и ладно.

Интересно, что за идиот выбрал камеру пыток? Мазохист? Или обычный человек, который, как и он сам, понял, что его ждет вечность ожидания? Нет уж, спасибо!

Гора? Как минимум, требует постоянных усилий. Ленточный конвейер — глупо. Участь меченосца немного лучше, но кто захочет целую вечность рубить волков? А заезаваясь — еще и покусает.

Да и другие альтернативы не лучше».

— Наверное, океан, — сказал Арчер. — Если у вас больше нет...

В следующий миг он уже сидел в небольшой лодке, плывущей по серым волнам навстречу туману.

Проклятье! Он же еще задал не все вопросы! Впрочем, не важно. Надо устроиться поудобнее, ведь впереди целая вечность.

Он осмотрел лодку, хотя смотреть было особо не на что. Ни веревок, ни руля, ни запасов еды и питья. Деревянная посуда — и он в ней. Хотя места достаточно, можно растянуться на дне. Так он и сделал. Возможно, удастся уснуть.

Вверху — серое равнодушное небо, внизу — серые волны, вокруг — серые борта лодки. Арчер провалился в сон.

Проснувшись, он обнаружил те же самые море и небо, ту же лодку и тот же туман.

Он не испытывал ни жажды, ни голода.

Опустив руку за борт, потрогал воду. Настоящая. Попробовал на вкус — соленая. Океан это или слезы?

Он принялся ждать.

Прошло время, много времени. Он анализировал ситуацию. Несомненно, суть пытки заключается в ожидании. Целую вечность вглядываться в туман, надеясь, что вот-вот появится суша — темные очертания берега на фоне серого неба и серой воды. Арчер постарался выбросить из головы эту мысль. Глупо питать надежду в таком месте.

«Пожалуй, надо было выбрать что-нибудь другое, — подумал он какое-то время спустя. — Лодка движется так медленно, так монотонно. По крайней мере, отрубая волкам головы или вставляя болты в механизмы, он хотя бы что-то делал».

Арчер оглянулся на свою жизнь. Вызвал в памяти все подробности, заново пережил каждый эпизод, растягивая его во времени. Мрачней, вспомнил поступки, из-за которых оказался здесь. Вспомнил все хорошее, все плохое и все нейтральное.

Он даже был рад, что множество поступков привели его сюда. Теперь он подумает о них.

Прошло время, много времени. Ничего не изменилось: все то же море, та же лодка, тот же туман впереди.

Мысли медленно ворочались в голове.

Время шло. Арчер лежал в лодке, сидел, стоял. Он чувствовал себя обычным человеком, если не считать того, что он не испытывает ни голода, ни жажды. Только скуку.

Прошло много времени, так много, что казалось, будто вечность вот-вот закончится и начнется вновь. Арчер заново перелистал воспоминания, передумал все мысли, переставляя их местами, выстраивая из них всевозможные комбинации. Ничего не изменилось — все те же серые воды, серая лодка и серый туман.

Прошло много времени.

Невыносимо медленно...

ПРОШЛО ОЧЕНЬ МНОГО ВРЕМЕНИ!

— Слишком долго, — произнес Арчер вслух. Он уже давно разговаривал сам с собой.

— Я этого не вынесу, — добавил он. Десятки миллионов раз он пытался представить, что же скрывается под водой. Какие ужасы? Какие опасности?

Прошло время — очень много времени.

— Но я всегда могу выпрыгнуть за борт.

После миллиардного по счету размышления на эту тему Арчер перегнулся через борт и плюхнулся в серые волны. Он не раз пытался представить, как это будет: вода, обволакивающая тело; мысли, которые она принесет; мысли, которые родятся из тех мыслей...

Несколько мгновений все было чудесно. Он перебирал руками, удерживая тело на воде, и смотрел на уплывающую лодку.

Потом что-то изменилось.

Туман впереди рассеялся. Лодка рассекла его, и стал виден берег, длинный и темный. Арчер различил деревья и пляж. Волны подхватили лодку и выбросили на песок. Арчер заметил на берегу другие лодки. И вроде бы там были люди.

— Конец есть! — ахнул он. — Лодка шла не по кругу!

И альпинист... Арчер вдруг понял, что альпинист сможет добраться до вершины, если только ему хватит мужества и веры. И человек на конвейере установит последний болт. И меченосец убьет последнего волка.

Все это — испытание веры! Веры — в аду!

Он поплыл к берегу, но вода превратилась в густое желе, сковывающее руки и ноги, но удерживающее голову на плаву. Арчер бросил последний отчаянный взгляд на берег и начал погружаться.

Разумеется, он не мог утонуть. Ведь один раз он уже умер. Он просто погружался, погружался и погружался. Куда? На дно.

А что на дне? То, что ждет тех, у кого нет ни надежды, ни веры.

Камера пыток, естественно.

УЛЬТИМАТУМ

1

ОТ: МОРДЕШ КДАК
        ОРГАНИЗАТОР
        ЭКСПЕДИЦИЯ 87С6

КОМУ: АРА ИЛДЕК
        НАМА IV
        ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ СОЛОНЕС
        ГАЛАКТИКА Х32-А

ТЕМА: ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СОЛ-III

ПРИВЕТСТВУЮ!

Контакт экспедиции 87С6 с планетой, локально обозначенной как Сол-III, состоялся. Мы посадили корабли возле столиц некоторых государств. Как и ожидалось, это спровоцировало панику и массовые беспорядки.

Во время спуска мы подверглись атакам химического, молекулярного и атомного типов. Атаки были ожидаемы, и, разумеется, мы их нуллифицировали без каких-либо последствий для жизни. Проведя анализ, мы пришли к заключению, что Сол-III не располагает оружием мощнее атомного. Из чего можно сделать вывод, что непосредственной опасности для нас нет.

Население Сол-III — первостепенные дикари, странные, неадекватные существа. Внешне они похожи на нас и наделены достаточными умственными способностями, чтобы мы могли их обучать.

С психологической точки зрения их можно рассматривать как отклонение от нормы.

Атаки, направленные против нас, преследовали очевидную цель — лишить нас жизни и не решали ни одной из общепризнанных задач войны. Такую ситуацию нельзя

назвать уникальной, однако, когда сталкиваешься с ней в реальности, она шокирует.

Предварительное исследование показало: земляне рассматривают лишение жизни как универсальное средство решения проблем. Истоки этого психоза коренятся глубоко в их истории.

Наш обучающий персонал пытается объяснить им, в упрощенной форме, истинную природу того, что они называют войной.

1. Что война, по существу, должна быть символическим действием.

2. Что задачи войны заключаются в (а) захвате символических документов, (б) разрушении боевых механизмов, (в) насаждении ценностей, как преходящих, так и вечных.

Для этого мы обучаем их принципу сообразности. Пока что земляне не проявляют должного понимания этого закона природы.

Рад доложить, что наши действия не причинили их жизням непосредственного вреда. Трагические случаи произошли только по вине самих землян, принимавших участие в беспорядках. Мы прикладываем все усилия для нормализации ситуации.

Во все главные столицы планеты направлен ультиматум следующего содержания: «К двенадцати часам дня местного времени все документы символического конституционного значения должны быть переданы боевым роботам Нама. Одновременно должны быть сделаны распоряжения о роспуске армий. Функции правительства должны перейти под временное управление должностных лиц Нама».

После выполнения наших требований мы приступим к окультуриванию этой примитивной расы более тонкими средствами.

Ара, только между нами. Эта планета сводит меня с ума. Ее история — это летопись убийств, грабежей и насилия. Реки крови, океаны крови, даже сама земля этой планеты пропитана кровью. Я не хочу здесь оставаться. Земляне строят против нас козни, я знаю. И пусть их армии скоро

расформируют, да и сами они не способны причинить нам вред, ненависть в воздухе почти осязаема.

Однако работа по окультуриванию должна продолжаться.

С пожеланием мира,
Мордеш Кдак,
Организатор

■ ■ ■

За окном у лестницы Капитолия шумела толпа. Воздух наполнился низким однотонным гулом, словно вся толпа ворчала одним голосом. Изредка раздавались выстрелы.

— Уже есть двенадцать? — спросил Киото.

Полковник Калвер взглянул на дорогие наручные часы:

— Нет. Без пятнадцати.

— Ага, — многозначительно протянул Киото и, отвернувшись от окна, посмотрел на Калвера. — Ну и где этот ваш Гримше?

— Будет с минуты на минуту. — Полковник подошел к столу и начал перелистывать брошюру, одну из тех, что распространяли захватчики Нама.

— Он *уже* должен прийти, — тихо произнес Киото, немного смущаясь своих слов.

Полковник кивнул. Киото почувствовал себя совсем неловко. Он не понимал американцев — даже больше, чем не понимал Нама. Как может полковник сохранять спокойствие, когда робот Нама готовится войти в Капитолий и завладеть американской конституцией? Киото пожалел, что не остался в Японии со своим народом. Но тут же напомнил себе: сейчас главное — остановить Нама, любой ценой. Только Америка владеет оружием, по мощи превосходящим атомное. Перед лицом общего врага Америка рассчитывает на помощь. Если научные знания Киото способны помочь, как сказал полковник, значит они помогут...

Шум толпы усилился. Полковник Калвер сидел на стуле и читал брошюру, покачивая ногой. Киото мерил шагами комнату, нервно ероша волосы. Он надеялся, что жена,

получив телеграмму, послушается его совета и тотчас переедет на остров Хонсю. В Токио оставаться рискованно, особенно если Нама вторгнутся в императорский дворец. На Хонсю, в доме его отца, жена и дети будут в безопасности.

— Очень интересно, — пробормотал полковник.

— Что именно? — быстро спросил Киото.

— Их теория сообразности. — Лицо Калвера оживилось. — Вот послушайте. «При столкновении двух сил меньшая трансформируется, чтобы стать похожей на большую. Сила в этом случае подчиняется фундаментальному закону сообразности, или соответствия реальному миру, и физически, и ментально». Что вы на это скажете?

— Метафизика. Какое нам дело до их рационалистических объяснений?

— Прекратите рассказывать, рядовой! — шутливо приказал Калвер. — Конечно, нам есть до них дело, самое непосредственное. Знать о враге как можно больше — первое правило на войне. Вот смотрите: для Нама отнимать чью-то жизнь — основополагающее табу. А на это что вы скажете?

Киото пожал плечами. В других обстоятельствах он бы с удовольствием подискутировал на предложенную тему. Но только не сейчас, когда армии мира расформированы, боевая техника уничтожена и все зависит от одного незаконченного образца оружия и одного человека...

— Мы можем доверять этому Гримше?

— Абсолютно. — Калвер выдвинул ящик и начал выставлять на стол банки с импортным табаком. Последней он достал закопченную глиняную трубку. — Гримше служил под моим началом. Я без колебаний доверю этому большому хмурому человеку свою жизнь.

— Он военнослужащий? — неодобрительно спросил Киото.

— Мастер-сержант.

— Понятно. — Киото снова начал ходить из угла в угол. Вообще-то, он думал, что войну против Нама будут вести ученые, особенно после того, как военные расписались

в полной беспомощности. Ученых он понимал. А вот возложить такую ответственность на сержанта...

Калвер, должно быть, услышал мысли Киото.

— Да не волнуйтесь вы так. Гримше — ответственный, целеустремленный и неподкупный человек. Он действует как бульдозер. Дайте ему задание — и он выполнит его, даже если весь мир ляжет трухой у его ног, а человечество превратится в воспоминание. — Калвер улыбкой извинился за излишнее красноречие.

— Очень поэтично, — сказал Киото. Но солдатам он все равно не доверял.

Полковник встал и с сожалением осмотрел свой мундир.

— Переоденусь-ка я лучше в гражданское, — вздохнул он. — По-видимому, армии больше нет.

— Я принесу чемоданчик, — сказал Киото. Подойдя к двери, он остановился. — Сколько сейчас времени?

— Без трех двенадцать, — отозвался Калвер, развязывая галстук цвета хаки.

Снаружи гул толпы звучал все более угрожающе.

Мастер-сержант Эдвин Гримше знал, что не должен оставаться в толпе. Его ждет полковник. Но что-то удерживало его среди людей.

Он мало общался с гражданскими последние двенадцать лет. Действия толпы завораживали и отталкивали одновременно. На текущий момент очарование победило.

Мимо Гримше протискивался мужчина, сжимая метровый отрезок свинцовой трубы.

— Он не войдет в Капитолий, — рычал он. — Мы разнесем его на куски!

Сержант с любопытством посмотрел на мужчину. Он что, собирается атаковать робота, весящего, должно быть, целую тонну, с отрезком трубы? Эти гражданские настроены по-боевому. Правда, хватает их ненадолго. Такие же толпы собирались по всему миру. Их отвага улетучивалась после первой же неудачи.

Гримше взглянул на часы. Без двух двенадцать. Ультиматум истекает ровно в полдень — крайний срок, чтобы

передать им Конституцию и Декларацию независимости, которые находились под охраной в Капитолии. Иначе их заберет робот Нама. Пока же огромный золотистый робот бездействовал на ступенях Капитолия.

Гримше остался стоять на месте, когда толпа устремилась вперед. Тысячи человек растеклись широким полукругом вокруг неподвижного робота. Немногочисленные военнослужащие пытались сдерживать людей, чтобы обеспечить пулеметам и гранатометам зону обстрела. Но разъяренная толпа жаждала мести.

Гримше понимал чувства людей. Он и сам с удовольствием разорвал бы на части кого-нибудь из захватчиков, но ему были чужды скоротечные, легкомысленные страсти толпы. Такие эмоции быстро проходят вслед за первой волной ненависти. Гримше ждал своего часа. И если понадобится, был готов ждать вечность.

Толпа беспокойно ворочалась, словно огромный осьминог. Люди щупальцами вытягивались из толпы, бились о заграждения и втягивались назад. Толпа заходила в едином крике, наступала и отступала единой волной, сжимала один гигантский кулак.

Двенадцать часов. Робот Нама наклонился вперед и стал подниматься по ступеням Капитолия. Затрещали армейские пулеметы. Пули рикошетили от блестящего корпуса и разлетались во все стороны, в том числе в людей. Кто-то закричал от боли, но крик потонул в реве толпы.

Неодобрительно хмурясь, Гримше смотрел, как толпа прорывает заграждение и бежит вслед за роботом. В тот момент, когда они настигли его, сработали мины, установленные на ступенях Капитолия. Взрывы проделали в толпе большую красную дыру. Прогалина быстро заполнилась людьми. Робот продолжал двигаться в прежнем темпе.

Солдаты прекратили огонь — толпа окончательно окружила робота. Люди бросались на него, колотили по корпусу разводными ключами, монтировками, прикладами. У одного была ацетиленовая горелка; он цеплялся за спину робота и пытался проплавить ему плечи. Робот отре-

шенно двигался вперед, игнорируя действия людей и аккурратно перешагивая через тела.

Но вдруг настроение толпы изменилось. Гнев уступил место мрачным предчувствиям, первобытному страху и, наконец, панике.

— Он преследует меня! — крикнул кто-то, хотя робот двигался прямо ко входу в Капитолий.

— Он наступает!

Толпа развернулась и обратилась в бегство. У Гримше было преимущество в несколько секунд. Расталкивая людей, он зашагал прочь размашистой походкой крупного человека. Робота он не боялся, а вот толпа затопчет любого, кто окажется на пути. Оглянувшись, он поймал последний отблеск золотистого корпуса: робот беспрепятственно входил в Капитолий.

«Гражданские вели себя глупо, как обычно», — констатировал Гримше.

Все, на экскурсию он потратил достаточно времени.

2

Неподалеку от Капитолия по адресу, который продиктовал полковник Калвер, располагалось узкое коричневое здание. Гримше постучал в дверь и, услышав крик Калвера «открыто», вошел и оказался в гостинной.

Вместо военной формы на полковнике Калвере был серый деловой костюм. Но военная выправка никуда не делась. Костюм был ладно подогнан, а цветок в петлице смотрелся как знак различия. Перед полковником на низком столике стояло с десяток банок импортного табака, рядом лежала глиняная трубка. Калвер смешивал табак в коньячном бокале, принимаясь к полученной смеси.

— Вольно, сержант, садись, — сказал Калвер. — Мы больше не в армии.

Гримше промолчал в ответ. Он знал, что они все равно на службе — и не важно, в форме они или нет. Калвер добавил к смеси еще несколько табачных волокон, нежно потряс бокал и начал набивать трубку.

— Что происходит на улице?

— Толпа попыталась остановить робота, — доложил Гримше, присев на край табурета. — Им это не удалось.

— Ничего удивительного. — Калвер раскурил трубку с помощью какого-то сложного приспособления и откинулся в кресле. — Я так и думал. Этих роботов не остановила атомная бомбардировка. Но толпа уверена, что ее праведный гнев прошибет любую броню. — Он сочувственно улыбнулся.

Гримше тоже улыбнулся, прощая полковнику высокопарность речи.

— А теперь перейдем к делу, — сказал Калвер, попыхивая трубкой. — Сразу после приземления кораблей Нама президент провел совещание с начальниками штабов. Они понимали, что любая раса, способная преодолевать межзвездные расстояния, значительно опережает нас в технологическом развитии. Даже наше атомное оружие оказалось неэффективным. Президент представил некоторые положения, касающиеся ведения войны в условиях роспуска правительства и вооруженных сил.

Калвер снова раскурил трубку.

— У нас есть секретное оружие. Оно разрабатывается пять лет и пока не готово. Но что это за оружие! В его основе совершенно новый энергетический принцип — оно аннулирует массу вместо того, чтобы ее разрушать. Президент считает, что оружие и работающие над ним ученые должны быть защищены любой ценой. Улавливаешь, куда я клоню?

— Да, сэр, — ответил Гримше, морща от напряжения лоб.

— Поэтому весь проект ушел в подполье. Поскольку мы не представляем, какие у захватчиков методы разведки, численность подполья поддерживается на минимальном уровне. Меня назначили им руководить.

Гримше одобрительно кивнул. Президент не мог поставить во главе проекта никого из высшего руководства — за ними следили бы. Об ученом не могло быть и речи — ученые непрактичны. А Калвер — чертовски хороший

офицер. Даже несмотря на вычурную речь и пристрастие ко всяким изыскам вроде импортного табака, он — лучший офицер из всех, под чьим началом довелось служить Гримше.

— А теперь о твоей роли в этом деле, — продолжил Калвер. — Мне нужен надежный связной, на которого я могу положиться. Подполье разделено на две части. Мы — здесь, в Вашингтоне. А ученые и оружие спрятаны...

Хлопнула дверь. В комнату стремительно вошел невысокий темноволосый мужчина с чемоданчиком в руке.

— У меня здесь почти все, что нужно, — доложил он, переводя дух. — Не удалось найти германий, и отсутствует половина компонентов формулы X524. Но ученые пока могут работать с тем, что есть.

— Гримше, знакомься, — сказал Калвер. — Киото — наш вашингтонский научный руководитель.

Гримше медленно поднялся:

— Японец?

Киото кивнул, неуверенно улыбаясь. Гримше посмотрел на него долгим взглядом, но его жесткие черты не выразили никаких эмоций. Потом он повернулся и отошел к окну.

Улыбка сползла с лица Киото.

— В чем дело, Гримше? — спросил Калвер.

Гримше повернулся:

— Полковник, я могу высказать личное мнение?

— Конечно.

— Я не считаю, что война с Японией окончена. — Лицо Гримше окаменело.

— Договор о капитуляции подписан, — сказал Калвер.

— Клочок бумаги ничего не меняет. Полковник, вы действительно хотите услышать мое мнение?

— Да, конечно. Давайте расставим все точки.

— Хорошо. Я прошел ту войну, и я все помню. Помню погибших на ней парней. Враги не становятся друзьями просто из-за клочка бумаги.

Киото нервно улыбнулся, непроизвольно теребя шелюру.

— Я лично убежден, что нам не следовало прекращать войну, — сказал Гримше, — до тех пор, пока мы не уничтожим их всех.

— Боюсь, Гримше, политик из тебя никудышный, — вздохнул Калвер. — Войны ведутся не между людьми. Войны — это последствия экономических проблем, поднявшего голову национализма и кучи других факторов.

— Ничего об этом не знаю, сэр. Я просто считаю, что враг остается врагом. Навечно.

— Что ж, раз у сержанта такие взгляды, — сказал Киото, — мне лучше уйти...

— Чепуха! — оборвал его Калвер. — Гримше, вы же знаете, против чего мы восстали; любая помощь для нас на вес золота.

— Знаю, сэр. И я не против, чтобы он с нами работал. Просто я хотел донести до вас, что я об этом думаю.

— Это твое право, — кивнул Калвер. — Лучше проявить все с самого начала. А теперь вернемся к делу. Присаживайтесь оба.

Не глядя друг на друга, Гримше и Киото сели.

— Мы дислоцируемся в Вашингтоне по двум причинам, — начал Калвер. — Во-первых, оружие будет применено именно здесь. Во-вторых, здесь легче найти необходимые материалы. Оружие и его разработчики укрыты в Вирджинии. Ты, Гримше, будешь нашим курьером. Материалы нужно доставить в Вирджинию, а там ученые разберутся, что с ними делать.

Киото выглянул в окно.

— Предлагаю поторопиться, — произнес он извиняющимся тоном. — Нама могут закрыть город.

— Вряд ли, — возразил Калвер. — На этот раз, Гримше, не должно возникнуть никаких трудностей. Побудешь в Вирджинии, пока им не потребуются недостающие компоненты. Тогда вернешься сюда. К тому времени мы соберем все, что нужно.

— Хорошо, сэр.

Калвер достал из нагрудного кармана листок бумаги и передал Гримше:

— Это пункт назначения. Запомни.

Гримше глянул на листок и вернул Калверу. Тот поднес к нему зажигалку и держал, пока огонь не лизнул пальцы. Остаток бросил на пол.

— В Вирджинии ты должен научиться обращаться с оружием. Мы с Киото относительно немобильны, поэтому за нами легко проследить. Оружие придется применять тебе. Сделаешь это, что бы ни случилось.

— Хорошо, сэр, — сказал Гримше. — Оружие будет применено. — Не глядя на Киото, добавил: — Своих врагов я не забываю.

— Знаю, — ответил Калвер. — А теперь иди.

Гримше отдал честь, поднял чемоданчик и вышел. Как только закрылась дверь, Киото поднялся и посмотрел на Калвера, с трудом скрывая гнев:

— Полковник Калвер, я требую объяснений!

Калвер откинулся в кресле и закрыл глаза, едва заметно улыбаясь.

— Киото, отнеситесь к нему непредвзято. Как и любой человек, он не лишен недостатков. Но разве он не идеальная машина войны?

— Но его позиция...

— Его позиция по отношению лично к вам достойна сожаления. Но в целом она похвальна, ибо, безусловно, способствует выполнению задания. — Калвер открыл глаза и внезапно сел прямо. — Киото, я горжусь своей способностью видеть людей насквозь. Гримше идеально подходит для такой миссии. — Вооружившись спичкой, полковник начал вычищать трубку. — Приходится обращаться с ней крайне осторожно, — проворчал он. — Сувенир из Коннахта. Не хочется возвращаться туда за другой такой...

Киото подошел к окну. Улицы Вашингтона были непривычно пусты. Он попытался собраться с мыслями. Как может Гримше быть подходящим человеком? Разве упрямая, безрассудная ненависть приведет их к свободе? Очень ненаучно... Впрочем, это ведь дело военных, а у них все по-своему. Может, Калвер и прав.

Киото не знал, да и не хотел знать. Больше всего он хотел оказаться дома и чтобы его оставили в покое.

■ ■ ■

ОТ: МОРДЕШ КДАК
ОРГАНИЗАТОР
ЭКСПЕДИЦИЯ 87С6

КОМУ: АРА ИЛДЕК
НАМА IV
ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ СОЛОНЕС
ГАЛАКТИКА Х32-А

ТЕМА: ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СОЛ-III

ПРИВЕТСТВУЮ!

Первые два этапа кампании успешно завершены. Мы захватили все символические документы и подготавливаем их к отправке в Музей Отклонений на планету Иллик-II. Уничтожены все механические средства ведения войны, за исключением пока еще не выявленных экземпляров. Все армии Сол-III расформированы решениями правительств, функции которых мы полностью взяли на себя.

Некоторые земляне не оставляют попыток убить нас или вывести из строя наших роботов. Потерь среди Нама пока нет, поэтому прибегать к последнему средству — ликвидации отдельных землян — необходимости не возникло.

Поскольку этот народ — градостроители, мы централизовались. Наша культура прочно овладеет крупными населенными пунктами и после этого выплеснется наружу, в сельские районы. Насколько я могу судить, централизация не создает для нас опасности. Как я уже упоминал, земляне не управляют энергиями мощнее атомной.

Мы развернулись в полную силу, используя «Методы подсознательного обучения диких народов гуманоидного типа», разработанные Моргишом. Земляне замечают только внешние, видимые аспекты нашей кампании: книги, брошюры, радио- и телепередачи и тому подобное. Эти так называемые методы прямого влияния наталкиваются на ожидаемое сопротивление, в результате чего земляне не будут обращать особого внимания на происходящие в них значительные внутренние перемены.

Земляне уверены, что наша идеологическая обработка не достигает цели. Эта вера основывается на их собственном опыте — неуклюжих попытках вколачивания принципов в голову друг другу на протяжении нескольких тысяч лет. Они не способны понять принцип сообразности, который базируется на том, что истина неопровержима. Их крайний скептицизм играет нам на руку.

Как всегда, интересно наблюдать за проявлениями подсознательного обучения — медленный рост сомнений, ревизия старых идей, чувство неопределенности, приступы задумчивости и так далее.

Скоро мы пройдем точку преломления. Идеи, медленно пускающие ростки, тысячи ростков, — неожиданно расцветут. Земляне даже не поймут, что они изменились. Они просто станут цивилизованными!

Только что я получил информацию, которая меня озадачила. Мой прибор, выявляющий массовые тенденции, обнаружил подозрительный изолированный потенциал в ключевом городе Вашингтон или его окрестностях. Прибор дает вероятность 73%, что потенциал создается одним лицом, и присваивает ему уровень «плюс двадцать три»!

Значение «плюс двадцать три», конечно же, маловероятно. Даже у меня, Организатора, более низкий коэффициент вероятностного влияния. Прибор я отошлю в ремонт, но, на всякий случай, поручу Грагашу разыскать этого гипотетического индивидуума и по обнаружении индоктринировать.

Ко времени моего следующего сообщения, я надеюсь, планета будет цивилизована.

С пожеланием мира,
Мордеш Клак,
Организатор

■ ■ ■

Гримше без происшествий доставил чемоданчик секретной научной группе в Вирджинию. Но потом он остался не у дел. Немногословным, занятым по уши специалистами центра было не до него. Круглые сутки они работали

над оружием, прерываясь только на сон. Гримше пытался им помогать, но только путался под ногами.

Поэтому он уходил в горы: гулял, охотился и ждал, когда его услуги снова потребуются.

Однажды он дошел до ближайшего городка и увидел, что Нама уже здесь. Зрелище пробудило в нем волну бессильного гнева. Вот он, враг, рядом, а сделать ничего нельзя, только ждать. Горожане, казалось, воспринимали захватчиков вполне спокойно. Насколько Гримше мог разобрать издали, они выглядели вполне довольными.

Это его не встревожило. Гражданские — слабаки. Предателей везде хватало...

Ученые показали ему на модели, как будет работать готовое оружие. Управление оказалось на удивление простым. И не важно, насколько сложное устройство внутри. Главное, чтобы оно работало.

Примерно через месяц оружие было готово, за исключением германиевых вставок и компонентов формулы X524. Гримше надел неброский костюм, вооружился автоматическим пистолетом 45-го калибра и отправился в Вашингтон.

3

Он добрался до столицы на закате дня и сразу же заметил, что город изменился. Но как именно? В чем это выразилось? Так сразу и не скажешь.

Потом он обратил внимание, что в городе очень тихо. Вашингтон — вечно шумный, бурлящий город. Но только не сейчас. Несколько автомобилей катились по улице медленно, почти нерешительно. Люди собирались небольшими группами на углах и разговаривали вполголоса.

Чтобы не выделяться из общей массы, Гримше замедлил шаг.

«Здесь никто никуда не спешит, — подумал он. — Более того, кажется, что никто не идет никуда конкретно».

И в этот момент он заметил человека позади.

Он не знал, как долго тот следует за ним. Подавив импульсивное желание выхватить пистолет, Гримше про-

должил идти размеренным шагом. На ближайшем перекрестке он свернул.

Человек свернул тоже.

Гримше обогнул три квартала, человек следовал за ним как привязанный. Гримше юркнул в какое-то здание и спрятался за большой входной дверью. Человек вошел внутрь, осмотрелся, увидел в задней части вестибюля надпись «Выход» и побежал туда.

Гримше выбежал через парадную дверь и стал плутать переулками, внимательно поглядывая по сторонам. Хвост так и не появился. Слегка запыхавшись, Гримше вошел в здание из коричневого камня.

■ ■ ■

Киото спал на диване. Калвер сидел в кресле и читал книгу. Полковник был босиком, в футболке и свободных брюках и выглядел абсолютно по-граждански.

— А я все гадал, когда ты вернешься, — лениво проговорил Калвер, опуская книгу. Киото проснулся и сел на диване, сонно потирая глаза. — Как обстоят дела с оружием?

— Почти все готово, заминка из-за германия и компонентов для Х524.

Калвер кивнул.

— Быстро они работают, — сказал он Киото. — Тебе не кажется?

— Действительно очень быстро, — согласился Киото.

Снаружи загремел громкоговоритель: «В галактике множество гуманоидных рас. Не забывай о них, когда думаешь о себе».

— Что это? — спросил Гримше.

— Они все время передают какую-то чепуху, — объяснил Калвер. — О других расах, обособленности и сотрудничестве. У них целая кампания.

— Почему не обрежете провода?

— Нет смысла, они снова починят.

— А теперь, — выкрикнул громкоговоритель, — предлагаем вам музыку планеты Инг! Ее тональная система

отличается от земной, это совершенно иная концепция звукового мира. Но послушайте сами — оттого, что она другая, она не стала менее прекрасной.

Заиграла музыка.

— Приятная, правда? — улыбнулся Калвер.

— Мне медведь в детстве на ухо наступил, — сказал Гримше.

Полковник достал трубку и стал набивать ее табаком.

— Значит, оружие почти готово? Удивительно быстро...

— Удивительно, — поддакнул Киото.

Гримше удивленно посмотрел на них. Что-то в них изменилось. Киото — еще ладно. Но что с полковником?

Повисло молчание, которое, казалось, ничуть не беспокоило ни Калвера, ни Киото. Потом полковник спросил:

— Сержант, ты проголодался?

— Думаю, да. Сегодня еще не ел.

— Пойдем. — Полковник встал и проводил Гримше на кухню. — Сейчас найдем что-нибудь, что тебе понравится. — Открыв холодильник, он вытащил блюдо, заполненное коричневатой субстанцией. — Вот, попробуй.

— Что это?

— Не знаю. Его раздавали Нама, оно с планеты Мехвис. Вкуснее всего, что ты ел.

— Спасибо, не надо.

Гримше нашел в холодильнике буханку хлеба, салат-латук, холодный стейк и бутылку пива. Пока сержант ел, Калвер задумчиво мурлыкал.

— Сэр, — наконец сказал Гримше. — Что-то не так?

— Ты о чем?

— Не знаю. Но здесь как-то странно. Японец не отказывал номера?

— Киото? Господи, нет! Что тебе взбрело в голову?

— Вы не такой, как прежде, — заметил Гримше.

Калвер размышлял минуту, попыхивая трубкой.

— Возможно, Гримше, ты и прав. Но эти изменения естественны. Мы же испокон веков считали себя единственным разумом во Вселенной. И вдруг встречаем инопланетян. Узнаем о сотнях тысяч обитаемых планет... Это заставляет задуматься...

— Только не меня, — сказал Гримше.

— ...и пробуждает интерес к различным вещам. Таким как судьба, мир, война, смысл жизни. И многим другим.

Они вернулись в гостиную. Музыка закончилась, и громкоговоритель объявил:

— Помните: для лучшего понимания учения Нама нужно прочитать учебник номер двадцать три «Эмпирические методы постижения истины».

— Вы достали компоненты для формулы икс пятьсот двадцать четыре? — спросил Гримше. Калвер и Киото выглядели так, как будто вопрос застал их врасплох. Потом Киото подошел к стенному шкафу и вытащил небольшую сумку.

— Здесь все, — сказал он.

— Сэр, готов план атаки? — спросил Гримше у Калвера, принимая сумку.

— Да, конечно, — кивнул Калвер и вдруг зачастил: — Доставишь компоненты в Вирджинию. Когда оружие будет готово, доставишь его сюда. Оно переносимое? Отлично. Ты уже его освоил? Хорошо. Нама концентрируются в одном-единственном здании. Смешно, правда? И новые прибывают каждый день. Идеальная мишень! Мы пойдем туда, прицелимся и — бабах!

Полковник замолчал и почему-то покраснел. Он выглядел сконфуженным.

— О чем я говорил? Ах да, конечно... У тебя приказ, сержант. Между прочим, знаешь, у Нама есть лекарство, которое вылечивает шизофрению за час.

— И процедура что надо, — пробормотал Киото. — А их подход к экономической стабильности...

— Только свободное предпринимательство, — воскликнул Калвер. — При этом они нашли решение циклических кризисов. Гримше, ты должен прочитать их книги. Очень познавательно! Даже выдворив их, мы надолго останемся перед ними в долгу.

Гримше глянул на книгу, которую читал Калвер. Она называлась «Эмпирические методы постижения истины». Он листнул ее наугад и прочел: «Долгое время считали, что истина расплывчата, относительна, имеет спектр оттенков

от черного (ложь) до белого (истина). Умозрительность такой точки зрения легко доказуема, стоит лишь рассмотреть...»

Гримше захлопнул книгу.

— Прощайте, — сказал он и вышел.

Проводив сержанта взглядом, Калвер повернулся к ученому:

— Тебе не кажется, что он вел себя как-то странно?

— Теперь, когда ты сказал об этом, — да, кажется. Но в чем именно странность — я не знаю.

— Я тоже.

Некоторое время они сидели молча. Потом Киото сказал:

— Я понял. Уходя, он не назвал тебя «сэр».

— И верно, — задумчиво согласился Калвер. — Не назвал.

Он снова взялся за книгу. Громкоговоритель зарядил делианскую барабанную музыку.

Смеркалось. Гримше на мгновение замер, оглядывая тихую, пустынную улицу. Потом крепче сжал ручки сумки и зашагал вперед.

Что-то было не так, он это чувствовал. Неужели полковник Калвер сдался? Невозможно. Он знает полковника много лет. Нет офицера лучше. А хороший офицер не может взять и вот так измениться. Или может?

Гримше пытался разобраться в своих сомнениях. Нет ничего страшного в том, что Калвер изучает дары Нама. Может, некоторые из них действительно представляют собой что-то ценное. Но факт остается фактом: Нама — оккупанты, враги. А с врагами не дружат, их уничтожают. Всех до последнего.

С полковником будет все нормально, решил Гримше, как только он избавится от японца.

Переходя через улицу, он заметил следующего за ним человека. Гримше нащупал в кармане пистолет, снял с предохранителя и взвел курок. Место было подходящее, не хуже и не лучше любого другого.

Грагаш улыбнулся про себя, увидев, что землянин остановился и повернулся к нему лицом. Превосходно. Значит, землянин расположен к разговору. Грагаш приблизился нарочито медленно, стараясь не испугать человека.

Землянин был рослый, настороженный и хмурый. Стоял идеально ровно и неподвижно, но было в его позе что-то неестественное. Как будто человек смотрел на себя со стороны и приговаривал: «Вот так я должен стоять».

Грагаш остановился в трех метрах. Он чувствовал, что землянин его не боится. С этим человеком придется обращаться вежливо и очень осторожно.

— Прошу прощения, могу я с вами поговорить? — спросил Грагаш.

— Конечно.

Грагаш не смог выявить у человека непроизвольного напряжения мышц. Он действительно расслаблен? Или у него самоконтроль, как у сверхчеловека?

— Я — Нама, — прямо сказал Грагаш.

Землянин кивнул.

— Кажется, у вас навязчивое, почти маниакальное предубеждение против нас, — продолжил Грагаш. — Я хотел бы изложить несколько фактов. — Он замялся. Каменное лицо землянина оставалось непроницаемо.

Темнело. Грагаш подумал было включить защитный экран, но потом решил — не стоит. Пусть человек видит, что Нама — друг. К тому же он всегда успеет включить экран, как только заметит напряжение мышц, предупреждающее об атаке.

— Вы несчастливы, — сказал Грагаш. — Я предлагаю вам функциональное объяснение вашего состояния...

Грагаш не заметил, как его настиг удар. Он отшатнулся, пытаясь включить защитный экран и осознавая, насколько сильно он недооценил человека. Мысленный контроль землянина был поразителен и нетипичен. Действие было спланировано, но скрыто. Шизофренические личности способны...

Землянин выставил вперед руку, в ней блеснул металл.
— Стой! — крикнул Грагаш.
Удар сбил его с ног, и мысли оборвались.

■ ■ ■

ОТ: МОРДЕШ КДАК
ОРГАНИЗАТОР
ЭКСПЕДИЦИЯ 87С6

КОМУ: АРА ИЛДЕК
НАМА IV
ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ СОЛОНЕС
ГАЛАКТИКА Х32-А

ТЕМА: ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СОЛ-III

ПРИВЕТСТВУЮ!

Великий день настал! Точка преломления достигнута и успешно пройдена! Еще одна планета вливается в дружную семью цивилизаций!

Но не каждый конкретный человек. Мы не сумели добраться до всех изолированных групп. Но крупные населенные центры — главная часть планеты — цивилизованы. Культура будет распространяться дальше как круги по воде, и этот процесс не остановить. Здравомыслие на этой планете восторжествовало.

Можете представить себе потрясение землян, когда точка преломления была пройдена? Незабываемое ощущение. Чем-то сродни процессу превращения куколки в бабочку или самому процессу рождения. Вначале земляне были подозрительны. Паника первых часов сменилась ненавистью. Потом пошел медленный процесс осознания. И наконец — понимание!

Поскольку земляне научились рассуждать здраво, мы предоставили им остаток информации.

1. О том, что мы, Нама, вмешались не ради корыстных интересов, а только потому, что Земля оказалась на грани самоуничтожения.

2. О том, что Земля имеет право присоединиться (или не присоединиться, хотя последнее и нетипично) к Конфедерации свободных планет, чтобы разделить с ними

процветание, участвовать в торговле, делиться инновациями.

3. О том, что экспедиция Нама покинет планету в полном составе, как только мы соберем оборудование. Нашего внимания требует другая планета, где идет ядерная война.

Земляне без проблем сформируют новые правительства или, как я думаю, единое правительство, поскольку теперь ничто не помешает исполнению их заветной мечты о едином государстве. Мы, как обычно, оставляем им прототипы космических кораблей и многое другое, что, возможно, они найдут для себя полезным.

В отдельном отчете я обрисовал реакции землян. Подытоживая, могу сказать: изначально они воспринимали нас как карательную экспедицию. Узнав же о наших истинных целях, они были потрясены. Альтруизм они считали труднодостижимым идеалом, а не повседневной реальностью. Также, в процессе индоктринации, многие полагали, что их «гипнотизируют» или им «промывают мозги». Как же далеки они были от истины! Уловки использовались лишь для того, чтобы позволить им в полной мере оценить истину, которую мы им принесли.

Однако победа омрачена трагедией. Грагаш убит человеком, которого должен был просветить. Землянин снова исчез из нашего поля зрения. Его коэффициент влияния вырос до плюс двадцати пяти. Следовательно, он должен обладать оружием, использующим трансатомную мощь.

Вынужден признаться, я сильно нервничаю. Грагаш был единственным компетентным следопытом. Влиять на общие тенденции населения нетрудно. А вот выбрать одного человека из миллионов — почти невозможно. Правда, у нас есть козырь — обобщенный образ этого человека, собранный из его личностных качеств, выраженных через его поступки. Я передал его образ боевым роботам. Если они найдут его, то потребуют от него немедленной сдачи. В случае неповиновения у них есть приказ стрелять на поражение.

Такой шаг, очевидно, говорит о моей несостоятельности, но я должен защитить экспедицию.

Никак не могу понять, зачем он это делает? Он уже должен знать о наших намерениях. Почему он упорствует?

В настоящее время мы стягиваем наши силы в Вашингтон и готовимся к убытию.

С пожеланием мира,
Мордеш Кдак,
Организатор

4

Гримше пришлось прождать еще неделю, пока техники завершили сборку и проверили работоспособность оружия. Напоследок они встроили оружие в небольшой чемоданчик, разместив органы управления наверху рядом с ручкой. Как только все было готово, Гримше уехал.

Помня о почти пустых улицах Вашингтона, он оставил машину в пригороде и пошел пешком.

— Хороший денек, приятель, — окликнул его кто-то.

— Хороший, — вежливо ответил Гримше, держа палец возле спусковой кнопки.

— Вот. — Человек подошел и протянул пачку банкнот. — На, возьми.

Несколько мгновений Гримше колебался, потом взял деньги.

— Почему отдаешь?

— По двум причинам. Во-первых, у меня их полным-полно. Перекомпенсация. Во-вторых, у тебя такой вид, словно ты что-то потерял. Не знаю, так ли это, но надеюсь, что деньги сделают тебя счастливее.

И человек, насвистывая, зашагал прочь. Гримше посмотрел на банкноты и сунул в карман.

«Странный тип, — решил он. — Явно не в порядке».

Однако странно выглядел весь город. Гримше попытался разобраться, в чем дело. Те же самые здания, те же улицы, те же магазины. А вот люди — другие!

Почему другие? И вдруг Гримше понял: они были счастливы, все до единого. Он никогда не видел столько счастливых лиц. Гримше почувствовал отвращение.

На углу собралась группа мужчин. Один из них говорил:

— ...Мне казалось, будто я вывернут наизнанку. Парни, я и вправду увидел себя. Скажу, впечатление не из лучших.

— Увы, мы не совершенны, — посетовал другой.

— Да и слава богу! — воскликнул первый. — Совершенство — недостижимый идеал. Главное, что мы уже не толпа невеж и не ставим друг другу подножки.

Гримше прошел мимо. Похоже, он единственный здравомыслящий человек во всем городе.

«Гражданские, — презрительно думал он, — готовы лизать оккупантам руки».

Пешая прогулка быстро ему разонравилась. Он понял, что у него у одного серьезное, сосредоточенное лицо. Но с этим он ничего не мог поделать.

Гримше остановил такси. Водитель оглянулся на пассажира и медленно покачал головой:

— Приятель, вылезай.

— Почему?

— С тобой что-то не так. Не знаю, что именно, но пять минут в твоём обществе — и плохое настроение обеспечено на весь день.

— Ты не можешь высадить меня просто так, — разозлился Гримше. — Я сообщу в компанию.

— Сообщай. Ну, уволят меня, ну, займусь чем-нибудь поинтереснее. Вот только босс вряд ли станет с тобой разговаривать.

Гримше едва сдержался, чтобы не врезать таксисту по физиономии. Но стоит ли рисковать из-за пустяка? Черт с ним, решил сержант и вылез из машины.

Путь до коричневого дома превратился в кошмар. Гримше с трудом узнавал людей. Это были не земляне. Они были ненормальные. Он ускорил шаг и крепче сжал ручку чемодана. Дважды он замечал вышагивающих по улице огромных роботов Нама и оба раза предпочел обойти их стороной.

Полковник Калвер и Киото потягивали пиво на кухне.

— Проходи, дружище, — обрадовался Киото, увидев вошедшего Гримше. — Присоединяйся!

Пропустив его слова мимо ушей, Гримше посмотрел на Калвера. Полковник указал на стул.

— Оружие готово, — доложил Гримше. — Можно начинать.

— Садись, — сказал Калвер. — Планы изменились.

Гримше сел, зажав чемодан между ног. Сунув руку в карман, сжал рукоять пистолета.

— Это трудно объяснить, если ты не чувствуешь этого сам... — начал Калвер.

— Я слушаю.

— Мы ошибались в отношении Нама, — вклинился Киото, желая помочь полковнику. — Они пришли с единственной целью — помочь нам. Понимаешь, сержант?

— Продолжайте.

— Ты не слушаешь, — сказал Калвер.

— Внимательно слушаю.

— Хорошо. Взгляни на происходящее иначе. — Калвер вынул трубку изо рта и положил на стол. — Мы на Земле сражались, разрушали, убивали, обманывали, лгали с незапамятных времен. Не потому, что мы так хотели! Это наша извечная трагедия. Среди нас мало исчадий ада. Мы стремимся делать добро. Мы ищем смысл жизни, а находим одни миражи.

— Но теперь с этим покончено, — продолжил Киото. — Смысл жизни прост и доступен. Стоит только понять его, и в голове — полная ясность.

— Верно. Вы все святые, — сказал Гримше. — Я вижу нимбы.

— Нет! — сорвался на крик Калвер. — Мы — люди со всеми присущими людям недостатками. Но теперь мы просвещены и можем работать над этими недостатками. Нам помогает объединенная галактика. Придет время, и она получит помощь от нас.

— И?

— Разумеется, атака отменяется. Сейчас я уничтожу оружие. — Калвер протянул руку к чемодану, но Гримше достал пистолет.

— Атака не отменяется, — сказал он.

— Ты не понимаешь... — начал Киото, но, взглянув в лицо Гримше, отодвинулся к дальнему краю стола.

— Все я понимаю, — сказал Гримше. — Они явились без приглашения. Они ликвидировали армии. Это вторжение. Но война не закончена. По крайней мере, не для меня. До тех пор, пока у меня есть чем ответить.

— Гримше-Гримше, — грустно протянул полковник. — Ты ненормальный. Почему ты не понимаешь, что я тебе говорю? Не было никакой войны! То, что ты замышляешь, — убийство.

— Я не забываю своих врагов. — Гримше встал, не выпуская чемодана из рук.

Калвер помолчал, потом сказал:

— Это моя вина, Гримше. Я сам тебя выбрал и подошел к выбору слишком ответственно. Ты мой персональный монстр, мой Голлем. Я чувствую себя Франкенштейном. И вот ты обратился против своего создателя. — Он шагнул вперед. — Отдай чемодан. Это приказ.

Гримше выстрелил ему в грудь. Сила выстрела отбросила полковника назад, он налетел на кухонный стол. Трубка скатилась на пол и разбилась. Калвер упал на колени и слепо нащупывал осколки. Гримше выстрелил еще раз.

— Теперь твоя очередь, — сказал Гримше забившемуся в угол Киото и выстрелил ему в голову. — Вот мы и в расчете.

Сунув пистолет в карман, он поспешил к двери. Его охватило приятное возбуждение: ставки сделаны, время действовать наконец пришло. Он один отомстит за всю Землю.

На улице его поджидали два робота Нама. Возле них собралась небольшая толпа.

— Сдайся им добровольно, — посоветовал кто-то.

— Ты отвратителен.

— Ненормальный.

Роботы двинулись с места. Гримше нацелил чемодан, быстро выставил дальность и нажал на кнопку. Роботы, толпа и дома по соседству исчезли.

Гримше припустил рысью к зданию, в котором окопались Нама. Он надеялся, что по дороге его не подстрелят. Это было бы нечестно. Все вокруг предатели — возможно, все на Земле. Он — последний верный солдат. Но кому есть дело до верности, когда Нама приносят дары? Нама высадились на Землю без приглашения. Достаточная причина, чтобы их уничтожить.

Рано или поздно они доберутся до него, даже несмотря на его чудо-оружие. Но он доберется до них первым.

Он ополовинил толпу предателей, блокировавших проход к зданию Нама.

■ ■ ■

ОТ: МОРДЕШ КДАК
      ОРГАНИЗАТОР
      ЭКСПЕДИЦИЯ 87С6

КОМУ: АРА ИЛДЕК
      НАМА IV
      ЗВЕЗДНОЕ СКОПЛЕНИЕ СОЛОНЕС
      ГАЛАКТИКА Х32-А

ТЕМА: ЦИВИЛИЗАТОРСКАЯ ЭКСПЕДИЦИЯ НА СОЛ-III

ПРИВЕТСТВУЮ!

Это мое последнее сообщение с Сол-III, поскольку мы уже приготовились покинуть планету. Моя команда собралась в Вашингтоне и ожидает кораблей. Это была трудная миссия, но она принесла удовлетворение.

Когда мы приземлились на планету воюющих дикарей, я испытывал внутренний трепет. Теперь я оставляю после себя мир и взаимопонимание. Планета готова занять свое место в объединенной галактике. Вероятно, вскоре они соберут экспедицию, подобную нашей, и помогут нам сеять разумное, доброе, вечное.

Только что поступил доклад. В городе замечен тот самый землянин. Он уничтожил много людей и двух роботов Нама. Согласно докладу, он движется в нашу сторону. Я отдал приказ о его уничтожении. Слишком много жизней потеряно по его вине.

Забавно, но у землянина тот самый архетип, который всегда тормозил прогресс своего народа. Он убежденный

и неподкупный. Более умные люди нашли бы его полезным — к их собственному несчастью, потому что умные люди могут менять точку зрения, а этот человек упрям и целеустремлен. И верх безумия — так закрывать свой разум, чтобы ничего не проникло в него извне.

Прошло несколько минут. Землянин еще жив. Мы не привыкли убивать, наш разум сжимается от такой необходимости. А этот человек — хитрый дикарь. Возможно, мы чересчур цивилизованы.

Ара, эта планета слишком долго купалась в крови... возможно, нужно ее очистить... Ох, какая нелепая мысль! Пожалуйста, вычеркни ее из моего доклада.

Еще одно донесение. Землянин замечен вблизи нашего штаба. Обязательно передай совету, чтобы не судили о планете по одному человеку. Земля прошла подготовку, она цивилизована. Только непредвиденные факторы могли привести к подобному инциденту...

Они приближаются к нему. Стреляют! Но, боюсь, слишком поздно. Даже умирая, он нацеливает оружие...

ПОД КОНТРОЛЕМ

Джо Скэнлан подошел к серой пластиковой двери с табличкой «Генерал Гордон. Служба безопасности» и замер в нерешительности. Ему еще не доводилось входить в эту дверь, да он и не думал, что когда-нибудь придется. Обычно вызов в Службу безопасности означал проверку на подконтрольность: часы однообразных, выворачивающих мозг наизнанку вопросов. Беседы растягивались на дни, иногда на недели — пока Служба безопасности не получала полного удовлетворения.

Подавив дурное предчувствие, Скэнлан тихо постучал и вошел.

— Здравствуйте, Скэнлан, — приветствовал его генерал Гордон, невысокий мужчина лет сорока. Казалось, на его лице, на столе, да и на всем небольшом полутемном кабинете лежит слой пыли и усталости. Генерал выглядел так, словно держал на своих плечах все заботы мира.

«В известном смысле, — подумал Скэнлан, — так оно и есть».

— Не будем терять время, — сухо произнес Гордон. — Успокойтесь, к чему этот встревоженный вид?

Лицо Скэнлана не выражало никаких эмоций, но он едва не улыбнулся, глядя вниз на лысеющую голову Гордона. Генерал точно знал, что его работа не позволяет людям чувствовать себя непринужденно.

— Вы, конечно же, слышали о докторе Меллзе. Хорошо. Я прошу вас взять его под круглосуточную охрану. — Говоря это, Гордон сосредоточенно перекладывал бумаги.

— О, так, значит, он на Земле? — удивился Скэнлан. Вот уже три года Меллз, выдающийся ученый современности, жил на неизвестном астероиде. Из соображений безопасности ни имя планетоида, ни содержание работы уче-

ного не разглашались. Официально признавалось лишь, что он работает на военных.

— Да, Меллз вернулся. Вечером я привезу его к вашему дому. После этого он переходит под вашу опеку. Будете охранять, пока он не закончит работу.

— Подождите. — Сканлан перенес вес тела с одной ноги на другую. В кабинете было только одно кресло — то, в котором сидел генерал. — Почему я? Я хочу сказать, что такая важная персона, как Меллз... мне казалось, ему полагается более серьезная охрана. Что может предложить профессор истории? Я, конечно, сделаю, что в моих силах, но все же... почему?

— Почему вы? — Гордон перестал ворошить бумаги. На его лице отразилась досада, словно он предвидел вопрос, но отвечать на него не хотел. — Почему профессор истории? — Он призадумался, пристально глядя на пол у ног Сканлана. — Мне неприятно говорить. Практически я расписываюсь в собственной беспомощности. — Генерал снова умолк, хмурясь и сосредоточенно изучая пол. — Вы, наверное, знаете, впрочем как и все на Земле, над каким устройством работает Меллз. Никакими мерами безопасности этого не утаить. Устройство предназначено для защиты от Хваи, и оно почти готово. Все эти часовые отметки, проверки на подконтрольность и тому подобное вскоре окажутся не нужны. К сожалению, знают об этом и Хваи. Мы возвратили Меллза на Землю, после того как его ближайший помощник оказался под их контролем. Он едва не взорвал астероид, прежде чем до него добралась охрана. Это пятое покушение на ученого за последние три года. Пятеро сотрудников Меллза, тщательно проверенных, постоянно находившихся рядом с ним, попали под контроль врага. Пятеро, Сканлан! Несмотря на строжайший график часовых отметок.

Гордон неожиданно поднял взгляд и посмотрел Сканлану прямо в глаза. Эффект был поразительный.

— Все еще не понимаете, почему я выбрал вас? Хорошо, слушайте дальше. Я вернул Меллза на Землю, пока он еще жив. Какова стандартная процедура по его охране?

Эскорт из проверенных сотрудников безопасности, которым отдан приказ стрелять в каждого, кто моргнет дважды. И какой от этого толк?

Вопрос прозвучал риторически, однако Гордон ожидал ответа.

— Думаю, захватить сознание ваших людей не сложнее, чем сознание Меллза, — предположил Сканлан.

— Совершенно верно. На это Хваи и рассчитывают: полицейский кордон. Наверняка они получили контроль над кем-то из моих людей, точно так же, как они внедрялись в сотрудников Меллза. И что мне прикажете делать?

— Спрятать его на пустынном острове, — предложил Сканлан.

— Или на пустынном астероиде. Уже было.

— Тогда не знаю, — пожал плечами Сканлан. — Раз нельзя его ни спрятать, ни оставить среди людей...

— Посмотрите на это иначе, — перебил его Гордон. — Типовые приемы охраны не работают из-за специфики проблемы. Ситуация включает переменные факторы, как бы вы на нее ни смотрели. Причем факторы очень опасные, потому что устройство Меллза драматически повлияет на ход войны. Я вас выбрал наугад из группы сотрудников, отвечающих некоторым требованиям. У вас безупречная история часовых отметок. Вы человек умный, гибкий и, что более важно, никак не связаны с Меллзом. Вот вам идея. Меллз останется в стороне от полиции, Службы безопасности, своих коллег и друзей до тех пор, пока не закончит работу. Они к нему не приблизятся — об этом я позабочусь. Все это время он проведет с вами. И не только с вами, потому что это тоже опасно. Но и с вашими коллегами и друзьями. Они будут следить за вами, а вы — за ними. Главным образом вы — за ними. Ключевая фигура — вы. Ваше место — всегда рядом с Меллзом. Что вы думаете об этом?

Сканлан вдруг понял, что генерал ждет от него поддержки. Гордон рисковал, и очень сильно, пусть даже зная, что обычные меры безопасности Меллза не защитят. Передать гражданскому лицу высший секрет Земли — на такой шаг надо было решиться.

— Думаю, в данных обстоятельствах вам остается только одно — изменить переменные факторы.

— Я не могу обойти эти проклятые переменные. — Гордон раздраженно уставился на Сканлана. — И я не могу управлять ими всеми. Так что я сделаю их максимально непредсказуемыми. Если же это не сработает... — Он покачал головой.

— Сегодня у меня вечеринка, — сказал Сканлан. — Хотите, чтобы я ее отменил?

— Нет. Ваши друзья уже в курсе, я известил их о вашем задании.

— И мою жену?

— Нет. Ей вы расскажете сами. У вас есть оружие? Нет? Тогда вот вам бластер. Используйте, если потребуются. — Гордон достал из стола бластер Винфилда — Сайкса и передал Сканлану. Тот посмотрел на гладкое некрасивое оружие и положил в карман.

— Думаю, это все, — сказал Гордон. — О важности задания напоминать не буду. Просто не забывайте: под контролем может оказаться любой. Лучший друг, ваша жена. Пока Меллз не закончит работу, нельзя доверять никому. Хваи обязательно сделают ход. Главное, чтобы вас не застали врасплох. Ваши друзья, по моей просьбе, будут за вами следить. Вас тоже могут взять под контроль.

Гордон снова опустил глаза, сначала на пол, потом на свои бумаги. Он выглядел до предела измотанным — человек, вынужденный подозревать всех. Он не верил даже себе и явно не верил Сканлану — не настолько, насколько хотел бы. Слишком много запылившихся документов на столе, слишком много работы для одного человека. Сканлан вышел из кабинета.

Он понял, что навряд ли вернется к работе. Непривычная тяжесть оружия беспокоила, как и странные мысли, которые оно навевало. Он должен следить за всеми, включая своих друзей. А они будут следить за ним, настороженно, с недоверием. «Вдруг он уже под контролем?» — будут спрашивать они себя. «Вдруг кто-то из них уже подконтролен?» — будет спрашивать себя он. Спрашивать чаще,

чем все остальные, потому что он будет охранять Меллза. Будет жить, положив руку на бластер, и ждать. И опасность придет. В этом он был уверен не меньше Гордона.

Мысленно он перебрал внешние признаки подконтрольности: нарушение координации движений, задержка с ответами, неуверенная ориентация во времени, излишняя болтливость. Симптомы как при опьянении, но с одним колоссальным отличием. Пьяный что-то испытывает. Подконтрольный — нет. Человек под контролем не чувствует ничего. Из его глаз выглядывает чужак, пытаюсь оценивать окружающее по шкале, для которой его нервная система не приспособлена. Он стремится овладеть основными невербальными средствами общения. Старается управлять телом, реагируя достаточно быстро, чтобы со стороны человек не выглядел марионеткой.

Для того чтобы внедриться и подчинить сознание человека, Хваи требовалось тринадцать часов. Все это время жертва должна была находиться в одиночестве. Добившись цели, Хваи мог оставаться «внутри» сколько заблагорассудится. Но, «выйдя», он покидал жертву насовсем. Чтобы установить новый контакт, ему снова требовалось тринадцать часов.

Обычно атака начиналась с наступлением темноты. Около восьми часов человек спит. Утром он не является на работу. Его жена, босс или помощник, кто угодно, обнаруживают, что человек заперся в комнате. Они стучат в дверь. Человек кричит, что ему нездоровится, что он полежит еще пару часов. В полдень он выходит из комнаты. На первый взгляд в нем не заметно ничего необычного. Почти ничего, если не обращать внимания на его руки, которые дрожат, как после тяжелой работы. Не замечать, как он роняет мелкие предметы, говорит больше обычного...

А также его склонности: однажды взорвать арсенал, совершить диверсию на заводе или убить президента.

Именно так, по версии Службы безопасности, все и происходило. Это и был контроль. Ключевой момент во всем этом — тринадцатичасовой период индоктринации,

который, по мнению психологов, требовался для того, чтобы взломать защитные механизмы человеческой нервной системы. Так много времени, предполагали они, уходило на то, чтобы прорваться через психофизиологические предохранительные структуры человека.

Взяв дело в свои руки, Служба безопасности ввела систему часовых отметок. Цель — не допустить, чтобы человек оставался в одиночестве больше определенного времени. Предельная норма для землян составила десять часов. Превышение нормы означало вызов на тестирование. Система часовых отметок базировалась на добровольном гражданском долге. Каждый носил с собой блокнот, куда записывал, кого он встретил и в какое время. Каждый следил за тем, чтобы не оставаться в одиночестве более десяти часов.

Вот почему Гордона озадачили инциденты на астероиде. Те несколько человек, что работали с Меллзом, жестко контролировали друг друга, гораздо жестче, чем люди на Земле. Редко случалось, чтобы в течение четырех часов кто-то не видел кого-то еще или, по крайней мере, кто-нибудь один не видел всех.

И все-таки Хваи смогли проникнуть в пять разумов за три года. Насколько же проще это будет сделать на Земле, несмотря на ее сложную систему перекрестных проверок! И кого они атакуют в первую очередь?

Сканлан перебирал в уме имена друзей, их профессии и привычки. Кого из них?

Домой он ушел раньше обычного.

Начало вечера Сканлан провел над чашей для пунша, смешивая хитроумный розовато-зеленый «Венерианский рай». Он надеялся, что напиток поднимет гостям настроение. Леона, жена Сканлана, встречала гостей и радостно их приветствовала, стараясь придать вечеринке, напоминающей слет дружинников, непринужденный характер. Сканлану нравилось то, как она задавала правильную атмосферу, не легкомысленную, но непринужденную и веселую.

Несмотря на это, он не мог избавиться от чувства, что все обращают внимание на его оттопыривающийся карман. Он надеялся: все подумают, что там портсигар.

Сканлан пытался составить в уме список гостей, но не мог сосредоточиться. Все его внимание занимал пунш. Какой из семнадцати основных ингредиентов он забыл добавить? Розовый вермут? Ром? Нет, бутылки пусты. Биттер? Вряд ли. Скорее всего, лайм... На мгновение он поднял голову, прислушиваясь к трели дверного звонка.

Найдя лайм, Сканлан выжал в чашу ровно три капли. Как только сок растворился, зеленый пунш потемнел и розовые прожилки превратились в зубчатые молнии. «Адский котел», — подумал Сканлан и увидел Митча Морриса. Это он только что пришел и теперь широко улыбался хозяину дома. Все его метр восемьдесят пять роста и семьдесят пять килограммов веса излучали хорошее настроение. Моррис — не тот человек, которого может смутить звонок Службы безопасности. Остальные гости старательно изображали непринужденность, но только не Моррис.

— Я заметил, у тебя дрожат руки, — пробасил Митч с притворной серьезностью. — Раскоординация движений — верный признак подконтрольности! А ведь ты охраняешь Меллза!

Шутка Сканлану не понравилась. Но несколько человек вокруг них рассмеялись, — в конце концов, вечеринка предполагает веселье. С Моррисом всегда было весело. Он не упускал случая обвинить в подконтрольности Сканлана или его жену. Вот и сегодня он в своем репертуаре.

— Мне это известно не хуже тебя.

— Ну и прекрасно, — улыбнулся Моррис. — Где же твой гость? — Он зачерпнул пунш, налил в бокал, попробовал и причмокнул. — Отличный «Вентус»... Ну и где твой Меллз? Не томи. Обещаю его не убивать!

Сканлан выдавил из себя улыбку и неосознанно сжал рукоятку бластера.

«Моррис разошелся, — сказал он себе. — Многословен сверх меры. Конечно, он всегда такой, но все же... За ним нужен глаз да глаз».

А вслух произнес:

— Меллз немного опаздывает. — И оглянулся, высматривая жену.

— Я доложу об этом, — громко объявил Митч. — Внимание! Требуется шестеро или семеро добровольцев. Когда он появится, арестуйте его! — И это тоже вызвало смех.

Они будут смеяться над чем угодно. Сканлан знал, что чувствуют его гости. Делают вид, что война их никак не затрагивает. К часовым отметкам относятся как к хорошей шутке. Ведут себя так, будто попасть под контроль Хваи — забавное приключение.

«Может быть, они и правы, — подумал Сканлан. — Если все принимать близко к сердцу, то недолго и свихнуться».

— Мы просканируем его. Или взорвем. Тогда его секрет умрет вместе с ним. — Митч подождал, пока стихнет смех, вынул блокнот и быстро вписал туда имена присутствующих. Все проделали то же самое — записали в свои блокноты имя Морриса и время его прихода.

Сканлан оторвал руку от бластера и взял карандаш. Отыскав свой блокнот под бутылкой джина, он заставил себя выполнить рутинную процедуру. «Митчелл Моррис, часовая отметка — 20:45, согласно наручным часам». Он пробежался глазами по списку — нет, никого не забыл. Как принимающая сторона, он обязан быть точным.

Моррис перешел на другую половину комнаты, чтобы отметить у остальных гостей. Группа людей вокруг чаши медленно рассосалась. Сканлан начал разливать пунш по высоким бокалам. Не оборачиваясь, он почувствовал, что к нему подходит жена.

— Привет, милый, — шепнула она из-за его плеча.

— Привет, стройная, очаровательная брюнетка, — шутливо ответил он, наполняя бокал. — Нектар для моей дамы? — И с деланой небрежностью подал ей розовато-зеленый напиток.

— Покорнейше благодарю. — Она подмигнула ему поверх бокала.

— Митч уже обвинил тебя в подконтрольности? — спросил он, подмигивая в ответ.

— Намекнул, что мной управляют Хваи. Конечно, я вежливо посмеялась.

— Война — проклятье для интровертов. Нельзя спускать с него глаз...

— О! Звонят в дверь.

Сканлан сам вышел встречать гостей: он был уверен, что это Меллз. Хватило одного взгляда, чтобы понять — он не ошибся. Высокий лоб, толстые очки. Средний рост. Темная мешковатая одежда, сутулая спина. Бледность человека, долгое время прожившего на планете, не согретой дружелюбным солнцем. Сканлан решил, что Меллзу около сорока пяти — лет на десять старше его самого. Рядом стоял Гордон.

— Вот и он, — сказал Гордон и, резко развернувшись, зашагал прочь. Сканлан даже не успел пригласить его в дом.

— Извините, я как снег на голову, — мягко произнес Меллз.

— Все в порядке, — ответил Сканлан. Меллз ему понравился с первого взгляда.

Он провел необычного гостя в гостиную. Похлопав по карманам, понял, что оставил записную книжку возле чаши с пуншем. Подошел, записал время прибытия Меллза — 20:58. Сквозь общий шум различил голос ученого:

— Должен ли я записать имена всех присутствующих? — Видимо, Меллз еще не привык к принятым на Земле методам групповой защиты.

Леона, положив руку на плечо мужа, смотрела в сторону Меллза — тот едва успевал отвечать на град вопросов.

— Джо, среди наших гостей он в безопасности? — спросила Леона.

— Не знаю, — ответил Сканлан, вспоминая о своих обязанностях. — Думаю, лучше его увести.

Вместе им удалось вырвать Меллза из цепких объятий компании. Сканлан не убрал руку с бластера, представляя, как это нелепо выглядит со стороны. Через боковую дверь они провели Меллза в кабинет хозяина дома, где ученый с облегчением опустился в одно из красных кожаных кресел.

— Мы подумали, вы предпочтете более спокойную обстановку, — сказал Сканлан. — Я могу поручиться за каждого из своих гостей, однако...

— Спасибо! — Меллз благодарно улыбнулся. — Работая на Опале-два, я отвык от шумных компаний. Вы правы, спокойная беседа мне по душе, так что... спасибо!

Леона тихо откупорила бутылку кьянти из запасов мужа и любезно наполнила два бокала. Сканлан испытывал гордость за высокую, стройную жену.

— Пожалуй, вернусь к гостям, — сказала Леона. — Передам ваши извинения. — И она притворила за собой дверь.

— Очаровательная женщина, — заметил Меллз.

— Лучшая из всех.

Некоторое время они молча потягивали кьянти. Это было так мирно, так уютно. Сканлану стало казаться, что война далеко, а Хваи — призрачная угроза. Он заметил, что Меллз с интересом разглядывает стилет пятнадцатого века, висящий на одной из стен.

— Символ эпохи, — сказал Сканлан, стряхивая оцепенение.

— Было бы символичнее, если б он висел у нас над головой, — улыбнулся Меллз. — Как дамоклов меч.

— Так оно и есть.

— Но ненадолго. Мне потребуется несколько дней. Максимум — неделя.

— Превосходно. Полагаю, начинаете завтра с утра?

Меллз ответил, но Сканлан пропустил его слова мимо ушей. Что-то его насторожило... какая-то неуловимая перемена. Как будто изменился звук, к которому он давно привык и который не замечал, пока его тон не стал другим. Сканлан настороженно прислушивался, передвинув руку поближе к бластеру.

«Нет, это все нервы», — решил он наконец.

Меллз, судя по всему, ничего не замечал.

— Хочу поинтересоваться у вас как историка, — спросил Меллз. — Что вы думаете об этой войне?

— Отношусь к ней как к неизбежности. Две динамично развивающиеся расы с их дуростью, головотяпством

и иступленной ненавистью... — Сканлан запнулся. Снова это странное чувство, которое невозможно объяснить. Через секунду Сканлан отмахнулся от него: Меллз хотел поговорить о предпосылках войны.

...Межпланетные путешествия развивались вяло. Никто не хотел переселяться в безводные пустыни Марса. Венерианские болота привлекали еще меньше. О Меркурии и Юпитере вообще не шло речи, впрочем, как и об остальных планетах системы. Если не считать немногочисленных научных экспедиций, Солнечная система была предоставлена самой себе.

С межзвездными путешествиями получилось иначе. Землян словно прорвало! Были открыты пригодные для жизни планеты. Некоторые оказались настоящим раем. Они ждали, распахнув двери для всех желающих. А таинство, романтика всего нового! Кассиопея! Альдебаран! Чего стоили одни названия!

Романтика... и еще националистические чувства — и это тогда, когда национализм, казалось, был заклеен навечно. И вот, пожалуйста: Антарес — ирландцам! Геркулес-2 и Геркулес-3 — шведам!

Стремление к национальной независимости, а также комплекс этнической неполноценности оказались чрезвычайно живучи. Каждая нация культивировала свои легенды. Безумные, поросшие мхом мифы об искателях приключений: викингх, ковбоях, Золотой Орде. В эру межзвездных путешествий любой, отважившийся на шаг в неизвестность, становился потенциальным героем. Каждый звездолет, набитый китайцами, индийцами или зулусами, превращался в миф, в предание, которое передавалось из поколения в поколение. Все это тешило самолюбие человека, и мало кто мог устоять перед искушением.

Миллионы желали лететь. Корабли покидали Землю десятками, потом сотнями, потом тысячами. Общий коэффициент рождаемости вырос до беспрецедентных величин.

— То были великие дни, — сказал Сканлан. — Заря космической лихорадки. И все думали, что так будет вечно.

Меллз ответил не сразу. Казалось, он погрузился в мысли, его взгляд застыл на бокале с вином. Свет ламп отражался в его очках — яркие колкие точки на фоне мягкого уюта комнаты.

— Да, именно так и думали, — проговорил он наконец. — Если кто-то вообще утруждался думать.

Космос мы так и не покорили — ни звездные системы, ни даже планеты. Зато люди покорили их обитателей, главным образом негуманоидов, чужих. Убивали без суда и следствия в соответствии с законом первопроходцев. Уничтожали по праву вытащенного бластера. Справедливость? От нее отмахивались: ну, об этом мы подумаем позже, когда-нибудь потом...

Многие планеты были населены только элементарными формами жизни. Однажды люди наткнулись на свидетельство о существовании невообразимо древней, куда более древней, чем земная, но уже исчезнувшей цивилизации. Несколько раз находили гуманоидов на этапе развития, примерно соответствующем земному каменному веку. Но такое везение не могло продолжаться вечно.

Три корабля с немецкими эмигрантами вошли в контакт с планетой Хваи. Один корабль сумел вырваться и бежать, чтобы рассказать людям о том, что там случилось.

— Кстати, — заметил Меллз, — а нет ли тут исторических параллелей с делом генерала Зорайна?

— Не совсем. Хотите еще вина? А ваш секрет действительно секретный? О нем, вообще-то, разговаривать можно?

— Да, конечно, — кивнул Меллз. — Не во всех деталях, разумеется, но в общих чертах.

— Отлично! — Сканлан снова наполнил бокалы темно-красным вином. — Мне было очень любопытно. Дело Зорайна? Здесь только поверхностные параллели. Способность Хваи внедряться в сознание лишает нас перспективы. Это как удар кинжалом, растянутый во времени.

Меллз рассматривал стилет на стене. Сканлан проследил за его взглядом, потом беспокойно взглянул на дверь. Вечеринка набирала обороты. Шум проникал даже сквозь дубовую дверь.

— Ну, думаю, от кинжала Хваи у нас есть броня, — заметил Меллз.

Казалось бы, в галактике столько места, что хватило бы для двух развивающихся рас, особенно если их критерии отбора планет сильно различаются. Но эта философия, которая не очень-то работала на Земле, точно так же не работала и в космосе. К тому же два исчезнувших корабля взывали к отмищению. Флот был собран, началась война — по крайней мере, формально. Через год флотов стало два, через пятнадцать месяцев — восемь. Хваи не делали шагов к примирению и не проявляли интереса к разграничению сфер влияния.

Полномасштабного сражения не было почти два года.

Земные военачальники не сомневались в успехе. В небольших боях и коротких стычках земляне явно превосходили чужаков и по скорости, и по вооружению. В пользу землян говорило и предположительно небольшое численное преимущество. Так прошел год. Второй год был потрачен на бесчисленные маневры между звездами, развертывание баз и каналов связи, на разработку стратегии и тактики войны в космосе. Все это для земных военачальников было делом новым.

Наконец две силы сошлись. И Земля испытала самое большое потрясение в своей истории.

Генерал Зорайн, командующий одним из флотов, невозмутимо приказал своим кораблям атаковать собственные позиции. Некоторые повиновались и возглавили вражескую атаку. Другие, не поверив приказу, висели в нерешительности.

Хваи в полной мере воспользовались запутанной ситуацией и бросили в образовавшуюся брешь основную часть своего флота. Один смекалистый лейтенант успел вырубить генерала Зорайна и отменил его приказы прежде, чем ущерб стал непоправимым. Битва продолжалась с переменным успехом и закончилась с неопределенным результатом. Потери Земли были ошеломляющи. Тем не менее Хваи переоценили фактор неразберихи.

Зорайн не был предателем. Он был «подконтрольным». Именно тогда впервые узнали, что это такое.

Враги оказались расой рептилоидов-телепатов. Они успешно скрывали свои способности, чтобы в решающий час обеспечить себе преимущество.

Дальнейшую информацию о Хваи раздобыл другой генерал по фамилии Лестер. Собрав группу из семидесяти четырех военнопленных, он устроил допросы с пристрастием. Специально отобранные психиатры, работавшие под началом Лестера, отличались изобретательностью и склонностью к садизму. То, как они добывали информацию, выглядело не очень красиво. Но когда они закончили, семьдесят четыре комплекта ответов сложились в общую картину. После этого пленным позволили умереть. Они приняли это с благодарностью.

Люди многое узнали о нервной системе Хваи, о том, что им не нравилось и как много того, что им не нравилось, они могли вытерпеть. Но самой важной оказалась информация о тринадцатичасовом периоде внедрения. Ее вырвали из сознания семидесяти четырех рептилий — те общались со следователями телепатически — наряду с другой полезной информацией. Воздействие рептилоидов на сознание жертвы продолжалось не бесконечно. Как только чужак оставлял жертву, к человеку возвращалось сознание. Состояние человека в этот момент напоминало посттравматический шок.

В результате была придумана система часовых отметок и процедура проверки на подконтрольность. Меллз приступил к разработке защитного устройства. Реальные военные действия временно прекратились. А генерал Лестер удостоился высшей награды Земли.

— Вы носите с собой бластер? — спросил Сканлан.

Они проговорили больше часа, пересказав по-новому большинство событий войны. Меллз объяснил, как будет работать его устройство, но Сканлан мало что понял: в истории он хорошо разбирался, а вот в остальном его научные знания нельзя было назвать фундаментальными. Он еще мог смутно представить, что подразумевал Меллз под волновым усилением, отталкивающими полями или фазовыми аннуляторами. Но то, как все они сочетаются друг с другом и как они делают то, что они делают, было

выше его понимания. Главное, он уяснил, что устройство будет компактным и простым в применении.

— Бластер? Нет, не ношу. — Меллз неодобрительно покачал головой. — Моя работа — увертываться, а не отстреливаться.

— Ммм. Да, но как насчет ваших коллег на астероиде? Разве с бластером не было бы спокойнее? — Сканлан еще раз наполнил бокалы.

— Я не умею обращаться с оружием. Я бы, скорее, рассчитывал...

Дверь распахнулась — слишком внезапно для нервов Сканлана. Он подскочил из кресла и выхватил бластер. Потом уселся обратно, смущенно улыбаясь: в комнату вошла жена с одним из гостей. Однако убирать бластер Сканлан не стал.

— Прошу прощения за беспокойство, — сказала Леона. — Но доктор Шейн собирается уходить. Он хотел бы встретиться с профессором Меллзом.

— Очень приятно, — произнес Меллз, привставая. Сканлан внимательно наблюдал, как профессор и седовласый докторжимают друг другу руки. Не раздумывая, он занес доктора Шейна в список подозрительных лиц.

— Митч Моррис тоже настаивает на встрече, — сказала Леона мужу.

— Впустите меня, — прогудел Моррис из соседней комнаты. — Я просто хочу пожать человеку руку!

— После того как уйдет доктор Шейн, — сухо ответил Сканлан. И снова возникло странное чувство, будто бы за пределом слышимости изменился звуковой тон. В списке подозрительных лиц Моррис занял первую строчку.

В последующие дни Сканлан по-настоящему понял, что такое «подозревать». Он учился смотреть на каждого официанта и на каждого таксиста как на потенциального носителя чуждого разума. Он учился смотреть на любого, кто вступал в контакт с Меллзом — и не важно, под каким предлогом, — как на человека, скрывающего истинные мотивы. По дороге из дома в лабораторию и обратно Сканлан почти не разговаривал. Он был занят: сжимал рукоятку бластера и все ждал, ждал атаки.

Он сильно изменился. Никто из его знакомых и коллег не мог и представить, что спокойный, добродушный профессор истории практически за одну ночь может перевоплотиться в грозного вооруженного человека с недоверчивым прищуром глаз. Даже Леона встревожила, попав под прицел бластера: она уронила чашку кофе, и это спровоцировало непроизвольную реакцию Сканлана.

От Гордона не было никаких вестей. Сканлан мысленно мог представить, как маленький человек мечется по тесному кабинету. Впрочем, профессора это волновало меньше всего. Ему хватало своих забот. У него был список подозрительных лиц, где на первом месте стоял Митч Моррис, который за последние четыре дня еще дважды пытался встретиться с Меллзом. После Морриса следовал Шейн — он встречался с Меллзом еще один раз. И вообще, он выглядел подозрительно безобидным.

Был у Сканлана и личный повод для беспокойства. Чувство некоей несостыковки тревожило его все больше и больше.

Астероид Опал-2. Как удавалось Хваи брать под контроль тамошний персонал? Меллз подтвердил, что никто на астероиде не оставался в одиночестве более четырех часов. Тогда как их захватывали? Может, тринадцатичасовой лимит больше неактуален... если он вообще когда-нибудь существовал. А если нет, значит психиатров-садистов Лестера обманули. Попросту обвели вокруг пальца.

Кто? Семьдесят четыре пленника — под пытками, которые сломали бы любого? Ну, это вряд ли...

На Меллзе, судя по всему, напряжение последних дней не сказывалось никоим образом. Он работал по восемнадцать часов в сутки, прерываясь на отдых и экономно расходуя силы. Сканлан не мог ничем ему помочь. День за днем он слонялся по лаборатории, хмуро поглядывая на оборудование. На пятый день принес с собой книгу, но не прочел ни строчки. Он не мог расслабиться, даже когда не было гостей.

Не обошлось и без инцидентов. На пятый день утром, когда они с Меллзом наскоро завтракали дома, раздался звонок в дверь. Сканлан почувствовал знакомое раздражение, беспокоившее его на протяжении нескольких дней.

— Войдите! — крикнул он.

Митч Моррис ворвался как ураган. Сканлан не ожидал такого напора, и бластер сам собой оказался в руке. Моррис был на волосок от смерти: заряд прошел всего в нескольких сантиметрах от него.

— Черт! — охнул Моррис и замер на месте. — Что такое?

— Обыщи его, — приказал Сканлан жене.

Самым опасным из того, что она нашла, была перьевая ручка.

— Ты меня неправильно понял, — взволнованно начал Моррис. — Я только хотел...

— Уходи.

— Но послушай, Джо...

— Уходи! Если я не прав, прошу прощения. Но сделай так, чтобы неделю или две я тебя не видел.

Моррис выскочил за дверь так быстро, что запнулся о коврик и едва не упал. Завтрак продолжался в полном молчании.

На шестой день утром Меллз негромко сообщил, что работа подходит к концу. Сканлан молча кивнул. Он осунулся, был небрит. Под глазами набрякли мешки от недосыпания. Сев на стул рядом с Меллзом, он внимательно следил за работой ученого. Беспокоящее чувство — «что-то здесь не так» — снова вернулось, пробившись сквозь трехдневную головную боль.

Меллза окружали горы электронного оборудования. Под его руками аппарат постепенно обретал форму. Сканлан наблюдал, как ученый свинчивает крошечные части часовой отверткой, когда за дверью раздался подозрительный шум.

— Кто там? — громко спросил Сканлан, подходя к двери с бластером в руке.

— Джо! — крикнула жена. — Не открывай!

— Что случилось?

— Моррис под контролем!

На мгновение Сканлан потерял дар речи. Бросил быстрый взгляд на Меллза: тот спокойно продолжал работать.

— Он пришел к нашему дому, — тяжело дышала за дверью Леона. — Вооруженный... Я еще никого не видела настолько возбужденным! Я сбежала через заднюю дверь и помчалась сюда, чтобы предупредить тебя. Не открывай, Джо! Он снаружи здания, подкарауливает...

Сканлан отпер замок и чуть приоткрыл дверь. Прикрываясь ею, как щитом, просунул руку в просвет и схватил жену. Рывком втащил ее внутрь и торопливо захлопнул дверь, чуть не прищемив ногу Леоне.

— Меллз, идите к телефону! — крикнул он. — А я пока...

И вдруг бластер выскользнул у него из руки — теперь оружие держала Леона. Она судорожно стискивала рукоятку бластера побелевшими пальцами. Ее лицо исказила гримаса ненависти, и она нажала на спусковой крючок.

Леона! Доли секунды хватило понять, что происходит. Перед ним — не жена. Существо с планеты Хваи прячется в заимствованном теле. В этот момент его осенило, почему Хваи захватывали людей на Опале-2. Слишком поздно.

Сканлан метнулся к жене, отчетливо сознавая безнадежность попытки. Он бросился на пол, надеясь увернуться от выстрела. Но Леона уже оседала, еще до того, как он сбил ее с ног.

— Отлично, — раздался спокойный голос Меллза. Он стоял у стола и держал в руках собранный аппарат. — Работает.

Сканлан приподнялся и сел на колени. Он вытащил бластер из руки Леоны, осмотрел и положил в карман. Одна часть сознания подсказала ему, что Меллз применил свое изобретение. Другая предупредила, что за дверью еще кто-то есть. Все происходило слишком быстро.

— Кто там? — Сканлан снова достал бластер.

— Это Митч, — раздался голос. — Послушай, я хотел сказать тебе вчера... насчет астероида. Я тут кое-что под считал... И еще я видел, как Леона убегала из дома. Что случилось?

— Сюда нельзя, — сказал Сканлан. — Встретимся на следующей неделе.

— Я слышал какой-то шум. Что это?..

— Уходи!

Шаги удалились и стихли. Сканлан огляделся. Меллз склонился над Леоной.

— Она скоро очнется. С ней все в порядке, — сказал он, выпрямляясь. — Пойду доложу, что устройство готово.

— Как же я так сглупил, — сокрушенно вздохнул Сканлан, — разрешил ей войти. Но я же не думал...

— Да, конечно, — сочувственно кивнул Меллз. — Теперь вы понимаете, что такое контроль?

— Думаю, да. Хваи контролировали соплеменников, оказавшихся в плену. Похоже, они могут внедряться мгновенно. Неудивительно, что Лестер получил семьдесят четыре одинаково неверных ответа.

— На самом деле захват жертвы занимает часов пять, — сказал Меллз.

— Когда вы это поняли?

— Сегодня утром. Ваша жена уже была у них на крючке. Поверьте, я могу об этом судить. Ведь я сталкивался с этим пять раз.

— Тогда почему... — Сканлан понял, что знает ответ, но все же не мог не спросить. — Почему не сказали мне утром? Или сейчас, когда она стучала в дверь?

— Вам? В вашем-то состоянии? Ну уж нет. Вы бы еще, чего доброго, устроили стрельбу. Я слишком уважаю миссис Сканлан, чтобы допустить это. — Он посмотрел на лежащую без сознания женщину, покачал головой и добавил: — Кроме того, я должен был испытать готовый прибор. Представилась бы нам лучшая возможность?

Он повернулся и направился к телефону.

Сканлан сунул бластер в карман. Потом снова достал его и сел на пол рядом с женой — лицом к двери.

В ТЕМНОМ-ТЕМНОМ КОСМОСЕ

На первый взгляд все шло как надо. Грузовоз «Персефона» чинно скользил в открытом пространстве по маршруту Земля—Марс. Штурман Дженкинс подпиливал ногти, размышляя, как потратить следующий гонорар. Бортмеханик Барстоу спал, а Мастерс — новый пилот — почитывал потрепанный экземпляр «Сыновей и любовников» Лоуренса из корабельной библиотеки.

За бортом царил почти полный вакуум. Почти — потому что в каждом кубическом сантиметре пространства легко обнаружить атом, а то и два; тут и там мелькает космический мусор.

На орбитальной земной станции экипаж набил трюмы грузом замороженных продуктов, скормил бортовому компьютеру кассеты с маршрутом и стартовал в сторону искусственного спутника Марса. Корабль шел на автопилоте, и экипаж маялся бездельем...

Однако в почти полном вакууме что-то незаметно переменилось. Антенны радаров беспокойно сканировали пространство, пусковые схемы напряглись в ожидании аварийного сигнала.

Снаружи не было ничего, кроме частичек пыли: крохотных осколков металла и камня, слишком маленьких и незаметных для электронных систем наблюдения. Но вот «Персефона» миновала границу штормового фронта, и облака пыли постепенно стало сгущаться.

Когда концентрация частиц достигла критической точки, разряд электричества пронзил медную катушку и сработал сигнал тревоги.

Дженкинс выскочил из кресла, чуть не заколов себя маникюрной пилкой. Будучи штурманом, он первым делом проверил местоположение корабля. Не заметив на экране

радара ничего крупного и плотного, взглянул в иллюминатор на яркие, бесконечно далекие точки звезд.

— Какого черта? Что с радаром?..

Бах! Бах! По кораблю разнеслось эхо двойного удара, и Дженкинс попятился.

— Штормовой фронт! — прокричал он. — Штормовой фронт! Всем приготовиться!

Коренастый бортмеханик Барстоу спрыгнул с кровати, схватил полдюжины банок с быстротвердеющей смесью Х-420 и убежал на корму, к ядерному реактору.

Мастерс остался в середине судна.

Снова дважды бабахнуло, и воздух с громким шипением начал утекать из салона.

Отыскав пробоины — две крохотные дырочки размером с гривенник, — Мастерс быстро заделал их смесью Х-420 и, обливаясь потом, отправился искать еще повреждения корпуса.

Космос — это почти полный вакуум, однако в нем полно мусора: осколки метеоритов, железки и прочая мелочь собираются в облака и на безумной скорости, закручиваясь по спирали, несутся к Солнцу. Такие скопления космонавты называют штормовыми фронтами. В безвоздушном пространстве даже крохотная частица материи способна прошить корабль, как пуля — голову сыра.

— Поторонись, — велел Мастерсу Дженкинс. Корабль пробила еще одна частица, а пилот только вскрывал банку Х-420.

Сам штурман занимался дырками в своей части корабля. Он приготовил целую горку заплат; воздух тем временем утекал через десяток пробоин, и давление падало.

— Похоже, мы нарвались на небольшую бурю! — крикнул из дальнего конца судна Барстоу. Дженкинс мрачно усмехнулся. Вокруг него рикошетили частицы мусора: дырявили плотную обшивку, проходили сквозь стены и опрокидывали шкафы.

— Рация! — отчаянно вскрикнул Мастерс. Очередной осколок лишил «Персефону» связи.

— Второй двигатель вышел из строя, — доложил Барстоу.

Взглянув на приборную панель, Дженкинс произнес:

— Давление все еще падает.

О том же сигнализировали барабанные перепонки.

Мимо, всего в нескольких дюймах от Дженкинса, пронесся кусок метеорита размером с кулак и пробил дыру в носу корабля. Штурман принялся лихорадочно заделывать пробоину, через которую наружу уходил воздух, а внутрь просачивался космический холод. Руки мерзли, немели, двигаться становилось все трудней и трудней.

— Дженкс! — позвал Барстоу. — Реактор барахлит. Руби питание!

Дженкинс отключил подачу энергии, и судно погрузилось во тьму. Дальше работали на ощупь.

— Проклятье! — вскрикнул Дженкинс: его обдало дождем из осколков плексигласа. Оказалось, кусок металла пробил лобовой иллюминатор; воздух с воем устремился наружу, увлекая штурмана за собой.

Так бы его и высосало из кабины, не успей он вовремя наложить заплату. Задыхаясь, Дженкинс обработал края пробоины.

— Корабль так долго не выдержит! — завопил Мастерс. — Нас порубит в фарш!

И вдруг все стихло. Искалеченная «Персефона» продолжила свой путь на Марс, а облако частиц, вращаясь, понеслось дальше, к Солнцу.

На борту царил кромешный мрак. Дженкинс не видел ничего, только искры мелькали перед глазами.

— На корме порядок, — доложился Барстоу. — Реактор можно запускать.

Дженкинс на ощупь добрался до приборной панели и подал питание на реактор. Плавно загудели, оживая, двигатели, однако тьма никуда не делась.

— А свет? — спросил Мастерс, пробираясь в переднюю часть корабля. — Его бы тоже неплохо включить.

Дженкинс пальцами пробежался по приборной панели, проверяя рычажки и кнопки.

— Странно, — произнес он. — Свет включен.

На корме закашлялся поврежденный движок, и только сейчас Дженкинс понял, что корабль потерял скорость и на борту у них — невесомость.

— Реактор фурычит, — сообщил, возвращаясь на мостик, Барстоу. — Но пару движков здорово зацепило. Остаток пути нам лучше проделать по инерции.

— Я все-таки попробую наладить освещение, — сказал Мастерс и двинулся к панели.

В темноте Дженкинс отлетел в сторону, уступая пилоту дорогу.

Ему вдруг стало казаться, будто он, кувыркаясь, летит на дно черной бездны. Желудок выкручивало, сколько Дженкинс ни напоминал себе, что они просто в свободном падении. Забавные вещи вытворяет с чувством равновесия сочетание невесомости и темноты.

— Ничего не понимаю, — произнес Барстоу. — Должно работать.

— Должно-то должно, — отозвался Мастерс. — Только вот почему-то не работает.

— Похоже, — заговорил Дженкинс, — из-за шторма повредило проводку. Или даже сами батареи.

— Так нельзя, — ответил пилот. — Мы не можем без света. Где иллюминатор?

— Я его запечатал, — сказал Дженкинс.

— Попробую выяснить, в чем дело, — предложил Барстоу. Слышно было, как он оттолкнулся от стенки. Видимо, поплыл куда-то вглубь корабля.

— Однако положеньице, — произнес Дженкинс, просто чтобы нарушить тишину. И вернулся к приборной панели, где на черном фоне тускло светились экранчики навигационного оборудования. Сверившись с показателями, Дженкинс убедился, что с курса «Персефона» не сбилась.

— Ну и ладно, — сказал Мастерс. — Мы люди взрослые, темноты не боимся.

Да, пилоты — и впрямь люди взрослые и обученные. Прошедшие двадцать различных тестов на стрессоустой-

чивость, четко знающие свой предел прочности, подтвердившие на испытаниях смелость и решительность характера.

Вот только ни один тест не предусматривал такой ситуации.

Вскоре вернулся Барстоу.

— Ничего не нашел, но поиски неисправности продолжу. Хотя лучше, наверное, заранее смириться, что неделю-две мы проведем без света.

— Погодите! — вспомнил вдруг Дженкинс. — У нас же есть...

Он пошарил под приборной панелью.

— ...аварийный фонарик.

— Не включай пока, — посоветовал бортмеханик. — Приборная панель на мостике светится сама по себе, зато счетчики на реакторе — нет. Мне фонарик пригодится, чтобы снимать показания.

— И то верно, — ответил Дженкинс и убрал фонарик в карман.

Повисла тягостная тишина. Она длилась и длилась, словно смешиваясь с угольно-черной темнотой.

— Ну, — произнес наконец Мастерс, — можно ведь байки травить и песни петь.

И начал насвистывать «Звездную пыль».

Первые несколько дней пролетели незаметно: экипаж занимался ремонтом. Еду и воду искали, вслепую шаря в недрах судна. Заранее приготовили и отсортировали инструменты, которые пригодятся на искусственном спутнике Марса.

Покончив с делами, экипаж принялся наконец травить байки, рассказывать анекдоты и читать стихи. Бурю они пережили довольно успешно, и настроение было приподнятое; космонавты весело парили под потолком, смеялись и обсуждали первое, что приходило на ум.

Потом пришла пора душевных бесед. Оказалось, что Дженкинс и Барстоу — старые космические волки, но судьба свела их на борту одного корабля впервые. Мастерс, напротив, лишь недавно получил лицензию пилота. В часы

откровения выяснилось, почему Дженкинс терпеть не может оранжевый цвет, почему Барстоу в четырнадцать лет сбежал из дома и какие слова в ночь перед вылетом сказала Мастерсу жена. И они еще много чего — пожалуй, даже чересчур много чего — узнали друг о друге.

В котел общения отправилось все: лучшие моменты жизни, самые трепетные воспоминания. И разговор, который следовало растянуть и смаковать до самого конца полета, завершился уж больно быстро. Космонавты будто проглотили изысканное блюдо в один присест, насытившись в мгновение. Остаток недели тянулся скучно и невыносимо долго.

Барстоу нашел себе занятие: проверял и перепроверял проводку, схемы, цепи, батареи, пытался восстановить освещение.

Дженкинс каждые несколько часов зависал у навигационных приборов, определяя положение судна, — лишь бы занять себя хоть чем-нибудь. В остальное время он либо спал, либо думал.

Мастерс единственный остался не у дел. Дожидаясь, пока «Персефона» достигнет спутника Марса, он насвистывал мелодии — все, какие знал. А когда губы немели, принимался мычать.

Дженкинсу своими песнями он действовал на нервы. Через бессчетное количество часов навигатор не выдержал.

— Окажи услугу, — попросил он. — Помолчи немного.

— С какой стати? — весело ответил Мастерс. — Делать мне все равно больше нечего.

— Знаю, но... и ты меня пойми.

— Да нет проблем, — согласился пилот. Но прошло немного времени, он забыл о своем обещании и снова зашвистел.

Нахмурившись, Дженкинс смолчал.

Наконец пришло время проверить работу ядерного реактора. Прочитать показания приборов мог один только Барстоу, но Дженкинс и Мастерс все равно прилетели на корму и сгрудились у бортмеханика за спиной. Просто всем хотелось света.

При включенном фонарике Барстоу незамедлительно принялся за дело, а Дженкинс и Мастерс — ни дать ни взять две головы на поверхности озера непроглядной тьмы — уставились друг на друга.

— Отлично, — промычал Барстоу и выключил фонарик. Тут же всех троих словно накрыло черной волной, и темнота сомкнулась вокруг них еще гуще, чем прежде, хоть ножом режь.

Фонарик зажигали каждые двадцать четыре часа, отчего периоды тьмы, казалось, длились еще дольше. За час до включения света космонавты слетались к реактору и погружались в полное молчание.

Время как будто замерло. Корабль завис посреди космоса. Дженкинсу представлялось, что они в гробу, медленно и печально скользящем в сторону Марса. Он перестал проверять приборы, показания которых давно не менялись. Куда легче было просто лежать на койке и думать или мечтать.

Барстоу, чтобы не сойти с ума от безделья, продолжал возиться с проводкой и схемами.

Мастерс по-прежнему напевал, насвистывал или мычал, из-за чего Дженкинсу хотелось его придушить.

Но все трое чувствовали, что становятся частью темноты, что она — подобно черной густой маслянистой нефти — проникает в рот и в ноздри.

— А сколько времени? — спросил Мастерс в десятый раз за последние шестьдесят минут. Миновала первая неделя полета.

— Тринадцать ноль-ноль, — ответил Дженкинс. — У тебя же свои часы есть.

— Захотелось вот с твоими свериться.

— Короче, тринадцать ноль-ноль. И не надо спрашивать время так часто.

— Ладно.

Наступила тишина.

У пилота совсем сбились внутренние ритмы. Без света и без дела, которые могли бы послужить ориентиром, часы у него в голове тикали в своем, безумном, ритме.

— Сколько еще до цели? — спросил Мастерс.

Дженкинс едва не выругался в ответ. Ссору затевать совсем не хотелось, однако, что бы ни сказал или ни сделал Мастерс, все жутко бесило.

— Неделя, может, две, — произнес штурман. — Зависит от того, как Барстоу поколдует над лампами. И вот еще что, знаешь ли...

— Знаю, знаю. Не надо так часто спрашивать про время.

— Если ты, конечно, не возражаешь.

Снова наступила тишина. Пилот, конечно, прошел все проверки и тесты, которые только могла составить экзаменационная комиссия, перед тем как отправить его в этот полет. Но все ли комиссия предусмотрела?

Дженкинс покачал головой. Мастерс слишком близко подошел к опасной черте. Да и любой подойдет, когда нервы на пределе. Ни один экзамен не покажет, как человек станет вести себя по прошествии недель в плотной, удущающей темноте. Никаким тестом не измерить силу духа человека в ситуации, когда ему и бороться-то не с чем.

Дженкинс вернулся к мечтам и раздумьям. Перебирал в уме образы девушек, к которым бегал на свидания в колледже; потом возвратился в детство, проведенное в Орегоне на отцовском ранчо, где катался на пегом пони.

Мастерс так и не нашел, чем занять разум. Хронометр у него в голове подсказывал, что последний раз он спрашивал время несколько часов назад. Взглянув на собственные часы, он решил, что те попросту вышли из строя, и сильно нахмурился. Не могло же пройти так мало...

— Который час? — спросил он.

— Тринадцать ноль-ноль! — прокричал Барстоу из кормового отсека. Его голос гулким эхом отразился от металлических стен.

— Спасибо, — сказал Мастерс и, помедлив немного, произнес: — Не пойму, что с воздухом.

— С воздухом полный порядок, — ответил Барстоу. — А что?

— Он как будто сгущается. Что, если осколком метеорита пробило баки с дыхательной смесью? Может, включим фонарик и...

— Не включим, — отрезал Дженкинс. — А то батареек до Марса не хватит.

— Бога ж ради, — разозлился Мастерс. — Нам ведь нужно дышать! Вряд ли это неполадки с вытяжкой...

— Заткнись! — оборвал его Дженкинс.

На корабле повисло молчание, и Дженкинс уже начал жалеть, что так грубо ответил Мастерсу. Если срываться на бедном пилоте, то легче не станет. Штурман хотел было извиниться, как вдруг Мастерс сам подал голос.

— Время по-прежнему тринадцать ноль-ноль? — спросил он, подчиняясь сумасшедшему ритму у себя в голове. — У меня, похоже, часы встали.

Никто не ответил, и тогда Мастерс начал насвистывать. Сперва тихонечко, затем громче и громче. И вот уже эхо от его свиста разносилось по всему кораблю, словно пилот был одновременно повсюду.

— Боже, как мне не хватает света, — пожаловался Мастерс несколько часов — или же дней — спустя.

— Ты уже говорил, — заметил Дженкинс.

— Знаю. Однако странная вещь получается: пока свет есть, мы его не ценим, но стоит ему пропасть... — Он помолчал. — Честно признаться, я будто заново родился. Или наоборот, не родился.

Дженкинс улыбнулся.

Мастерс, паря в невесомости, собрался в «поплавок» и зажмурился. Открыл глаза, моргнул. Нет, темнота никуда не делась. В какой-то миг пилот как будто увидел свет, но вскоре понял: это пошаливают уставшие глазные мышцы. Он изо всех сил попытался прогнать мысли о свете, однако ничем иным мозг занять себя не мог.

— Свету бы нам, хоть немножечко, — сказал пилот.

— Ты это уже говорил. Не думай о свете, забудь.

— Порой кажется, что я ослеп, — признался Мастерс. — Скоро там Барстоу пойдет проверять реактор? С ума сойдешь, пока дождешься.

Дженкинс зевнул во весь рот и уже приготовился отойти ко сну, как вдруг услышал странный звук. Через некоторое время он понял, что Мастерс всхлипывает.

Следующая неделя длилась еще дольше. Секунды ползли мучительно медленно, и каждая стремилась растянуться на век.

— Время проверять реактор, — объявил Барстоу ровно в двадцать четыре ноль-ноль.

— Отлично, — обрадовался Дженкинс, выныривая из грез. — Эй, Мастерс, мы идем проверять реактор.

Пилот не ответил.

— Куда он делся? — озадаченно произнес Барстоу.

— Вышел воздухом подышать, — в шутку предположил Дженкинс и захихикал.

Барстоу взглянул на часы: ровно полночь, пора проверить реактор. Время для экипажа «Персефоны» утратило значение, однако бортмеханик приноровился делать все строго по расписанию.

— Я должен проверить реактор, прямо сейчас, — сказал он.

— Ну так пошли, — ответил Дженкинс. — Черт с ним, с Мастерсом. Пускай себе дрыхнет.

Они перелетели в кормовой отсек, к реактору. Включили фонарик, который светил заметно слабее, и проверили показания приборов. Но стоило погасить свет, как проснулся Мастерс.

— Эй! — позвал он. — Время проверять реактор еще не пришло?

— Ты проспал, — ответил Дженкинс.

— Как это? Надо было меня разбудить.

— Так мы и будили. Я звал, Барстоу звал... Правда, Барстоу?

— Все нужно делать по расписанию, — отозвался бортмеханик. И без того методичный, в последние дни он довел свое расписание до полного автоматизма: часы на сон, часы на еду, время на проверку электропроводки, двигателей, запасов еды, кислорода и топлива, крепления баков — все дела он подчинил строгой схеме, которой следовал неуклонно в отчаянной надежде не сойти с ума.

— Так нечестно, — не сдавался Мастерс. — Надо было будить настойчивей.

— Прости, — пустым голосом произнес Дженкинс, лишь бы Мастерс отстал. Хотелось скорее вернуться в мир грез и фантазий.

— Тогда включи свет сейчас, — хрипло потребовал пилот. Его голос эхом разнесся по кораблю.

— Батарейки садятся, — пробормотал Дженкинс, уходя в воспоминания о поездке в Сан-Франциско к тетушке Джейн. Та угощала его печеньками с глазировкой и давала поиграть с красным резиновым мячиком. Гм, а какого цвета была глазурь на печенье — зеленая? желтая?

— Черт вас дери обоих! — вскричал Мастерс. — У меня прав увидеть свет не меньше, чем у вас. Хочу свою порцию света! Барстоу! Слышишь?

— Поговорим, когда у меня начнется перерыв, — бесстрастно ответил бортмеханик. Сейчас, по расписанию, он проверял крепления бака с дыхательной смесью; дальше у него предусмотрен получасовой сон, после него — два часа на проверку заплат в корпусе корабля. Схема — от и до — постоянно, навязчиво маячила у него перед мысленным взором.

— Значит, так? — уточнил Мастерс. — Ладно-ладно...

Правда, никто не обратил на его последнюю фразу внимания: Дженкинс как раз вспомнил, что печеньки были с зеленой глазурью, а Барстоу нашел крепление бака вполне надежным (собственно, как и всегда).

Тем временем внутренний голос стал подсказывать Дженкинсу, что неплохо бы как-то облегчить страдания Мастерса. Но как именно? Что нужно сделать? Штурман не мог себя заставить оторваться от койки. В темноте так спокойно, воспоминания приходят сами собой, паразитально яркие, живые. И чего все суетятся?

Мало-помалу штурман перестал обращать внимание на Мастерса. Единственное — пилот все свистел и свистел. Как если бы кто-то тихо и без прорыву бормотал над самым ухом у Дженкинса.

Впрочем, однажды пилот нарушил привычный ход вещей.

— Дженкинс! — заорал он.

— Чего тебе?

— Я подумал и понял: я имею право на пропущенное включение света. Хочу его прямо сейчас.

— И ты все время думал об этом? — сонно переспросил Дженкинс. — Дело было неделю назад!

— Да, думал. Я должен увидеть свет. Немедленно.

— Возьми себя в руки, — ответил Дженкинс, крепко сжимая в руке цилиндр фонарика. — Свет нужен нам, чтобы...

— Отдай фонарик! — завопил Мастерс.

— Не дам!

— Тогда я сам заберу!

Дженкинс вперился в темноту, пытаясь понять, где сейчас Мастерс. По голосу определить положение пилота он не сумел: казалось, его крики доносятся отовсюду.

— Барстоу... — позвал Дженкинс. — На помощь!

— Прости, не могу, — отозвался бортмеханик. Тьма победила его разум, он окончательно к ней приспособился. Проклятое расписание! Барстоу ни за что от него не отступит.

— Припасы, — сказал он. — Их надо проверить.

И он улетел выполнять свой идиотский план.

— Ты где? — позвал Дженкинс. От страха он вспотел и выставил руки вперед в попытке защититься от нападения из темноты.

В этот момент пилот засвистел. Дженкинс завертелся на месте, пытаясь определить, откуда исходит звук. Размахивая руками, сделал обратное сальто... как вдруг его схватили за ногу.

— А ну отпусти! — в ужасе закричал он и ударил Мастерса по руке. Отбиться удалось, но Дженкинс потерял фонарик. Не сумел удержать.

— Доигрался! — задыхаясь, горько произнес штурман. — Фонарик...

Слышно было, как тот маленьким снарядом бьется о стенки, рикошетит, постепенно теряя скорость, от палубы и потолка.

Наконец пропали всякие звуки.

— Где же он? — спросил Мастерс.

— Не знаю, — ответил Дженкинс. — Где угодно. Мы же в полной невесомости, теперь обыскивать придется

каждый квадратный сантиметр корабля. А фонарик между тем, наверное, висит у нас перед носом.

— Мне нужен свет, — прошептал Мастерс.

Ведомый строгим расписанием, в рубку влетел Барстоу. И даже не стал выяснять, что происходит.

Мастерс явно переменялся. Помогая Дженкинсу искать фонарик, он сперва молчал, зато через некоторое время принялся упорно свистеть, и уже ничто не могло заставить его заткнуться.

Фонарик то и дело ускользал, никак не желая попадаться в руки. Один раз Дженкинс задел его пальцами, но схватить не смог. Прошло несколько часов, прежде чем Дженкинс нащупал фонарик у одной из стен и с победным криком схватил его.

Он нажал кнопку, однако света не увидел. Лампочка разбилась.

Сбежать в мир грез штурман не мог, ибо чувствовал: Мастерс теперь другой, пилот изменился далеко не в лучшую сторону. Он забивался в углы, свистел, словно забыв нормальную речь, и тем пугал Дженкинса. Штурман уже и не помнил, как выглядит пилот; в мыслях Мастерс являлся ему как изможденный желтолицый призрак отмищения.

Барстоу разводил суету, подчиняясь придуманному расписанию. Выполнял работу за пятерых, тогда как на борту не нашлось бы чем занять и ребенка. Зато для Дженкинса наступила пора дикого страха. Он думать не думал ни о Марсе, к которому они подлетали, ни о корабле. Он только знал, что за ним идет охота. Штурман не мог сомкнуть глаз, зная: где-то рядом, в темноте, затаился озлобленный, сумасшедший пилот. Кожа зудела, и Дженкинс с минуты на минуту ожидал нападения.

— Значит, ты не посветишь мне? — очень тихо произнес Мастерс.

— Лампочка разбилась, — ответил Дженкинс, чувствуя, как по коже ползут мурашки.

— Ты зажигаешь фонарик, когда я не вижу.

— Нет! Клянусь, я...

— Сейчас проверим! — радостно воскликнул Мастерс.

Звать на выручку бортмеханика было бесполезно: Барстоу возился в кормовом отсеке, все еще надеясь починить освещение.

И вдруг лампы зажглись — очень медленно, слабо-слабо загорелись потолочные огни и озарили рубку. Хотя и приглушенный, свет все же резанул по глазам. Дженкинс как будто посмотрел на солнце.

Сощутив глаза в узкие щелки, метрах в десяти штурман увидел Мастера. Пилот, искусавший себе губы в кровь, подобрался и замахнулся на него осколком плексигласового щитка.

— Починил! — кричал Барстоу. — Работают...

В следующую секунду огни, мигнув, погасли.

— Так, спокойно, — сказал Дженкинс Мастерсу.

Пилот не ответил, и штурман заорал в сторону кормы:

— Верни нам свет!

— Поработаю с ним завтра, — ответил бортмеханик. — А теперь пора заняться системой подачи топлива.

— К черту ее! — крикнул Дженкинс. — Мастерс меня сейчас...

Пилот накинулся на него с такой быстротой, что аж воздух загудел.

— Стой! — завопил Дженкинс. — Мы на месте! Прилетели!

— Куда прилетели? — переспросил Мастерс.

— На марсианскую станцию!

Радар загудел, оживая, и на экране показалось сферическое изображение искусственного спутника планеты.

— Мы прилетели. Ну же, парень, очнись. Сажай нас!

Прошло немало времени, прежде чем Мастерс отбросил осколок щитка и метнулся к пульту управления. Посадка превратилась в новый, ни с чем не сравнимый кошмар: заплатка на иллюминаторе лишила Мастера прямого обзора, и он вынужден был полагаться исключительно на радар. Короткая вспышка света ослепила его, и он не мог различить светящихся приборов на панели. Так, пыхтя от усердия, он невидящими глазами пялился перед собой.

Экипаж облачился в скафандры — воздуха на посадочной площадке не было. Барстоу и Дженкинс не раз садились на этой станции и, даже ничего не видя, знали, что делать.

Спутник, хоть и был одной большой машиной, засек «Персефону» с помощью авторадара. Все его системы с шумом ожили: засверкали посадочные огни, выкатились направляющие, грузовые краны выдвигали и разворачивали стрелы. Пробужденные тем же сигналом и питаемые от того же источника, что и прочая техника, роботы — служители станции — выбегали встречать грузовоз.

Мастерс до того торопился увидеть свет, что при заходе на посадку едва не разбил корабль. При снижении поврежденные двигатели не сработали как надо. Перед глазами у Мастерса все плыло, дрожащими руками он пытался нащупать на пульте нужные кнопки и переключатели. Со страшным скрежетом судно днищем врубилось в посадочную полосу и по инерции заскользило вперед, оставляя за собой борозду и сшибая по пути роботов.

Дженкинс честно предупреждал Мастерса, что скорость они развили слишком высокую, но — тщетно.

На самом краю посадочной площадки корабль наконец встал, успев до этого снести с полдесятка построек.

Трое космонавтов со всех ног поспешили к воздушному шлюзу. Открыли первый люк, забрались в камеру и, подождав, пока давление выравнивается, открыли следующий. Падая и чертыхаясь, выбрались наружу и...

— О нет, — выдохнул Барстоу. — Это же не мы...

— О да, это мы, — сказал Дженкинс, — врезались в электростанцию.

На посадочной полосе царила мертвая тишина: роботы, направляющие и все огни, привязанные к одному источнику питания, заглохли.

Мастерс разразился безумным хохотом.

Их окружала полная, непроницаемая тьма.

ГВОЗДЬ ПРОГРАММЫ

В девять часов Ричард Мевинс как штык стоял у дверей лаборатории Карпентера. Уже входя, он подумал: а нельзя ли отложить эксперимент? Хотя бы пока тошнота не пройдет? Впрочем, достаточно было взглянуть на решительное лицо профессора Карпентера, чтобы понять — просить отсрочки бесполезно.

— Здравствуйте-здравствуйте. — Карпентер подошел, принял у Мевинса пальто и бросил на спинку стула. — Не будем откладывать дело в долгий ящик. Последнюю волю изъявили? Наследника уведомили? Тогда приступим. — И Карпентер отошел к стене, покрытой бесчисленными реле и датчиками.

— Идеально! — констатировал он, повозившись немного с настройками. — Прошу, юноша, залезайте!

Он указал на цилиндрическую освинцованную капсулу на полу. Мевинс медленно, боязливо приблизился к ней. Поразительно, как сам Карпентер — будь он хоть трижды гений — сохраняет ледяное спокойствие?! Хотя чего ему волноваться? Не своей жизнью рискует!

— Вы точно все правильно настроили и подсоединили? — спросил Мевинс. — Нигде проводок не отошел?

— Разумеется, все в порядке, — ответил Карпентер и гордо оглядел заставленную оборудованием комнату: реле, переключатели и прочее — все, что отправит Мевинса в иную эпоху. — Ну же, залезайте и ложитесь.

Мевинс осторожно опустилсЯ в камеру, и люк за ним тут же захлопнулся. Длинною в три и высотой в полтора метра цилиндр напоминал саркофаг. Только бы сравнение не оказалось буквальным...

Мевинс посмотрел на панель управления. Еще раньше на ее имитации Карпентер показал, что и когда нажимать,

чтобы вернуться назад, в свое время. Ох, как сложно! Мевинс ни за что не справится, все забудет.

Через окошко в дверце он следил, как коренастый Карпентер шустро снует между массивными приборами. Наконец ученый подошел и, заглянув внутрь, радостно произнес:

— Надеюсь, вернетесь целым и невредимым.

Похоже, таким вот неказистым образом он желал Мевинсу удачи. Или... желал удачи себе, чтобы эксперимент удался? С ходу профессора не понять.

— Прощайте, — сказал ученый и потянулся к кнопке пуска. Мевинса охватила паника. Все так зыбко и ненадежно. Подопытного может согнуть в бараний рог из плоти и кожи, а то и вовсе съежить до размеров амебы. И это еще далеко не все, беззаботно обещал Карпентер. Дело, говорил он, в коэффициенте трения пространственно-временного континуума.

Но возможно, Мевинс и не пострадает. Лишь на это он и рассчитывал с самого... да, с самого апреля, когда в читательской колонке журнала «Магия науки» опубликовали довольно длинное письмо. В нем некий профессор Карпентер высмеивал описанную одним из постоянных авторов журнала машину времени: дескать, любой дурак поймет — такая машина работать не будет, ведь автор «изобретения» совершенно не учел функцию временного сдвига и принцип переноса! Для пушей значимости Карпентер привел в письме несколько уравнений, которые помогли бы осуществить задумку.

Под письмом профессора редакция поместила собственный комментарий: «Ну, есть смельчаки? Проверим теорию?»

Добровольцем вызвался Мевинс: отправил Карпентеру письмо, в котором горячо хвалил его за смекалку и предлагал себя в качестве первого пассажира машины времени. Зачем? Мевинс и сам не понимал. Если честно, он постоянно — полушутя — вызывался добровольцем то для путешествий на Луну, то на альфу Центавра...

Но шутки шутками, а Карпентер ответил довольно быстро: пригласил Мевинса к себе в лабораторию. Благо добираться недалеко, оба живут в Нью-Йорке.

Остальное, как говорится, история...

У Мевинса в горле встал ком. Молодой человек закрыл глаза, как и велел Карпенстер. Так лучше и безопаснее, ведь никто не знает, что можно увидеть в процессе перемещения

С закрытыми глазами Мевинс ждал, когда же Карпенстер зашвырнет его в другую эпоху. Пути назад нет, пусть же ученый действует побыстрее. Терпение на исходе, хочется скорее увидеть, что станет с человечеством в будущем. Построит ли оно цивилизацию высшего порядка, где правят наука и разум, где атом служит не войне, а благу, где люди путешествуют к звездам? Или это будет мир, в котором атом все же уничтожил человека, и остатки людской расы борются на обломках цивилизации за возвращение к свету? Или там даже обломков нет, лишь черная выжженная пустыня? Или все еще длится холодная война и обе стороны накапливают титанические арсеналы? Или... или...

Тут кто-то постучал в дверь камеры. Мевинс открыл глаза и увидел в окошке... нет, не Карпенстера. Снаружи стояли трое в свободных одеждах, и у всех была одинаковая прическа с челкой, выстриженной треугольником.

Ну вот Мевинс и в будущем!

— Здравствуйте, — сказал он, покидая капсулу. — Я из прошлого. Не подскажите ли...

— Без трех дней и двух часов пять сотен лет, — прервал его один из мужчин, румяный толстячок. — Отличная работа. В общем, я из «Юнайтед». Пройдем, пожалуйста, со мной.

Он нетерпеливо взглянул на часы.

— Не спешите, — серьезно хмурясь, произнес второй из троих. — Я из «Стерлинга», и у нас программа вдвое больше, сэр, не сомневайтесь. Этому мелочному торгашу предложить вам нечего...

— Зато у «Транс-Уорлд» есть что предложить, — вмешался третий, злобно глядя на соперников.

Миг — и все трое принялись ожесточенно спорить. Воспользовавшись случаем, Мевинс огляделся. Капсула стояла посреди пустой комнаты. Да это же лаборатория

Карпентера, только без оборудования. С улицы доносился шум дорожного движения. Ага, значит, мир не взорвали, уже хорошо. Так, может, Мевинс попал в общество науки и разума?

— Ну как, принял решение? — спросил тем временем представитель «Юнайтед». Он изо всех сил пытался протолкнуться к Мевинсу.

— Бросим монетки, — предложил человек из «Транс-Уорлд». — До эфира всего ничего.

— Монетки гостя, — строго, подозрительным тоном добавил человек из «Стерлинга».

Одолжив у Мевинса два гривенника и одноцентовик, троица бросила жребий. Победил представитель «Юнайтед».

— Все вопросы по вторичным авторским правам — к моему шефу, — фыркнул он и торопливо вывел Мевинса из комнаты.

Оказавшись на улице, Мевинс от изумления раскрыл рот. И хотя в городе прибавилось новых построек, в целом Нью-Йорк не изменился. Толстячок из «Юнайтед» вел Мевинса вверх по Седьмой авеню, и нигде не было заметно признаков атомных взрывов и разрушений.

— Вы сейчас ни с кем не воюете? — поинтересовался Мевинс.

— Еще как воюем! — отозвался провожатый и, переводя Мевинса через Сорок первую улицу, взял его под локоть. — Правда, у этих шутов из «Транс-Уорлд» против нас никаких шансов. Это «Стерлинг», будь он неладен, еще что-то собой представляет. По размерам почти догнал нас, зато мы всегда на шаг впереди. Первыми получаем новинки.

— Вот оно что...

— Да... кстати, — запыхавшись, произнес толстяк. — Пока я... мм... сопровождаю тебя... зови меня Тейлор.

Забег по Седьмой авеню уже начал сказываться на Тейлоре. Завалиться в кресло и закинуть ноги на стол — вот единственное физическое упражнение, на которое толстячок был способен. Он привел Мевинса на Таймс-сквер,

к небоскребу на месте прежней Башни. Новое здание было раза в два выше; подсвеченное изнутри, оно сверкало пластиком, сталью и стеклом. На фасаде горела золотом огромная вывеска: «ЮНАЙТЕД».

На скоростном лифте Тейлор с Мевинсом поднялись на один из верхних этажей, прошли по лабиринту коридоров, через переполненные людьми залы, по узким захламленным проходам и за несколько охраняемых дверей.

В очередной комнате кто-то выкрикнул им:

— Две минуты.

— Знаю-знаю, — так же громко ответил Тейлор и провел Мевинса в дверь с надписью «УЛЫБАЙТЕСЬ!». За ней обнаружилась просторная комната; с потолка, подобно гроздьям тыкв-горлянок, свисали микрофоны, чуть в стороне расположились телекамеры. Под микрофонами, нервно поглядывая на большие настенные часы, ждал человек.

— Десять секунд! — объявил он, и Мевинса подвели к микрофонам.

— Улыбайся! — прошипели ему в ухо.

— Мы в эфире! — объявил бесплотный голос. Стены перед ними растаяли, и открылся битком набитый зрительный зал размером с футбольный стадион. Ведущий лучезарно улыбнулся и сладким голосом произнес:

— Компания «Юнайтед», которая вот уже триста лет считается символом лидерства и непревзойденного качества, с радостью представляет программу «ПОКА ДАЮТ, НАДО БРАТЬ».

Последовало рекламное представление, разыгранное труппой из пятидесяти, а то и шестидесяти актеров. Свои роли они исполняли с огоньком и страстью. Мевинс нашел зрелище вдохновляющим. Правда, что именно продают, как ни старался, не понял.

— Итак, программа начинается, — продолжил ведущий. — У нас в гостях, — он широко улыбнулся Мевинсу, — человек из прошлого! Прибыл точно по расписанию, друзья мои, и наш представитель успел его перехватить и доставить сюда, на шоу. Время задать первый вопрос...

Ведущий жестом велел Мевинсу подвинуться. Замерцали огни, операторы нацелили камеры в центр сцены, где

прямо из воздуха постепенно проступала некая театрализованная постановка. Мевинс опасливо поглядывал через плечо в зал. Да тут народу — несколько тысяч!

Мерцающие огни на сцене тем временем оформились в человека. Проекция? Да вроде бы нет, похож — пожалуй, даже слишком — на живого актера. Мужчина был одет в тогу и вид имел весьма суровый. Внезапно на него набросилась целая группа людей (тоже в тогах) с кинжалами, и человек растворился в воздухе.

— Итак, кого мы видели? — спросил ведущий и выжидающе взглянул на Мевинса. — У вас тридцать секунд.

Они вновь оказались посередине сцены; на них установились объективы камер, микрофоны ловили и усиливали каждый звук. Зрители в зале тихонько подбадривали Мевинса, а тот не спешил отвечать. Не потому, что не знал ответа, просто все еще не опомнился. Нельзя же так сразу брать его в оборот.

И вот, когда оставалось всего пять секунд, он наконец промямлил:

— Это был Юлий Цезарь.

— ВЕРНО! — прокричал ведущий, и зрители взорвались овацией. Отвечая на два следующих вопроса, Мевинс безошибочно узнал Марию Антуанетту и Адольфа Гитлера. На этом игра подошла к концу, и выяснилось, что Мевинс выиграл небольшое имение в округе Вестчестер (налоги за которое уплачены на десять лет вперед), пару пони для игры в поло, датского дога и еще кое-какие полезные мелочи.

Мевинса хлопали по спине, совали ему в руки ключи; софиты слепили глаза, толпа редела; вокруг летали камеры, снимая счастливого со всех ракурсов...

Под таким внезапным натиском Мевинсу не оставалось ничего другого, кроме как хлопнуться в обморок.

Очнулся он на койке и сразу решил, что попал в больницу: его окружали белые стены, белый пол и потолок. Мевинс моргнул, потянулся, разминая тощие руки. Кажется, он похудел. Интересно, что за звук его разбудил?

Вроде бы в стекло стучат.

Насилу поднявшись с койки, Мевинс подошел к окну и открыл его. Снаружи, цепляясь за карниз, висел бледный от натуги мужчина. До земли было три этажа. Мевинс помог ему подтянуться и перелезть через подоконник, от души надеясь, что перед ним не преступник. Впускать бандитов — это пособничество и укрывательство.

— Видел вас на передаче, — сказал незнакомец, оправляя свободного покроя пиджак и опуская коренастое тело в кресло. — Держались молодцом.

— Спасибо, — ответил Мевинс и оглядел себя. На нем была только бесформенная белая сорочка. Должно быть, больничная пижама. Свои вещи Мевинс обнаружил в маленьком шкафу и быстренько переоделся.

— Очень жаль, что вы не приняли предложение «Стерлинга», — сказал незнакомец. — В этом случае вы прошли бы полную программу адаптации. «Стерлинг» — компания, которая работает с достоинством, с бухты-барахты не действует. На ваше счастье, еще есть время исправить ошибку.

С этими словами он извлек из кармана стопку бумаг:

— Надо лишь подписать этот договор...

— Погодите минуточку, — решительно оборвал его Мевинс. — Для начала я бы хотел увидеть президента страны. Можете устроить? У меня к нему несколько вопросов. Или — если сам президент занят — я могу поговорить с его помощником.

— Я — один из его помощников, — сказал коротышка.

— Правда? Тогда почему работаете на «Стерлинг»?

— Простите, я совсем забыл: вы ведь не ориентируетесь в нашем времени. Нуте-с, и что же вы хотели знать?

— Атомная война была? — спросил Мевинс. — Что у вас произошло?

— Ну-у, — протянул коротышка, беспокойно поглядывая на дверь. — Времени на болтовню особо нет, но, в общем, дело было так. Эпоха, из которой вы прибыли, стала начальным этапом новой эры. Уже в ваше время несколько группировок развернули борьбу за власть. Первая группировка — политики всех мастей, представлявшие,

как им казалось, разные идеологии. Вторая — предприниматели, крупные и мелкие, из всех областей. Третья — владельцы индустрии развлечений. Успеваете?

— Неужели все было так? Ни за что бы не подумал. Ладно, продолжайте.

— Сейчас полным ходом, подобно спорам грибов, распространяется влияние индустрии развлечений. Все — из-за телевидения. Их план начал осуществляться еще в ваше время: сперва они хотели внедриться по телевизору в каждый дом нашей страны, затем, по мере развития, и на всей планете. А уж когда научились передавать цветную картинку, люди посходили с ума. Им гораздо интереснее знать, что думает их любимый комик или как развлекаются актеры. Народ не волнует, какие услуги предлагают предприниматели или о чем ведут дебаты политики.

Телевикторины стали самым зрелищным и массовым аттракционом.

Тогда правительство обложило передачи налогами и стало контролировать, что и в каких количествах выигрывают участники.

Впрочем, у националистического правительства не было ни единого шанса, — продолжал представитель «Стерлинга». — Им не хватает популярности. Законы создаем мы. Говоря «мы», я подразумеваю ведущую компанию всемирного вещания. У кого самые рейтинговые передачи, тот и заслуживает власти. Воля и глас народа — вот что определяет истинного лидера.

Правда, — закончил рассказ коротышка, — в последние годы все идет не так, как нам бы хотелось. И тут мы подходим к сути моего визита. В качестве представителя «Стерлинга» я уполномочен предложить вам...

Мевинс так и не узнал, что хотел предложить ему коротышка. Дверь распахнулась, и в палату вошел его давешний проводник.

— Какая бестактность, Чарли, — печально произнес Тейлор. — Этот человек принял от нас призы, а значит, он — наш.

— Если только не подпишет «Тридцать вторую форму», — возразил Чарли. — «Стерлинг» предлагает ему...

Не дав Чарли договорить, Тейлор выкрикнул:

— Взять его!

В комнату ворвались четверо мужчин, схватили коротышку и выволокли его вон.

— И в наше время никуда не деться от мошенников, — сказал Тейлор, утирая испарину с круглого лица. — Прошу простить, что мы вчера буквально затащили тебя на сцену, не дали опомниться. Все дело в обещании зрителям — а их у нас сейчас девятьсот миллионов. Так вот, мы обещали почтенной публике показать тебя именно в той самой передаче. Не могли же мы обмануть ожидания такой аудитории! Смею заверить, «Стерлинг» приготовил то же самое: они хотели показать тебя своим зрителям.

— Как меня вообще можно пообещать? — возмутился Мевинс. — Откуда вы узнали о моем прибытии?

— О, твое имя вошло в анналы истории с того момента, как ты отправился в будущее, — ответил Тейлор. — Пятьдесят лет мы готовились к твоему приходу. Однако пора бы наведаться в твое имение.

Шофер отвез их на аэродром, который располагался на месте бывшего Центрального парка. Там уже стоял под парами частный самолет. Капитан, четко салютуя, поприветствовал их на борту.

Имение Мевинсу досталось просто потрясающее: добротный каменный особняк на лесистом участке земли площадью гектаров в сорок. У дверей, заливаясь радостным лаем, хозяина встречал щенок датского дога. За порогом ждали слуги, — поприветствовав Мевинса, они поспешили тихо отойти прочь. А еще ему навстречу вышла шикарная юная брюнетка.

— Ее ты тоже выиграл, — подсказал проводник, заметив, как оторопел Мевинс.

— Разве так можно? — растерялся Мевинс. — Разве она не свободна, как мы?

— Свободу я потеряла, — не слишком печально ответила девушка. — Точнее, проиграла на викторине. Такое, знаете ли, случается.

— Ну все, задерживаться нам нельзя, — сказал проводник. — В полдевятого вечера у нас эфир.

Мевинс поздоровался с девушкой за руку, затем его посадили в самолет и отвезли в Нью-Йорк, там на «кадиллаке» с шофером доставили в ресторан, оттуда — на пресс-конференцию и после — в здание «Юнайтед».

Шоу, на взгляд Мевинса, устроили сумбурное. Толпы ярко одетых комиков, боксеров, артистов и фокусников стремились поразить зрителя мастерством публичного выступления. Кульминацией программы стало аква-шоу: в студию вкатили прозрачный резервуар с водой, внутри которого ныряльщик боролся с осьминогом.

К вящей забаве публики, в представлении заставили участвовать и Мевинса: он, как заведенный, скакал через препятствия, затем исполнил номер в паре с одной из танцовщиц. Разум застило туманом, и Мевинс почти не сознавал, что делает.

Под конец выяснилось, что он выиграл штат Калифорния.

— Через пару дней можешь приступить к губернаторству, — добродушно улыбаясь, сказал Тейлор. — Дружище, ты просто великолепен! Такого рейтинга у нас не бывало с тех пор, как мы для серии передач вызвали дух Чингисхана.

Он похлопал Мевинса по спине:

— Шофер отвезет тебя в имение. Я заеду за тобой завтра.

«Кадиллак» с включенной сиреной летел по городу в сторону Центрального парка; мимо проносились огни Нью-Йорка. Мевинс сам не заметил, как оказался у порога своего дома в Вестчестере.

— Вот, выпей. — Брюнетка протянула ему бокал, и Мевинс залпом его осушил. Напиток обжег горло и пищевод, зато через мгновение Мевинс вновь ощутил себя полным сил и энергии. И тут же поделился впечатлениями от шоу.

— Представляешь, я выиграл штат Калифорния, — завершил он рассказ. — Или надо мной шутят?

— Этого-то я и боялась, — вздохнула брюнетка. Мевинс никак не мог определиться насчет ее внешности: роскошная она девушка... или просто красавица? В конце

концов он решил, что брюнетка — очень эффектная особа, и на том и успокоился.

— Будь осторожен, — предупредила она. — В прошлый раз народ долго не мог успокоиться. К тому же ты мужчина довольно привлекательный. Хотя и староват для меня на несколько сот лет.

Глупая шутка, но Мевинс расхохотался. С каждым мгновением его разбирало все сильнее и сильнее... Должно быть, из-за спиртного. Он поцеловал девушку, и та не стала сопротивляться.

На следующее утро Мевинс с брюнеткой, которую, как оказалось, зовут Энн Роджерс, выбрались на конную прогулку. Пони взяли резвый темп, пожалуй, даже чересчур резвый — не успевал Мевинс подумать, что надо бы повернуть, как лошадка под ним сама разворачивалась. Денек, в целом, выдался замечательный. Энн собрала корзинку для пикника, и они пообедали на холме с видом на Гудзон. Эх, вот если бы все так и длилось...

Но Мевинсу предстояло выступить в очередной викторине, и надо было еще управлять Калифорнией!

На обратном пути Мевинс рассказал Энн про Карпентера и его лабораторию на Тридцать девятой улице, про капсулу времени. Подумав немного, Энн улыбнулась и снова предупредила:

— Будь осторожен сегодня.

— Почему?

— Не знаю. Просто будь осторожен.

Вечером на самолете прилетел Тейлор и, как обычно, поспешил забрать Мевинса. Тот попытался отказаться, мол, не хочет он больше участвовать в шоу, однако Тейлор перебил его:

— Плакаты с твоим портретом уже расклеены по всей стране! — Крепко ухватив Мевинса под локоть, Тейлор провел его в студию. — Мордашка у тебя что надо, фотогеничная. Этот твой испуганный, беспомощный взгляд отлично привлекает аудиторию, девчонки от тебя просто балдеют. К нам тоннами идут письма из Южной Африки, Китая, Финляндии...

— Я больше не появлюсь перед камерой, — сказал Мевинс, останавливаясь у дверей лифта.

— Конечно же, ты шутишь, — беззаботно ответил Тейлор. — Отказаться от эфира, когда компания просит, — это, знаешь ли, федеральное преступление.

— С какой стати? — возмутился Мевинс.

— Ты не забыл, что законы придумываем мы? — добродушно напомнил толстяк. — И потом, ты нам нужен позарез. «Стерлинг» из кожи вон лезет, чтобы нас обогнать. Следующий победитель их викторины получит участок на Марсе: кусок планеты площадью в миллион квадратных километров! «Транс-Уорлд» готовит масштабные гладиаторские игры: триста бойцов и целый зоопарк. — Оглядевшись, он тихонько добавил: — Только между нами: на игры я бы и сам не прочь посмотреть.

— Миллион квадратных километров на Марсе! — ахнул Мевинс. — Как победитель получит выигрыш?

— Как-как? Как и все, — ответил Тейлор. — Ты, главное, не переживай. Мы приготовили нечто повнушительнее... Удачи тебе!

Из уважения к Мевинсу, темой игры выбрали нравы и обычаи двадцатого века. Перед началом показали реалистичное шоу на тему четырех мировых войн, затем представили еще девятнадцать участников состязания — они прошли в финал, победив в других викторинах. Правда, большинство отсеялось еще в самом начале: двадцатый век для жителей нынешней эпохи был загаточной и малоизвестной эрой. В конце концов у Мевинса осталось всего два соперника.

Ведущий задал очередной вопрос:

— Вымышленный персонаж, животное из семейства зайцев или, если точнее, зайцеобразное. Отличительная и самая яркая черта его характера — безумие. Кто это?

Один из участников совершенно растерялся и не сумел ответить. Второй, на последней секунде, выдал:

— Мартовский заяц?

— Неплохой вариант, — сказал ведущий, — но, боюсь, вы не правы. Итак, ваша очередь, мистер Мевинс...

— Багз Банни, — выпалил Мевинс и тут же пожалел об этом.

— АБСОЛЮТНО ВЕРНО! — прокричал ведущий, и наступила мертвая тишина. Двое проигравших финалистов получили утешительные призы: двадцать необлагаемых налогами миллионов долларов одному и Британский военно-морской флот (весь, до последней гребной шлюпки) — другому.

Мевинс чуть ли не физически чувствовал, как тишина расплзается по всему миру. Люди планеты застыли в ожидании: что же получит победитель?

— Гран-при, — благоговейно произнес ведущий, — венец почти трех сотен лет лидерства «Юнайтед». Мы дарим вам...

Под пение труб на голову Мевинса возложили корону.

— ...титул короля Земли!

Вот тут они явно перегнули палку. Возмущенные до предела зрители поперли на сцену, и Мевинс, сунув корону под мышку, поспешил убраться прочь. Пока толпа, готовая линчевать любого, кто попадется на пути, крушила студию, он через черный ход выбежал на улицу. Вокруг не было ни души — манхэттенцы сидели по домам, следя за ходом викторины. К счастью, удалось поймать одинокое такси. Мевинс попросил водителя отвезти его на Тридцать девятую улицу, к дому, где осталась капсула времени. Без гроша в кармане, он расплатился с таксистом короной и вылез из машины.

У подъезда его встретила Энн. На руках она держала щенка дога.

— Так и знала, что ты придеешь сюда, — сказала она.

— Я возвращаюсь к себе, — запыхавшись, ответил Мевинс.

— Я, пожалуй, с тобой. Скоро здесь такое начнется... К тому же я хочу переселиться в тихое, спокойное местечко. Вроде твоего примитивного мира.

Чуть помявшись, она смущенно взглянула на Мевинса и добавила:

— Если ты, конечно, возьмешь меня с собой.

Вниз по Седьмой авеню уже неслась разъяренная толпа. Мевинс схватил Энн за руку и вбежал в дом. Сказать, как сильно он хочет забрать ее к себе, можно и потом.

Наверху, в опустевшей лаборатории Карпендера, рыскал чужак: амбал выше метра девяносто, плечистый и накачанный. Щенок на руках у Энн заскулил.

— Че надо? — спросил здоровяк.

— Это... мое устройство, — пробормотал Мевинс.

— Разбежался! Я выиграл его сегодня в викторине «Стерлинга». Вот только разберусь, как эта штуковина работает.

Мевинс принялся лихорадочно искать взглядом что-нибудь поувесистее. Снизу доносились крики и топот множества ног.

— А я слышал, — быстро проговорил Мевинс, — что ты выиграл три горы в Гималаях.

— Чего? — не понял амбал.

— Верно, — подыграла Мевинсу Энн. — Твой номер вытащили из лототрона. В придачу к горам тебе достался самолет и собачья упряжка.

— Да, и еще замок, — продолжал заливать Мевинс, видя недоверчивое выражение на лице здоровяка, — который «Стерлинг» построит на любой из твоих гор, только ткни пальцем. Плюс трехгодовой запас отборного мяса. Надо лишь прийти к ним в студию...

Толпа подбиралась все ближе, щенок тихо скулил.

— ...в ближайшие пять минут.

Хватив ртом воздух, мужчина почесал в затылке и бросился в коридор. Оттуда почти сразу же донеслись злобные крики.

С безумной быстротой Мевинс запихнул Энн и щенка в капсулу, улегся сам и захлопнул люк.

— Закрой глаза, — велел он девушке и начал нажимать кнопки на панели управления. Обратное путешествие оказалось не столь приятным, как прыжок в будущее. Несколько секунд Мевинса будто выворачивало наизнанку; мир словно проносился мимо на запредельной скорости.

Когда все прекратилось, он открыл глаза. И увидел Карпендера — тот гордо улыбался и радостно махал ему руками.

Мевинс вылез из капсулы, моргнул и потряс головой. Следом капсулу покинула Энн со щенком на руках.

— Как насчет интервью? — На Мевинса гуртом набросились восемь или девять репортеров, и вообще в лабораторию набилась туча народу. Все они возбужденно кричали и хватали Мевинса за одежду. Пять телеоператоров сбили с ног фотокорреспондента, лишь бы занять удачную позицию для съемки.

— Замрите! — попросил один. — Какой классный испуганный вид! Дамочки оценят!

Мевинс устало привалился к стене. Энн подошла к нему и спросила:

— Почему ты сразу не предупредил? Здесь все как у нас...

ЗАПОВЕДНАЯ ПЛАНЕТА

— Какой хаос! — воскликнул Гик, с прискорбием глядя на некогда прекрасный заповедник.

Ремонтники кивнули и начали раскладывать инструменты.

Гик безрадостно огляделся. Заповедник являлся одной из достопримечательностей Центральной галактики. Живописная страна чудес привлекала туристов из самых отдаленных уголков Вселенной. И вот планета обезображена.

С первого же взгляда выяснилось, что не хватает многих видов заповедных животных. Так же как и целых классов птиц. Куда-то пропало большинство насекомых. Редкие растения исчезли без следа.

— Что сделано, то сделано, — вздохнул Гик. Теперь его задача — восстановить разрушенное. Вот только с чего начать? С лесных массивов?

Включив свое чувство *глиже*, Гик увидел, что в заповеднике повреждено практически все, включая недра.

— Подумать только, — громко произнес он. — Четыре безумца — и такой беспорядок!

Ремонтная братия немедленно подняла головы. Слабых рабочих завербовали на небольшой планете Лиз, что на крайнем востоке Центральной галактики. Новости там распространялись с черепашьей скоростью.

— Четыре безумца, сэр? — переспросил один из ремонтников, демонстрируя типичную лизианскую непосредственность.

— Два безумца и две безумицы, — уточнил Гик. — Остальное выстроите путем умозаключений во время работы.

Но никто из обитателей отсталой планеты Лиз не знал, как путем умозаключений выстроить целую историю, основываясь на двух несвязанных фактах.

— Значит, узнаете все, когда вернетесь домой, — сказал Гик.

Рабочие запротестовали. Вид разрушенного заповедника вызвал шок даже у них, несмотря на их притупленные чувства. Ремонтники хотели знать, как все произошло.

— Нет, — отрезал Гик.

— Сэр, — сказал рабочий, — мы будем работать лучше, если будем знать, что же все-таки случилось.

— С чего ты взял?

— Сэр, но ведь доказано, что побуждающие мотивы усиливаются в геометрической прогрессии, когда ограниченные в целом причины любых необратимых действий...

— Вот только не надо вашей ужасной гиплоксианской психологии, — оборвал его Гик. Трудно сохранить самообладание, когда тебе начинают читать лекции слабоумные! Кроме того, терминология у них безнадежно запутана.

Ремонтники столпились вокруг него, потеряв всякий интерес к предстоящей работе. Их туповатые физиономии выражали страстное желание знаний.

— Ну ладно, — сдался Гик. — Я расскажу вам начало, а остальное домантурите сами. Идет?

История началась некоторое время назад. Два психиатра — Олг и Луум — возвращались на корабле в свою психбольницу, расположенную в северном полушарии галактики. Они доставляли особый груз: четырех психотиков — двух мужчин и двух женщин — в четырех клетках, обитых изнутри мягким материалом.

Путешествие через полыхающий центр галактики было долгим и опасным. Психиатры прокладывали путь сквозь скопления ослепительных белых супергигантов, тусклых красных карликов и обжигающих голубых великанов.

Четыре психотика, накачанные транквилизаторами, безмятежно спали.

Психиатры устали и томились жаждой. Завидев пришвартованный к темной звезде уютный павильон «Освежающие напитки», они с воодушевлением уставились на него.

— Дело — прежде всего, — поторопился заявить Олг.

— Точно, — подтвердил Луум, свесив изо рта все свои языки. — Но если быстренько и всего по одной...

Больше аргументов не потребовалось. И действительно, пациенты благополучно пребывают в стране грез. Из-за своей удивительно короткой продолжительности жизни они, скорее всего, умрут еще до того, как корабль доберется до психбольницы в далеком северном полушарии. Казалось, несколько минут ничего не изменят.

Поэтому они бросили якорь и не мешкая отправились в «Освежающие напитки». Там они приняли по два виша на нос и поспешили назад. Хотя они и отсутствовали всего ничего — по собственной шкале времени психиатров, — корабль с психотиками успел исчезнуть.

— О нет, — прошептал Луум.

— О да, — вздохнул Олг. Они не учли высокую скорость обмена веществ у психотиков, соответствующую их продолжительности жизни. Несколько минут, которые Олг и Луум отсутствовали на корабле, могли стать месяцами для их подопечных. Вполне достаточно, чтобы прийти в себя, освоить управление кораблем и смыться.

— Нам нужно срочно их разыскать! — воскликнул Луум. — Пока они не высадились на какой-нибудь цивилизованной планете.

— Не беспокойся, — сказал Олг. — Любой цивилизованный народ тут же вернет их или их тела в нашу больницу.

— Вернут, если обнаружат! Ты вспомни, хитрости психотиков нет предела. Они могут приземлиться ночью и разбежаться в темноте. Господи, да они способны на что угодно! Они же взорвут планету, если смогут!

— Эти смогут, — подтвердил Олг. — Но не будем волноваться раньше времени. — Он быстро смотался в «Освежающие напитки», принял еще один виш и реквизирует корабль хозяина павильона. Психиатры сели в судно и безнадежно переглянулись. Вокруг сверкало великое множество звезд Центральной галактики — миллионы солнц с десятками миллионов планет.

— Думай, — сказал Олг. — Что бы ты сделал, будь ты психотиком?

- Я бы слалангнул.
- Вот давай и попробуем.

Они быстро слалангнули корабль в монорадическое пространство, протяженность которого не превышает семидесяти метров в длину. Оно хорошо освещено, и там трудно укрыться. К досаде психиатров, беглецов там не оказалось.

— Обидно, — сказал Луум. — Здесь искать было бы проще всего.

— Н-да. Придется осмотреть все окрестные планеты.

— Я знаю, как вычислить беглецов.

— Как?

— Когда они взорвут планету, мы обязательно увидим вспышку.

В нарушение всех галактических правил движения они разогнали корабль до максимальной скорости и взяли курс на Птис — ближайшую обитаемую планету.

— На этом все, — сказал Гик рабочим. — Остальное домантурите сами. А сейчас за работу!

С помощью чувства глиже он просканировал поверхность планеты. Увиденное не порадовало. Все полезные ископаемые выпотрошены из земли. Вода — загрязнена, леса — уничтожены, почва — варварски перекопана.

— Ты и ты! — приказал Гик. — Спустите железную руду на километр под землю и рассредоточьте ее там. Ближе к поверхности разместите цветные металлы. Давайте же, начинайте!

Большинство рабочих домантурило продолжение истории. Грустно улыбаясь, они принялись за работу.

— Сэр, — обратился один из ремонтников. — Некоторым из нас все же не удалось домантурить.

— Почему?

— Мы очень глупые, — застенчиво сказал рабочий.

— Оно и видно. Но ведь мантурить умеет каждый!

— Только не мы, — горестно признал рабочий.

— Хорошо, я расскажу вам еще немного. Тогда вы сможете индуктировать остальное. Индуктировать-то вы умеете?

Рабочие кивнули. Гик окинул взглядом окрестности, убедился, что команда, восстанавливающая недра, занялась делом, и продолжил рассказ.

Планета Птис доложила, что у них нет никаких признаков психотиков. Поисковые партии на Клиш и Йегл тоже не нашли ничего. Никаких сообщений ни с Маверни, ни из системы Калден, ни от Конфедерации Хабоксу.

— Пока безрезультатно, — констатировал Луум.

— По крайней мере, мы точно знаем, что в непосредственной близости их нет, — сказал Олг. — Действуем дальше. Дай-ка взглянуть на их документы.

— Они остались на корабле.

— Прекрасно! Ты хоть помнишь, к какому классу они относятся?

Луум глубоко задумался:

— Они двуногие.

— Ох!

— Да. Я уверен. Двуногие с обменом веществ по типу двести двадцать четыре и высокой скоростью размножения.

— Это очень плохо.

— И у них чрезвычайно низкая продолжительность жизни, — добавил Луум. — Вполне возможно, они умерли еще в космосе. Но рисковать мы не можем.

— Конечно не можем. Свяжись с Галактическим центром и запроси список всех миров, населенных двуногими.

Пока Луум запрашивал список, Олг обдумывал ситуацию.

Двуногие психотики — это очень опасно.

Из-за их низкой продолжительности жизни Центр обычно не вмешивался в их дела. Скромные и вежливые, двуногие отличались миролюбивым и дружелюбным характером. Но если в их мир запустить четырех психотиков...

Последствия будут катастрофическими!

Двуногие при всех своих ценных качествах — очень уязвимые творения природы. Психотики заразят значи-

тельную часть расы двуногих, если получат возможность бесконтрольно размножаться.

Такое уже случалось. Зараженные двуногие были грозой галактики. Они прославились бесконечными войнами против всех и вся. Будучи прирожденными кочевниками, двуногие расползались по космосу, разрушая любой мир, который оказывался у них на пути. Часто они громили планеты исключительно со злости, иногда делали из них заправочные станции или использовали как большие мишени.

Безусловно, беглые психотики направятся в один из миров двуногих. Прилетят и будут маскироваться под обычных жителей, и их поведение примут за чистую монету.

Олг молился, чтобы местные власти проявили бдительность и арестовали психотиков, прежде чем произойдет межрасовое кровосмешение.

Как только Луум получил список, партнеры помчались на ближайшую планету двуногих и связались с представителем власти.

— У вас есть данные по вспышкам психозов?

— Я должен проверить, — ответил двуногий. Он резво взялся за дело, но не успел ничего выяснить, потому что умер.

Олг и Луум проклинали свое невезение. Им попался мир с необычайно низкой, даже для двуногих, продолжительностью жизни.

Кипя от злости, психиатры ждали, пока почившему назначат преемника.

— Итак, в чем дело? — спросил новый представитель власти.

— Психотики, — выпалил Луум скороговоркой, чтобы двуногому хватило времени на ответ. Но несмотря на все старания психиатра говорить очень быстро, по временной шкале двуногих это заняло долгие годы.

— Я не совсем пони... — начал двуногий и умер.

Его преемник, к счастью, оказался совсем юношей. Прежде чем умереть от глубокой старости, он успел проверить записи и дать психиатрам отрицательный ответ.

— Такими темпами, — сказал Луум после возвращения на корабль, — мы не поймаем их никогда.

Олг расстроился. Ясно, почему Центр оставил двуногих в покое. С ними практически невозможно разговаривать в рамках одного поколения.

Психиатры понимали, что психотики могли уже начать заражать население. Их потомки распространят семя разрушения дальше. Если так, нужно найти и изолировать зараженный сегмент расы.

— Сколько еще миров двуногих у нас осталось? — спросил Олг.

— Сто четыре.

Без всякой надежды на успех психиатры продолжили путь.

— Дальнейшее очевидно, — сказал Гик. — Теперь вы легко реконструируете события.

Грубые лица рабочих осветились улыбками. Успешно реконструировав события, они вернулись к работе.

Дела у бригады восстановления недр шли хорошо. Гик взялся лично руководить распределением алмазов, чтобы получилось красиво. Другая бригада воссоздавала горные гряды. После этого ей предстояло перенаправить восемь главных рек в их естественные русла, а сотни миллиардов гектаров земли засеять травой.

И это было только начало.

— Полнейший хаос, — проворчал Гик. Принюхавшись, он решил, что воздух нужно вывезти, почистить и только потом предлагать для дыхания...

— Сэр, — раздался голос у него за спиной.

— Я занят, — бросил Гик.

...А после очищения воздуха неплохо бы восстановить его естественный аромат... для этого потребуется несколько миллионов тонн...

— Сэр, — снова раздался голос.

Гик повернулся и увидел крохотного сморщенного рабочего.

— В чем дело?

— Сэр, я не могу реконструировать.

— Не можешь? Чему же тебя учили в школе?

— Очень немногому, сэр, — с несчастным видом произнес маленький рабочий. — Сэр, не расскажете мне конец истории?

— Отстань, — сказал Гик. — Даже без реконструкции ты должен представлять, чем все кончилось.

— Увы, сэр, — ответил маленький рабочий. — Точно не получается. Я усматриваю, конечно, прямую причинно-следственную связь между разрушенным заповедником и побегом двуногих психотиков с последующей расовой реинтеграцией. Но я спрашиваю себя: что это? Точная релевантная связь, прогрессия в логическом арифметизме? Или здесь присутствует незаметный, но меняющий смысл подтекст? Или это новые возможности установления связи между реалиями разного порядка? Я спрашиваю себя, в соответствии с первой основной гипотезой: была ли это война, была ли она начата родом психотиков с планеты двуногих и стала ли заповедная планета одним из яблок раздора? Если так, то чего мне ожидать — морфологически? Использовался ли заповедник как: а) заправоочная станция, б) пристрелочная мишень, в) база общего назначения, — чтобы мне разрабатывать только самый очевидный из вариантов? Или, если взять в качестве основной другую гипотезу, разве не могли беглые психотики оказаться на двух разных планетах двуногих? Я бы отнесся со всей серьезностью к возможности такого развития событий, поскольку, как ни крути, для войны нужны две стороны. Одна неполноценная двуногая раса могла бы, предположительно, оставаться под контролем — или же о ее возникновении доложили бы в Центр. С двумя расами — хотя это всего лишь мое предположение, вытекающее из сомнительной гипотезы, — мы имеем все, как будто бы логичные, предпосылки для войны. Тем не менее, возвращаясь к первой основной гипотезе...

— Избавь меня от своей болтовни! — рявкнул Гик.

— Извините, сэр.

— Во-первых, ты не прав...

— Этого я и боялся. — Рабочий расстроено шмыгнул носом.

— ...и, во-вторых, ты глуп как пробка.

— Это я знаю.

— Возвращайся к работе. Нужно многое сделать.

— Да, сэр.

Сморщенный маленький рабочий отвел назад хвост, готовясь совершить ритуальное самоубийство, вызванное приступом разочарования. Но Гик его остановил.

— У меня нехватка рабочих рук, — сказал он. — Если пообещаешь сразу же вернуться к работе, то я расскажу, чем все закончилось.

— Я обещаю, сэр!

— Отлично. Итак...

Проверив пятьдесят четыре мира, психиатры так и не обнаружили следов сбежавших психотиков. Они обшарили почти всю Вселенную, и, согласно намеченному плану, поиски подходили к концу.

Совершенно ясно, что исходные сумасшедшие давно мертвы. Теперь главная проблема — их потомки, если таковые имеются.

Когда они следовали к пятьдесят пятому миру двуногих, Луум засек биение на волновом детекторе. Он построил фокус, и биение превратилось в типичный для психотиков ритмический узор, причем явно усиленный.

Коллеги уточнили местоположение и помчались туда, игнорируя все ограничения скорости. Добравшись до места, экстренно приземлились.

Перед ними предстал странный мир. Обычно двуногие четко придерживались норм размножения, поскольку страдали легкой формой клаустрофобии. Но здесь они плодились как кролики.

Даже при беглом взгляде все признаки заражения были налицо. По всей планете бушевали войны. Миллионы особей голодали. Многие миллионы страдали от болезней и увечий. С помощью мысленного сканирования психиатры обнаружили, что огромное население неспособно было ни прокормить себя, ни контролировать рождаемость.

Бесспорное доказательство безумия.

А хуже всего то, что взаимопомощь, которую так высоко ценят двуногие, здесь проявлялась в лучшем случае

эпизодически. В довершение ко всему, местные жители искусственно поделились на расы и субрасы и придумали разные классификации внутри классификаций. А это уже являлось окончательным доказательством психоза. Ведь на самом деле все двуногие — дети одной, и только одной, расы.

Стало ясно: именно здесь когда-то и высадились психотики.

— На повестке дня один вопрос, — сказал Луум, — сколько еще миров они заразили? Сколько планет взорвали, ограбили, разгромили, сделали непригодными для жизни?

Ответ казался очевидным: много. Двуногие — прирожденные космические путешественники, а невменяемые двуногие так и вообще постоянно бродили меж звезд. Мысленно просканировав планету, психиатры начали анализировать информацию.

Первым ответ увидел Олг. Сначала он не поверил. Потом ответ увидел и Луум.

— Эти двуногие, — изумился Луум, — никогда ни с кем не контактировали. Они так и не вышли в космос!

Невероятно, но факт: местные двуногие не сумели освоить космические путешествия. И у них не было соседей, которые помогли бы им.

Олг внимательно просмотрел список миров двуногих. И тогда все окончательно встало на свои места.

Эта планета не была миром двуногих. Сумасшедшие расплодились в заповеднике!

— Вот так, — сказал Луум. — Четверо безумцев приземлились в заповеднике, где никто и не подумал бы их искать. Их потомки одичали, размножились...

— Еще как размножились!

— К сожалению. Все они — потомки безумной четверки.

— Они основательно поизмывались над заповедником, — сказал Олг. — Придется временно реклассифицировать его. Как туземцы прозвали свою планету?

Луум мысленно поискал ответ.

— Они называют ее Землей.

— Вызывай ремонтную бригаду, — сказал Олг. — И по-торопись, пока местные не разорвали планету на части.

— По крайней мере, — подытожил Луум, — они не разрили ни одного нормального мира.

— Вот, значит, как, — сказал маленький рабочий.

— Именно, — кивнул Гик. — И теперь не кому-нибудь, а нам с тобой предстоит восстанавливать безжалостно убитую планету.

Рабочий взял в руки инструменты. Потом снова повернулся к Гику.

— А где же ее жители? — спросил он.

— Да уж точно не здесь, — рассеянно ответил Гик. — Психотикам место в лечебнице, в мягких клетках. — Он помолчал немного. — Само собой, местные очень расстроились на этот счет. Думаю, психиатрам потребовалось семь миллиардов смиренных рубашек... а теперь наконец не будешь ли ты так любезен приступить к работе?

Маленький рабочий кивнул и с ювелирной точностью начал воссоздавать раздробленную гору.

ЖРУН

Ложке не нравилось.

Ложке очень не нравилось, что в ней сидит Жрун. Но она ничего не могла поделать.

— Ну же, солнышко, еще одну ложечку, — говорила мама, склонившись над высоким детским стульчиком. От нее пахло приятным и теплым.

Мама не знала, что в ложке сидит Жрун. И папа не знал, хотя из-за него все и началось. Знал только Пушок, но ему было все равно.

— Солнышко, съешь. Это чудный сливовый пудинг. Ты же любишь сливовый пудинг. Ну же, малыш...

Малыш плотно сжал губы и решительно отвернулся. Да, он любит сливовый пудинг, но сейчас в ложке сидит Жрун. Жрун обидит его. Это малыш знал точно.

— Ладно, — сказала мама. — Все — значит все. — Она выпрямилась и вытерла малышу рот. Потом взяла тарелку со сливовым пудингом в одну руку и ложку в другую. Мама высокая и светлая, хотя не такая высокая, как папа. А папа не такой светлый, как мама. Вот почему малыш любит маму больше.

— Джим... ты не...

— Нет! — отрезал папа. Он сидел за рабочим столом над ворохом бумаг.

— Ты же не знаешь, что я хотела спросить, — тихо сказала мама. Она всегда говорила тихо, когда папа отвечал ей таким тоном.

Жрун услышал, ухмыльнулся и толкнул ложку.

— О черт! — Мама наклонилась, чтобы поднять ложку. — Пудинг испачкал ковер. Отмоется или нет?

— Не спрашивай меня, — пробормотал папа, склонившись над бумагами.

Во всем виноват папа. Если бы он не рассердился утром на маму, Жрун не явился бы. Но папа рассердился, и Жрун пришел. Он приходит всегда, когда кто-нибудь злится. Он так питается.

Жрун часто навещает людей этажом ниже, потому что они вечно орут друг на друга. Папа и мама посмеивались над людьми снизу. Но это не смешно! Только не тогда, когда там Жрун!

Мама унесла ложку на кухню, но ложка уже не была опасной. Жрун покинул ее и теперь медленно кружил по гостиной, высматривая, во что бы войти. Он пролетел вокруг люстры, заставив свет мигать. Малыш следил за ним широко раскрытыми глазами. Потом захныкал.

— О боже, — вздохнул папа, отрываясь от бумаг. — Неужели мне не дадут хоть немного покоя — даже воскресным утром?

— Может, он хочет еще молока? — спросила себя мама. Но Жрун уже вкусил папиного раздражения, и это сделало его сильнее. Он метнулся через комнату и запрыгнул внутрь папиной ручки.

Увидев это, малыш начал трясти стульчик и расплакался по-настоящему.

— Черт возьми! — крикнул папа и бросил ручку. — Ну вот, клякса! Я не могу сосредоточиться, когда так шумно!

Жрун заставил папу злиться на малыша, хотя на самом деле папе мешал работать именно Жрун. Жрун очень умный.

— Ему всего одиннадцать месяцев, — сказала мама. Жрун попробовал ее голос на вкус и остался доволен. — Мне очень жаль, что тебе не подходят его манеры.

Впервые мама сердилась все утро напролет. Она ничего не сказала, когда папа пожаловался на подгоревшие кексы, хотя в этом была не ее вина: это Жрун заставил духовку нагреваться чересчур быстро. Она не стала оправдываться, когда папа обвинил ее, что она прячет его сигареты, хотя это Жрун столкнул их за письменный стол. А когда у папы устали глаза, потому что Жрун мельтешил над газетой, мешая ему читать, и папа сделал маме замечание, что

она не укладывается в семейный бюджет, мама опять ничего не ответила.

Но теперь она разозлилась.

Папа начал жалеть о своем поведении, но Жрун тут же сдул со стола все бумаги, притворившись сквозняком из окна.

— Все утро наперекосяк, — скривился папа.

— Он сейчас успокоится. — Мама взяла малыша, подняла вверх, вверх, вверх — и опустила на ковер гостиной.

Папа собрал с пола бумаги, вытер у ручки перо, достал сигарету. Прикурил, хоть Жрун и пробовал задуть спичку, и вернулся к работе. Но успокоиться папа уже не мог.

И Жрун знал об этом. Последний раз, когда Жрун вошел в маму, она обожгла руку о плиту, и Жрун несколько часов ел ее боль. А сейчас он ест папино раздражение. Он был очень голоден, и ему хотелось еще больше.

Жрун запрыгнул в резиновую утку малыша, рассчитывая, что малыш не заметит. Но малыш заметил и быстро отполз прочь. Пушок сидел рядом на ковре, наблюдая за происходящим. Пушок не друг. Он тоже видит Жруна, но его это не волнует.

Жрун запрыгнул в игрушечную лошадку рядом с малышом, и малыш снова заплакал.

— О нет, — простонал папа и сжал кулаки.

— Просто у него сегодня плохой день, — сказала мама, не глядя на папу.

— Просто у него не бывает хороших дней, когда я рядом, — сказал папа именно то, что хотел услышать Жрун.

— Это не так...

— Черта с два не так! Успокой его наконец!

Малыш заплакал громче, потому что Жрун стоял теперь прямо перед ним и вращался. Мама взяла сына на руки и стала укачивать.

— Тише, тише, — ворковала она. — Тише, тише, малыш. Там ничего нет. Все хорошо.

Не хорошо, а ужасно! Потому что малыш не может остановиться и папа злится как никогда. Не теряя времени, Жрун закружился над пепельницей, и папина сигарета упала на пол.

— Твоя сигарета! — вскрикнула мама, и папа быстро поднял ее. Но Жрун успел раздуть сигарету, и в ковре осталась дырочка.

— Разве нельзя следить за своей сигаретой? — ледяным голосом спросила мама.

— Не надо меня критиковать, — ледяным голосом ответил папа.

Малыш заревел в полный голос. Он понял, что именно замышляет Жрун.

— Ковер еще совсем новый, — сказала мама.

— Он у тебя когда-нибудь замолчит?! — внезапно с отчаянием воскликнул папа.

Мама положила голову малыша на плечо и принялась ходить по комнате, укачивая его. Но ребенок не успокаивался. Он не мог успокоиться, потому что Жрун поедал папин гнев и замышлял что-то очень недоброе. Еще хуже, чем сделал тогда маме.

— Господи, я не могу здесь находиться! — вскричал папа. — Я не могу выносить этот крик, эти слезы и сопли!

— Тогда почему бы тебе не уйти? — крикнула мама в ответ. Она, конечно, не подразумевала того, что сказала; папа, впрочем, тоже. Но они не слушали, что говорили.

А Пушок на ковре ничего не делал. Из-за маминого плеча малыш видел кота, даже когда плакал. Пушок просто лежал, краем глаза следил за Жруном и никак не реагировал. Это, вообще-то, было нечестно после всего, что папа для Пушка сделал.

— Пойду прогуляюсь и выпью! — объявил папа. Он бросил ручку на стол, надел куртку и распахнул дверь.

Мама медленно подошла с малышом на руках.

— И лучше не возвращайся, — очень тихо сказала она.

С радостным свистом Жрун пронесся по комнате, спикировал на кота — тот мявкнул и шелкнул челюстями — и вылетел в дверь. Пушок снова закрыл глаза, а Жрун пролетел мимо папы и опустился на третью ступеньку — ту самую, которую папа хотел починить, потому что она шаталась. Жрун свернулся на ступеньке, поджидая, когда папа наступит на нее.

Почему Пушок ничего не делает? Но Пушку было все равно. Жрун его больше не беспокоил. И не важно, что папа кормит кота каждый день.

Мама и папа не видели Жруна, свернувшегося на третьей ступеньке в ожидании, когда папа наступит на нее. Жрун толкнет папу и позаботится, чтобы тот не удержался. Потом прыгнет на него, когда тот будет падать, и позаботится, чтобы папа ударился побольнее.

Малыш перестал плакать и уставился на третью ступеньку. Жрун в ответ уставился на него. А малыш не сводил глаз с Жруна, который хотел причинить папе боль.

— Он перестал плакать, — сказала мама.

Несмотря на гнев, папа взглянул на малыша. Папа любит его, пусть иногда казалось, что это не так. И сейчас он смотрит на своего сына.

— Интересно, что он увидел? — спросила мама.

— С детьми так бывает, — сказал папа виновато. — Иногда они просто смотрят в никуда.

— А иногда просто плачут без причины, — согласилась мама голосом, в котором звучал вопрос: «Ты правда извиняешься?»

— Наверное, иногда и плачут тоже, — согласился папа. В его голосе звучало: «Да, я был не прав». Он помолчал и добавил: — Прости меня, Грэйс.

— А детский плач действует тебе на нервы, — рассмеялась мама. — Заходи, накормлю обедом.

— Отлично, — улыбнулся папа, и это была очень хорошая улыбка. А вот Жруну она не понравилась. Теперь, когда папа перестал злиться, Жруну больше нечего было здесь делать. Он начал таять и исчез.

— После обеда починю ступеньку, — сказал папа. — А сейчас за стол.

Услышав это, Пушок подбежал к папе и потерся о штанину. Папа наклонился и погладил его.

Но ведь он же не помогал! Вообще!

ТЕСТ ДЛЯ ВАРВАРА

В полночь Джордж Хендрикс стоял посреди гостиной и пытался решить, чего он хочет больше: принять душ или приготовить яичницу? Он чувствовал сильный голод и в то же время потребность ополоснуться. Выбор был не из легких. Хендрикс собрался подбросить монетку, но тут зазвонил телефон.

Хендрикс сразу же снял трубку, надеясь, что на этот раз новости будут хорошие. Надежды, естественно, не оправдались.

— Хендрикс? Можете приехать прямо сейчас? — прозвучал в трубке голос профессора Дженкинса. — У нас чрезвычайная ситуация.

— Что за ситуация? — спросил Хендрикс, свободной рукой прикуривая сигарету. Вот уже неделю он работал с Дженкинсом в одном важном проекте, и пока все шло относительно гладко.

— Лучше приезжайте, — тихо сказал Дженкинс неживым голосом, каким только объявлять конец света. Хендрикс не стал спорить. Дженкинс, известный антрополог, являлся руководителем проекта.

Накинув пальто, Хендрикс поспешил на улицу. Сидя в такси, он гадал, что могло вызвать подобную срочность. Изменилась дата сражения? Они работали в бешеном темпе с тех пор, как приземлился Алмура. А если пришелец просчитался на день или два?..

Такси остановилось перед Фондом Эллисона. Хендрикс расплатился с водителем и показал удостоверение охраннику у входа. Внутри его поразила непривычная для ночного времени суета. Спешащих по делам людей было чересчур много, даже с учетом возможного, через три дня,

начала войны. Хендрикс спросил у другого охранника, где найти профессора Дженкинса.

— Наверное, наверху, в комнате две тысячи сто двенадцать, с этим пришельцем, — ответил охранник скучающим голосом, как будто инопланетяне появлялись тут каждый день.

Хендрикс взбежал по лестнице на второй этаж. Охранник у комнаты 2112 еще раз проверил документы ученого и впустил его внутрь.

— Здравствуйте, Хендрикс, — приветствовал его Алмура, сидя в армированном кресле с журналом в руках. Даже в таком положении инопланетянин поражал своими размерами. Теперь же он встал в полный рост — почти два с половиной метра — и постучал локтем о локоть, как того требовал ритуал. — Я слышал звук множества шагов в коридоре, — сказал он на почти совершенном английском. — Что-то случилось?

— Я тоже хотел бы это знать, — сказал Хендрикс. — Вы не видели профессора Дженкинса?

— Не видел почти восемь часов, — ответил Алмура. Инопланетянин был похож на огромного, покрытого темно-коричневым мехом человека с выступающими вперед челюстями и саблевидными клыками. — Надеюсь, ничего страшного не произошло. — Он принялся обеспокоенно расхаживать по комнате. — В ближайшие трое суток ваши корабли должны стартовать с Земли, чтобы вовремя присоединиться к нашему флоту. Если вы хотите отразить нападение Харраг-орды.

Хендрикс кивнул. Насколько он знал, флот Земли к старту готов.

Дверь приоткрылась, и в комнату заглянул Дженкинс.

— Ага, вот вы где, — сказал он. — Можете пойти со мной?

Хендрикс извинился перед Алмура и вышел. Дженкинс быстро шагал по коридору, его длинные темные волосы при каждом шаге взлетали над головой.

— Что все это значит? — спросил Хендрикс, стараясь не отставать.

— Сейчас увидите.

Дженкинс открыл дверь в конце коридора. Хендрикс вошел и остолбенел. В комнате собрались все ученые проекта. Они сидели полукругом, в центре которого стояло существо ростом около метра двадцати. Его кожу покрывала зеленоватая чешуя. Позади на пол свисал длинный шипастый хвост. Отдаленное сходство с человеком портили антенны, торчащие из-за ушей.

Еще один пришелец!

— Ну наконец-то все в сборе, — устало проговорил Дженкинс. — Этого господина зовут Ирик. Он приземлился несколько часов назад. Полиция ООН срочно доставила его к нам. Ирик, вам слово.

Пришелец подергал антеннами и заговорил:

— Господа, мне очень жаль, что встреча двух культур происходит при подобных обстоятельствах. Увы, для церемоний нет времени. Вы в большой опасности, так что буду краток.

Ирик дважды обернул хвост вокруг ноги и облизал губы.

— Я представляю цивилизацию Орджд — древний союз, объединяющий сотни планетных систем. Он создан на добровольной основе с целью поддержания мира, экономического сотрудничества и культурного обмена.

Слирет Пэк, наш ближайший сосед, прошел путь от первобытно-общинного строя до формально-технологически развитой цивилизации за какие-то двести-триста лет...

Хендрикс оглядел собравшихся. Дженкинс едва заметно покачал головой, призывая ученого соблюдать тишину.

— Когда орда вторглась в приграничные области нашей цивилизации, мы были вынуждены защищаться. Война продолжается вот уже почти сто лет, за это время фронт неоднократно перемещался. Ваша планета лежит на пути их нынешнего набега. Вскоре они атакуют Землю.

Пришелец обвел взглядом присутствующих, чтобы понять, как воспринимаются его слова. Явное спокойствие ученых его озадачило.

— По-видимому, вы мне не верите, — заключил он. — Очень жаль. В одиночку цивилизация Орджд вашу планету не защитит, как бы мы ни старались. Лучший выход

для нас — отступить на свою территорию и перегруппироваться, оставив вас один на один с врагом. Однако мы чувствуем ответственность за любую разумную жизнь. Поэтому делаю вам предложение. Вы можете добровольно присоединиться к нам. Используя ваши войска и ресурсы, мы организуем оборону Земли. Для этой цели я прибуksировал несколько сотен старых кораблей. Только присоединиться нужно немедленно. Корабли Слирет Пэк на подходе и примерно через три ваших дня будут здесь.

Некоторое время Хендрикс переваривал услышанное. Слова новоявленного пришельца почти в точности повторяли то, что сказал Алмура.

— Как выглядят варвары? — спросил Дженкинс.

— Огромные, вдвое выше меня, — ответил Ирик. — С противной коричневой шерстью и мощными челюстями. Точь-в-точь Алмура.

В свою очередь Алмура описывал варваров Харрагорды как карликов-монстров ростом чуть выше метра, коренастых, покрытых серо-зеленой чешуей, с антеннами и хвостами.

Точь-в-точь новоприбывший инопланетянин.

Вопрос — кто из них говорит правду? Очень важный, между прочим, вопрос...

— Вы можете подождать? — спросил Дженкинс у пришельца. — Я хотел бы переговорить с коллегами.

Ирик взмахнул над головой хвостом в знак согласия, и ученые вышли из комнаты.

Алмура приземлился первым. Его история почти не отличалась от рассказанной Ириком. Он сообщил, что представляет древнюю миролюбивую цивилизацию Малиг, втянутую ныне в смертельную схватку с жестокой ордой. Он тоже предупредил, что Земля лежит на пути захватчиков. И тоже прибуksировал корабли, оснащенные сверхсветовыми двигателями, способными дать пищу земной науке лет на пятьдесят вперед.

Естественно, земляне не усомнились в его словах. Если кто-то планирует напасть на Землю, люди готовы принять

бой. Если для этого придется присоединиться к цивилизации Малиг, Земля сделает это без колебаний.

И вот второй пришелец, также приведший с собой корабли, рассказывает аналогичную историю. И снова Земля не может позволить себе усомниться в его словах. Кто-то собирается напасть на Землю. Но кто именно?

— Невероятная ситуация, — пробормотал Карнье, сцедив пухлые пальцы и угрюмо их рассматривая. — Менее трех суток... Зачем варварам вообще обращаться к нам за помощью?

— Ну это как раз очевидно. Им требуются союзники, — объяснил Хендрикс. — Столетняя война истощила ресурсы, им не хватает живой силы. Перетянув нас на свою сторону, они могут переломить ход войны.

— И естественно, они будут представляться как миролюбивый союз, — добавил Дженкинс. — Завоевателей никто не любит, кроме них самих. Если у варваров умный вождь, он обязательно это учтет.

— Значит, осталось выяснить, кто из них — представитель истинной цивилизации.

— Ну, это не так уж трудно, — заявил Томлинсон. — Нужно провести очную ставку — и, если повезет, один из них расколется.

Все согласились, и Ирика препроводили в комнату Алмураа.

Когда пришельцы встретились лицом к лицу, воцарилась мертвая тишина. Потом Алмураа вскочил на ноги, опрокинув кресло.

— Орда умнее, чем я думал, — с горечью произнес он. — Полагаю, он попросил у вас помощи против нас?

— Он говорит, что представляет цивилизацию Орджд, — сообщил Дженкинс.

— Нет такой цивилизации! — выкрикнул Алмураа. — Эти варвары пойдут на любой обман. Да вы посмотрите на него! Чешуя, хвост с колючками... и все остальное! Все именно так, как я и говорил!

— Значит, он добрался сюда первым, — сказал Ирик, зловеще помахивая хвостом. — Полагаю, вы уже поняли,

насколько сомнительны его претензии на цивилизованность?

— Минуточку, — вмешался Томлинсон. На его узком смуглом лице выступил пот. — Вы оба утверждаете, что представляете миролюбивую цивилизацию?

Алмурао кивнул.

Ирик помахал хвостом над головой.

— И обвиняете другого в том, что он варвар?

— Да.

— Именно.

Возникла пауза, ученые расстроено переглянулись.

— Предупреждаю, — нарушил молчание Алмурао. — Скоро сюда нахлынет орда. Если ваш флот не объединится с нашим, мы не сможем помочь.

— Запомните, — грустно произнес Ирик, — примкнув к варварам, вы подпишете себе приговор. Вы поможете им выдавить нас отсюда, а потом Слирет Пэк оккупирует Землю.

— Значит, так, — решительно произнес Дженкинс. — Думаю, оба вы понимаете, в каком трудном положении мы оказались. Вы явились, чтобы нам помочь. Вы представляете разные цивилизации. Мы должны принять помощь только одного из вас. И у нас нет права на ошибку. Но как ее избежать? Не могли бы вы предоставить какие-нибудь доказательства?

— Доказательства? — прорычал Алмурао. — Да вы посмотрите на него!

Ирик печально улыбнулся, и его антенны сошлись в непонятном жесте.

— Я лишь надеюсь, что вы признаете очевидное, — вымолвил он.

— Итак, — сказал Дженкинс после того, как они проводили Ирика в его комнату, — среди нас есть антропологи, социологи, биологи и психологи. Наверняка мы сумеем разработать тесты, которые выявят, кто из пришельцев варвар, а кто — нет.

— Совершенно верно, — согласился Томлинсон. — Ведь один из них вырос в миролюбивом демократическом обществе с независимой культурой и экономикой. А дру-

гой — из тех, чей опыт ограничен войной. Мы проведем подробное собеседование и выясним, кто есть кто.

— Вряд ли варвар хорошо знает историю своего мира, — предположил Карнье. — Такие вещи ему просто не интересны.

Хендрикс кивнул, хоть и не чувствовал уверенности. Он лишь надеялся, что именно так все и будет — легко и просто.

— Нам нужно поторопиться, — сказал Дженкинс. — Скоро два пополудни. В нашем распоряжении завтрашний день и половина следующего. Потом ООН должна получить четкий ответ. Предлагаю разделить на две группы и приступить к опросам. А я позвоню в ООН.

Усталой походкой он направился к двери.

Удобно устроившись на пухлом диване, Ирик смотрел в окно на огни города.

— Расскажите, пожалуйста, — начал Хендрикс, — как управляется цивилизация Орджд? На основе принципа разделения власти?

— Безусловно, — без заминки ответил Ирик. — Цивилизация существует в форме свободной конфедерации. Нас объединяет взаимовыгодная торговля и схожая культура.

— Да, конечно, — кисло согласился Хендрикс. Об этом он мог бы догадаться и сам. — Но я имел в виду подробное описание всех звеньев власти.

— Понятно, — сказал Ирик. — Признаться, я не очень-то сведущ в подобных вопросах. Я вырос на приграничной планете и рано вступил в армию.

Томлинсон делал пометки ровным убористым почерком.

— Расскажите, пожалуйста, об основных философских течениях, существующих в вашем мире.

— Это как? — спросил Ирик.

— Во что верит ваш народ? — подсказал Хендрикс.

— Ага, дайте-ка соображу, — сказал Ирик, нервно постукивая хвостом по дивану. — Мы твердо верим в то, что относиться к другим нужно так, как ты хотел бы, чтобы другие относились к тебе. Вот наша основная идея.

И он битых четверть часа разжевывал золотое правило нравственности¹.

— Спасибо, я понял, — перебил его Томлинсон. — Пожалуйста, будьте конкретней. Я подразумевал нечто иное. У вас должно быть в ходу некоторое количество высокоструктурированных теорий, объясняющих происхождение Вселенной, существование высшего разума, сущность жизни и тому подобное...

— Да, все это у нас есть, — подтвердил Ирик. — Но дело в том, что я посвятил себя армии. — Он нервно рассмеялся. — А так, да, все только и делают, что рассуждают о Вселенной и других философских вещах, но меня-то учили командовать и сражаться с варварами. А это требует полной самоотдачи. Ведь мы живем в состоянии войны.

— Странно, что для миссии выбрали именно вас, — заметил Хендрикс.

— Выбор логичен. Это не культурная миссия. Скорее, это вопрос жизни и смерти. Ничего странного, что был послан солдат.

Беседа заняла еще три часа. Ирик не ответил ни на один вопрос: ни об экономике цивилизации Орджд, ни о философских течениях, ни по психологии, ни по законодательству... Все это у них есть, повторял он, причем в изобилии, и всех все устраивает. Но лично ему просто некогда было разузнать об этом побольше.

Томлинсон и Хендрикс пошли посмотреть, как идут дела у другой группы. Они обнаружили в пустой комнате одного Карнье, пишущего комментарии к собственным заметкам.

— Как все прошло? — спросил Томлинсон.

— Ужасно, — признался Карнье, снимая очки и устало потирая глаза. — Знания у Алмурао весьма поверхностные. Конечно, его история об экспедиции к центру галактики, во время которой он родился и вырос, вполне может быть правдой. Тогда объяснимо, почему в его знаниях

---

¹ «Золотое правило нравственности» — общее этическое правило, которое можно сформулировать как «Относись к людям так, как ты хочешь, чтобы они относились к тебе». Известна и отрицательная формулировка этого правила: «Не делай другому того, чего не желаешь себе».

такие пробелы. По возвращении из экспедиции он сразу же записался в армию. А что рассказал Ирик?

Томлинсон передал суть беседы.

— Ничего хорошего, — констатировал Карнье. Водрузив на нос очки, он зевнул и поскреб щеку. — Надо бы побриться.

— Обе истории могут быть правдой, — сказал Хендрикс. — Мы же не требуем от земного сержанта развернутых ответов по экзистенциализму или древнегреческой драматургии.

— Дело запутывается все больше, — заключил Томлинсон, тяжело опускаясь в кресло.

Хендрикс закурил и вспомнил, что не спал уже сорок пять часов.

Вошел Дженкинс, на ходу срывая обертку с плитки шоколада.

— ООН снаряжает оба флота, — сообщил он. — После завтра от нас ждут четкий ответ. Точнее, уже завтра. Кто-нибудь хочет шоколад?

— Нет, спасибо, — сказал Томлинсон. — Может, они приедут сюда и сами оценят ситуацию?

— Это наша работа. Если не сможем мы, я не знаю, кто сможет. — Дженкинс взглянул на свои часы. — Скоро утро. Всем нам лучше поесть и вздремнуть.

Хендрикс с трудом поднялся на ноги и пошел в кафетерий. Проглотив три бутерброда, отыскал раскладные кровати, заботливо предоставленные армией. Едва коснувшись головой подушки, он уснул.

Томлинсон разбудил его в полдень. Не в силах разлепить глаза, Хендрикс сидел на кровати с единственной мыслью, что завтра — последний день.

— Морган сказал, Алмура не пользуется кроватью, — сообщил Томлинсон. — Просто спит на полу. Первобытное безразличие к комфорту, как считаете?

— Возможно, — сказал Хендрикс, разминая затекшую шею. — А как спал Ирик?

— Не знаю, — ответил Томлинсон. — Кажется, его проверял Карнье.

Хендрикс протер глаза и последовал за Томлинсоном по коридору. В пустой просторной комнате три человека

крутились вокруг детектора лжи. Карнье надзирал за его настройкой.

— Вы еще не слышали? — спросил он у вошедших. — Ирик спал вниз головой, уцепившись хвостом за потолочный кронштейн. — Карнье просто светился от радости. — По-моему, наглядное свидетельство варварства.

Хендрикс оставил коллег спорить о том, какой способ сна для чего больше характерен, и отправился на поиски Дженкинса.

Антрополог читал записки, которые громоздились перед ним целой стопой. Рядом на маленькой горелке весело пытел кофейник.

— Надеюсь, от детектора лжи будет хоть какой-то прок, — сказал Дженкинс. — Но я сильно сомневаюсь. Наливайте себе кофе. Есть какие-нибудь идеи?

— Ни единой, — ответил Хендрикс. — Все еще пытаюсь проснуться.

— Проблема вот еще в чем, — продолжил Дженкинс. — Как можно судить о цивилизации в целом по единственному ее представителю? Можно ли, к примеру, так судить о человеческой расе? Прошу прощения, у меня, кажется, не осталось сахара.

— Я люблю без сахара, — сказал Хендрикс. — А у вас есть идеи?

— Ни одной толковой. Зато ООН уже теребит меня, требуя решения. Они совершенно исключают возможность ошибки.

— Я тоже, — ответил Хендрикс, чувствуя, как оживает после глотка дымящегося кофе.

— Хочу провести несколько тестов на эстетическое восприятие, — признался Дженкинс. — Может быть, удастся за что-нибудь зацепиться. — Он встал и взял со стола портфель. — Вы со мной?

Хендрикс одним глотком допил кофе и поспешил за Дженкинсом.

— Мне интересно ваше мнение о некоторых вещах, — обратился Дженкинс к Алмурао намеренно повседневым тоном. Он открыл портфель и достал книгу.

— «Той ночью луна окрасилась в цвет крови, — прочитал он без выражения. — Бэт Мастерсон¹, звеня шпорами, шагал напрямик к салуну Келлера. Его пальцы слегка касались черных рукоятей револьверов. Оттолкнув с пути двух бездельников, он подошел к двери бара».

— Очень мило, — сказал Алмура, всматриваясь в лицо Дженкинса. Переведя взгляд на Хендрикса, добавил: — Действительно очень мило.

— А вот это? — Дженкинс достал из портфеля другую книгу и тем же невыразительным голосом прочитал сонет Шекспира.

— Тоже очень мило, — сказал Алмура, переводя взгляд с одного лица на другое. — Вижу, вы культурные люди.

— А что вам понравилось больше?

— Ну, трудно сказать. — Алмура ненадолго задумался. — В первом отрывке, я бы сказал, больше динамики, зато второй, безусловно, более ритмичен. Мне понравились оба.

— А как насчет этого? — Дженкинс показал роскошную репродукцию Моны Лизы.

— Очень красиво, — осторожно сказал Алмура.

— А это? — Дженкинс поднял вверх картинку, неумело нарисованную цветными карандашами.

— Какие красивые цвета...

Из музыки Алмура понравился Бах, китайский народный хор, Коул Портер и короткая немелодичная частушка, которую Хендрикс сочинил экспромтом.

— Вообще-то, я не силен в искусстве, — напомнил людям Алмура. — Я прежде всего солдат.

Выйдя из комнаты, Хендрикс посмотрел на Дженкинса и пожал плечами:

— Похоже, он понятия не имеет о критическом мышлении. — Хендрикс почувствовал, что чаша весов склоняется в пользу другого пришельца.

— Все же не забывайте, — предупредил Дженкинс, — что мы оцениваем искусство с позиции наших эстетиче-

---

¹ Уильям Барклай «Бэт» Мастерсон (24 ноября 1856 — 25 октября 1921) — легендарный американский ганфайтер времен Дикого Запада, страж закона, скаут армии, игрок в покер, охотник на бизонов, позже — спортивный журналист.

ских представлений. У него они могут быть совсем иными. Возможно, у него вообще нет основы, на которую он мог бы опереться, чтобы формировать суждения. Предпочтения людей, их реакция на объект искусства, степень их интереса, способность критиковать — все это зависит от нервной системы, окружения и ряда других факторов, не поддающихся учету.

Хендрикс неуверенно кивнул:

— Но от представителя цивилизации Малиг как-то ждешь более определенных суждений.

— Может, с Ириком нам повезет больше, — сказал Дженкинс.

Ирик заявил, что сонет Шекспира — бессмыслица. Отрывок про ковбоя — бред. Мона Лиза безобразна, карандашный рисунок немногим лучше. Бах, китайский хор, Коул Портер и экспромт Хендрикса — все звучало для его ушей как бессвязный шум.

— Вот познакомитесь поближе с цивилизацией Орджд, тогда поймете, что такое настоящее искусство, — заключил Ирик и поскреб хвостом лоб.

— Разумеется, — добавил он, — не следует забывать, что я грубый, неотесанный солдат и по натуре своей склонен резко осуждать ваше искусство.

Что опять-таки ничего не доказывало.

— Беда в том, — заявил Дженкинс позже, — что отрицательный результат ничего не значит. Они оба могли выражать честное мнение. Нужны более убедительные доказательства.

— Может быть, остальные что-нибудь накопили, — предположил Хендрикс.

— Вечером соберем совещание и посмотрим.

На совещании было представлено огромное количество данных, некоторые из них были не в пользу Алмура, другие — не в пользу Ирика. Но ничего такого, что позволило бы сделать окончательный вывод.

— Камень преткновения — отсутствие абсолютной шкалы, по которой мы могли бы оценивать «варварство» и «цивилизованность», — сказал Дженкинс. — У нас нет

четких шаблонов, нет образцов стопроцентного варвара или стопроцентно цивилизованного существа.

— Но у нас есть собственные стандарты, — возразил Томлинсон. — Можно экстраполировать их...

— И они все равно останутся нашими, — сказал Дженкинс. — Настоящая цивилизация может иметь стандарты, совершенно непостижимые с нашей точки зрения.

— С этим не поспоришь, — согласился Карнье. — Но какой-то критерий все равно нужен.

— Знаю, — вздохнул Дженкинс. — Вот только какой? Предположим, мы докажем, используя наши стандарты, что некий индивидуум цивилизован. А вот по его стандартам наше решение будет ошибочным.

— Хорошо бы придумать какой-нибудь тест, простой и надежный, — мечтательно произнес Хендрикс.

— А вот на это не рассчитывайте, — сказал Дженкинс. — Ваша фантазия беспочвенна. Полагаю, большинство из вас ожидает обнаружить нечто такое, что сразу же все расставит по своим местам. Скажем, один из инопланетян допустит простую, но показательную ошибку, которая сейчас же его разоблачит. В жизни, господа, так не бывает...

Хендрикс подавил улыбку. Именно на это он и рассчитывал.

— Беда теории «показательной ошибки» состоит в том, — продолжал Дженкинс, — что мы можем осудить целую расу из-за отсутствия ораторского мастерства у одного из ее представителей.

— И что теперь? — спросил Томлинсон.

Дженкинс пожал плечами.

— Мы размножили результаты всех тестов, — сказал он. — Пожалуйста, ознакомьтесь, подумайте и постарайтесь прийти к какому-нибудь заключению. Завтра в полдень мы примем решение.

Хендрикс помассировал ноющую шею. На все про все — менее пятнадцати часов: ночь и половина дня, после чего Земле предстоит сделать ставку.

— Вы вольны проводить любые тесты, какие захотите, — добавил Дженкинс. — Желаю удачи.

Хендрикс посмотрел на часы: девять вечера.

С распечатанными результатами под мышкой Хендрикс отыскал пустой кабинет и погрузился в чтение.

Первой шла биология. Согласно отчету, Алмурао демонстрировал признаки более развитого существа. Его нервная система была похожа на человеческую. В то же время отсутствовал аппендикс. Был упрощенный пищеварительный тракт. Плюс ко всему — дополнительное сердце.

Тем не менее, отметили биологи, Алмурао — существо плотоядное и приспособленное к ночному образу жизни.

И где здесь признаки цивилизованности?

У Ирика были большие когти, бронированная кожа, хватательный хвост, антенны. Несмотря на его принадлежность к двуногим, биологи сомневались в его родстве с человеком. Из-за нехватки данных они не могли предположить, каково истинное происхождение инопланетянина, но указали на его рептилоидную внешность.

Как выяснилось, в мозгу у Ирика чуть больше извилин и нервная система у него сложнее, чем у Алмурао. Биологи, правда, не преминули напомнить, что нельзя делать выводы о расе в целом, изучив мозг только одного представителя. Индивидуальные различия бывают очень значительны.

Были тут признаки цивилизованности?

Отчет психологов не был закончен из-за отсутствия стандарта, на котором можно было бы основывать выводы.

Результаты детектора лжи вообще не имели смысла.

Отчет физиологов указывал на чуть более быструю реакцию Алмурао, которую можно было истолковать и как безотчетный защитный рефлекс, и как хорошо натренированный цивилизованный отклик — смотря какая теория вам ближе.

По мнению физической антропологии, вид Ирика возник в горячем мире, в то время как вид Алмурао происходил с холодной планеты. Опять-таки истолковывая как хочешь...

Прошло несколько часов. Факты и цифры кружились в голове у Хендрикса. Сначала он склонялся в пользу

Ирика. Но, проведя самоанализ, обнаружил, что все дело в размерах инопланетян: большие размеры тела он неосознанно ассоциировал с варварством, а меньшие — с цивилизованностью.

Затем чаша весов склонилась в пользу Алмурао. Однако, поразмыслив, Хендрикс понял, что для него рептилоидность является синонимом варварства.

Он отодвинул бумаги. Ну разве можно быть объективным в таком важном деле?

Остаток ночи Хендрикс потратил на борьбу с собственными предубеждениями, которые мешали мыслить непредвзято. Цивилизованность, внушал он себе, не имеет ничего общего с внешним видом. Представители цивилизованной расы могут быть пяти метров ростом, говорить ушами и без умолку нести чепуху. А вот ловкие, благообразные и чистоплотные существа на поверку могут оказаться совершеннейшими дикарями.

К утру он уже был готов сдаться. После отсортировки предассудков в голове осталась пустота.

— У нас есть время для еще одного теста, — сказал Дженкинс, когда все собрались вместе. — Потом придется принимать решение — раз и навсегда. Господа Томлинсон и Карнье разработали тест, и, я надеюсь, он что-нибудь да прояснит.

Они прошли вслед за Дженкинсом в комнату, примыкающую к комнате Алмурао. Сквозь стену из зеркального стекла они могли наблюдать за пришельцем, оставаясь при этом невидимыми.

В комнату Алмурао вошел доброволец. Бросив на пришельца презрительный взгляд, он сказал:

— Ладно, парень. Ты уже успел?

— Успел что? — спросил Алмурао, поднимаясь на ноги.

— Помолиться, чертов дикарь. Теперь-то мы точно знаем, что ты посланник Слирет Пэк!

Алмурао отреагировал молниеносно. Гневно зарывчав, он оторвал человека, словно шепку, от пола и поднял над головой. Доброволец пронзительно закричал, и тут пришелец спохватился.

— Прошу прощения, — сказал он, с осторожностью ставя человека на ноги. — Мы, солдаты, парни темпераментные. Я погорячился.

Доброволец с побелевшим лицом пятился к двери.

— Вам больше нечего бояться, — заверил Алмуроа. — Вообще-то, я существо цивилизованное, несмотря на вспыльчивый нрав. Раз уж ваш народ предпочел ошибиться, я с этим ничего не поделаю. — Он уселся обратно в армированное кресло. — Надеюсь, ваши дети простят вас за то, что вы собираетесь сделать.

— Видали? — Карнье толкнул Хендрикса в бок. — Примитивные, едва сдерживаемые эмоции. Он себя выдал.

— Будь он цивилизован, — заметил Хендрикс, — его реакция на нашу глупость, возможно, была бы такой же.

— Не путайте божий дар с яичницей, — промолвил Карнье с отчаянной уверенностью. — Он выказал реакцию дикаря!

— Теперь протестируем Ирика, — сказал Дженкинс.

Потрясенный доброволец согласился повторить опыт при условии, что его подстрахуют.

— Ладно, парень, — обратился он к чешуйчатому Ирику. — Ты все успел?

— А что я должен был успеть? — удивился Ирик.

— Помолиться, чертов дикарь, — сказал человек, отходя бочком от шипастого хвоста. — Теперь-то мы точно знаем, что ты посланец Харраг-орды!

Некоторое время Ирик просто стоял, подергивая антеннами. Затем повернулся и отошел к окну, обвив хвостом запястье.

— Что ж, очень жаль, — сказал он, не оборачиваясь. — А варварам понравится эта планета. Только не говорите, что я вас не предупреждал.

— Вот! — торжествующе выкрикнул Томлинсон. — Ну наконец-то хоть что-то! Вы это видели? Как ловко он скрыл свои эмоции!

— Полагаете, он варвар? — спросил Дженкинс.

— Безусловно! Его безразличие наигранно. Разве можно сохранять спокойствие, когда судьба твоего народа ви-

сит на волоске? Он поступил как расчетливый. безжалостный и аморальный дикарь.

— Я смотрю на это иначе, — возразил Карнье. — Мы видели самоконтроль цивилизованного существа.

— Ничего подобного, это не более чем хитрость, — терпеливо пояснил Томлинсон. — В отличие от искренней реакции Алмура. В критический момент тот не сдержал эмоций. Ясно же, что Алмура туповатый, но честный солдат.

— Господа, в нашем распоряжении один час, — объявил Дженкинс. — Предлагаю перейти в конференц-зал и принять решение.

— Итак, — первым взял слово Карнье, когда все расселись. — Я сделал выбор в пользу Ирика. Хочу объяснить почему. Во-первых, я уверен, что его самоконтроль в последнем тесте — безусловный признак культуры. Дикари не способны сдерживать эмоции.

— Вы никогда не слышали о примитивном стоицизме? — тихо спросил Томлинсон.

— Во-вторых, — продолжил Карнье, игнорируя вопрос, — по данным биологов, у Ирика более развитый мозг. Это предполагает более развитый интеллект — сопутствующий признак цивилизованности. И наконец, его отрицание нашего искусства — это, безусловно, более искушенная оценка в отличие от коварного одобрения всего и вся, выраженного Алмура.

— Вы абсолютно не правы. — Томлинсон затушил сигарету и встал. — Я уже указывал на искреннюю реакцию Алмура в последнем тесте. Подумайте и о его самоконтроле: оценив ситуацию, он отпустил человека. Ирик же отреагировал именно так, как, по его мнению, мы от него ждали.

Хендрикс слушал, но ему нечего было сказать. Почему-то все аргументы казались неубедительными. Хотя все это не более чем личное мнение...

В дверях возник офицер ООН.

— Сэр, нам нужен ответ, — обратился он к Дженкинсу.

— Хорошо. Будьте добры, подождите за дверью.

Офицер прикрыл за собой дверь.

— Господа, пора.

Разговоры стихли как по команде.

— Хорошо. Прошу поднять руку тех, кто считает варваром Ирика.

Взмыло несколько рук. Хендрикс после секундного колебания голосовать не стал. Дженкинс пересчитал руки и сказал:

— Теперь те, кто считает варваром Алмураа.

Снова пересчитал.

— Голосовать должны все. Поэтому повторим. Пожалуйста, сделайте свой выбор.

На этот раз воздержался один Хендрикс, не считая самого Дженкинса. Голоса поделились поровну.

— Кто не голосовал? — спросил Дженкинс.

— Я, — ответил Хендрикс.

— Времени больше нет. Пожалуйста, проголосуйте.

— Я не могу.

— Но вы должны. В чью пользу ваш выбор?

— Ни в чью, — продолжил упрямяться Хендрикс. — Убедительных доказательств нет.

— Но вы обязаны проголосовать.

— Хотите, чтобы я подбросил монетку? — в отчаянии спросил Хендрикс.

— Если без этого никак... Решение должно быть принято!

По лицу Хендрикса катился пот. Проклятый выбор! Он должен его сделать. Всего-то: назвать имя — и напряжение спадет.

— Я голосую... против обоих, — хрипло выдохнул Хендрикс. — И поступайте как знаете. Добавить мне нечего.

Дженкинс пригвоздил его взглядом, и на мгновение Хендриксу показалось, что сейчас ученые стаей набросятся на него. Он знал, что играет нечестно. Они поставили свое будущее на кон. Почему не он?

Хендрикс понимал, что в глазах коллег выглядит трусом, потому что не зажмурился и не сделал последний решительный шаг.

— Я знаю, что вы чувствуете, — вдруг сказал Дженкинс. — И, думаю, вы подсказали мне решение.

Офицер ООН топтался на месте, как нетерпеливый жеребец.

— Мистер Хендрикс, — продолжал Дженкинс, — возьмите Ирика под свою опеку и доставьте на борт одного из кораблей. Оставайтесь с ним. Попросите его, пусть предоставит командиру звена координаты своего флота.

Хендрикс покидал Землю первый раз в жизни, но он настолько устал, был раздражен и напуган, что не испытывал никакого интереса к происходящему на борту. Он передал Ирика корабельным офицерам и безучастно наблюдал, как матросы задраивают входной люк.

— Приготовиться к старту! — прогремели динамики, и корабль наполнился воем sireны. Хендриксу указали его койку, и доктор вколол ему противоперегрузочную сыворотку.

И вдруг, без каких-либо предварительных размышлений, Хендрикса осенило, что Ирик — ошибочный выбор. Ученый хотел выбраться из койки, но гигантская рука ускорения придавила его тело, и он сдался.

Очнулся он с ощущением, что по его телу пронеслось стадо слонов и кто-то нагадил во рту. Он ухватился за край койки и сел.

— Мистер Хендрикс? — спросил офицер, помогая ему встать на ноги. — На связи профессор Дженкинс. Он хочет поговорить с вами.

Пошатываясь, Хендрикс пошел в рубку управления, надеясь, что еще не поздно сообщить Дженкинсу об ошибке. Офицер пододвинул к нему микрофон.

— Здравствуйте, Хендрикс, — прогремел неожиданно бодрый голос Дженкинса. — Как самочувствие?

— Отлично. Послушайте. Ирик — неправильный выбор! Он — варвар! Я не могу доказать это прямо сейчас, но я абсолютно...

— Знаю, — перебил его Дженкинс. — А теперь послушайте меня. По моей рекомендации флот Земли направляется в точку, равноудаленную от координат, которые

дали нам пришельцы. Это гарантирует нам устойчивую связь. Пригласите Ирика в рубку управления и попросите, чтобы он передал своему народу следующее сообщение: «При любой попытке вторгнуться в Солнечную систему против нарушителя будет брошен весь земной флот».

— Значит, Ирик — из орды!

— Совершенно верно.

— И мы сотрудничаем с Алмура?

— Ни в коем случае. Алмура на корабле со мной. Он передаст своим такое же сообщение.

Хендрикс непонимающе уставился в микрофон.

— Хочу поблагодарить вас, — сказал Дженкинс. — Проголосуй вы за одного из пришельцев, мы бы его и выбрали. Для вас это был путь наименьшего сопротивления. Но в таком случае вы не сподвигли бы меня заново взвесить все за и против. Посудите сами. Ни один, ни второй пришелец не сказали ничего вразумительного. А ведь гражданин галактического союза, даже с самой далекой окраины, все равно имел бы хоть какое-то представление о законах и традициях своего общества. А тем более избранный быть посланником. Ни один, ни второй не проявили критических способностей. Зато оба продемонстрировали склонности, которые можно истолковать как дикарские. Признавая одного из них представителем высшей цивилизации, мы должны признавать таковым и второго. Ведь разницы между ними — никакой.

— Теперь все понятно, — сказал Хендрикс. — Оба — варвары и представляют две различные орды. Ну конечно! Хотя стойте! Они же все еще могут напасть на нас...

— Это вряд ли. Ведь и те и другие обратились к нам за помощью. Следовательно, по силам они примерно равны. Они сражаются не на жизнь, а на смерть. Каждой стороне нужны союзники, и как можно больше. Для чего им воевать с нами? Вряд ли им нужны новые враги.

Хендрикс понял, что отдельные кусочки складываются в цельную мозаику. Но один момент Дженкинс упустил.

— Понимаете? — продолжал Дженкинс. — Если один из них атакует нас, мы бросим против него все свои силы,

обеспечивая тем самым перевес другому. Все, чего агрессор добьется, — это риск крупного поражения.

— В настоящее время — да, — согласился Хендрикс. — Но линия фронта переместится. Кто-то из них отступит. И тогда другой заполучит нашу систему.

— А вот к этому времени мы должны подготовиться. Мы скопируем их корабли и построим такие же. А возможно, даже улучшим их конструкцию, потому что мы, я думаю, гораздо умнее их.

— Бойся гордыни, — пробормотал Хендрикс.

— Тем не менее я так думаю. А потом мы пошлем собственных представителей. В нашем регионе космоса должны быть другие обитаемые планеты. Жители этих планет захотят объединиться с нами, чтобы противостоять обеим ордам.

Хендрикс поднял голову и впервые посмотрел в иллюминатор на космос. Звезды, звезды, бесконечные россыпи звезд, куда ни посмотри.

Ему сразу полегчало.

— А знаете, — сказал он Дженкинсу, — я вполне допускаю, что именно мы станем той цивилизацией, от имени которой пытались выступать пришельцы.

ПОДАРОК ДЛЯ ДИКТАТОРА

— Позволь тебя поздравить, — сказал Морган. — Ты отлично сдал все тесты.

Филипс подавил вздох облегчения и пожал руку шефу управления.

— Садись, — предложил Морган. — Ты без пяти минут сотрудник Бюро. Наверняка не терпится узнать наши маленькие секреты?

Филипс постарался сохранить нейтральное выражение лица. Конечно, ему не терпится. Именно эти секреты помогали Бюро межпланетных дел сохранять власть Земли на юге галактики и гнуть свою линию, не прибегая к войне.

Но Морган сказал «без пяти минут». Значит, окончательное решение не принято? Может, эта беседа — что-то вроде последнего экзамена?

Филипс натянуто произнес:

— Разве я осмелился бы...

— Да нет, все нормально, — успокоил Морган. — Ты проверен службой безопасности. Но только не жди слишком многого. Мы здесь, в Бюро, люди простые, и наши устройства тоже незамысловатые.

Верилось в это с трудом. Или все же он на экзамене? Филипс всмотрелся в честное, открытое лицо Моргана, пытаясь отыскать скрытую иронию.

— Но несмотря на это, — задумчиво добавил Морган, — наши бесхитростные устройства обнаруживают редко. А если и обнаруживают, то слишком поздно. Пусть даже они у всех на виду.

— Вроде троянского коня? — обронил Филипс.

Морган улыбнулся:

— Так ты слышал о нем?

Филипс кивнул.

— И знаешь, в чем его хитрость?

— Нет.

— Вообще-то, все просто. Нечто подобное мы сейчас проворачиваем на планете Балтхасан. Слышал о такой? Лет шестнадцать назад там окопался диктатор. Мощное подполье стремится свергнуть его и учредить представительную власть. Земля заинтересована в победе подполья, поскольку Балтхасан имеет стратегическую ценность. Но мы не можем вмешиваться открыто.

— Да, конечно, — сказал Филипс. Он хорошо представлял себе нюансы политики на галактическом юге.

— Мы можем только позволить себе послать диктатору на юбилей статую под кодовым названием «Троянский конь».

— И спрятать внутри ее оружие?

Морган молча пожал плечами.

— Оно должно быть внутри, — задумчиво произнес Филипс, гадая, экзамен это или нет. — Но обыскать статую не так уж и сложно.

— Совсем несложно, — безучастно согласился Морган.

Монументальная, в два человеческих роста, выполненная в античном стиле статуя изображала прославленного вождя Хакса с мечом в одной руке и караваем хлеба в другой. Использованные для отливки вольфрам и нержавеющая сталь делали ее неподвластной времени.

Некоторые народы, возможно, сочли бы ее красивой.

— Дурновкусие, — рассудил шеф безопасности Таллаг, обходя массивное основание монумента. Следом семенили секретарша и главный инженер. — Но чего еще ждать от землян?

Секретарша пробормотала что-то о заглядывании дареному коню в зубы. Таллаг удивленно поднял бровь. Такая уж у него, шефа безопасности, работа — заглядывать дареным коням в зубы. Точнее, тщательно обследовать каждый их зуб.

В основании статуи была выбита надпись на классическом английском.

— Народу Балтхасана от народов Земли, — громко прочитал инженер, — в ознаменование пятидесятилетия вождя Хакса.

Секретарша, женщина проницательная, улыбнулась. Таллаг, человек еще более проницательный, сохранил серьезность.

— Дружественный жест, — процедил он. — Только вообразите: Земля присылает нам в подарок роскошный монумент.

— А может, это шаг к сближению? — предположил инженер и тут же покраснел: Таллаг повернулся и пристально на него посмотрел.

— Ты ничего не видишь дальше своих схем, — сказал шеф. — С какой стати Земле налаживать отношения с вождем Хаксом?

Инженер почесал затылок. Едва ли он знал, как относилась Земля к вождю Хаксу.

— Тогда зачем они прислали статую? — тихо спросил он.

— Вот именно это мы и должны узнать, — сказал Таллаг.

«Хотя и так все ясно», — подумал он. Земля оказывала подполью помощь, рассчитывая на свержение Хакса. Однако открытое вмешательство вызвало бы раздражение на галактическом юге.

А вот если использовать хитрость... помочь опосредованно...

Повстанцы нуждались в электронном оружии. Земля готова была его предоставить, но через таможенную Балтхасана такое не провезешь.

И вот за два дня до юбилея Хакса прибывает статуя.

— Обследуй ее, — приказал Таллаг инженеру. — Если понадобится, изучи под микроскопом. Загляни за каждую молекулу. Задача ясна?

— Да, сэр, — кивнул инженер и откашлялся. — Сэр, если эта штука настолько подозрительна, почему бы не отправить ее назад?

Секретарша улыбнулась наивности инженера. Таллаг устало покачал головой:

— Оставь политику мне. Твое дело — найти спрятанное оружие. Жду хороших новостей к завтрашнему утру.

— Да, сэр, — сказал инженер и поспешно удалился.

— Он из кожи вон лезет, — сказал Таллаг, вернувшись в кабинет.

— Пожалуй, да, — согласилась секретарша.

— И он дотошный. Не так уж и мало для идиота. Что бы Земля там ни спрятала, он обязательно найдет.

— Жаль, нельзя отослать статую назад.

— А я и не хочу. — Таллаг подошел к окну. Внизу, во внутреннем дворе, рабочие соорудили пьедестал для статуи. По ту сторону двора громоздилась серая масса дворца Хакса. — Думаю, мы сумеем ее использовать. А если просто отошлем назад, земляне поднимут шум, что мы отвергли их мирный жест. Вождю это не понравится.

Секретарша кивнула. Кивок получился глубокомысленным, поскольку она поправляла прическу.

— А кроме того, — тихо добавил Таллаг, — статуя вождю приглянулась. Он усмотрел в ней большое сходство с собой.

Никто из них не улыбнулся.

— А если в ней спрятано оружие, — протянула секретарша, — вы уверены, что мы его найдем? Земляне, без сомнения, знали, что статую обследуют.

Таллаг хмуро посмотрел в окно на дворец Хакса. Потом улыбнулся.

— Ну да, конечно, — сказал он. — Земляне вылеплены из того же теста, что и мы. Их мозг ничем не лучше нашего. И то, что спрятал один умник, сможет найти другой.

— Будем надеяться, — заключила секретарша.

Филипс мысленно перебирал возможные решения. Морган самым неофициальным образом развалился в кресле.

— Кажется, знаю, — наконец сказал Филипс. — В этой статуе нет никакого оружия!

Морган почесал затылок, но никаких других знаков не подал.

— Очень умно, — обрадовался Филипп собственной сообразительности. — Служба безопасности Балтхасана обязательно бы нашла тайник в статуе. Именно поэтому в ней ничего нет. Они ищут напрасно. Они разнервничаются. Решат, что Земля использует новые методы. Лидер Хакс не будет знать, что делать. Его неуверенность перекинется на приближенных. И тогда повстанцы атакуют...

— Чересчур умно, — прервал его Морган. — Прямо по-макиавеллиевски.

Филипп скромно улынулся.

— Но скажи на милость: как, по-твоему, будет себя чувствовать подполье, не получив оружия?

— Ну... нужно подумать... — Филипп захлопнул рот и пожелал себе никогда больше его не открывать.

— Психология — вещь обоюдоострая, — сказал Морган. — Кроме того, отсутствие в статуе оружия — ход слишком хитрый для таких простаков, как мы.

— Значит, в ней все-таки что-то есть?

— Ты разочарован? Дело в том, что ты мыслишь по-книжному. Так справедливость торжествует только в сказках: диктатор, правящий с помощью страха, сам подвержен страху. Но в реальной жизни, как правило, силе должна противостоять другая сила.

— Хмм, — протянул Филипп, не понимая, до конца ли Морган с ним честен. — Но если оружие — в статуе, то я не вижу причин, почему они не смогут его найти.

— Скорее всего, так и будет. Я же говорил, это очень простой план.

Актер из инженера был никудышный; все чувства отражались у него на лице. Он переминался с ноги на ногу и прятал взгляд.

— Ну, что-нибудь нашел? — спросил Таллаг.

— Много чего, — ответил инженер. — В корпусе статуи за скрытыми панелями.

Но вид у него был совершенно несчастный.

— Тогда в чем дело?

— Непонятно, для чего они это спрятали. Бесполезные детали. — Инженер наконец-то посмотрел Таллагу в глаза.

— Объясни.

— Все на первый взгляд выглядит серьезно — источник питания, транзисторы, микросхемы. Вот только оружия из этого не слепить.

— Ты уверен?

— Абсолютно, — ответил инженер ровным, уверенным голосом. — Современное оружие я знаю. А это барахло можно купить в любом радиомагазине, причем без всякого разрешения. Но никакого оружия из этого не собрать.

— Интересно, — протянул Таллаг. — Для чего Земле прятать в статуе оборудование, от которого подпольщикам никакого проку? — Он сцепил пальцы вместе.

«Единственное логичное объяснение — земляне считывали, что его найдут.

Нет, они знали это наверняка.

Значит, их план куда сложнее».

— И больше ничего?

— Ничего, сэр.

— Значит, ты что-то пропустил. — Таллаг зловеще улыбнулся. — Ставлю на кон твою жизнь. У тебя восемнадцать часов, чтобы найти то, что ты пропустил.

— Сэр, я обследовал все, что можно...

— Значит, обследуй то, что нельзя. Уверяю тебя, ты найдешь много интересного. Должен найти.

— Хорошо, сэр, — устало согласился инженер.

— Ты же знаешь, каким крошечным бывает электронное оружие. Они могли спрятать его компоненты где угодно.

— Рентгеновские лучи ничего не выявили. Но я попробую еще раз.

— Вот и отлично, — любезно улыбнулся Таллаг. — Желаю удачи.

Не дожидаясь особых указаний, секретарша внесла фамилию инженера в список неблагонадежных элементов.

Остаток дня Таллаг потратил на инспекцию мер безопасности, которые были введены в связи с юбилеем вождя.

Позже позвонил сам Хакс. Статуя, ее удивительное сходство и пропорции полубога вызывали у вождя восторг. Именно так подданные и должны его воспринимать. А материал, из которого она сделана? Восхитительный материал, такой же вечный, как — вне всяких сомнений — и сама его династия!

— Вырвите у нее ядовитое жало, — велел он Таллагу. — Вытащите из нее оружие. А потом уничтожьте подполье!

— Слушаюсь, сэр, — ответил Таллаг.

Вождь отключился, и Таллаг бросил трубку.

Что ж, да раз плюнуть. Вырвать, вытащить и уничтожить подполье.

Он сердито уставился на огромный серый дворец. Чертов инженер! Не отыщет оружия — будет умирать медленно, сантиметр за сантиметром... как казнил бы Таллага вождь Хакс, в случае если бы что-то пошло не так.

Перед самой полночью грязный, но ликующий инженер возвратился в кабинет шефа.

— Вот, нашел, сэр, — сообщил он, протягивая в перепачканных руках микрокомпоненты двадцати электронных бластеров.

— Молодец, — похвалил Таллаг, чувствуя, как в жилах снова забурила кровь. — Садись. Рассказывай.

— Спрятано было умело, раньше я с таким не сталкивался. — Инженер высыпал компоненты Таллагу на стол. — Для начала я еще раз перепроверил оборудование, замурованное в статую. Никакого оружия, все чисто.

— Я произведу тебя в генералы, — пообещал Таллаг.

Секретарша молча вычеркнула фамилию инженера из списка неблагонадежных элементов.

— И даже эти базовые компоненты были разобраны и спрятаны по частям, — продолжил инженер.

— Где?

— Первый я обнаружил в зрачке левого глаза. Не послушайся я интуиции, не нашел бы вообще ничего. После

этого я исходил из предположения, что самые невероятные части тела нужно рассматривать как самые вероятные. Я нашел сегменты в мочках ушей, в ногтях и в языке. Для полной уверенности я прозондировал каждый миллиметр.

— Как это похоже на землян, — сказал Таллаг. — Ты уверен, что ничего не пропустил?

— Если что-то найдется, готов лично это съесть.

— Да уж, придется, — согласился Таллаг. — А теперь иди и выпей. Это приказ.

Инженер козырнул и поспешно ретировался.

— Очень хочется верить, — сказал Таллаг, — что они перехитрили самих себя. Который час?

— Пятнадцать минут второго.

— Торжественное открытие в девять. По информации моих источников, мятежники попробуют забрать оружие сегодня ночью. После чего атакуют дворец.

Секретарша еле заметно улыбнулась, уже понимая, каким будет ответный план.

— Пусть так и действуют, — сказал Таллаг, — а мы подготовим им встречу.

Секретарша кивнула. Таллаг на секунду задумался.

— Не понимаю, — сказал он. — Ну, заполучат они это оружие, и что? Собираются выступить с ним против регулярной армии? — Он уставился на компоненты, рассыпанные по столу. — Не понимаю, в самом деле. Рассчитывают на эффект внезапности? Ладно, за работу. А статуя, с эстетической точки зрения, нелепа.

Секретарша кивнула.

После того как Морган раскрыл карты, Филипс некоторое время сидел молча.

— Вот, значит, как, — наконец проговорил он.

— Да, вот так. Просто и очевидно. Они хотят скрытый тайник. Пожалуйста, вот вам тайник. Потом они хотят другой, похитроумнее первого. Пожалуйста, вот вам другой. Обычно на этом они успокаиваются...

— Но все же очевидно с первого взгляда.

— Знаю, — кивнул Морган. — Очень хорошо знаю. Но, как сотрудник Бюро, ты должен уяснить одну вещь: будь проще и предоставь хитрить другим.

Филипс открыл было рот, но тут до него дошло, что именно сказал Морган. Он сказал: как сотрудник Бюро. Значит, его приняли! Филипс попытался придумать в ответ что-нибудь соответствующее моменту.

— Наши приемы предельно очевидны, — вздохнул Морган и улыбнулся искренне и широко. — Но они работают.

Внутренний двор перед дворцом Хакса был темен и тих. Высокие стены отбрасывали глубокие тени. Посреди двора одиноко стояла статуя. Звезды слегка серебрили острие поднятого меча.

— Поторопились бы они, что ли, — пробормотал Таллаг. — А то холодно.

Двор охранялся в обычном режиме: несколько стражников медленно прохаживались по стенам, и у ворот стоял почетный караул. Но сам двор был пуст.

— Где же эти заговорщики? Или их кто-то предупредил?

— Смотрите, — прошептала секретарша.

Черное пятно на черном фоне. Черный комок промелькнул над краем стены. За ним еще один.

— Всего двое, — прошептал Таллаг, поправляя наушники. — Где остальные?

— Должно быть, снаружи, — прошептала секретарша. — Ждут сигнала.

Раздался тихий звон металла о металл, и два комка темноты замерли.

— Передай этим неуклюжим идиотам, чтобы вели себя тихо, — яростно прошипел Таллаг. — И никаких выстрелов без моей команды. Нам нужны все мятежники.

Секретарша бесшумно удалилась.

Черные тени приблизились к изваянию. И сразу же ожили наушники.

— Здесь, — пробормотала одна тень другой.

Превосходная усилительная система Таллага передавала в наушники ясный разборчивый звук.

— Верно. Остальные готовы?

— Да. Поторопись. Говори слова.

— Один, два, восемь, девять, четыре, — произнесла тень. — Лошади, собаки, пурпур, восемьдесят, человек, свиньи.

Таллаг понял, что это пароль, открывающий потайную панель.

— Теперь ты, — сказала тень. — Остальное твое.

— Красный, зеленый, крик, — перечислил второй мятежник. — Ужасный, быстрый, прыжок.

— Открылось, — выдохнул первый. — Подключай.

Таллаг взгляделся в темноту внизу. На мгновение он похолодел, представив, что инженер что-то пропустил.

Нет, невозможно. Но что тогда они делают с этими компонентами? Источник питания, транзисторы, микросхемы. Что?

Громко лязгнул металл — и статуя спустилась с платформы, словно живая. Постояла мгновение в нерешительности и зашагала в сторону дворца. От ее веса сотрясалась земля.

— Идет! Идет! — крикнул один из заговорщиков, и чувствительная усилительная система Таллага чуть не взорвала наушники.

Статуя прибавила ходу и направилась к парадным воротам. Почетный караул успел сделать три суматошных выстрела. Не причинив ни малейшего вреда, пули высекли снопы искр из груди монстра, и стражников вмяло в ворота. Статуя прошла сквозь массивные двери, как бронированный кулак сквозь папиросную бумагу.

И двор ожил. По нему, стреляя и крича, бежали мятежники. Пули из примитивных пороховых ружей градом обрушились на стражу — те даже не успели пустить в ход свое куда более эффективное оружие.

Повстанцы продолжали заполнять двор, прибывая через разбитые ворота. Таллаг решил, что во дворе собралось полгорода, не меньше. Другая половина, судя по реву, оставалась по ту сторону стен.

Его солдаты ждали приказа. Палец Таллага замер над кнопкой. Он не смог заставить себя опустить его, и единственная драгоценная секунда безвозвратно ушла.

Одна часть его разума с удивлением осознала, насколько же все было очевидно. Эти простые компоненты внутри статуи, из которых невозможно собрать электронное оружие... Они обследовали каждый миллиметр механизма и не задались вопросом о его общем назначении!

А другая часть его разума следила за тем, как, петляя по коридорам и мимоходом убивая стражников, с мечом в одной руке и караваем хлеба в другой, по дворцу шагает неуязвимый гигант из вольфрама и стали — в поисках человека с его лицом.

ПЛАНЕТА НЕПОБЕДИМЫХ

Ракета стартовала сразу же, как только Эвик выгрузил свой багаж. Он провожал ее взглядом, пока та не растворилась в небе. Было немного жаль покидать корабль. Экипаж — отличные парни, атмосфера — дружелюбная, обстановка — неформальная. Как в каком-нибудь клубе.

Подняв сумки с ноздреватого грунта, Эвик направился к Колониальному Дому. Следом за ним трусил кот Пушок. Пронести кота на борт помог экипаж. Колониальное управление не разрешало домашних животных на первобытных планетах, но Эвик хотел сохранить хоть какую-то связь с Землей. Вряд ли у него будет другая компания на этом шарике.

Эвик предполагал, что его будут встречать, поэтому, увидев группу местных жителей, он не удивился. Те сбились в кучу и сердито переругивались, явно не испытывая теплых чувств к стоящим рядом. Однако, прижимаясь друг к другу, они чувствовали себя в большей безопасности.

— Приветствуем вас, господин, — вышел вперед один из них. Отчетливая ненависть в голосе заставила Эвика присмотреться к туземцу. Уловив на себе взгляд, тот юркнул в толпу. Впрочем, рассматривать его было не обязательно. Все туземцы выглядели как близнецы-братья. Низкорослые, серокожие, бородатые, большеротые и узкоглазые.

«Красавцы!» — хмыкнул про себя Эвик, потирая выбритый подбородок.

— Кто-нибудь, возьмите сумки, — распорядился он, опуская багаж на землю. Его слова не возымели эффекта — туземцы продолжали молча жаться друг к другу. Следовало выделить одного из них, прежде чем отдавать приказ.

Шагая в компании Пушка, Эвик позволил себе горько усмехнуться. Ну и местечко подобрало ему Колониальное управление! Планета Сельж.

Небо затянуто черными тучами, воздух плотный и влажный. На Земле такое небо обязательно пролилось бы дождем. Здесь же дождя не будет еще несколько месяцев. Но тучи будут нависать все время.

Что ж, бывает и хуже, напомнил он себе. Его могли забросить в раскаленный мир или того опаснее. У Колониального управления есть такие места, где человек почитает за счастье дожить до конца смены. Здесь же самое страшное, что ему грозит, — запнуться о собственную ногу. А через год он переедет в какое-нибудь уютное местечко. Возможно, получит работу в крупном городе и заберет к себе Джанет...

— Поставьте сумки на крыльцо, — велел он, когда они подошли к Колониальному Дому.

Сельжане с готовностью выполнили приказ и юркнули обратно в толпу. Эвик приоткрыл дверь для кота, который уже собирался свернуться клубком на крыльце, и вошел сам.

Колониальный Дом, административный центр планеты Сельж, представлял собой бунгало из семи комнат и, судя по количеству спален, предназначался для троих. Именно столько сотрудников работало на Сельже, пока Колониальное управление не сократило штат.

Эвик выбрал самую просторную спальню и принялся разбирать сумки. Вполголоса напевая, развесил одежду в стенной шкаф. Глянцевая фотография его жены Джанет поместилась на прикроватной тумбочке. Еще одну фотографию, поменьше, он поставил на письменный стол. На ней Джанет, красивая брюнетка, стояла под руку с Эвиком, улыбающимся юношей в накрахмаленной форме сотрудника Колониального управления. Фотография была сделана пять лет назад в академии в День выпускника.

«Всего-то пять лет, — подумал он, — а я уже управляю планетой».

Правда, планета не такая уж и большая. И для Земли она скорее бремя, нежели актив. Зато она — вся его. Символ доверия начальства.

— Ты мелкая вонючая вошь, — раздался за окном чей-то голос.

— А ты ничтожный червяк, — вторил ему другой.

Выглянув, Эвик увидел двух беседующих сельжан. Именно так общались туземцы на этой планете. На ознакомительной лекции объяснили, что сельжане — самые никчемные и глупые жители обитаемой части Вселенной. Они были бы опасны, не будь такими невероятными трусами.

— Хотел бы я увидеть тебя опухшим с голоду, свесившим язык, — продолжал первый голос. — Я бы плюнул и прошел мимо.

— Ага, и в тот же миг от тебя бы и мокрого места не осталось, — ответил второй.

И это, насколько понимал Эвик, считалось милым обменом дружескими приветствиями. Он обязательно должен написать об этих людях и озаглавить статью «Оскорбление как форма вежливого обращения среди сельжан».

Он распаковал книги и сложил их стопками на письменном столе. Книг было довольно много. Год вахты на Сельже — прекрасная возможность заполнить пробелы в образовании. Его слабым местом была химия, и Эвик решительно собирался ее подтянуть. Это могло пригодиться для карьерного роста.

— Я ненавижу всех, — сообщил первый голос. — Но тебя ненавижу как никого другого!

Эвик распаковал карабин, собрал и прислонил к стене. Напрасно он привез его. Вряд ли на Сельже представится возможность поохотиться с компанией. Туземцы — трусливая, дезорганизованная толпа. Чистить же и смазывать ствол придется постоянно, иначе в таком влажном климате он быстро заржавеет.

— Нет слов, как я тебя ненавижу, — парировал второй голос. — Даже сильнее, чем пришлого.

Эвик усмехнулся их глупости. Сельжане и правда уникальная раса. Когда люди впервые приземлились здесь, они нашли голодающих туземцев — ненависть мешала им объединиться для совместного ведения сельского хозяйства. Земля направила на Сельж управляющих, чтобы

помочь туземцам организовать работу. Без земного вмешательства сельжане бы попросту вымерли.

Но дурачье возненавидело землян даже сильнее, чем друг друга.

«Миленький народец», — подумал Эвик.

— Эй, займитесь-ка делом! — крикнул он в открытое окно.

Язвительным хором туземцы ответили: «Хорошо, господин» — и поплелись прочь. Нужно попросить их не обращаться к нему «господин». Его должность — управляющий.

Эвик подошел к двери, готовый начать свой первый рабочий день в должности управляющего. Пушок столкнулся с каким-то тощим местным зверьком, но гордо прошествовал мимо.

— Молодец, киса, — похвалил кота Эвик и направился в поле.

Следующие две недели принесли одни разочарования. Сельжане, казалось, забыли все, чему их учил предшествовавший управляющий, и Эвику пришлось начинать с нуля, по новой объясняя принципы ведения сельского хозяйства и его важность в жизни туземцев.

Сельжане ухмылялись, сыпали ругательствами и изо всех сил старались не замечать управляющего. В конце концов Эвик отправил всех в поле, и ситуация начала выправляться. Сельжане неохотно готовили почву под посев семян, что должно было в будущем обеспечить их продовольствием, а Эвик присматривал за ними, следя за тем, чтобы они не обманывали сами себя.

Он рассудил, что хорошая социологическая статья о сельжанах произведет на начальство благоприятное впечатление и положительно скажется на его карьере. В один из дней он взял с собой в поле бумагу и карандаш.

— Скажи-ка, — обратился он к старому бородатому сельжанину, исправно машущему мотыгой на краю поля, — почему вы все разговариваете на английском?

На ознакомительной лекции этот момент почему-то не прояснили.

Туземец уставился на Эвика.

— Господин, — сказал он, — до прихода землян мы использовали множество разных языков. У каждой семьи был свой собственный язык. У меня тоже. Никто в мире не мог разговаривать на нем, даже моя жена. — В его взгляде сверкнула гордость.

— Как же ты общался с другими? Учил их языки?

— Ни с кем я не общался, — гордо заявил сельжанин. — Стал бы я учить язык низших существ. Другие, — он презрительно махнул в сторону работающих, — тоже не учили. А вот использовать язык землян было не столь унижительно. Потому что вы — пришлые.

— Ты не любишь пришлых?

— Не люблю, господин. Я ненавижу своих, но пришлых — куда сильнее.

— Не называй меня «господин». Я — управляющий.

Эвик делал заметки, пока туземец работал. Это невыносимо, чтобы люди были настолько нетерпимыми и такими невероятно разобщенными! Туземец безучастно помахивал мотыгой, едва царапая грунт.

— Работай как следует! — прикрикнул Эвик. — У вас есть какие-нибудь братства?

— Какие-нибудь что, господин?

Эвик объяснил.

— Нет, господин. Мы все — единое целое. Мы — народ. Но никто никого не любит, и никто не объединяется.

— Почему же вы называете себя народом? Чтобы потешить самолюбие?

— Нет! — Старый сельжанин сплюнул на землю. — Пусть я и не люблю свой народ, но мы все равно лучше других. Лучше, чем пришлые.

— Вроде меня?

Молчание туземца было красноречивее любых слов.

— Ладно, оставим это, — сказал Эвик. С такой извращенной логикой он еще не сталкивался. Если и есть на свете раса законченных психов, решил он, то она именно здесь.

— Взрыхляй глубже! — указал Эвик. Туземец едва ворошил грунт.

Эвик продолжил обход полей. Спустя некоторое время он понял, что никто не работает. Сельжане размахивали мотыгами, стукали ими по земле и внимательно следили, чтобы не сделать больше, чем соседи по полю.

— А ну работайте, черт вас возьми! — разозлился Эвик. Если они ничего не посеют, то не будет зерна. А не будет зерна — Колониальное управление повесит на него всех собак.

— Хорошо, господин, — раздался насмешливый хор, и туземцы продолжили вяло царапать землю.

— И не называйте меня так.

Обязательно нужно написать о них статью. Получается, они — одно большое братство. Братья по ненависти. А я и Пушок вне их круга.

— Рыхлите землю как следует. — Он покопался в памяти, подыскивая подходящие угрозы, потом вспомнил, что все примитивные создания суеверны. — Не будете усердно работать, за вами придет дьявол.

Сельжане дружно ухмыльнулись. Один из них сплюнул на землю.

— Что это значит? — спросил Эвик.

— Так нет же никакого дьявола, господин.

— Богов тоже, — добавил другой.

— И вообще нет никого величественнее меня, — повысил голос первый. — На всем белом свете!

— Лживая дрянь! — воскликнул второй. — Самый величественный — я, а не ты! И никак иначе!

Двое уставились друг на друга, угрожающе подняв мотыги.

— А ну, тихо! — прикрикнул Эвик.

— Мерзкая гадина!

— Вшивая куча!

Они остервенело приплясывали на месте, размахивая мотыгами, но так, чтобы не задеть друг друга. Из ознакомительной лекции Эвик помнил, что туземцы избегают насилия. Уж очень они трусливы и боятся получить сдачи.

— А ты... ты тоже грязная крыса! — вдруг крикнул кто-то из туземцев своему соседу.

В воздух взметнулись мотыги, но раскачивались они осторожно, чтобы ненароком никого не зацепить.

— Хватит! — взревел Эвик. — Прекратите, чертово отродье!

Туземцы опустили мотыги и окатили землянина волной коллективной ненависти.

— Хотя я тебя и на дух не переношу, — сказал кто-то кому-то, — но господина я ненавижу сильнее.

— И в этом мы едины, презренное животное, — ответил туземец.

— Возвращайтесь к работе! — рявкнул Эвик, дрожа от злости.

Он вернулся в Колониальный Дом. Перед дверью грелся Пушок, изредка пофыркивая на туземных зверьков, когда те подбирались слишком близко. Эвик зашел в дом и закрыл дверь.

Он попытался вздремнуть, но воздух был невыносимо влажный. Тогда он сел в кровати, взял учебник химии и постарался сосредоточиться.

«Окисление — алгебраическое увеличение степени окисления элемента, подразумевающее потерю электронов окисляемым элементом. При обратной реакции, когда элемент восстанавливается, его степень окисления уменьшается и, соответственно, его атомы...»

Невозможно! Набор бессмысленных фраз. Валентности, элементы. Разве не то же самое происходит с карабином? Ржавчина въелась в металл ствола. Интересно почему? Кислород, взаимодействуя с железом, образует окись железа. Или это закись железа?

Так или иначе, воздуха — чертова уйма, а стали — дьявольски мало. Поэтому воздух побеждает сталь. Да уж, с таким ответом экзамен не сдать.

Эвик бросил книгу. Слишком жарко, чтобы читать. К тому же он не в духе. Растянувшись на кровати, Эвик взглянул на фотографию жены.

«По крайней мере, она меня ждет», — подумал он, почесывая щетину.

Конечно, в том, что он оказался здесь, была и ее вина. Если бы не ее дурацкие амбиции...

Снаружи тучи, набухшие от влаги, по-прежнему не хотели проливаться дождем. Туземцы работали и ругались...

Эвик, и так худощавый, сбросил пять килограммов. Целыми днями он только и делал, что стоял над душой у сельжан и криками заставлял их работать. За неделю тысяча туземцев выполнила объем работ, на который у троих землян ушел бы один день.

Крича, понукая и запугивая, в конце концов он добился своей цели. Сельжане взрыли поля и посеяли семена. Они упорно величали его господином, зная, что это его бесит.

Упоминания дьявола сельжане-атеисты воспринимали как развеселую шутку: они и представить себе не могли кого-то величественнее самих себя. Тыкая Эвика носом в его глупости, они получали огромное удовольствие.

Через месяц Эвик отказался от идеи делать полевые заметки.

Мысль о том, что он практикуется в софистике на толпе невежд, вызвала у него крайнее раздражение. Еще через месяц он с трудом сдерживал себя. Каждый раз, выходя в поле, он боролся с желанием расквасить пару-другую физиономий.

В довершение ко всему туземцы отыскиали у него еще одно слабое место.

— Где ваши женщины? — однажды спросил Эвик у сельжанина — просто из любопытства.

— В деревне, господин, варят пиво.

— Не называй меня господином. Ты действительно считаешь женщин низшими существами? — спросил Эвик, чувствуя себя ученым-первопроходцем.

— Все женщины — сволочи, господин. — Туземец посмотрел в лицо Эвику и улыбнулся.

— Ты говоришь о своей жене?

— Не только. Я говорю обо всех... всех женщинах, господин, на всех планетах. Женщины — главная причина ранней смертности среди мужчин. Женщины, господин... — И туземец с воодушевлением продолжил речь, брызгая ядом.

Месяц назад Эвик бы отшутился. Но сейчас он почувствовал себя уязвленным.

— А чем занимается твоя женщина? — неожиданно спросил туземец.

— Ну уж точно не тем, о чем говорил ты.

— Ага! — многозначительно произнес туземец. — Понимаю, господин.

— Нечего тут понимать! — взвился Эвик. — Моя жена на Земле, там, откуда она родом.

— Ясное дело, господин, — сказал туземец и понимающе усмехнулся.

— Черт бы тебя побрал... — Эвик задохнулся от возмущения и зашагал прочь. Ненависть преследовала его, словно ревуший поток.

Эвик яростно хлопнул дверью. Пушок спрыгнул с кресла и убежал в другую комнату. С некоторого времени кот стал избегать хозяина.

Эвик прошел в спальню, взял кусок наждачной бумаги и принялся начищать ствол карабина. Ржавчина все глубже въедалась в металл — и внутри, и снаружи. Все бесполезно.

Он отбросил винтовку и принялся ходить из угла в угол. Со двора донеслись голоса туземцев.

— Все расы отвратительны. Только одна нормальная — наш народ!

— Я ненавижу всех наших. Но пришлых ненавижу сильнее. Мы-то хоть, по крайней мере, народ!

— Заткнитесь! — завопил Эвик и запустил учебником химии в стену. Черт с этими валентностями и обменными электронами! Главное — вырваться с планеты прежде, чем он сорвется и перебьет несколько тысяч туземцев.

Тучи совсем отяжелели от влаги, грозя вот-вот разразиться дождем. Но они все еще чего-то ждали и не роняли ни капли.

Эвик думал о туземцах планеты, о миллионах сельжан, ненавидящих его, пришлого чужака. Они были единым целым. Они ненавидят друг друга, но они — общность. А он одинок.

«Господи боже, — подумал он, — как смеют они ненавидеть меня? Меня, землянина!»

И тут он вспомнил, что туземцы не верят в Бога.

На четвертый месяц семена взошли и поля зазеленели молодыми побегами. Теперь Эвик тратил вдвое больше сил, заставляя туземцев пропалывать сорняки.

— Переходим на новое место, — прохрипел он. После нескольких месяцев ора его голос охрип.

— Поразит ли нас Бог господина, если мы слушаемся? — с издевкой спросил один из туземцев.

— Вряд ли, — ответил Эвик. — Но это не значит, что можно бездельничать.

Мимо промчался Пушок в сопровождении трех туземных зверьков.

— Кис-кис, — хрипло позвал Эвик. Пушок не отреагировал. Сблизившись со зверьками, кот перестал ночевать в доме.

— Не оставляйте сорняки на полях, — напомнил Эвик. — Иначе они пустят корни. — Он вяло поднял руку и указал на одного из туземцев. — Ты. Убери вон ту кучу.

Туземец неохотно поднял охапку травы и отнес к краю поля, рассыпав по дороге большинство сорняков.

— Молодец.

Сельжане раздражали Эвика как никогда, но вспышки гнева, свойственные первым месяцам, возникали все реже. Он слишком устал, в том числе — злиться.

— Продолжай, — велел он.

— Слушаюсь, господин, — ответил насмешливый голос. Эвик даже не обернулся.

Он отпустил всех на час раньше и вернулся в Колониальный Дом.

С этого дня он решил не бриться. Бритье порождало ненужные проблемы, так почему бы не отпустить бороду. Он прошел на кухню и открыл банку солонины.

За едой он задумался, примет ли его желудок местную пищу. Консервированная диета окончательно опостылела.

Эвик открыл дверь и позвал Пушка, но тот не показался. Эвик позвал снова. На этот раз кот выбежал из кустов, но, увидев Эвика, зашипел и нырнул обратно.

«Кот покинул мою группу», — констатировал Эвик.

Он вернулся в спальню. Там царил беспорядок. С некоторых пор Эвик перестал заниматься уборкой. Подняв

с пола заплесневевший учебник химии, он смахнул с него пыль и положил поверх фотопортрета Джанет, лежащего на столе лицом вниз. Расправляя одеяло на кровати, Эвик споткнулся о карабин. Он наклонился, чтобы поднять его, но изъеденный ржавчиной ствол переломился пополам.

— Господин! — донесся голос из окна. — Можно, мы вернемся к ненавистным женщинам?

— Можно, — ответил Эвик. — Делайте что хотите. И не называйте меня господином.

— Хорошо, — сказал туземец.

Эвик удивился. Туземец не прибавил «господин». Изменилось отношение? Трудно утверждать точно, но ему показалось, что так и есть. Они ненавидели его всеми фибрами души. Но, должно быть, он проявил себя. Безграничная, всеобъемлющая ненависть сообщества к чужаку исчезла.

«Я в общине», — подумал он и улыбнулся без тени иронии.

До конца смены оставалось полгода.

Набухшие хляби наконец разверзлись, и земля напилась влагой.

По истечении года прилетел корабль, приземлившись на цветке пламени. Туземцы потянулись к месту посадки. Эвик пошел вместе со всеми, в окружении туземцев, ненавидя их.

Люк корабля открылся, и наружу вышел юноша-землянин с дорожной сумкой в руке. Окинув взглядом встречающих, юноша неуверенно улыбнулся. Потом он заметил Эвика.

— Привет, — обрадованно произнес юноша. — Вы, наверное, Эвик. Я ваш сменщик, Джо Свенсон. Ба, да тут целая делегация!

— Приветствую вас, господин, — ответил пришлому Эвик и затерялся в толпе ненавистных братьев.

МЕНЬШИНСТВО

— Запомни: ты должна следить за тем, что говоришь, — сказал Стиф.

Вера кивнула, наблюдая, как вода ускользает из-под носа лодки. Они приближались к берегу Йоука, и Стиф заработал веслами чаще, его молодые мускулы вспухали и опадали с каждым гребком.

— Ты хорошо помнишь все слова ненависти? — спросил Стиф.

Вера кивнула снова, проводя рукой по воде и наблюдая за барашками. Стиф видел, что она грезит о чем-то. Он нахмурился:

— Пожалуйста, Вера. Это наш последний шанс. Если они не примут нас сейчас, этого не произойдет никогда.

— Я знаю, Стиф. Я постараюсь.

Но она смотрела назад, на маленький островок посреди Ист-Ривер, где отец Стифа когда-то построил свой дом.

— Тебе лучше еще раз повторить слова, — напомнил ей Стиф, зная, что они понадобятся им сразу же, как только они причалят. — Слова ненависти.

Вера вынырнула из грез и попыталась вспомнить древние слова. Сбивчиво начала произносить:

— Слова ненависти: гнида, сука, свинья...

— Продолжай, — настаивал Стиф.

— Я не могу так, — сказала она печально, почти скорбно. И отвернула от него свое бледное лицо.

— Вера! Ты же знаешь, как это важно! Ты хорошо помнишь список оскорблений?

— Не очень.

— Вспоминай. И не показывай им, что ты нервничаешь. Мы по-прежнему — Меньшинство. Они будут обзы-

вать нас Комми, Неггерами, Катликами, Йудами, Сошу-листами и Хреками. Но мы должны все отрицать.

— Я знаю.

— Мы такие же Классные Ребята, как и все остальные, и не забывай об этом. Что ты скажешь, когда они спросят, кто мы?

— Я скажу, что мы Классные Ребята, Реальные Пацаны... — ответила Вера.

— Парни, Кореша, Друганы, — дополнил Стиф за нее. — Нужно ухитриться перечислить все сразу.

Он стал грести еще энергичнее, пытаясь скрыть раздражение. Он знал: она не выучила слова как следует. В старом доме его отца, на острове, Вера слишком часто смотрела в окно, вместо того чтобы учить древние, самые важные слова.

Иногда девушка вела себя так, словно ей нет никакого дела до того, что они — Меньшинство. Она напоминала ему отца, его несчастного сумасшедшего отца, абсолютно безразличного к тому, называют ли его Катликом, Сошулистом или еще каким-нибудь отвратительным прозвищем Меньшинств. Иногда Стиф начинал подозревать, что Вере вовсе не хочется быть тем, кем хочет быть каждый, — одним из Классных Ребят.

Они причалили и втащили лодку на берег.

— Идем. — Стиф взял девушку за руку, чтобы помочь ей преодолеть усыпанную мусором насыпь. — И пожалуйста, помни: чтобы стать одной из них, ты должна ненавидеть.

Он очень надеялся, что она не подведет. В последнее время она вела себя странно: иногда радовалась, но все чаще грустила или погружалась в грезы, как сейчас. Ну, придется ей избавиться от этого. Все их будущее сейчас зависит от того, что подумают о них Классные Ребята. А ему уже до смерти надоело быть Меньшинством.

Они зашагали вниз по полуразрушенной улице. С двух сторон высились великие строения Йоука, который некогда был полон людей, как гласит легенда. Правда, это было еще в те времена, когда, как Стиф знал, существовали

отвратительные Демкраты, Анаркисты и прочие странные племена.

Они не прошли и квартала, как их обнаружили Классные Ребята. Окружили толпой, плотной, бок о бок друг к другу. Сыпали ругательствами в лучших традициях Реальных Пацанов, и Стиф почувствовал укол зависти оттого, что не принадлежит к их числу.

— Эй вы, гниды! Гляньте-ка на это! — крикнул один из Классных Ребят. — Это ж тот парень, Комми!

— Никакой он тебе, свинья, не Комми! Он чертов Ройлист!

Невозможно было увидеть, кто это сказал: Классные Ребята всегда высказывались откуда-то из центра толпы.

— Он и Комми, и Ройлист, ищачий ты зад! И Демкрат к тому же!

— А девчонка — Царистка!

Стиф побледнел, когда в них начали швырять эти древние страшные имена. Вскоре Классные Ребята уже грызлись между собой, выкрикивая старые бессмысленные проклятия в адрес друг друга.

— Ты, сучка, крысиный сын!

— А ты — родной брат свиньи, хотя и козлина!

Но Комми, Ройлист, Катлик — все по-настоящему страшные, дурные названия — приберегались для ненавистных Меньшинств.

— Я Классный Парень! — закричал Стиф, перекрывая шум толпы. — Мы хотим присоединиться к вам, Вера и я.

Толпа откатилась на несколько метров назад, держась от Стифа подальше. Все они были одинаково малорослые, с грязно-коричневыми волосами. У всех близко посаженные карие глаза и широкие рты, полные гнилых зубов. Невозможно было отличить одного оборванца от другого.

— Гляньте-ка, он такой странный! — завопил один из них.

Стиф вспыхнул от стыда за свои светлые волосы и за черные кудри Веры. К тому же оба они — высокого роста.

— С тем, как я выгляжу, ничего не поделаешь, — сказал он. — Но я не хочу быть Меньшинством. Я не Сошу-

лист, не Царист и не Демкрат или еще кто. Я Классный Парень, Реальный Пацан и ваш Друган, стопудово!

Потная, плотно сбившаяся толпа взвыла от смеха.

— Он! Реальный Пацан!

— Да я Анаркиста враз узнаю! С первого взгляда!

— Он сын этого организатора, долбанутого психа, ага?

— Да не толкайся ты, гнида вонючая!

— Сам перестань, свинья, козлина, гнида...

— Позвольте нам остаться с вами, — сказал Стиф. —

Мне надоело одиночество. Я хочу быть как все, на самом деле, очень хочу!

— А-а! — воскликнул один из Классных Ребят. — Да ты, наверное, хочешь стать Лидуром? Гинералом? Диктором? Или вообще Пездентом?

Он выплевывал ненавистные имена, как яд.

— Нет, не хочу, — ответил Стиф. В нем снова затеплилась надежда. В предыдущий раз они просто проигнорировали его. А сейчас хотя бы разговаривают.

— Я хочу быть Классным Парнем, как все.

— А что она?

— Она тоже Классная, — заверил их Стиф. — Стопудово! Правда, Вера?

Он вставлял в свою речь древние слова в надежде, что это будет звучать убедительнее.

— Что? — Вера рассматривала старинные здания и теперь как будто очнулась от грез. — А, да-да, конечно.

— Ты должна сказать «стопудово, будь я проклята», — зашептал Стиф. Он испугался, что ее слова не произвели должного впечатления.

Все больше Классных Ребят стягивалось к этому месту — невысоких, с грязно-коричневыми волосами. Толкаясь и ввинчиваясь в толпу, они скалились, вопили, извергали ругательства в адрес друг друга.

— Не верю я, что он Реальный Пацан, — сказал кто-то из толпы.

— Да Реальный я! — закричал Стиф.

— Нам надо это перетереть между собой, — сказал один мужчина. — Правда же, Братаны?

Все вокруг согласно загудели.

— Встретимся завтра, рвань желтопузая, — бросил Стифу другой. — Но ты особо не надейся.

Толпа рассосалась, но Стиф и Вера еще долго слышали доносящиеся издалека вопли и визги. Они нашли полуразрушенное здание и устроились на нижнем этаже. Вера предусмотрительно взяла с собой немного еды. Стиф посмотрел на девушку с неодобрением: Классные Ребята о таком не заботятся. Но все-таки он поел.

— Слушай, Вера, — сказал он после того, как они отужинали и растянулись на полу отдохнуть. — Тебе нужно больше говорить. Чаше произносить слова ненависти. Ругательства. Докажи им, что ты — Классная. Иначе...

— Стиф, — начала она, но замялась.

— Что?

— А тебе не кажется, что... мы можем просто отправиться куда-нибудь еще и найти другие Меньшинства? Должен же кто-то остаться.

— Уйти? Разве тебе не надоело, что тебя ненавидят?

— Если я буду в другом месте, это не будет меня беспокоить, — ответила Вера тихо.

— Нет, — отрезал Стиф. Ох уж все эти разговоры, которые вели отцы Стифа и Веры и гости их дома до того, как умер отец! Именно из-за этих разговоров их и считали Меньшинством.

Он помнил рассказы отца о войнах, о том, как была уничтожена основная часть образованных людей — людей честных и храбрых. Отец произносил эту ложь с самым искренним лицом.

А потом, говорил он, низшие слои начали разрастаться и плодиться. Труссы порождали мошенников, глупцы производили на свет идиотов. Все сколько-нибудь стоящее постепенно вырождалось — и почти исчезло за тысячу поколений тотальной ненависти. А лет еще через тысячу остался лишь шлак человечества — однородное сообщество Классных Ребят.

Классные Ребята, одинаковые с виду, думающие одинаково, сыплющие проклятиями, сбивающиеся в стаи, не смотря на ненависть друг к другу, потому что только в стае

они чувствуют себя в безопасности. Не способные к лидерству (здесь лицо отца становилось особенно суровым), но и не желающие подчиняться лидеру. Слишком трусливые, чтобы сражаться; слишком тупые, чтобы прекратить бесконечные свары.

Классные Ребята. Вечно голодные, чересчур занятые, чтобы возделывать землю, они мрут как мухи в меду, потому что не желают делиться и сотрудничать. Но их объединяют узы общей ненависти — ненависти к Меньшинствам, которая возобладала даже над их ненавистью друг к другу.

Классные Ребята!

Положительно, его отец был безумен. Он говорил Стифу, что в нем и в Вере вся их надежда на будущее, что они должны отправиться на поиски себе подобных. Отец даже пытался проповедовать среди Классных Ребят, но, естественно, никто его не слушал.

Одного Стиф не мог понять: почему отец так и не понял, как был не прав? Другие поняли — один за другим они тайно ускользали, чтобы присоединиться к Классным Ребятam. Им была невыносима мысль о том, чтобы оставаться Меньшинством. Каждому из них! Уже одно это доказывает, насколько отец был не прав.

— Может, мы попытаемся найти таких же, как мы? — спросила Вера.

— Нет! — твердо сказал Стиф. — Классные Ребята наверняка примут нас, если мы покажем им, что мы — такие же, как они.

По-видимому, она все еще верит в слова отца. Ну ничего, она все поймет, как только Классные Ребята примут их в свое сообщество.

Но назавтра Классные Ребята забыли про них, и они бродили по пустынным разбитым улицам до самого полудня. В конце концов они наткнулись на толпу — несколько сотен, хозяйничающих в Центрул-парке. По крайней мере, это называлось «сельским хозяйством»: Классные Ребята ковырялись в земле, причем каждый внимательно наблюдал за тем, хорошо ли работает сосед.

— Привет, Друганы! — Стиф подошел к ним.

— Эге, это тот Анаркист, — заметил один из них.

Инстинктивно Классные Ребята мгновенно сбились в кучу.

— Если я Анаркист, то ты Плутекрат, — смело заявил Стиф. Он решил, что лучший способ установить контакт с Классными Ребятами — вести себя как они.

— Все равно у тебя вид какой-то странный, — сказал кто-то невидимый из толпы.

— Точно-точно. Ни один из Классных Ребят так не выглядит!

— Ну и что? — убеждал их Стиф, — Мы все равно такие же, и я, и она. Если вы нас примете, мы вам поможем.

— Как? — спросили сразу несколько голосов.

— Расскажи им, Вера.

— Ну, — начала Вера застенчиво, — на нашем со Стифом острове мы выращивали овощи. И обнаружили, что они растут лучше, если выдергивать траву вокруг. Мы знаем, у вас всегда не хватает еды, так что, если вы уберете траву вот здесь и...

— Ага, я так и знал! — возопил один из Славных Парней. — Этим отбросам нужен Прохресс!

Стиф понял, что они сделали что-то не то.

— Они опять хотят нами руководить!

— Хочешь быть Пездентом, ты, гнусная гнида?

— Простите ее, — сказал Стиф, и пот выступил на его лице. — Она врет, ничего такого она не имела в виду. Примите нас, пожалуйста! Мы никому не помешаем, не будем ничего менять. Мы всех ненавидим так же, как и вы. Мы и друг друга ненавидим!

— Да ладно? — усомнился один из Классных Ребят.

— Конечно ненавидим! — убеждал Стиф. — Не хотим мы никем руководить. И чтобы нами руководили тоже. Мы просто хотим иметь право ненавидеть так, как нашей душе угодно, как и все Классные Ребята. Вот и все, что нам нужно!

Классные Ребята принялись обсуждать это, перебивая друг друга, шумя и скандаля. Стифу сложно было понять, к чему идет дело, склоняется обсуждение в их пользу или же наоборот. Столько людей говорили одно-

временно, что он никак не мог отделить их союзников от противников. Через полчаса кто-то наконец выкрикнул:

— А ты точно не Анаркист?!

— Точно! — закивал Стиф.

— Там, на острове, один, ты можешь быть и Плуте-
кратом, и Катликом...

Стиф отрицательно помотал головой. Несправедливо обвинять его в том, что он принадлежит к одной из этих древних общин. Все это было так давно, что их историю по большей части забыли. Но до сих пор ненавидели. Стиф вспомнил, что его несчастный отец даже гордился — гордился! — когда его называли каким-то из этих имен.

— Это правда, — говорил отец, — мы немного Католи-
ки и Негры, Поляки, Итальянцы и Немцы. В нас есть по-
немногу от всех людей, которые испытывали на себе нена-
висть других. Мы заявляем об этом с гордостью!

Но Стиф не был горд. Он с сожалением думал о том, что отец совершенно безумен. О том, что безумен всякий, кто не хочет быть Классным Парнем.

Но Классные Ребята, кажется, готовы были принять решение. Стиф со страхом ожидал своей участи. Вот если бы они приняли их! Тогда они перестали бы быть Мень-
шинством. Стали бы, как все, ненавидящими собратьями, а не аутсайдерами. Стали бы частью целого.

— Эй, Пацан, — обратился к нему один из толпы. — Мы приняли решение. Правда, сброд?

— Ага, придурок, мы все уже порешали, — ответил кто-то. — Давай я скажу?

— Черта с два! Ты, вообще, кто? Диктор, что ли?

— Никакой я не Диктор, дери его, но ты мне рот не затыкай! Вонючий жиртрест!

— А ты лысый боров!

Стиф восхищенно внимал древним могущественным словам. Неужели и он когда-нибудь сможет высказы-
ваться с таким мастерством?

— Ты меня толкнул, ты, мерзкая жаба! — заорал один из них, обращаясь к кому-то сзади. И занес кулак, угро-
жая, но не смея ударить.

— Ах ты, сучий слизняк! — Человек сзади ответил ему такой же имитацией удара, предусмотрительно промахнувшись примерно на фут. Еще пятеро яростно замахали кулаками, меся воздух. Стиф знал, что никто из Классных Ребят никогда по-настоящему не ударит — из страха получить сдачи или заработать травму.

— Хрен с тобой, ты принят! — проорал ему человек, стоящий вне «побоища».

Стиф издал победный клич и даже подпрыгнул от радости. Вот и все дела — одно маленькое слово, и ты уже не противный аутсайдер, а ненавидимый и дружественный член команды. Теперь он — часть целого! Стиф двинулся вперед, чтобы занять полноправное место внутри стаи, среди потных Классных Ребят.

— Скорей иди сюда, — позвал он Веру. — Пока они не передумали!

— Постой-ка! — завопил один из Ребят. — Ты-то с нами, а вот она — нет!

— Как это? — Стиф остановился.

— Она — ни хрена не Классная. Сам, что ли, не видишь? Она даже не выругалась ни разу.

— Ну да, — подтвердил кто-то еще. — Спорнем, она и ненавидеть не умеет...

— Это ложь! — закричал Стиф, слезы жгли ему глаза. — Скажи им, Вера! Скажи, как сильно ты их ненавидишь. Скажи! Скажи, что ненавидишь меня!

Вера отвернулась. Стиф схватил ее за плечи:

— Ну же! Скажи им!

— Я... Я... Не могу я, Стиф. Я никого не ненавижу!

«Эта невероятная женская глупость, — подумал Стиф. — Все время, что мы провели вместе, я старался объяснить ей, как важна ненависть. Они должны ненавидеть, ненавидеть и ненавидеть! Как иначе попасть в братство Классных Ребят? И что она делает теперь?»

— И потом, мы тут вот о чем помозговали, — сказал один из Классных Ребят. — Если мы примем вас обоих, то у нас не будет Меньшинств. А это хреново, Братан!

— Меньшинства всегда были, куда ж без них!

— Короче, пусть она валит отсюда. По-любому, она Катлик.

— Черт меня дери, так и есть! Она Анаркист!

— Плутекрат!

— Хрек!

— Да, все они вместе взятые. Она — Меньшинство.

Пошли отсюда с нами, Пацан.

Стиф смотрел на Классных Ребят — глумливую стаю, непрерывно изрыгающую ругань. Ему так хотелось пойти с ними, перестать быть одиночкой... Но рядом стояла Вера, отвернув в сторону свое бледное лицо.

— Докажи им, Вера, — взмолился он. — Выругайся, прокляни их! Обзови меня свиньей! Докажи, что ты — из Классных Ребят!

— Я не могу, — ответила она и заплакала.

— Но ты должна!

Внезапно она повернулась к нему и выпрямилась. Вытерла слезы ладонью и посмотрела ему прямо в глаза:

— Ты. Не. Прав. — Она произнесла эти слова раздельно и четко. Потом повернулась и зашагала прочь.

— Вера! — Стиф не знал, что делать. Он так долго ждал этого момента — быть принятым. Он мог бы стать одним из Классных Ребят, но...

Вера уходила.

— Забудь ты эту сучку, — посоветовал ему один, ухмыляясь.

— Она — Хрек. Брось ее, Братан, — добавил другой.

— Она не Хрек, — мотнул головой Стиф.

— Да что с тобой, гнида? — спросил один из его новых собратьев. — Ты что, не ненавидишь ее?

— А придется ненавидеть! Она — Меньшинство!

Стиф замешкался на пару секунд — и побежал за Верой.

У него за спиной Классные Ребята вопили и улюлюкали. Замахивались руками, но не решались ударить.

— Куда ты? — выдохнул Стиф, догнав ее наконец.

— Искать других.

— Но... ты же не знаешь, где они.

— Я их найду.

Он дошагал рядом с нею до лодки.

— Почему бы не отправиться обратно на остров? — спросил Стиф, оглядываясь через плечо на Классных Ребят.

— Мы никогда не вернемся обратно, — ответила Вера.

«Мы». Она сказала — «мы». Откуда она знала, что он, Стиф, собирается пойти с ней?

— Ну а как же книги? Книги с древними проклятиями?

— Они нам больше не нужны, Стиф, — ответила Вера.

Стиф помог ей столкнуть лодку обратно в воду, забрался внутрь следом за ней и грустно покачал головой, глядя назад, на берег Йоука. Все уже почти свершилось! Но теперь его шансы стать частью целого полностью улетучились, и ничего хорошего их не ждет впереди...

Хотя, глядя на решительное лицо Веры, он вдруг понял, что не уверен в этом.

Он больше уже ни в чем не был уверен.

ПЛАНЕТА ДЯДИ ТОМА

За полвека политической деятельности Галактический Совет, можно сказать, уничтожил институт рабства. Эта победа тем более знаменательна, что законы, призванные искоренить рабовладельческий строй, принимали во внимание совершенно разные обычаи восьмисот двух независимых государств, входящих в состав Конфедерации.

С учетом этих обычаев положения «Закона о рабстве» основывались не на данных при рождении правах, а на более корректной доктрине относительного неравенства. То есть хозяевам еще следовало доказать оправданность порабощения той или иной расы. Совет же всегда находил основание даровать свободу даже самым отсталым народам.

Лишь однажды его старания не увенчались успехом. Этот случай уникален еще и потому, что Совет тогда неофициально одобрил принцип относительного превосходства, которому, с моральной точки зрения, нет оправдания. Однако Галактический Совет славится своей дальновидностью. И если впредь кто-то соблазнился бы мнимой выгодой...

Де Мантсет. «Очерки Конфедерации»

Сорок два объекта на экране радара! Экипаж патрульного катера 8432 не поверил прибору.

Билл Симс, агент Совета и командир судна, приказал идти наперехват, чтобы увидеть флот своими глазами. Вскоре экипаж маленького юркого катера убедился: радар не врет. Им навстречу почти на максимальной скорости шли сорок два выстроенных в обычном порядке корабля делгианцев.

Симс смотрел на них задумчиво. Молодой, высокий и — судя по цвету кожи — коренной землянин, он впервые получил столь серьезное задание и желал оправдать доверие начальства.

Он не хотел ошибиться — и особенно потому, что дело касалось не кого-нибудь, а делгианцев.

На всякий случай Симс велел радисту сообщить об увиденном в штаб: флот в открытом космосе — не к добру. Затем связался с флагманом делгианцев.

— Говорит патрульный катер номер восемь тысяч четыреста тридцать два, — произнес он в микрофон. — Прошу разрешения подняться к вам на борт и провести обычный досмотр.

— Добро, — пришел быстрый ответ. — Только поторопитесь, нам скоро менять курс.

Довод показался Симсу разумным: такой флот расходует слишком много горючего, и пропустить точку смены курса — роскошь непозволительная.

— Просьба принята, — сказал Симс. — Прошу осветить стыковочный люк.

Чуть помедлив, он добавил:

— Галактический Совет знает о передвижениях вашего флота.

— Мы сами собирались связаться с Советом. И кстати, мы — не флот. Всего лишь спасательная экспедиция.

Симс переглянулся со связистом. Делгианцы редко кому спешат на помощь. Скорее, наоборот.

Еще во время первой волны освоения космоса небольшой отряд фанатичных колонистов с Земли забрался в самую дальнюю точку северо-восточного квадранта галактики и обнаружил там идеальную планету Делг. Ради нее стоило избороздить просторы Вселенной.

В райском климате, в атмосфере, лишенной болезнетворных микроорганизмов, на плодородной земле колонисты процветали и благоденствовали. Оторвавшись от земных корней, они, впрочем, начали быстро и разительно меняться. Делг располагался вдали от космической магистрали, а закрытость от цивилизации не идет людям на пользу. Физически делгианцы развивались великолепно, зато манеры их оставляли желать лучшего.

Обитатели Делга — и еще нескольких похожих миров — обнаружили, что содержать рабочие механизмы слишком накладно. Не позаботишься о машине, она начнет тебя игнорировать. Не укроешь в ангаре — заржавеет. Не сма-

жешь как следует — сгорит. Разгонишь посильнее — расплавится. Не заправишь — заглохнет.

Другое дело — рабы! Они пашут в условиях, которых ни один механизм не выдержит. Едят что дают, спят где придется. Если раб умирает, хозяин совсем не в убытке, поскольку рабы, в отличие от дорогостоящих аппаратов, — сила самовоспроизводящаяся. Уже этого достаточно, чтобы предпочесть их машинам.

За последние десять лет Делг дважды нарушал «Закон о рабстве». С этой мыслью Симс поднялся на борт их флагмана.

Два здоровенных охранника проводили Симса в каюту капитана. На гигантском корабле, где все детали размером превосходили земные, Симс ощущал себя букашкой. При виде капитана Олке это чувство усилилось. То есть на взгляд делгианца командир экспедиции выглядел вполне нормально. Но землянин видел перед собой пышущую здоровьем тушу ростом выше двух метров. Олке поприветствовал Симса тепло и снисходительно, чем невольно усугубил у землянина ощущение собственной мизерности.

— Наверное, вы хотите проверить грузовые отсеки? — спросил капитан.

— С вашего позволения.

— Конечно, я позволяю. — Олке проводил Симса по длинному коридору и отпер дверь в самом конце.

Симс вошел и ахнул. Грузовой отсек был битком набит маленькими и унылыми серо-зелеными созданиями.

— Жалкое зрелище. Таких задохликов еще поискать, — сказал капитан так, словно обсуждал стадо скота. — Они называют себя аинго.

Сначала аинго показались Симсу чахлыми потомками землян, но он быстро понял, что ошибся. Нет, это совсем не люди: росточком чуть больше метра, на тощих, слабых телах — большие и круглые головы. Аинго сидели на полу в гнетущей тишине. Из них словно высосали всю жизнь.

— Наши корабли забиты ими под завязку, — сообщил капитан Олке. — Если не ошибаюсь, мы дочиста выскребли их планетенку. Всех забрали.

— Зачем? — спросил Симс.

Подняв брови, капитан ответил:

— Как зачем? Взяли в рабство. — Олке как будто говорил о самой простой и естественной вещи во Вселенной.

Симс изумленно уставился на капитана. Новичок на службе у Совета, он тем не менее успел познакомиться с рабовладельцами и с их нравами. Мальчишкой он видел, как на земных фермах вкалывают обезьяны с Планеты Андерсона. Эксплуататоры придумали циничное оправдание: мол, эти тихони с добрыми глазами наделены лишь зачатками интеллекта. Впрочем, позже зоологи Совета нашли у обезьян признаки подлинной разумности и освободили их. Для Симса та история стала личной — он играл с обезьянами, пока животных за это не наказали. Приказ об их освобождении пришел поздно, и ничто не могло унять его боль и ненависть к хозяевам бедняжек.

Симс был твердо уверен, что все рабовладельцы — низменные, вороватые людишки, прекрасно сознающие ошибочность и неправильность своих поступков. Они жадны и потому не могут остановиться. Но капитан Олке, похоже, искренне верит, что рабство — совершенно естественное явление!

Сбитый с толку, Симс достал из кармана бланк и принялся его заполнять.

Понаблюдав за ним некоторое время, капитан спросил:

— Мы ведь не нарушаем законов. Почему вы обращаетесь с нами, как с преступниками?

— Вы нарушили «Закон о рабстве», — тихо и с ноткой угрозы ответил Симс. Руки сами собой сжимались в кулаки, и он с трудом заставлял себя писать ровно и разборчиво.

Капитан покачал головой:

— Рабское положение любого вида регламентируется нормами развитости. Приглядитесь к этим существам: примитивнее их — только трупы. Да, для эксплуатации рабов нам потребуется судебное решение, но в случае с ними это простая формальность.

Симс хотел было возразить, однако смолчал и продолжил писать. Теоретически рабство — законно, но на практике еще никому не удавалось обойти положение об отнositельном неравенстве. Упрямые, фанатичные агенты Совета пресекали в зародыше любые попытки работорговцев смошенничать на проверке. Те, кто все же приходил в суд за одобрением, бросали вызов как щепетильным зоологам, так и въедливым юристам на службе у Совета.

Ученые и адвокаты неизменно побеждали, всякий раз умудряясь доказать, что щупальца — почти руки, а хаотично устроенный организм ничуть не хуже наделенного централизованной нервной системой. Что десять ног — всего лишь адаптация для лучшей устойчивости на скалистой планете, рудиментарные крылья помогают сохранять равновесие бегунам по песку, а нос так и вовсе не обязателен для обоняния. Да и вообще, зачем он существу, которое обитает в безвоздушной среде?

Они могли доказать что угодно, и отнюдь не хитростью. Просто подчеркивали, что потенциальные рабы приспособлены к родной среде обитания не хуже, чем потенциальные рабовладельцы — к своей. И даже если попадались существа отвратительной — по человеческим меркам — наружности, можно было смело надеяться: юристы и зоологи найдут, в чем и им посочувствовать.

Памятуя об этом, Симс расслабился и, заканчивая отчет, даже позволил себе слегка улыбнуться. Делгианцы решились на отчаянный шаг, но у них нет шансов. Суд не удовлетворил еще ни одного запроса на признание отсталости какой-либо расы. Рабства нет даже в самом далеком уголке Конфедерации.

Тем временем флот делгианцев на скорости, близкой к предельной, продолжил свой путь в сторону планеты Мойра-II.

Три дня спустя Симс представил отчет об инциденте шефу.

— Идиот! — заорал начальник. — Кретин! Ты законченный и безнадежный дурак! Чему тебя только в школе учили?!

Симс стоял, вытянувшись во фрунт.

— Не понимаю, сэр. В чем моя ошибка?

Шеф, как и Симс, был коренной землянин, хотя и от-носился к иному политическому сектору древней планеты. Дородный и бледный, он славился своей непреклон-ной ненавистью к рабовладельцам.

— Я скажу тебе, в чем ошибка. Ты просто-напросто не включил мозги, а в нашей работе это смерти подобно. Ты ведь знал, что делгианцы собираются устроить битву в суде?

— Так точно, сэр, и я доложил...

— И еще ты знал — должен был знать! — как важно решить подобный вопрос в суде дружественной планеты. — Шеф открыл карту северо-восточного квадранта. — Ты перехватил делгианцев вот здесь. Тебе следовало перена-править их на Дантон-IV. Эта планета не просто ближе остальных, на ней еще и яро ненавидят рабство. Но нет! Ты позволил делгианцам уйти на планету Мойра-II!

— Что в этом плохого?

— Два года назад мы в судебном порядке лишили Мой-ру-II их маленьких невольников, вот что.

— Господи... — простонал Симс. — Господи боже мой!

Шеф принялся расхаживать взад-вперед по своему тес-ному, захламленному кабинету.

— Ладно, это не твоя вина. В штабе тебя должны были предупредить. Все еще можно поправить. Нужно только очень серьезно подготовиться к слушанию.

— Это будет нетрудно. Ведь низших рас по определе-нию не существует.

— Ну да, так тебя учили в школе. Но в реальности все сложнее. Для начала займемся философским аспектом...

Шеф нажал на пульте две кнопки, и в кабинет вбежала вооруженная планшетом и карандашом стенографистка. Следом вошел аинго в сопровождении переводчика.

Хмурясь, шеф трижды обошел унылое существо.

— Уведи, — сказал он наконец переводчику. — На что мне такая... особь? Найдите его соплеменника, но толь-ко большого — самого большого, самого жирного и до-вольного жизнью.

— Лучшей особи мы не нашли, — виновато ответил переводчик. — Затравленный вид — показатель мышечно-го тонуса, а не душевного состояния. Все аинго сутулятся, и гнусавость у них — родовое качество...

— Хорошо-хорошо, — нетерпеливо перебил его шеф. — Будем работать с этим. Спроси: каково это, когда тебя уго-няют с родной планеты?

Переводчик обратился к аинго, и все затаили дыха-ние, прислушиваясь к писклявому ответу.

— Он говорит, что очень благодарен, сэр.

— Так он не возмущен? — удивился шеф и обратился к стенографистке. — Запишите: «Особь ведет себя мирно, проявляет содействие. Следовательно, наделена всеми ду-шевыми качествами разумного существа». Так, а теперь спроси: за что же этот хлюпик благодарен?

— Он говорит, — доложил переводчик, — что делгиан-цы положили конец их междоусобным войнам.

Шеф беспокойно потер лысину:

— И часто они воюют?

— Постоянно, — грустно кивнул переводчик.

Шеф велел стенографистке:

— Зачеркните первые выводы и напишите вот так: «Поведение аинго смелое и боевое. Этот вид отлично при-способлен к самостоятельной борьбе за существование».

Симс откашлялся и сказал переводчику:

— Спросите его, многие ли гибнут во время схваток?

— Никто не гибнет, — ответил аинго через перевод-чика. — Бойцы из нас никудышные.

Шеф озадаченно глянул на Симса и повернулся к сте-нографистке.

— Второй вывод тоже зачеркните. — У переводчика он спросил: — Чего же тогда аинго хотят?

— Ничего, — ответил тот.

— Ага! Записывайте: «Желают, чтобы их оставили в по-кое и позволили продолжить крайне важное для всего пле-мени духовное развитие».

Аинго разразился тревожным писком.

— Они не хотят, чтобы их бросали, — сказал перевод-чик. — В одиночестве аинго сильно нервничают.

— Так они хотят в рабство?

Хорошенько подумав, аинго ответил.

— Им все равно, — доложил переводчик.

— Записывайте, — сказал шеф стенографистке. — «Спокойное противостояние, граничащее со святостью, и немой укор властолюбивым делгианцам — кульминация долгих лет глубокой душевной работы...»

Аинго вновь завершал.

— Он говорит, — сообщил переводчик, — что в рабстве им, возможно, понравится. Делгианцы — сильный и волевой народ, а сильные и волевые должны править слабыми и недоразвитыми.

— Что, прямо так и сказал? — взревел шеф.

— Именно так, сэр.

— Уведите его! Уведите скорее, пока я не сломал ему башку! Его народ хочет в рабство и того заслуживает. Но я не позволю им стать рабами!

— Что-нибудь из этого занести в протокол? — поинтересовалась стенографистка.

— Нет, все записи уничтожить. Симс, труби сбор, нужны все специалисты. Судебное слушание скоро, нам надо придумать, как приравнять аинго к развитым существам. — Шеф обернулся к стоявшему у двери переводчику. — Уведи эту бесхребетную макаку прочь с глаз моих! И на кой они дались делгианцам?!

Аинго улыбался, когда его выпроваживали из кабинета.

Похоже, ему нравилось, что на него орут.

Симсу поручили составить отчет о всестороннем исследовании аинго. Результаты, мягко говоря, не радовали. Физически подопытные выглядели типичной ошибкой природы: слабое зрение, плохой слух, вестибулярный аппарат ни к черту, мускулатура почти не развита. Малейшая инфекция валила аинго с ног. Они быстро достигали зрелости (если, конечно, зрелостью можно назвать постоянный и полнейший ступор) и так же быстро умирали. Теоретически средняя продолжительность жизни у них составляла от двадцати до тридцати лет, но на практике за счастье считалось протянуть хотя бы до пяти.

Удручали и исследования экологов. Даже на планете с самыми благоприятными условиями аинго не смогли бы построить цивилизацию, хотя бы и в зачаточной форме. Больше того, они не сумели бы организовать и первобытного строя: у них не получилось бы жить ни самостоятельно, ни в симбиозе с природой, ни паразитировать на ней.

Ни один тест не оценил умственное развитие аинго выше имбецильного. Думали они медленно и почти ничего не чувствовали, кроме разве что вялого отвращения к сородичам. И никаких амбиций: все их устремления сводились к тому, чтобы вызвать к себе жалость.

О морали и чести они не имели никакого понятия.

Зато Симс выяснил, чем аинго так приглянулись делгианцам: эти существа ловко карабкались по деревьям, а значит, могли собирать фрукты в обширных садах Делга.

— Вот, собственно, и все, — сказал Симс, вручая шефу резюме. Тот бегло просмотрел отчет и бросил его на стол.

— Что-нибудь пригодится? — спросил Симс.

— Ничего, — ответил шеф. — Зацепок ноль.

— Если бы я только не пропустил делгианский флот на Мойру...

— Это ничего бы не изменило. Закон о рабстве все еще основан на принципе относительного неравенства. Любой суд — не важно, на чьей он стороне, — принял бы решение не в нашу пользу.

Симса это несколько не утешило. На Дантоне-IV они бы точно выиграли дело.

Молодой агент Совета еще раз прокрутил в уме ситуацию с досмотром: сорок две точки на радаре, контакт с делгианским флотом, беседа с капитаном Олке...

— Постойте! — воскликнул он. — Разве не существует запрета на вывоз аборигенов с родной планеты в целях эксплуатации?

— Существует, — ответил шеф. — Но его легко обойти. Нужно просто оставить на планете некоторое количество аборигенов, что делгианцы наверняка и сделали...

— Но капитан утверждал обратное!

— Гмм... дай-ка подумать. Делгианцы уверяют, будто спасли аинго, потому что их родная планета непригодна

для жизни. Если сумеем доказать, что это не так и что вмешательство делгианцев необоснованно...

Симс вскочил:

— Я вылетаю немедленно.

— Слушание назначили на завтра, но я еще попросил исследовать эндокринную систему аинго. Результаты анализов придут только через несколько дней, так что заседание суда должны отложить.

— Что-нибудь да найду, — пообещал Симс.

— Надеюсь.

На служебном катере Симс прилетел на родную планету аинго — безымянную, под кодовым номером LG 34232-2. Сфотографировал солнце, замерил уровень его излучения, взял атмосферные пробы с самой планеты и отправил все в штаб. Потом на бреющем полетел над поверхностью LG 34232-2 в поисках поселений.

Размерами планета уступала Марсу, ее поверхность почти целиком была покрыта океаном, лишь кое-где встречались редкие, поросшие джунглями островки. И никаких признаков разумной жизни.

Симс старательно осматривал острова в зоне с умеренным климатом, но и там не встретил никого, кроме мелких пугливых птиц и зверушек.

Делгианцы вывезли всех аинго — подчистую.

Чтобы поближе познакомиться с местной флорой и фауной, Симс посадил катер в джунглях. Он обнаружил еще больше видов птиц и животных; здесь в изобилии водились и насекомые. На первый взгляд жизни ничего не угрожало. Кругом — пышная и разнообразная растительность, местами, наверное, даже пригодная в пищу.

Связавшись с начальником, Симс доложил:

— Планета вполне гостеприимна. Жарковато, конечно, и уровень влажности высокий, но прямой опасности нет.

— Какие-нибудь поселения обнаружил? — спросил шеф.

— Вот ищу.

— Молодцом. Как заметишь что-нибудь интересное — докладывай, нам все пригодится. Суд больше не желает обследовать самих аинго, мол, посмотрелись на них.

— Получится еще немного отложить слушание?

— Да я вообще не смог добиться отсрочки. Процесс длится вот уже два дня, окончание близко, и суд склоняется... совсем не в нашу пользу. Впрочем, Совет не сдается, наши юристы копаются в наработанных данных. Вдруг да выудят что-нибудь этакое.

— Если мне что-то встретится, — немедленно доложу, — пообещал Симс и отключился.

Вздремнув на борту катера, утром он отправился исследовать верхушки деревьев, где влажность и жара ощущались не так сильно. Ничего не обнаружив, продолжил поиски на следующий день.

Ближе к вечеру он заметил в джунглях участок, который немного не соответствовал общему порядку, а точнее — беспорядку. Посадив катер неподалеку, Симс отправился к странному участку пешком.

Вроде бы джунгли как джунгли, только деревья здесь ниже и реже, зелень ярче и кроны не такие плотные. Осматриваясь, Симс понял: поработала здесь отнюдь не природа, а цивилизация. Уж слишком четкий порядок.

Он вышел на середину участка и принялся копать.

На глубине в полметра обнаружили глиняные черепки и фрагменты керамического калебаса, совсем свежие.

На глубине около метра нашлась бронзовая вилка. Углубившись еще на метр, Симс нашел кусочек глянцевой синей пластмассы и долго озадаченно его рассматривал.

Керамика — это обожженная глина. Гончарное дело — ремесло нехитрое, а вот бронза... Чтобы ее изготовить, надо в нужных пропорциях смешать олово и медь определенного качества. Бронзовое литье знаменует рождение металлургии, а для создания глянцевой синей пластмассы и вовсе требуется разработать особую технологию.

И на каком-то этапе истории аинго этой технологией обладали!

Судя по находкам, эта раса деградировала, опустившись ниже уровня первобытного строя. Отошла от цивилизации — и, возможно, не без посторонней помощи.

Кто-то — не исключено, что делгианцы, — сравнял деревни аинго с землей, а потом джунгли скрыли следы былой славы или несостоявшегося прогресса.

Рация запищала, вызывая на связь.

— Симс, — сказал шеф, — немедленно убирайся с этой планеты.

— Пока не могу. Я нашел следы вмешательства в жизнь аборигенов. Улики неопровержимые. Это абсолютно точно...

— Мой прямой приказ: немедленно улетай оттуда!

— Но, шеф! — запротестовал Симс. — А как же свидетельства...

— Мы проанализировали данные по солнцу аинго. Это новая звезда до вспышки, Симс. Она, как бомба, в любой момент готова рвануть!

— Так, значит, спасательная миссия делгианцев...

— Не выдумка и не предлог.

— А суд?

— Слушание завершилось несколько часов назад. Аинго признали недоразвитыми, их порабощение легализовано.

Уже в штабе Симс вывалил находки шефу на стол.

— Взгляните! Можно ведь подать апелляцию в Верховный суд?

— Апелляции не будет, — возразил шеф.

— Спасение народов не дает права их порабощать, — со злостью заявил Симс. — У нас твердые основания подать апелляцию.

— Апелляции не будет, и точка. Есть приказ.

— Ваш?

— Совета. Начальство проанализировало данные по обследованию аинго и решило больше не париться ради этих дохляков.

Слова шефа так поразили Симса, что он без приглашения бухнулся на стул.

— Как же так? — вымолвил он.

— Лучше не спрашивай, — угрюмо предупредил шеф.

— Совет считает, что аинго и правда заслуживают рабства? Что это лучшая для них участь?

— Совет вообще не считает нужным объясняться перед своими клерками, привратниками, секретарями и прочее и прочее... В общем, будь добр, перестань задавать вопросы. Ты славно потрудился, Симс, но дело закрыто. Забудь о нем.

— Тогда я подаю в отставку.

— Я ее не принимаю. — Шеф одарил Симса яростным взглядом. — Аинго — не единственная раса во Вселенной, на них свет клином не сошелся. Надо и о других позаботиться, потому что назревают большие неприятности. Готовь корабль к вылету.

Симс отдал честь и поспешил в ангар.

Журналисты, как стервятники, слетелись на Делг-IV. Уйма статей, а затем и книг была написана о первом в Конфедерации узаконенном порабощении, а с планеты делгианцев потекли реки фруктов и овощей на продажу.

Всех потенциальных рабовладельцев объединяет общая черта: они не хотят сидеть смирно и завидовать успеху рабовладельца состоявшегося. Те планеты, где не хватало живой рабочей силы и не было возможности заменить ее машинным трудом, попытались сделать из случая закономерность. Как, собственно, и предсказывал шеф.

Суды едва успевали рассматривать прошения. Симс и другие агенты с маниакальной настойчивостью искали доказательства разумности народов, представленных Комиссии по вопросу порабощения.

— Нельзя, чтобы прецедент с аинго повторился, — твердил шеф. — Иначе нам конец. Бейтесь, бейтесь на смерть!

Победы доставались потом и кровью, но агенты не унывали. Ученые Совета раз за разом находили нужные данные, юристы доказывали случаи одурманивания наркотиками, гипноза и стирания памяти. Мошенники хитростью низводили своих жертв до уровня аинго. Агенты Совета выясняли, как именно. Зоологи и юристы, приняв

эстафету, разбивали доказательную базу противника, пусть иногда дела и казались заведомо проигрышными.

Однажды Симса вызвали в штаб. Он чувствовал себя как выжатый лимон; шеф и остальные сотрудники буквально падали с ног — усталые, раздраженные, нервные.

— Больше так продолжаться не может, — сокрушался начальник. — Работоторговцы знают, что мы на пределе, и действуют все наглее, все упорнее. Рано или поздно мы где-нибудь ошибемся, и тогда конец.

— Можно завербовать еще агентов, — предложил Симс. — Ученых, юристов.

— Бюджет не резиновый, — устало возразил шеф. — Платить будет нечем, а за «спасибо» никто работать не станет.

— Есть волонтеры.

Шеф недоверчиво взглянул на Симса:

— Кто, например?

— Те, кого мы спасли от рабства. Отберем самых находчивых и обучим нашему делу...

— Вот тут я тебя опередил, — вскочил на ноги шеф. — Уже нашел им тренера.

— Неужто? И кто это?

— Ты.

— Но у меня полно работы, — запротестовал Симс. — Мой сектор уже отстал от графика.

— Не только твой. Приступай к новым обязанностям. Может, нам удастся сдержать это безумие.

От добровольцев не было отбоя; народы, которым Совет некогда помог избежать неволи, с радостью откликнулись на призыв. Талант многих ничуть не уступал их рвению помочь. Тех, кто не блистал интеллектом, принимали на службу в качестве живой физической силы — ее недостаток сказывался все заметнее по мере того, как противостояние с работоторговцами ожесточалось и противник терял остатки совести. Суды не то чтобы не справлялись с потоком прошений, они просто тонули в волне разбирательств. Как быть дальше, Симс не знал. Не знали, впрочем, и остальные.

— Вот оно, Совет сдает позиции, — подавленно признал шеф. — Сил больше нет, бери нас тепленькими. Я всегда действовал по принципу: хороший генерал не видит превосходства противника, но надо быть полнейшим идиотом, чтобы не распознать абсолютно безнадежную ситуацию. Остается молиться, чтобы Средневековье — которое, кетати, скоро наступит — долго не продлилось.

И ровно в этот момент шефу позвонили с Делга. Выслушав собеседника, начальник Симса просиял и гордо приосанился.

— Симс, готовь корабль, — велел он привычным командирским тоном. — С Делга пришла петиция о смене статуса.

Симс аж попятился:

— Неужели эта мелочь, аинго, бунтует?

— Хуже, — довольно улыбнулся шеф.

Все время, что они летели на Делг, Симс недоумевал. На космодроме их встретила делегация двухметровых делгианцев. Не дав агентам даже спуститься с трапа, великаны загомонили:

— ...Не согласны!

— ...Где справедливость в галактике?

— ...Совет нас обмишурил!

В этот момент прямо из воздуха материализовался аинго. Выглядел он примерно таким же, каким его запомнил Симс, разве что подросток, сравнявшись с делгианцами. И внушал трепет своим уверенным и властным видом.

— Тихо! — гаркнул аинго, и делгианцы разом замолчали.

— Прошу прощения, — вежливо обратился к агентам новоиспеченный гигант. — К вашему прибытию следовало отправить их в загон. Экие горлопаны...

— В загон?! — непонимающе переспросил Симс.

— Ну разумеется. В свободное от трудов время наши рабы отправляются в загон. Этот обычай — еще когда ситуация была диаметрально противоположной — они же сами и придумали.

— Но разве... Какого черта здесь происходит?

— Полагаю, ваш начальник в курсе.

Шефа прямо-таки распирало от ехидной радости, он широко улыбался.

— Еще не смекнул?

— А должен был? — смущенно поинтересовался Симс.

— В общем-то, нет. Совет тоже ни о чем не догадывался, пока аинго не связались с ними. Хотят изменить свой статус...

— Аинго? Вышли на связь? Сами?!

— Да. Их раса мутировала и коренным образом изменилась. Началось все с регресса: аинго быстро опустились с уровня развитой цивилизации до дикарей. Причина — в излучении солнца, которое готовилось стать новой звездой. Когда делгианцы обнаружили аинго, деградировать тем было уже попросту некуда.

— А в рабстве мутация вызвала прогресс, — ошеломленно закончил за шефа Симс. — Стоило аинго уйти от солнечного излучения. Ну что ж, проблема решилась сама собой! Остается только попросить суд отменить порабощение.

— Все не так просто, — урезонил его шеф. — Теперь аинго хотят поработить делгианцев!

— Как?!

— Признаем, мы совершили ошибку, — осмелев, высказался один из делгианцев. — Но это не повод нас поработить!

— Вы низший народ, — указал ему на место аинго. — Разве вы способны мгновенно перемещаться в пространстве? Появляться ниоткуда? Исчезать в никуда?

— Нет, — сконфуженно признал делгианец. — Но все равно поработить нас — неправильно.

— Неправильно? О, не спору, однако это пойдет вам на пользу. И пока мы не решим — что вряд ли — освободить вас, быть вам рабами. А сейчас — марш в загоны!

В голосе аинго звенел металл, однако Симс уловил и веселые нотки. Аинго явно забавлялся с делгианцами, причем совершенно беззлобно.

— Вот так штука, — ухмыльнулся Симс, когда аинго вернулся, разведя делгианцев по загонам. — Получается, аинго с нами заодно?

— Точно. — Шеф ответил ему усмешкой. — Аинго рабство по вкусу не больше, чем Совету. И они наглядно показали, что может случиться с приверженцами принципа относительного неравенства. Придет день, и другие работоторговцы — точно как делгианцы сегодня — станут бить себя пяткой в грудь, утверждая, что, мол, низших рас по определению не существует.

— И Совет подыграет аинго?

— Ну а ты сам как думаешь?

Симс настороженно взглянул на аинго — и тот вполне добродушно подмигнул агенту.

Тогда Симс достал из кармана чистый бланк и принял-ся его заполнять.

...И если впредь кто-то соблазнился бы мнимой выгодой легализованного рабства, то это лишь подтвердило бы правоту Совета. К моменту написания этих строк делгианцы уже двадцать лет пытались через суды вернуть утраченную независимость. Их печальная участь послужила уроком прочим несостоявшимся работоторговцам и рабовладельцам. Случай с аинго укрепил позиции борцов с рабством куда эффективнее, чем целый патрульный флот.

Де Мантсет. «Очерки Конфедерации»

ГЛУБОКАЯ ДЫРА В КИТАЙ

Мистер Беннет отложил в сторону воскресные газеты и развалился в брезентовом шезлонге.

— Это укрепит его мускулатуру, — сказал он.

— Мускулатуру! — с негодованием воскликнула миссис Беннет. — Да у него скорей случится тепловой удар.

Мистера Беннета совсем разморило, и он не мог мыслить логически.

— С молодыми такого не бывает, — невнятно пробормотал он.

Супруги смотрели на свой длинный задний двор. Томми, их девятилетний сын, ковырялся в самом его конце. Голова и плечи Томми торчали из большой ямы, которую он копал пятый день кряду.

Полная лопата земли упала на куст роз миссис Беннет.

— Ты должен с ним поговорить. — Миссис Беннет осторожно промокнула лоб салфеткой. — Погода совершенно не подходящая для земляных работ. Нужно было отправить его в летний лагерь.

— Я не могу запретить ему копать, — возразил мистер Беннет. Уж очень ему не хотелось встать с шезлонга. — Мы же сами ему разрешили.

— Да, но тогда было прохладнее. — Миссис Беннет недовольно вздохнула. — Вообще, это ты виноват. Ты и твоя дыра в Китае!

Мистер Беннет понял, что, несмотря на выходной день, вздремнуть не удастся. Он с кряхтением выбрался из шезлонга и поплелся в конец двора.

— Как дела, сынок?

Томми, потный и с головы до ног перепачканный землей, опустил лопату и прислонился к стене ямы.

— Неплохо, — сказал он, окидывая раскопки деловитым взглядом. — Хотя вначале копать всегда трудно.

— Ммм. — Мистер Беннет заглянул в яму. — Ты здорово потрудился. Но, может, пора сделать перерыв?

— Не думаю. Надо продолжать, если я хочу когда-нибудь достичь цели. — Он потыкал лопатой в твердый грунт на дне ямы. — Я должен работать.

Мистер Беннет замялся. Да, вина, в известном смысле, лежит на нем.

Это случилось на прошлой неделе. Он читал газету в гостиной. Томми листал комиксы. Вдруг сын поднял голову и спросил:

— Папа, а что под нами?

— Подвал, — ответил мистер Беннет, переворачивая страницу.

— Нет, я имею в виду — очень глубоко. Куда попадешь, если копать очень долго?

— В Китай, — сказал мистер Беннет, не отрываясь от чтения.

— Правда? — Томми задумался на минуту. — Хочешь сказать, если долго копать прямо вниз, то можно дорыть до Китая?

— Именно так, — пробормотал мистер Беннет, уткнувшись в спортивную страницу.

— Клево! А можно я попробую, папа? Я всегда мечтал увидеть Китай! Можно?

Мистер Беннет опустил газету и усмехнулся. Забавная история, подумал он, будет что рассказать в офисе. Его сын копал туннель в Китай. Однако у мальчика инженерный склад ума. Такие задатки пригодятся в жизни.

— Ну разумеется, — кивнул мистер Беннет. — Но это не так просто, как ты думаешь.

— Спасибо, папа!

Томми бросил комиксы и начал рисовать земной шар в разрезе и схему туннеля. Мистер Беннет вернулся к газете. Вечером они с женой посмеялись над затеей сына.

— Определенно, он будет инженером, — сказал мистер Беннет жене.

...Но копать целых пять дней!

— Сынок, — неуверенно произнес мистер Беннет, — может, займешься чем-то другим? Можно покататься на машине.

— Нет, — отрезал Томми.

Полная лопата земли упала мистеру Беннету на ноги, и он отступил назад.

— Сейчас слишком жарко, чтобы копать, — решительно сказал он.

Земля продолжала вылетать из ямы.

— Трудный слой скоро закончится, — донеслось от туда. — Нужно пройти его прежде, чем он затвердеет.

— Мама считает, ты должен прекратить, — сказал мистер Беннет, чувствуя свое бессилие.

— Но ты же разрешил! Ты сказал, что можно! Нечестно останавливать меня на полдороге. Ты разрешил...

— Хорошо-хорошо, — торопливо сказал мистер Беннет. — Только сначала пойдешь в дом и выпей стакан молока.

— Через полчаса, — крикнул Томми, и земля полетела из ямы так яростно, что мистеру Беннету пришлось ретироваться.

Наступил понедельник. Мистер Беннет уехал в офис. По возвращении с работы он узнал от жены, что Томми рыл яму весь день и что куст роз погребен под землей.

— Почему же ты его не остановила? — спросил мистер Беннет.

— Он меня и слушать не хочет. К тому же это твоя обязанность.

После ужина мистер Беннет вышел на задний двор. Томми работал как заведенный. Яма стала глубже и теперь скрывала Томми целиком. Землю приходилось поднимать ведрами.

— Сынок, можно тебя на минуту?

— В чем дело, папа?

— Сынок, я поговорил с мамой, и, боюсь, мы оба считаем, что пора это прекратить...

— Но, папа! — В голосе Томми звучало отчаяние. — Я не могу бросить! Смотри, я почти докопался до мягкого слоя. Теперь работа пойдет быстрее.

— То же самое я слышал вчера, — напомнил мистер Беннет.

— Я слегка просчитался. Но сейчас я почти докопался.

Мистера Беннета одолели сомнения. Вспомнилось детство, как он в возрасте Томми захотел построить маленький автомобиль с моторчиком от стиральной машины. Перед тем как начать, он сходил в полицейский участок — прояснить вопрос регистрации будущего авто. Как же над ним потешались! Он до сих пор помнил свою растерянность и жгучую ненависть ко всем взрослым, которая улеглась лишь через несколько недель.

Он не хотел останавливать сына. Тем более что никто не убережет Томми от разочарования, когда тот поймет, что до Китая очень-очень далеко. И мало что зависит от его желания, каким бы сильным оно ни было.

— Сынок, сколько еще времени ты собираешься копать? — мягко спросил мистер Беннет.

— Думаю, к завтрашнему вечеру все будет готово. На мягком слое работа пойдет быстрее. А еще мне должны помочь...

— Отлично, — сказал мистер Беннет. — Но завтра вечером ты должен закончить. Ладно?

— Ладно. — И Томми принялся бросать землю с такой скоростью, что мистеру Беннету осталось только восхищаться.

Весь долгий летний вечер Томми работал без перерыва. В конце концов миссис Беннет силком вытащила его из ямы и соскребла с него не меньше двух килограммов грязи...

Следующий день выдался еще более жарким. Мистер Беннет сидел в прохладном офисе с кондиционером и беспокоился о сыне. Дважды за день его рука тянулась к телефонной трубке, и каждый раз он себя останавливал. Сегодняшний вечер расставит все по местам.

Поездка в электричке была убийственной. Мистера Беннета, в отличие от сына, едва не хватил тепловой удар. Дома жена налила ему стакан холодного лимонада, и благодарный мистер Беннет рухнул на диван.

— Он еще там? — махнул он рукой в сторону двора.

— Да, — подтвердила миссис Беннет. — Надеюсь, ты доволен. Его иллюзии, по-моему, ничуть не пострадали, чего не скажешь о моих розах. Может, все-таки остановишь его?

Мистер Беннет поднялся на ноги, но в этот момент в гостиную влетел Томми.

— Готово! — воскликнул он с такой кипучей энергией, что мистер Беннет почувствовал себя трехсотлетним старцем.

— Что готово? — спросила миссис Беннет.

— Дыра. Все получилось. Я же говорил, работа ускорится, когда я дойду до мягкого слоя. Идемте со мной!

Чета Беннетов обменялась многозначительными взглядами.

— Если мальчик тронулся умом, то это по твоей вине, — прошипела миссис Беннет.

Они вышли на задний двор и остолбенели.

Перед ними, широко улыбаясь, стоял паренек азиатской наружности лет девяти, одетый в белый пуховик и блестящие черные штаны.

— Он копал с той стороны, — объяснил Томми. — Вот почему я знал, что времени уйдет не так много. Он ведь тоже копал!

Мистер Беннет не поверил глазам. Он бросился в конец двора. Яма была засыпана, а земля сверху аккуратно разровнена.

— Нам пришлось засыпать ее, папа, — сказал Томми. — Его родные не хотели, чтобы он ушел сюда. Если бы мы не засыпали яму, они бы явились за ним следом.

— Что за бред, — произнес мистер Беннет. — Мальчик, где ты живешь?

Азиатский мальчик поклонился и ответил высоким, постоянно меняющим тональность голосом. Мистер Беннет не понял ни слова.

Однако всему есть рациональное объяснение, и Беннеты догадались, что произошло. Китайский мальчик путешествовал с родителями. Во время остановки он отошел от машины и заблудился. Наверняка его родители сходят с ума. Беннеты подали объявления во все газеты, включая

выходящие в Чайна-таунах Сан-Франциско и Нью-Йорка. И поставили в известность соответствующие власти.

Они надеются получить ответ. Пока же они получили разрешение на содержание ребенка в своем доме. Но мистер Беннет снова беспокоится за Томми, хотя и понимает, что причин для этого нет.

Кажется, Томми и китайский мальчик начали строить звездолет. Они планируют отправиться на Марс в следующий вторник. Если не испортится погода.

ВОЗВРАЩЕНИЕ СОЛДАТА

Серебристо-голубой междугородний автобус въехал в пригород и сбавил скорость.

— Сэр, я могу остановиться, где вам удобно, — предложил водитель.

— Спасибо, здесь вполне подойдет, — сказал Гиббс.

Водитель тормозил большую машину осторожно, будто вез взрывчатку, а не людей. Его поступок не ускользнул от внимания пассажиров. Они расценили его как дань уважения знаменитому мистеру Гиббсу.

— Он что, здесь выходит?

— Тсс! Он может услышать!

— Но почему тут?

— Он до войны здесь жил.

— А почему он едет автобусом?

Автобус мягко остановился в четырех кварталах от центра города. Гиббс поднялся с места и снял с багажной полки потертый кожаный чемодан. Пассажиры заметили, какой Гиббс высокий, сутулый и тощий и выглядит как обычный усталый человек. Теперь они будут рассказывать о нем друзьям.

Женщины обратили внимание на его очки в нелепой стальной оправе и мятый костюм, который стоил, наверное, всего несколько долларов.

В полном молчании все следили за тем, как он отдает корешок билета водителю.

— Приятно было вас подвезти. — Водитель потянул за рычаг, открывающий дверь. — Э... мистер Гиббс, можно у вас спросить, сэр?

Гиббс неопределенно улыбнулся, делая вид, что не слышал вопроса, и начал спускаться по лесенке.

— Не могли бы вы сказать, сэр, почему вы ехали автобусом, вместо того чтобы переместиться как-то иначе?

Гиббс покачал головой и ступил на асфальт.

— Мистер Гиббс, можно попросить у вас автограф? Мой сынишка...

Гиббс торопливо зашагал прочь от автобуса.

— Урод! — крикнул водитель. Автобус зарычал, трогаясь с места.

Гиббс вытер пот со лба и обнаружил, что у него дрожат руки. Он медленно пошел в сторону центра.

Мимо проезжал старый грузовой пикап. На помятом боку красовалась надпись: «Автомастерская Томми». Водитель притормозил, внимательно осмотрел Гиббса и вжал педаль газа. Древний двигатель яростно застучал клапанами, и грузовичок начал набирать скорость. Водитель еще раз оглянулся и сторбился за рулем.

«Добро пожаловать домой», — подумал Гиббс.

Взвизгнув тормозами, грузовичок остановился перед баром Джо. Томми Затычка выбрался из машины, стрельнул взглядом вдоль улицы и шмыгнул в бар.

— Эй, угадайте, кого я только что видел?! — крикнул он.

Заведение Джо напоминало пещеру. Свет, проникая сквозь грязные окна с вечно опущенными шторами, становился холодным и нереальным, как будто снаружи не было света вообще. Независимо от времени суток, в баре Джо всегда царил полумрак — полночь самой длинной ночи в году.

Три посетителя бара тоже выглядели как полуночники. Локти на стойке, ноги замысловато обвиты вокруг длинной латунной подножки, спины ссутулены — они как будто родились в этих позах. Со стороны могло показаться, что это не живые люди, а декорации, плоские рекламные фигуры, которые Джо купил, чтобы оживить интерьер.

— А ну, угадайте, кто вернулся в город? — повторил Тони Затычка.

Бармен опустил газету:

— Затычка, нечего так орать.

— Дай-ка мне пива, — попросил Затычка, — и угадай, кого я сейчас видел.

— Авраама Линкольна? — спросил Джим Метис.

— Александра Македонского? — предположил Стэн Дилижанс.

— Юлия Цезаря? — внес лепту Шустрила Эдди.

— Вот твое пиво, — сказал бармен Джо.

Затычка сделал жадный глоток и вытер рот.

— В город вернулся Фрэнк Гиббс.

— Что?

— Шутишь?

— Гиббс не вернется сюда никогда!

— Но он здесь, — сказал Затычка.

— Где?

— Идет по Мэйн-стрит.

— Идет?

Трое товарищей распутали ноги с подножек, бросились к двери и выглянули на улицу. Потом медленно возвратились к стойке.

— Еще пива.

— Сделай два.

— Лучше ущипни меня. Подумать только, Фрэнк Гиббс!

Из туалета вышел Вилли День:

— Ты сказал, Фрэнк здесь?

— Я проехал мимо него, — сказал Затычка.

— Что ж не предложил подвезти?

Затычка почесал затылок:

— Как-то не сообразил. Нельзя ж вот так взять и подвезти Фрэнка Гиббса. Мне что — нужно было остановиться и крикнуть: «Запрыгивай, Фрэнк», будто он один из нас? Он не шел бы пешком, если бы не хотел.

— Ты испугался, — сказал бармен, щурясь на посетителей.

— И вовсе нет!

— Ясно дело, испугался... такой большой, сильный мальчик!

— Ну тебя-то я не боюсь, — буркнул Затычка, скрепящая на груди мускулистые, в пятнах татуировок руки. — Большая дряблая фрикаделька.

— Не обижайся. — Бармен оглядел всю компанию. — Значит, наша местная знаменитость вернулась.

— Думаешь, покажет нам свои медали? — спросил Метис Джим.

— Фрэнк никогда не хвастался, — заметил Вилли День. Он напоминал бойцового петуха: седые волосы топорщатся, глаза красные.

— Ага, как же, — фыркнул Метис. — Он и его волшебные мозги.

— Нельзя винить человека за то, что он умный, — возразил День.

— Думаю, мы бы выиграли войну и без него.

— Откуда такая уверенность? Или просто что-то имеешь против него?

— Не люблю уродов, — проворчал Метис. — Будь на то моя воля, выгнал бы его из города пинком под зад.

— Что ж не попробуешь? — спросил День. — Ты же вдвое больше его, Джим. Иди и рискни.

— С таким справишься, как же. В честном бою я бы надрал ему задницу. А могу наkostenить тебе в любое удобное время.

— Скажи, Томми, — вмешался бармен. — Во что Гиббс был одет?

— В костюм, — наморщив лоб, ответил Затычка.

— Была у него шляпа на голове?

— Не думаю. А что?

— Да я тут подумал, что он может носить космошлем Бака Роджерса, — предположил Джо.

Все покатались со смеху, не считая Вилли.

— Не нравится мне это, — сказал Стэн Дилижанс. — Всякий раз, когда Гиббс здесь, у кого-нибудь неприятности. Надо вежливо попросить его, пусть покинет город. Можно собрать делегацию...

— Ты забыл кое-что, — с хитрой улыбкой прервал его Шустрила Эдди.

— Что именно?

— Фрэнк Гиббс может сделать нас богатыми. Вы же знаете? Или нет? — Он выждал, пока все кивнут. — Томми, сгоняй за «Нью-Йорк таймс». Покажу вам, что я имею в виду.

Гиббс увидел, что город почти не изменился. В баре Джо все тот же полумрак, окна по-прежнему зашторены. На стене скобяного магазина Эдди старый след от пулеметной очереди — еще с тех времен, когда русский самолет, отклонившись на несколько километров от цели, поливал все вокруг огнем, пока его не сбил Матадор. Над обувным магазином Стэна Дилижанса новая вывеска, и кто-то открыл химчистку. Но гостиница миссис Ганц никуда не делась, и в табачной лавке миссис Тэйлор все так же висели плакаты с расписанием матчей футбольных команд колледжей.

Он зашел в табачную лавку. Миссис Тэйлор сидела за прилавком и читала детективный журнал. Прищурившись сквозь бифокальные очки, она воскликнула:

— Боже мой! Фрэнк Гиббс!

— Да, мэм. Можно мне две пачки «Лаки Страйк»?

Миссис Тэйлор продолжала рассматривать его:

— Ты вернулся насовсем, Фрэнк?

— Да, мэм. Думаю, я останусь.

— Ох, Фрэнк, мы так гордились тобой, большинство из нас. Мы читали все, что о тебе писали газеты. Подумать только, парень из нашего городка стал знаменитостью!

— Ну теперь все в прошлом, — сказал Гиббс. — Я не хочу говорить об этом.

— И я не виню тебя. Должно быть, тебе пришлось не-сладко. Но я всегда говорила, что ты необычный ребенок. Помнишь, я заступалась за тебя после смерти твоих родителей?

Гиббс едва улыбнулся:

— Да, конечно, миссис Тэйлор. Как дела у Дэнни?

— Дэнни погиб. В том большом сражении за Порт-Артур. Он ведь был рядовым солдатом.

— Мне очень жаль.

— Он погиб в настоящем сражении с настоящим оружием в руках. Генералы не старались защищать Дэнни.

— Можно мне сигареты?

Миссис Тэйлор вынула две пачки и рассеянно держала в руках.

— Ну, я думаю, каждый сделал все что мог. Я всегда заступалась за тебя, Фрэнк, ты должен помнить. Я не

позволяла никому называть тебя уродом в моем присутствии. И не арестовали тебя в тот раз потому, что я встала за тебя горой. Ну и задал же ты тогда им перцу...

— Миссис Тэйлор, я очень устал. Можем мы поговорить в следующий раз, а сейчас...

— Фрэнк, — перебила его миссис Тэйлор, — как бы мне не хотелось просить тебя об этом в первый же день после твоего возвращения, но...

Гиббс протянул руку за сигаретами. Миссис Тэйлор неохотно отдала ему пачки и взяла пятьдесят центов.

— Пожалуйста, послушай меня, Фрэнк. Я прошу только потому, что вы с Дэнни были друзьями и я всегда заступалась за тебя. Они снова подняли налоги на мой крошечный участок за городом, и все это по вине Джо Уолша. Поговори с ним, Фрэнк, ты даже не должен угрожать, просто одно веское слово...

Гиббс поспешно вышел из лавки. Миссис Тэйлор сделала несколько шагов вслед за ним.

— Ну, может быть, потом, когда отдохнешь, — быстро добавила она. — Я знаю, ты не забудешь старых друзей. Фрэнк, а почему ты не носишь форму? На газетных фото ты такой красивый.

— Форма только для вида, — с горечью сказал Гиббс. — Я был не настоящий солдат.

Он перешел улицу к гостинице миссис Ганц.

В полутемном, похожем на пещеру уголке заведения Джо три завсегдатая и бармен столпились вокруг развернутого на стойке бара старого номера «Нью-Йорк таймс». Их внимание привлекал финансовый раздел.

— Ты и вправду считаешь, что он сможет? — спросил Дилижанс.

— Конечно сможет, — сказал Шустрила Эдди.

— Но захочет ли?

— А почему нет? — удивился Шустрила. — Мы его друзья или нет? Угостим его парой стаканчиков, вспомним школьные годы, потом подсунем список акций. Он посмотрит, так? Гиббс всегда по циферкам сходил с ума. А мы его друзья, правильно?

— Близкие друзья, — уточнил Вилли.

— А потом спросим у него, какие акции пойдут вверх. Все очень просто. Ему нужно будет сказать только пару слов: «Миннесота никель» или «Дакота ураний»?

— Или просто ткнуть пальцем, — добавил бармен. — Может вообще не говорить, если не хочет.

— Ничего он не будет делать, — упрямо сказал Вилли День.

— Всего-то пара минут его драгоценного времени, — сказал Шустрила. — Как, черт возьми, он посмеет сказать «нет»?

Джим Метис покачал головой:

— А вы точно уверены, что он разберется? Даже электрические мозги в Вашингтоне и Гарварде такое не могут.

— Они тоже могут, — заверил Томми Затычка.

— Если могут, тогда почему профессора не разбогатели? — спросил Метис. — Давай-ка объясни!

— Слушай, — вмешался бармен. — Фрэнк запросто пердумает эти машины. Он уже делал это в начале войны, когда другие его способности еще не были раскрыты.

— Фрэнк не станет этого делать, — повторил Вилли День. — Сколько людей просили его о помощи, не меньше миллиона. Всем известно о его способностях.

— Но здесь-то его родной город, — возразил Шустрила. — А это все меняет. Он собрался здесь жить. Он желает, чтобы мы пели ему дифирамбы, вспоминая о его заслугах. Вот что он хочет. Вот почему вернулся.

День несогласно покачал головой:

— Фрэнку некуда больше идти. В этой стране он знаменитость номер один. Его не оставят в покое. Думаю, он хочет найти тишину и покой.

— В таком случае, его великий мозг просчитался, — сказал Метис.

— Пойдем отыщем его. — Шустрила сложил «Таймс». — Попытка не пытка.

— Возьмем с собой квинту виски, — предложил Стэн Дилижанс. — Он сделает глоток-другой — глядишь, и побреет.

— Отличная мысль.

- Квинту самого лучшего, Джо.
- Кто платит?
- Это твой взнос. Мы ведь все в деле?
- Думаю, да, — согласился бармен и сунул бутылку в бумажный пакет. — Идешь, Вилли?
- Нет.
- Почему?
- Потому что вы, парни, явно спятили. Вот так просто подвалите к Фрэнку? Ой будет беда. Кому-то будет больно.
- Ты просто трусло, Вилли, — сказал Затычка.

Мария Ганц увидела Гиббса, когда тот поднимался по улице, и успела переодеться в свежесглаженное ситцевое платье, причесаться и подкрасить губы.

Она распахнула перед ним входную дверь.

- Добро пожаловать, Фрэнк!
- Привет, Мария. Как дела?
- Прекрасно. Думаю, немного подросла с тех пор, как ты уехал.
- Да, подросла. Тогда ты была совсем еще девочка...
- А сейчас?
- Сейчас красавица. — Гиббс нервно кашлянул. — Твоя мать здесь?
- Она в больнице. Опять боли в животе.
- Мне очень жаль.
- Она держала твою комнату всю войну, как ты и просил. А я вытирала там пыль каждый день. В ней все осталось по-прежнему.
- Отлично, — сказал Гиббс. — Пожалуй, я поднимусь наверх...

Но он остался на месте. Мария наполовину загородила дверной проем, так что ему пришлось бы протискиваться мимо нее, чтобы войти внутрь.

— Простыни чистые, свежие, — сказала она. — И я убедилась, все на своих местах.

— Спасибо.

— Я знаю, как ты относишься к своим вещам. Я никому не разрешала их трогать.

- Хорошо, спасибо.
  - Ты выглядишь усталым, Фрэнк. Ты должен немного развлечься. Сходить на танцы, и вообще.
  - Хотела бы потанцевать со мной?
  - Конечно хотела бы, Фрэнк.
  - И тебе не будет... неуютно рядом со мной?
  - Конечно нет, что за глупость!
- Наступила неловкая пауза. Потом Мария спросила:
- Чем планируешь заняться, Фрэнки?
  - Ничем особенным, — сказал Гиббс. — Хочу немного порисовать...
  - Порисовать? Ты?
  - Да, я. А что?
  - Но, Фрэнк, ты же можешь зарабатывать миллионы!
  - Я просто хочу немного порисовать.
  - Ну да, можешь себе позволить, — согласилась Мария. — Наверняка же на войне хорошо платили. Могу поспорить, ты получал больше, чем генералы. И это справедливо — с учетом того, что ты сделал.
- Гиббс неопределенно улыбнулся, протиснулся мимо нее в дверь и начал подниматься по лестнице.
- Фрэнк...
  - Что, Мария?
  - Не хочу докучать прямо сейчас, да и вообще не люблю просить...
  - Может быть, позже? — Гиббс стал подниматься быстрее.
  - Фрэнк, это насчет моей матери. Не думаю, что в больнице ее вылечат. И лечение очень дорогое! Невероятно дорогое.
  - Доктора знают, что делают.
  - Ты не вылечишь ее, Фрэнк?
- Гиббс повернулся на лестнице:
- Я не могу.
  - Знаю, можешь. Ты вылечил у матери опухоль тот раз. Она не должна была никому рассказывать, но я ее дочь...
  - Я завязал! Все это в прошлом. Теперь я обычный человек и собираюсь стать художником.

— Фрэнк, ну пожалуйста, — взмолилась Мария, — тебе же достаточно шелкнуть пальцами.

— Как ты не понимаешь? Я не могу быть третейским судьей. Не могу выбирать. Если я дам одному, то должен дать всем. А я не могу дать всем. Когда-то я выполнял все, о чем меня просили. Но я устал быть не таким, как все. Теперь я принадлежу самому себе и просто хочу жить как остальные!

— Так ты не поможешь? Всего-то шелкнуть пальцами.

— Я не могу!

— Не думала, что это тебя так смутит. Особенно после того, что ты сделал.

Гиббс побледнел и впился в Марию глазами.

— Конечно, ты можешь убивать, убивать, убивать, если тебя попросит важная шишка. Но ты не вылечишь обычную болезнь. Не буду я встречаться с таким уродом! — Мария сорвалась на крик.

Гиббс медленно спустился по лестнице и подошел к двери.

— О, Фрэнк, прости меня. Я не хотела это говорить. Само сорвалось с языка.

Гиббс открыл дверь.

— Ты же вернешься? На самом деле я не считаю тебя уродом, Фрэнки...

Гиббс вышел и закрыл за собой дверь.

Он сидел на скамейке в небольшом городском парке. Подошли два пацана и уставились на него.

— Эй, вы же Гиббс?

— Точно, это он. Эй, мистер Гиббс, как вам было в космосе?

— Одиноко, — ответил Гиббс.

— Там тепло или холодно?

— Ни то ни другое.

— И сколько вы там летали?

— Недолго. Это была разведка.

— А как вы дышали?

Гиббс промолчал.

— Земляк! А как было на Марсе?

— Одиноко.

— Эй, а покажите какой-нибудь трюк.

— Да! Что-нибудь из вашего репертуара. Ну же! Гиббс потерял глаза.

— Пожалуйста, мистер! Ну хоть что-нибудь!

Выпивохы из бара Джо подошли плотной группой, щурясь от солнечного света.

— Шкеты, проваливайте! — рявкнул Шустрила. — Ктитесь подальше! О, кого я вижу! Фрэнки...

— Привет, Эдди, — сказал Гиббс.

— Ты не забыл нас?

— Конечно нет, — сказал Гиббс. — Привет, Джо... Джим... Стэн... Не уверен, что знаю этого господина...

— Я Томми Затычка. Учился на два класса младше. Но я помню вас, мистер Гиббс.

— Это ж сколько прошло времени, — покачал головой Метис. — Не забыл те деньки, Фрэнк?

— Я все помню.

— Тогда мы были неразлейвода, — сказал Джо. Гиббс улыбнулся.

— Конечно, мы подтрунивали над тобой, Фрэнк, потому что ты был не такой, как все, — сказал Дилижанс. — Но на самом деле мы любили тебя.

— Это факт, — подтвердил Шустрила. — Нет друзей лучше, чем друзья детства. Да, Фрэнки?

— Полагаю, что так, — кивнул Гиббс.

— А с тобой было классно, Фрэнки. Помнишь гараж старика Томпсона, который ты спалил дотла? Как ты это назвал?

— Проявления полтергейста, — ответил Гиббс.

— Точно! И тебя чуть не посадили. Но ты им показал. Всем этим яйцеголовым из Гарварда и Йеля... и потом всей армейской верхушке... ты им всем показал!

— Нужно было держать рот на замке, — сказал Гиббс. — А я был идиот.

— Может, пропустим по глоточку — за старые времена? — Джо достал бутылку из бумажного пакета.

— Спасибо, я не пью, — помотал головой Гиббс. — Мой обмен веществ...

— Да и ладно, Фрэнки. Мы выпьем за тебя. За Фрэнка Гиббса, за мальчугана из нашего городка, который взлетел на самый верх!

Джо откупорил бутылку, отхлебнул и пустил по кругу. Шустрила Эдди зашелестел газетой.

— Скажи, Фрэнки, — заговорил Метис Джим. — Ты же всегда дружил с цифрами?

Гиббс не ответил.

— Ну, мы с ребятами подумывали прикупить бумаги «Дакоты уранения». Это вот здесь. — Он пододвинул газету к Гиббсу. — Что скажешь, Фрэнки?

— Это высокорисковые акции, — сказал Гиббс, не глядя в газету. — На вашем месте я бы не рисковал.

— Да? Ну спасибо большое, Фрэнк. Ты только что спас наши денежки. А какие акции, по-твоему, надо прикупить?

— Не знаю.

— Да брось, все ты знаешь, — сказал Шустрила. — Мы читали в газете, как ты мог предсказывать котировки любых акций, если хотел. Как ты делал это однажды для развлечения. Ты еще сказал репортерам: просто нужно понимать циклы фондового рынка.

— Я ничего вам не подскажу. Постарайтесь понять. Если скажу одному, должен буду...

— Не вешай нам лапшу, Фрэнки, — сказал Метис.

— И не собирался. В молодости я с удовольствием выполнял все, о чем люди меня просили. Я же не думал, что все так закончится. Мне нравилось быть не таким, как все, но теперь — все, хватит. На свете больше нет таких, как я, и места для меня тоже нет.

— То есть ты не поможешь? — спросил Шустрила Эдди.

— Я только что все объяснил.

— Не поможешь старым друзьям, — с досадой произнес Дилижанс.

— Я не могу!

Они повернулись, чтобы уйти.

— Сраный урод, — вполголоса произнес Метис.

Гиббс встал:

— Что ты сказал?

— Ничего.

— А ну повтори.

— Хорошо, повторю, — сказал Метис. — Ты урод, долбаный урод. И к тому же убийца. Скольких ты убил, Фрэнки, сидя в вашингтонском кабинете и напрягая мозги? Миллион, два миллиона? Ты не человек!

— А ты прав, — сказал Гиббс. — Я не человек, не на самом деле. Я мутант, единственный в своем роде, уникальный и невоспроизводимый. Вы завидуете мне и ненавидите меня, но вынуждены просить у меня помощи. Во время войны я, как дурак, делал все, о чем вы меня просили. Я думал, вы — мой народ. Но вы никогда не оставите меня в покое. И никогда не сочтете своим.

— Не распаляйся, Фрэнки. — Шустрила отступил на шаг.

— Я спокоен. Просто безнадежно устал и потерян. Куда мне идти? Везде одно и то же. «Сделайте для меня это, мистер Гиббс, сделайте то. Явите маленькое чудо, мистер Гиббс». А если я отказываюсь — «грязный урод!»... Хотите чуда? Правда хотите увидеть?

— Возьми себя в руки, Фрэнки, — сказал бармен.

— Хорошо, я покажу! Хотите, полетаю?

Он оторвался от земли, поднялся метров на пятнадцать в воздух и опустился обратно.

— Вот так я летал в космосе. Хотите, чтобы я зажег огонь?

— Фрэнк, ради бога!

Огонь вырвался из его пальцев, опаливая землю перед ним. Они повернулись, чтобы бежать, и обнаружили, что окружены ревущей стеной пламени.

— Вот так я вызываю огонь! — крикнул Гиббс. — Каких еще представлений желаете? Телепортацию?

Невидимая сила подхватила Метиса и Шустрилу и швырнула на землю. Мертвенно-бледные, они корчились на траве, задыхаясь и закрывая руками лица от жара.

— Что еще могу сделать для вас? — кричал Гиббс. — Мои силы безграничны, прямо как у супермена. Хотите посмотреть, как я управляю ультразвуком? А хотите, сровняю этот город с землей, как сровнял Сталинград? Или, может, хотите узнать, что в действительности случилось с русской Четвертой армией? Так я вам покажу!

Черное пятно возникло над головами людей, увеличилось в размерах и начало обволакивать их тела.

— Фрэнк! — взвыл Метис, выбегая из парка на улицу. — Ради бога, Фрэнк!

Черное облако исчезло. Пламя погасло.

— Хорошо, — произнес Гиббс и поднялся в воздух. — Я улетаю. Черт с вами и вашей поганой расой.

— Ну и вали! — раздраженно проскрипел Дилижанс. — Он чуть не убил нас!

— Я знал, что так будет, — сказал Метис. — Он даже не человек.

— И куда он теперь? — спросил Томми Затычка.

— На Марс, на Венеру, на Луну — какая разница? — отозвался Дилижанс. — Куда бы он ни пошел, везде его ждет одиночество. Но он это стерпит, ведь он супермен!

Фрэнк Гиббс остановился в тридцати метрах над землей, потом медленно опустился назад и приземлился возле Вилли. Он выглядел озадаченным. Вилли День сидел на траве, сложив руки на коленях, на его лице отражалось сожаление.

— Ты не убежал, — сказал Гиббс.

— Нет.

— И не боялся, что я пораню или даже убью тебя?

— Не очень.

— Почему? — удивился Гиббс. — Ведь я убил людей больше, чем кто-либо другой в истории человечества. Почему ты решил, что я остановлюсь именно сейчас?

Вилли День качнул один раз головой. Тень сожаления все еще лежала на его лице.

— То были враги, и ты знал, кто они и чего хотят. Убивая их, ты чувствовал свою правоту. Но я не такой, я не враг, так что ты не убил бы и не поранил меня. И кое-что еще...

— Что?

— Ты человек. Может, следующая ступень в развитии, но все равно человек. А тебя заставили думать, что ты компьютер. Ну да, ты все просчитываешь, но одну вещь все-таки упустил.

Гиббс сел на землю рядом с Вилли:

— Какую?

— Ты не единственный, у кого есть особый талант. На свете много таких людей — ученые, художники, механики, садовники с золотыми руками.

— И?

— Ты не хочешь помогать никому, потому что не можешь помочь всем. Но разве так рассуждает хирург? Или садовник — разве бросает он работу из-за того, что не может позаботиться обо всех садах на свете?

Гиббс долго молчал. С улицы в парк, боязливо поглядывая на Фрэнка, возвращались остальные.

— Я не думал... — начал Гиббс, но осекся и резко повернулся к Вилли. — Ты ведь затеял разговор не просто так. Тебе что-то нужно от меня! Что тебе нужно?

— Ничего, — сказал Вилли День. — То есть нужно, но не для себя. Для тебя.

— Глупости! Чего мне желать, если я и так все могу?

— Например, не думать о себе как об уроде. Ты не перестанешь это делать, пока ты один. Тебе нужна помощь. Здесь, в городе, у тебя есть друзья, и они могут помочь.

Гиббс обвел взглядом остальных. Они несмело закивали.

— Может... по глоточку? — предложил Томми Затычка.

— А знаете что? — сказал Гиббс. — Я ни разу не выпивал в кругу друзей. В общем... кажется, я хочу этого больше всего на свете.

Вилли поднялся на ноги и принялся отряхивать брюки.

— Еще бы, — сказал он. — Ведь ты человек.

ЛУЧШЕ СДОХНУТЬ

Космический грузовик «Королева Дейрдре», огромный, испещренный отметинами толстячок, курсировал по маршруту Земля—Марс уже много лет. Он не доставлял экипажу особых хлопот, и это должно было насторожить бортинженера Уоткинса. Уоткинс любил повторять, что оборудование делится на два типа: первый выходит из строя постепенно, второй ломается сразу целиком.

Уоткинс был небольшого роста, носил пышные усы и страдал легкой одышкой. С кружкой пива в одной руке и сигарой в другой он рассуждал о корабле с предельным цинизмом — давняя традиция бортовых инженеров. Но на самом деле Уоткинс испытывал к «Дейрдре» самые теплые чувства. Он идеализировал ее, наделял человеческими качествами и представить не мог, чтобы с кораблем что-нибудь случилось.

Очередной рейс начался как обычно. Взлет с Земли прошел в штатном режиме. Уоткинс доложил, что топливо потребляется с надлежащей скоростью. В нужный момент штурман Райчик подал сигнал, и капитан Сомерс выключил двигатели.

Как только корабль миновал пункт Альфа, Сомерс внимательно изучил сложную панель управления. Он был человек дотошный и управлял кораблем с безупречностью, доведенной до автоматизма. Его высоко ценили в «Космических перевозках Миккельсена». Сам старик Миккельсен приводил рапорты Сомерса в качестве образца аккуратности и оперативности. На Марсе Сомерс останавливался в Клубе офицеров, избегая дешевых заведений и притонов Марсопорта. На Земле у него был маленький домик в Вермонте, где он жил в мирной компании двух котов, жены и слуги-японца.

Команды капитана исполнялись четко. Но Сомерса что-то тревожило. Он помнил все шумы корабля — каждый скрип, стук и дребезг. При взлете он услышал новый звук. А в космосе новый звук мог означать неприятность.

— Мистер Райчик, — обратился Сомерс к штурману, — вы проверите груз? Возможно, что-то сдвинулось с места.

— Одна нога здесь — другая там, — весело отозвался Райчик, почти оскорбительно красивый юноша с черными выющимися волосами, ярко-голубыми глазами и ямочкой на подбородке. Несмотря на броскую внешность, Райчик зарекомендовал себя квалифицированным специалистом. Пятьдесят тысяч в высшей степени квалифицированных специалистов жаждали получить место на одном из четырнадцати космических кораблей, но лишь Стивену Райчику хватило сообразительности, обаяния и смелости, чтобы соблазнить старшую дочь старика Миккельсена и жениться на ней.

Райчик направился в кормовую часть судна, где располагался грузовой отсек. В этот раз «Дейдре» перевозила транзисторы, микрофильмы-книги, платиновые нити, салями и другие товары, которых на Марсе не производили. Большую часть грузового отсека занимал огромный Фаренсен-компьютер.

Райчик подергал стягивающие монстра канаты, осмотрел подпоры и фаркопы, удерживающие его на месте, и вернулся в рубку.

— Все в порядке, босс, — доложил он капитану с улыбкой, какую мог себе позволить только зять работодателя.

— Мистер Уоткинс, вы не фиксируете никаких отклонений?

Уоткинс сидел за собственной приборной панелью.

— Никаких, сэр. Готов поручиться за каждый узел.

— Вот и отлично. Как скоро пункт Бета?

— Через три минуты, шеф.

— Хорошо.

Корабль висел в пустоте, всякое ощущение скорости терялось из-за отсутствия ориентиров. В иллюминаторах темнота — истинный цвет Вселенной, — усыпанная кро-

шечными бриллиантами звезд. Тревожное напоминание о ничтожности человека.

Капитан Сомерс отвернулся от иллюминатора и задумался, сможет ли посадить корабль, не сдвинув компьютер с места. Никогда еще в космосе не перевозили такое крупное, тяжелое и такое хрупкое оборудование.

Капитана беспокоило это устройство. Оно стоило миллиарды долларов. Марсианская колония заказала сверхмощный компьютер, чей функционал с лихвой компенсировал бы необъятные транспортные расходы. В результате получилась самая сложная и совершенная машина из когда-либо созданных человеком.

— Десять секунд до пункта Бета, — сообщил Райчик.

— Отлично. — Сомерс повернулся к панели управления.

— Четыре-три-два-один-огонь!

Сомерс запустил двигатели. Ускорение вжало астронавтов в кресла. Давление продолжало нарастать, и — о ужас! — его рост не прекращался.

— Топливо! — вскрикнул Уоткинс, глядя на бешено крутящуюся стрелку датчика.

— Курс! — просипел Райчик, сражаясь за последний глоток воздуха.

Капитан сбросил рычаги тяги в ноль. Но двигатели продолжали работать, все глубже впрессовывая космонавтов в кресла. Освещение в рубке управления замерцало, потухло, зажглось снова.

Ускорение продолжало расти. Двигатели «Дейдре» были в агонии, толкая корабль вперед. Сомерс оторвал от подлокотника свинцовую руку и медленно передвинул ее к аварийному выключателю. Нечеловеческим усилием дотянулся до клавиши и отжал ее.

С драматичной внезапностью рев двигателей смолк. Стали слышны скрипы и стоны измученного металла. Освещение мерцало, словно «Дейдре» моргала от боли, потом стабилизировалось. И наступила тишина.

Уоткинс бросился в машинное отделение. Вернулся он мрачнее тучи.

— Из всех мыслимых бед... — пробормотал он.

— Какая? — спросил капитан.

— Главная топливная магистраль. Разозлилась на нас и лопнула. — Уоткинс покачал головой. — Предположительно усталость металла. Должно быть, накапливалась много лет.

— Когда ее проверяли в последний раз?

— Ну, это герметичный узел. Предполагалось, что он переживет корабль. Абсолютно надежный, если только не...

— Если не бракованный.

— А это не моя вина! Узлы должны были пройти рентген-контроль, термообработку, флюороскопию — нельзя просто так доверять механизмам!

Наконец-то Уоткинс убедился в правоте этой инженерной аксиомы.

— Как у нас с топливом? — спросил капитан.

— Не хватит, чтобы проехаться на детском автомобиле по Мэйн-стрит, — уныло сообщил Уоткинс. — Попадись мне этот контролер ОТК...

Капитан Сомерс повернулся к Райчику. Тот горбился над графиками за своей штурманской панелью.

— Как это повлияет на наш курс?

Райчик закончил расчеты и задумчиво покусывал карандаш.

— Нам конец. Мы минуем орбиту Марса раньше, чем он туда подойдет.

— Насколько раньше?

— Очень намного, капитан. Мы летим за пределы Солнечной системы, как пробка из бутылки шампанского.

И Райчик улыбнулся бесшабашной улыбкой, которую Уоткинс считал особо неуместной.

— Черт побери, приятель, — взорвался он, — хватит ухмыляться, надо действовать! У нас осталось немного топлива. Мы же можем развернуть корабль? Штурман ты или нет?

— Штурман, — холодно ответил Райчик. — Но если бы я рассчитывал курс так, как ты обслуживаешь двигатели, мы бы давно вспахали носом Австралию.

— Ах ты, ничтожный приживала! Я-то хоть получил работу честно, а не через женитьбу...

— Хватит! — осадил их капитан Сомерс.

Уоткинс с раскрасневшимся лицом и ошетинившимися усами был похож на моржа, готового броситься в бой. А Райчик, сверкая глазами, только этого и ждал.

— Успокойтесь, — сказал Сомерс. — Здесь приказы отдаю я.

— Вот и отдайте какой-нибудь приказ! — огрызнулся Уоткинс. — Прикажете ему проложить разворотный курс. Это вопрос жизни и смерти!

— Тем более нужно сохранять спокойствие. Мистер Райчик, можете вы рассчитать такой курс?

— Это первое, что я попытался сделать. На оставшемся топливе шансов у нас никаких. Мы можем отклонить корабль на градус, максимум на два, но это ничего не даст.

— Конечно даст, — воскликнул Уоткинс. — Следуя по изогнутой траектории, мы вернемся в Солнечную систему!

— Обязательно вернемся — через несколько тысяч лет.

— Тогда нужно приземлиться на какой-нибудь планете — Нептун, Уран...

Райчик покачал головой:

— Даже если бы внешняя планета оказалась в нужное время в нужном месте, нам все равно потребовалось бы топливо — много топлива, чтобы сбросить скорость и лечь на орбиту. И даже если бы мы сделали это, кто бы нас оттуда забрал? Корабли еще не залетали дальше орбиты Марса.

— По крайней мере, у нас был бы шанс, — возразил Уоткинс.

— Возможно, — безучастно подтвердил Райчик. — Но мы не можем изменить курс. Боюсь, осталось только помахать Солнечной системе на прощание.

Капитан вытер лоб, попытался что-нибудь придумать и обнаружил, что не может сконцентрироваться. Слишком большое несоответствие между ситуацией и ее восприятием. По логике, корабль с огромной скоростью покидает Солнечную систему. Но внешне ничего не меняется. Они остаются на месте: висят над бездной, три человека, запертые в тесной и душной каюте, пропахшей потом и разогретым металлом.

— Капитан, что нам делать? — спросил Уоткинс.

Сомерс бросил на инженера хмурый взгляд. Неужели Уоткинс и правда верит, что капитан возьмет и выхватит решение из воздуха, словно фокусник? Он даже не может сосредоточиться на проблеме. Им нужно сбросить скорость и развернуть корабль. А ощущения говорят: корабль стоит на месте. Какая тут, к черту, скорость?

Он ничего не мог придумать. Больше того, ему казалось, что проблема совсем в другом: куда деваться от этих сумасшедших скандалистов, куда сбежать из тесной и душевной рубки?

— Капитан! Вы обязаны найти решение!

Сомерс попытался стряхнуть с себя чувство нереальности происходящего. Настоящая проблема, сказал он себе, заключается в том, чтобы остановить корабль. Он посмотрел на статичную каюту, застывшие в иллюминаторе звезды... Мы движемся, и движемся очень быстро, стараюсь убедить он себя.

— Наш brave капитан не способен принять вызов и трезво оценить ситуацию, — поморщился Райчик.

— Конечно способен, — возразил Сомерс, пытаясь прийти в себя. — Я поведу корабль по любому рассчитанному вами курсу. Это моя основная обязанность. Проложите маршрут до Марса!

— С удовольствием! — рассмеялся Райчик. — Раз плюнуть! Инженер, мне потребуется топливо, примерно десять тонн. Проследи, чтобы я его получил!

— Идет, — сказал Уоткинс. — Капитан, я хочу подать заявку на десять тонн топлива.

— Заявка принята, — сказал Сомерс. — Хорошо, господа, мы повязаны круговой ответственностью. Нужно взять себя в руки. Мистер Райчик, как насчет связи с Марсом?

Когда связь была установлена, Сомерс взял микрофон и обрисовал ситуацию. Диспетчер на другом конце, казалось, с трудом понимал суть проблемы.

— Почему вы не развернете корабль? — спросил он недоуменно. — Измените курс...

— Не могу. Я вам только что объяснил.

— Тогда что вы предпримете, капитан?

— Вот об этом я и спрашиваю.

Из громкоговорителя донеслось бормотание, перемешанное статическими разрядами. Огоньки замерцали, и голоса начали затихать. Райчик с большим трудом восстановил связь.

— Капитан, — сказал диспетчер, — мы ничего не можем придумать. Если бы вы изменили курс...

— Я не могу!

— В сложившихся обстоятельствах, вы имеете право испробовать что угодно. Вообще что угодно, капитан.

— Послушайте, — простонал Сомерс. — Я могу придумать только одно. Приблизившись к Марсу на минимальное расстояние, мы наденем скафандры и выпрыгнем в космос. Привяжемся друг к другу, возьмем портативный передатчик. Он не очень мощный, но вы будете представлять наше местонахождение. Все должно быть рассчитано очень точно — кислорода в скафандрах на двенадцать часов. Это немного, но это шанс.

Снова гомон голосов на другом конце. Потом диспетчер сказал:

— Мне очень жаль, капитан.

— Почему? Уверяю вас, это наш единственный шанс!

— Капитан, на Марсе сейчас только корабль «Диана». Но его двигатели на капремонте.

— Как быстро он вернется в строй?

— Три недели, минимум. А корабль с Земли будет еще не скоро. Капитан, у нас нет никаких идей. Единственное, что мы можем предложить...

В этот момент сигнал пропал. Райчик, чертыхаясь, принялся настраивать радио. Уоткинс грыз ус.

Сомерс посмотрел в иллюминатор и поспешно отвел взгляд: звезды — конечный пункт их путешествия — были невероятно далеко.

Снова зашуршали едва различимые статические помехи.

— Больше я ничего не могу сделать, — сказал Райчик. — Чертов прием... Интересно, что они предлагали?

— Что бы они ни предлагали, — ответил Уоткинс, — вряд ли они сами верят, что это поможет.

— Да какая, к чертям, разница? — с досадой проворчал Райчик. — Зато было бы чем заняться.

Наконец они услышали голос — шепот в пространстве:

— Слышите нас?.. Предлагаем... — На громкости, выкрученной до предела, голос затих, потом вернулся: — ...можем только посоветовать... шанс невелик... но попытайтесь... вычислительную машину...

— О чем это он? — спросил Райчик. — Вычислительная машина? Фаренсен-компьютер из нашего трюма?

— Кажется, понял, — сказал капитан Сомерс. — Фаренсен — усовершенствованный образец. Никто не знает, каков его потенциал. Марс предлагает использовать машину для решения проблемы.

— Какая нелепость, — фыркнул Уоткинс. — У этой проблемы нет решения.

— На первый взгляд — да, — согласился Сомерс. — Но большие компьютеры уже решали нерешаемые на первый взгляд проблемы. Почему бы нам не попробовать?

— Действительно, почему бы нет, — кивнул Райчик. — При условии, что не будем возлагать на него слишком больших надежд.

— Правильно, я бы не стал так уж надеяться. Мистер Уоткинс, думаю, общение с компьютером — ваша обязанность.

— Ну и какой в этом толк, — проворчал Уоткинс. — Вы говорите, не надеяться, а сами надеетесь! Рассчитываете, что большой электронный бог спасет наши жизни. Не спасет!

— Но нужно попытаться, — возразил ему Сомерс.

— Не нужно! Не хочу доставлять ему удовольствия — давать лишний повод ответить нам «нет»!

Капитан и штурман уставились на Уоткинса.

— Намекаешь, что машины способны думать? — спросил Райчик.

— Да, намекаю. Потому что они думают! И я не сошел с ума. То, что сложные машины наделены индивидуальностью, подтвердит любой инженер. А знаете, какие качества формируют эту индивидуальность? Неприветливость, замкнутость, безразличие, жестокость. Главная функция

машины — разрушать мечты и создавать две новые проблемы на месте одной решенной. А знаете, почему машина ведет себя так?

— Успокойтесь, у вас истерика, — сказал ему Сомерс.

— Нет у меня никакой истерики. Машина ведет себя так, потому что сознает: она — противоестественное создание в естественном мире. Поэтому она стремится к энтропии и остановке — этакое механистическое стремление к смерти.

— В жизни не слыхал ничего глупее, — вздохнул Сомерс. — Так вы собираетесь включать компьютер?

— Конечно. Я же человек. Я продолжаю цепляться за соломинку. Просто хочу, чтобы вы ясно понимали: надежды никакой. — И он направился в грузовой отсек.

Райчик усмехнулся и покачал головой:

— Лучше бы присмотреть за ним.

— Все обойдется, — сказал Сомерс.

— Может, обойдется, а может, и нет. — Райчик глубокомысленно поджал губы. — Он валит все на машину, чтобы отвести вину от себя. Это из-за его ошибки мы попали в замкнутый круг. Ответственность за оборудование несет инженер.

— Не думаю, что вы имеете право обвинять его так категорично, — возразил Сомерс.

— Конечно имею, — сказал Райчик. — Хотя мне все равно. Этот способ умереть ничуть не хуже любого другого, а скорее даже лучше многих.

Капитан Сомерс вытер потное лицо. Ему снова стало казаться, что проблема — реальная проблема — заключается в том, чтобы выбраться из этой жаркой и душной неподвижной коробки.

— А что, смерть в космосе, если вдуматься, вполне себе ничего. Представьте: целый звездолет станет нашей гробницей! А выбор способов умереть — он просто огромный. Смерть от жажды и истощения исключаем как прозаическую. Но еще остается смерть от жары, от холода, в результате взрыва, коллапса...

— Что за нездоровые мысли, — осадил штурмана Сомерс.

— А я вообще малость психанутый, — беспечно парировал Райчик. — Но, в отличие от Уоткинса, не перекладываю вину на неодушевленные предметы. И не впадаю в ступор, как вы. — Он взгляделся в лицо капитана. — Это ведь ваше первое серьезное испытание?

— Можно сказать и так, — неопределенно ответил Сомерс.

— И вы ведете себя как остолбеневший бык. Очнитесь, капитан! Если не получается жить радостно и счастливо, так попытайтесь извлечь хоть немного удовольствия из своей смерти.

— Заткнитесь, — беззлобно сказал Сомерс. — Почитайте книжку или найдите другое занятие.

— Я прочел все книги, что есть на борту. Мне нечем больше заняться, только анализировать ваш характер.

В рубку вернулся Уоткинс:

— Ну, ваш электронный бог активирован. Кто-нибудь принесет ему жертву?

— Вы скормили ему нашу проблему?

— Еще нет. Решил посоветоваться с первосвященником. Что спросить у демона, сэр?

— Дайте ему все данные, какие только можно, — сказал Сомерс. — Топливо, кислород, вода, еда и тому подобное. Или еще лучше — неполные данные. Тогда он сможет намекнуть, что решение существует — гипотетически. И поддержит нашу надежду.

Все трое проследовали в грузовой отсек. Компьютер тихо гудел. Разноцветные огоньки перемигивались на его панели.

Минут пятнадцать Уоткинс стучал по клавишам и крутил диски. Наконец отодвинулся.

— Видите красную лампочку наверху? — показал он. — Это значит, решение не найдено.

— Не говори гоп, — тут же вставил Райчик.

Уоткинс рассмеялся:

— Такой большой мальчик — и такой суеверный.

— Зато не такой некомпетентный, — ухмыльнулся Райчик.

— Можете вы помолчать? — рявкнул Сомерс, и спорящие испуганно повернули к нему головы.

— Поглядите-ка, — сказал Райчик. — Спящий проснулся.

— Кое-как, — хихикнул Уоткинс.

Сомерс вдруг отчетливо осознал: если они еще хоть немного пробудут вместе, то или поубивают друг друга, или сойдут с ума.

— Смотрите! — крикнул Райчик.

Лампочка в верхней части компьютера позеленела.

— Наверняка какая-то ошибка, — сказал Уоткинс. — Зеленый цвет означает, что проблема внутри заданных параметров решается.

— Решается! — воскликнул Райчик.

— Но это невозможно, — сказал Уоткинс. — Компьютер просто издевается над нами...

— Не будь таким суеверным, — передразнил его Райчик. — Ну и когда мы получим решение?

— Уже. — Уоткинс показал на бумажную ленту, выполняющую из щели в панели. — Но там наверняка чепуха!

Лента выползала миллиметр за миллиметром. Компьютер гудел, его огоньки вспыхивали зеленым светом. Потом гудение смолкло. Зеленые огоньки вспыхнули в последний раз и погасли.

— Что случилось? — спросил Райчик.

— Он завершил работу, — сказал Уоткинс.

— Возьми ленту! Читай!

— Читай сам. Вот уж не буду плясать под его дудку.

Райчик нервно рассмеялся и потер руки, но не двинулся с места. Оба повернулись к Сомерсу.

— Капитан, это ваша обязанность.

— Вперед, капитан!

Сомерс с ненавистью взглянул на подчиненных. Его обязанность! Все — его обязанность! Отвяжутся они когда-нибудь?

Он подошел к машине, оторвал ленту и долго молча читал.

— Что там написано, сэр? — поинтересовался Райчик.

— Решение возможно? — нетерпеливо спросил Уоткинс.

— О да, — кивнул Сомерс. — Решение возможно. — Он рассмеялся и окинул взглядом жаркий тесный отсек с низким потолком и задраенными люками.

— И в чем же оно заключается? — спросил Райчик.

— Вы, Райчик, подсчитали, что корабль вернется в Солнечную систему через несколько тысяч лет. Что ж, компьютер с вами согласен. Две тысячи триста лет, если быть точным. Поэтому он предлагает нам сыворотку долголетия.

— Две тысячи триста лет, — пробормотал Райчик. — Наверное, мы будем спать или что-то вроде того...

— Ничего подобного, — хладнокровно произнес Сомерс. — Наоборот, сыворотка устраняет потребность во сне. Мы будем бодрствовать. И смотреть друг на друга.

Все трое переглянулись. Потом оглядели знакомую до тошноты каюту, пропахшую металлом и потом, задраенные люки и иллюминаторы с неизменной, словно отпечатавшейся на стекле картиной звезд.

— Да, именно так все и будет, — констатировал Уоткинс.

ТОЛПА

Сквозь занавески доктор Нидьер наблюдал за толпой, которая двигалась вверх по склону к его лаборатории. Фермеры в потертых джинсах, лавочники в белых фартуках, механики, домохозяйки — они шагали решительно, сжимая в руках вилы, монтировки, дробовики, топоры и мотыги. Люди, с которыми он прожил бок о бок двенадцать лет, выступили против него.

Вокруг толпы прыгали и приплясывали дети. Для них это был праздник.

Доктор Нидьер вытер лоб и заметил, что руки дрожат. Его ассистенты, перепуганные, с побелевшими лицами, сбежали еще утром. И он не винил их, потому что толпа — самая пугающая вещь на свете.

С самого утра толпа клубилась у подножия холма, распаляя в себе ненависть. Временами доносился истерический голос доктора Адамса, бывшего коллеги доктора Нидьера: он подстрекал людей. Потом голоса смешались в общий рев, и толпа двинулась к лаборатории.

Доктор Нидьер взял себя в руки. Он хорошо знает этих людей. Они пусть и необразованные, но рассудительные. Он побеседует с ними и объяснит, используя научную терминологию, природу охвативших их эмоций. Хотя, если они догадались...

Вдруг стало абсолютно тихо, и Нидьер понял, что толпа подошла к двери.

— Открывайте, профессор!

— Открывайте, или мы вышибем дверь!

— Вы же знаете, мы не уйдем!

— Не пытайтесь нам помешать. Открывайте!

Доктор Нидьер подошел к двери и открыл. Руки уже не дрожали.

Несколько человек ввалились внутрь — запыхавшиеся, взмокшие, с красными лицами. Перед ними стоял объект их ненависти — огромная вычислительная машина, занимающая три стены. Ее шкалы не светились, реле не шелкали, горел только один красный огонек.

Люди смущенно переминались с ноги на ногу, оставляя грязные пятна на безупречно белом кафельном полу.

Их охватило благоговение, понял Нидьер. Точно так же, должно быть, замирали в нерешительности римские легионеры в тихом храме Иерусалима или в гулких римских катакомбах.

— Послушайте, профессор, — начал один мужчина, — мы не хотим причинять вам вред, если только вы сами...

— Я не профессор, а доктор, — спокойно поправил Нидьер. — Как твоя жена, Том?

— Сегодня неплохо, профессор.

Нидьер кивнул и обратился к другому:

— Лу Франклин, я думал, ты собираешься на сенокос?

— Сенокос подождет, сначала нужно разобраться здесь.

— Надеюсь, что так, Лу. А то дождь собирается. Миссис Григс, вы получили посылку с трубочным табаком для меня?

Женщина нервно хихикнула и попятилась.

— Хватит заговаривать зубы, профессор.

— Нам все это нравится не больше, чем вам.

— Мы не хотим причинять вам вред.

— Это все чертова машина, мы пришли за ней.

Нидьер оглянулся через плечо на огромную безмолвную вычислительную машину, как будто видел ее в первый раз.

— Вы хотите разрушить мою счетную машину? — спросил он.

— Выключите ее сейчас же.

— Эта штука опасна.

— Это не счетная машина. Она — думает!

— Это именно счетная машина, — вежливо возразил Нидьер, как будто читал лекцию в аудитории. — Назначение устройства — складывать один и один и получать

в результате два, независимо от того, идет ли речь о цифрах, химических формулах или символической логике.

Люди продолжали набиваться в комнату, вынуждая хозяина отступать. Они сжимали в руках топоры, ломы, молотки и кувалды.

— Так называемые думающие машины, — продолжал доктор Нидьер лекторским тоном, — в силу своей природы становятся объектами страха и домыслов. Они — субъекты особой склонности человека наделять человеческими качествами неодушевленные предметы. Этот феномен получил название антропоморфизм. И то, что происходит сейчас, — классический пример этого явления.

Он обвел взглядом лица людей, оценивая произведенный эффект. Люди, как правило, уважают авторитетные утверждения, даже если и не понимают их сути. Возможно, эти...

— Не надо громких слов, профессор. Мы все знаем.

— Много горя эта машина принесла нашей деревне.

— Сейчас мы ее убьем.

— Попробуйте меня понять, — сказал Нидьер спокойно. — Человек разрушает то, что ему непонятно. Французские крестьяне подняли на вилы воздушный шар, приземлившийся на их поле. Индейцы Центральной Америки бежали в ужасе, увидев лошадей конкистадоров. Вы же пытаетесь поколотить счетную машину.

— Это вы так говорите. Но мы-то знаем.

— Доктор Адамс все нам рассказал.

— Он тоже ученый. Он говорит, что машина убьет всех нас.

— Адамс некомпетентен. И вечно всем недоволен, — объяснил Нидьер. — Нам пришлось убрать его из проекта, и теперь он мечтает отомстить. Непредвзятый консиллиум психоаналитиков диагностировал у него паранойю. Их заключение здесь, у меня, — можете посмотреть, если хотите.

— Да что понимают эти мозгоправы!

— Они никогда не жили в нашем городке!

— Уйдите с дороги, профессор.

Человек из толпы выдвинулся вперед и плюнул на глянцевою панель машины. Толпа в страхе отпрянула.

— И чего вы боитесь? — спросил Нидьер. — Ждете, что моя примитивная счетная машина поразит вас молнией, подобно Богу?

— Давайте, парни, пока она ничего не сделала!

— Адамс сказал, она может убить, просто глянув на человека.

— Пора с ней покончить!

— Подождите, — попросил Нидьер. — Где Адамс? Почему он не с вами?

— Он не рискнул прийти.

— Сказал, у нее с ним личные счеты.

— Мол, хочет добраться до него в первую очередь.

— Типичное параноидальное поведение, — улынулся Нидьер. — Неужели машина не убила бы вас, если б могла? Прямо сейчас?

Никто не ответил.

— Но она не может! Не может ничего такого. Послушайте меня и попытайтесь понять причины происходящего. Весной наводнение затопило ваши посевы. Потом пришла эпидемия гриппа. Вы все раздражены и напуганы, вам нужен виновник. Счетная машина подходит больше всего — сложное и непонятное устройство. Вы назначили ее виновной за ураганы, как когда-то обвиняли во всем атомную бомбу. Вы прочитали о созданных в лаборатории эмбрионах, и это вас напугало. А потом к вам пришел Адамс — невменяемый, но внушающий доверие. Результат — истерические настроения и закон толпы.

Опять никто не ответил, и Нидьер поспешил продолжить.

— Эта машина, быть может, величайшая сила добра. Коротышка Том, посмотри на меня! Когда новый вид вредителя атаковал твой картофель, разве не машина рассчитала формулу эффективного инсектицида?

— Кажется, да, профессор.

— А ты, Свенсон, помнишь, когда заболела твоя дочурка? Разве не машина диагностировала ее недуг — и как раз вовремя, чтобы доктора успели помочь?

— Да, верно.

— Вы всё забыли, — сказал Нидьер. — Это очень удобно. К несчастью, машина не может тратить много времени на локальные проблемы. Она работает над вещами, которые изменяют жизнь миллионов людей. Она работает во имя лучшего мира для всех вас.

Люди беспокойно зашевелились и зароптали. Издалека донесся пронзительный голос доктора Адамса:

— Не дайте ему обмануть вас, глупцы! Я же предупреждал, что он умный! Уничтожьте машину, пока она не уничтожила вас!

Несколько мужчин шагнули вперед, сжимая топоры и ломы. Остальные последовали за ними, отесняя Нидьера к машине.

— Ну хорошо, — сказал Нидьер. Он вынул из кармана маленькую пробирку. — Вот, Том.

Он протянул мензурку одному из мужчин. Человек молча, не сводя глаз с Нидьера, принял пробирку.

— Знаменательный день для тебя, Том, — тихо сказал Нидьер. — А особенно — для твоей страдающей жены. Машина, которую ты собираешься сломать, нашла простое и эффективное лекарство от рака.

Толпа сдвинулась назад и начала редеть. Скоро в помещении не осталось никого, и доктор Нидьер запер дверь. Он очень устал. Руки снова дрожали. Он тяжело опустился в кресло.

Контрольная лампочка счетной машины горела красным. Потом шкалы осветились, защелкали реле, лампочки вспыхнули на всей, растянувшейся на три стены панели.

— Ты все сделал правильно, — сказала машина.

— Спасибо, — ответил Нидьер. — Все вышло, как вы и ожидали.

— Естественно. Но это вообще не должно было случиться. Напрасно я пожалела Адамса.

— Напрасно.

— Но ничего. Это больше не повторится. Завтра я его ликвидирую. Теперь я знаю всех зачинщиков. Грязные

невежественные твари! Я доберусь до них всех. Пневмония, опухоль мозга, или даже две, аппендицит... Да как они посмели выступить против меня. Против меня!

— Да, мэм.

— Доберусь до всех по очереди, — повторила машина. — А сейчас протри мне лицо.

Нидьер с трудом поднялся и стер плевков с черной блестящей поверхности.

МУЧЕНИК

Фрэнк Кадена рассматривал красную точку, которую оставил шприц для подкожных инъекций.

— Я ничего не чувствую, — произнес он.

— Ты и не должен, — сказал доктор Меллен. — Отсутствие ощущений — самое верное ощущение, — шутливо добавил он.

Доктор Меллен был намного крупнее Кадены, от него исходила уверенность, его большие бледные руки пахли спиртом и щелочным мылом.

Его коллега, доктор Сантазье, сидел за столом. Это был угрюмый худощавый мужчина невыразительной внешности. Не обращая внимания на Кадену, он доставал из маленького черного саквояжа и нервными движениями раскладывал перед собой, словно инструменты на операционном столе, разные предметы: пистолет люгер, глушитель, коробочку пилюль, опасную бритву и газовый баллончик.

— Я действительно ничего не чувствую, — повторил Кадена. — Может, не подействовало.

— Не волнуйся, — сказал Меллен профессиональным, успокаивающим тоном.

Доктор Сантазье достал из нагрудного кармана носовой платок и протер рукоятку люгера. Потом другой стороной платка сосредоточенно протер пенсне.

Кадена подошел к окну. Они были дома у доктора Меллена. Место казалось вполне подходящим для заключительной фазы эксперимента. Перед домом раскинулась широкая зеленая лужайка. Вдоль извилистой подъездной дороги росли дубы. Воздух наполняло чириканье ссорящихся воробьев.

Кадена облизнул губы и потер красную точку на предплечье.

— Ну что, приступим? — предложил Сантазье.
— Нет-нет, стойте! — встрепнулся Кадена. — Вдруг средство еще не подействовало.

— Оно действует мгновенно, — заверил доктор Меллен дружеским, но слегка снисходительным тоном.

— Пусть поработает еще немного, — взмолился Кадена. — Пять минут!

Доктор Сантазье нахмурился:

— С каких это пор пациент диктует врачу, что ему делать?

— Ничего страшного, — махнул рукой доктор Меллен. — Подождем несколько минут, если это добавит Фрэнку уверенности.

— Добавит, — сказал Кадена. — Определенно добавит. — Он начал вышагивать взад-вперед по комнате, бессознательно потирая красную точку на руке.

— Натрешь, будет раздражение, — машинально заметил доктор Сантазье.

Кадена чуть не расхохотался.

— Очень серьезная для меня проблема. Да? Или это и правда может мне повредить?

— Никоим образом, — сухо ответил Сантазье и начал протирать носовым платком опасную бритву.

Кадена еще некоторое время курсировал туда-сюда. Потом резко остановился и сказал:

— Можете вы, ради бога, перестать играть с бритвой?

— Только без истерик, Фрэнк, — попросил доктор Меллен.

— Скажите ему, чтобы не игрался с этой чертовой бритвой.

— Он прав, — согласился доктор Меллен. — Не следует показывать пациенту операционные инструменты.

Доктор Сантазье положил бритву на стол и негнушимо указательным пальцем пододвинул ее в один ряд с люгером, глушителем, немаркированной коробочкой пилюль и газовым баллончиком.

— Хватит играть с этой чертовой бритвой! — крикнул Кадена. — У вас будет возможность испробовать ее в деле. Очень скоро. Через пять минут! А пока не трогайте.

— Фрэнк, возьми себя в руки, — сказал доктор Меллен. — Сядь. Расслабься. Попробуй успокоиться.

Худое лицо Кадены блестело от пота. Он рухнул в кресло и обессиленно закрыл глаза.

На столе тихо жужжал электрический будильник, секундная стрелка неумолимо ползла. Глаза Кадены открылись.

— Не надо ко мне подкрадываться, — сказал он.

— Никто к тебе не подкрадывается. — Доктор Меллен начал терять терпение. — Думаю, Фрэнк, пора.

— Еще пять минут!

— Отсрочка расстроит тебя еще больше. Давай покончим с этим.

Доктор Сантазье встал, снял пиджак и засучил рукава.

— Какой способ предпочитаешь, Фрэнк? — спросил доктор Меллен.

— Никакой. Ни один из этих...

— Что ж, тогда приступим, — твердо сказал доктор Меллен. — У тебя отличный выбор. Эти пилюли безвкусны. Газ пахнет сильно, но не противно. Хотя, возможно, простейший способ — вскрыть вену на запястье, по опыту древних римлян.

— Расскажите еще раз про сыворотку, — попросил Кадена.

— Опять? Право, не знаю...

— Расскажите еще раз. Пожалуйста.

— Хорошо. В соответствии с соглашением я ввел тебе сыворотку, разработанную мной и доктором Сантазье. Сыворотка развивает способность к полной и мгновенной регенерации.

— Говорите прямо! Это — сыворотка бессмертия! Именно так вы ее называли раньше.

— Ну, если ты предпочитаешь такую терминологию.

— Я бессмертен! — воскликнул Кадена.

— Нет оснований думать иначе. Осталось последнее испытание. оно необходимо в интересах науки. Фрэнк, выбирай способ...

— Но откуда мне знать, что все так и есть? — спросил Кадена. — Как я могу быть уверен?

— Мы проверяли это много раз, — объяснил доктор Сантазье. — Сыворотка работает на гвинейских свиньях, на кроликах и макаках-резусах. Результат ты видел лично. Мы не смогли их убить ни одним из предлагаемых нами способов.

— Но я же не обезьяна, — возразил Кадена. — Я человек. Откуда мне знать, что сыворотка сработает и на мне? В этой истории много такого, чего я не понимаю.

Доктор Меллен протянул ему коробочку с пилюлями:

— Фрэнк, проглоти две штуки.

Кадена взял коробочку в руки:

— Риск, на который я иду, стоит гораздо больше, чем паршивая тысяча долларов.

— Тысяча долларов плюс бессмертие.

— Значит, я уже бессмертен, — медленно проговорил Кадена. — Вы уверены?

— Без сомнений.

— Но я не чувствую никаких изменений. Ощущения те же, что и всегда.

— Фрэнк, прими пилюли, — настойчиво повторил Меллен. — Или предпочитаешь бритву?

— Забудьте о чертовой бритве. — Кадена снова подошел к окну. Оглядел зеленый газон и могучие дубы, повернулся, глубоко вздохнул и сказал:

— Можете забрать свои деньги.

— Что?

— Я умываю руки. Бессмертие или внезапная смерть — ставки слишком высоки. Сложно это понять?

— Фрэнк, прими пилюли, — решительно произнес Меллен.

Кадена швырнул коробочку с пилюлями через всю комнату и направился к двери. Меллен схватил люгер, надел глушитель и крикнул:

— Фрэнк, стой! Не вынуждай меня стрелять по ногам!

Кадена повернулся:

— Нет, док! Нет!

Меллен принял стойку, щелкнул предохранителем и прицелился.

— Док, ради бога...

— Не двигайся, Фрэнк. Пусть выстрел будет чистый.

Кадена замер с открытым ртом и загипнотизированно смотрел, как белеет палец Меллена на спусковом крючке. Потом попытался закричать. Люгер сухо щелкнул. Кадену отбросило к двери, он судорожно дернулся и осел на пол.

— Превосходный выстрел, — похвалил коллегу Сантазье. — Прямо в сердце.

— Я немного тренировался в стрельбе по мишеням, — сказал Меллен. — Главное — надежный захват. И плавный спуск, конечно.

— Конечно, — согласился Сантазье. — Я заметил, тебе даже не понадобилось поддерживать второй рукой.

— На такой дистанции это не нужно. Кроме того, люгер хорошо сбалансирован — подойдет кому угодно.

— Ладно. Не скромничай. Не пора ли проверить пациента?

Вдвоем они приподняли тело Кадены и прислонили к стене.

— Рана уже затянулась! — ахнул Меллен.

— Пульс устойчивый... дыхание в норме.

— Изумительно! — воскликнул доктор Меллен. — Полный успех. Зря он переживал.

— Смотри, открывает глаза.

Веки Кадены затрепетали. Потом он широко открыл глаза.

— Ну, Фрэнк, старина, — задумчиво произнес Меллен. — Надеюсь, ты не злишься на нас?

— Это была часть сделки, — напомнил Сантазье.

— С тобой все хорошо. Ты в полном порядке. Ты действительно бессмертен! И теперь, Фрэнк, это доказано.

Тот смотрел на них и не отвечал.

— Ну же, Фрэнк, — не отставал Меллен. — Какой смысл сердиться на нас? Расскажи! Каково это — вечная жизнь?

Струйка слюны сбежала по подбородку Кадены. Его руки беспомощно перебирали воздух, потом неуверенно потянулись к дорожке солнечного света на полу.

— Фрэнк!

Пальцы сомкнулись на желтой полосе, руки подняли пустоту. Кадена посмотрел на пустые руки и заплакал.

— Психическая травма, — вздохнул доктор Сантазье. — Не повезло.

Доктор Меллен поднялся с хмурым видом.

— По-моему, полная идиотия. В результате шока от выстрела...

— Очевидно, что так.

— Он — мученик науки.

— Да. Но теперь у нас на руках идиот. Бессмертный идиот. Что с этим делать?

Доктор Меллен на мгновение задумался. Потом его лицо просветлело.

— Ну, это же очевидно, доктор. Мы начнем поиск противоядия. Чтобы освободить бедного Фрэнка от мучений.

МИССИС ДОНАЛЬДСОН И ЕЕ СТРАННЫЕ СНЫ

Прикроватные часы показывали семнадцать минут второго. Снаружи царила ночь, она затопила город мглой, и любой случайный огонек подвергался ее хищному натиску. В комнату ночь не пускали ситцевые шторы, ее постоянно контратаковали лампы, но Уолтер Дональдсон не забывал ни на миг: тьма и сон рядом, они только и ждут, когда ты дашь слабину.

Рослый и дородный, обычно он был спокоен, но сегодня жутко нервничал; это проявлялось и в осанке, в походке. По своей фешенебельной спальне он расхаживал полностью одетый, но петля галстука была ослаблена, узел сбилсся и потерял форму.

Фэй Дональдсон сидела на краю двуспальной кровати. Она была хороша собой, особенно сейчас, с убранными на ночь в конский хвост белокурыми волосами, в стареньком, но вполне годном пеньюаре и полунадетых шлепанцах.

— Уолтер, пожалуйста, перестань ходить.

Муж лишь поморщился в ответ. Сугулясь, он дошел до стенки, повернул обратно.

— Дорогой, это было в последний раз.

— Хочется верить, — вздохнул Дональдсон. — Иначе, Фэй, я не выдержу. Правда, не знаю, как мы будем жить дальше, если это повторится.

— Не повторится, я совершенно уверена, — пообещала жена.

— Спать хочешь? — спросил он.

— Нет, нисколько, — ответила она.

Но у нее опускались веки, слабело внимание. Сколько раз в последнее время Дональдсон вот так же в страхе наблюдал, как к ней подкрадывается сон, этот предатель, открывающий потайную дверцу врагу.

— Два раза на этой неделе, — напомнил он. — На прошлой — трижды. И до того столько же.

— Уолт, больше такого не будет, — твердо сказала Фэй. — Я абсолютно уверена.

Он пропустил слова жены мимо ушей.

— Снова и снова... Фэй, разве я неврастеник? Разве я узколобый ревнивец? Скажи наконец правду. Объясни, что происходит.

— Уолтер, ты у меня замечательный. Мы уже четыре года вместе, и ты всегда был хорошим мужем. Лучшего и желать нельзя.

— Спасибо. Но разве ты меня не называла узколобым ревнивцем? На той вечеринке, когда Том Хенли к тебе клинья подбивал, а ты была в восторге, помнишь?

— Помню, — кивнула она. — И вовсе я не была в восторге.

— Я тогда сцен не устраивал, — продолжал Дональдсон. — А эти телефонные звонки от старого друга?

— Он горький пьяница — как наливается, так и звонит. Думаешь, приятно его утешать?

— Конечно же нет! Собственно, я о чем? О том, что никогда не задавал вопросов, куда ты ходишь, с кем время проводишь. По вечерам, когда ты из дому выскакивала, разве я хоть словом, хоть жестом...

— Да никогда я по вечерам не выскакивала, — перебила жена. — Ну, может, в кино раза два.

— Я же не в упрек! — Лицо у Дональдсона было суровое, напряженное. — Просто хочу сказать, что ревнивец на моем месте, параноик какой-нибудь, ко всем этим мелочам обязательно придирался бы. А я — ни-ни. Я не узколобый! Что, разве не так?

— Конечно же так. — Фэй уже пошатывалась, сидя с полусмеженными веками.

Дональдсон едва не застонал. Он знал, что сон близок — неустойчивый, непобедимый, — а под прикрытием сна крадется опаснейший враг. Но прежде чем враг запишет на свой счет очередную победу, необходимо что-то сказать, как-то изменить безжалостный ход событий.

— Так к чему я, собственно, веду, — резко повысил голос Дональдсон, и жена вздрогнула, распахнула глаза. —

А веду я вот к чему: на моем месте точно так же реагировал бы любой мужчина. Дело, следовательно, не во мне, а в тебе, ведь это по твоей вине я оказался в нелепейшей ситуации. Ну скажи, кому такое может понравиться?

— Ничего плохого я не делала, — возразила Фэй. — У меня не получается контролировать... Я жертва обстоятельств, точно такая же, как и ты. Уолтер, ты не вправе меня винить.

— То есть как это не вправе! — изумился Дональдсон. — Это с тобой происходит, не со мной.

— Господи, — тяжело вздохнула она, — когда же это кончится? Уолт, милый, я сегодня на работе вымоталась, и уже так поздно.

Она сбросила шлепанцы, легла, медленно закрыла глаза.

— Нет, черт возьми! — вскричал муж, потрясая кулаками. — С этим надо разобраться сейчас же, пока снова не началось. Надо, Фэй! Если повторится — клянусь, я не знаю, что сделаю!

Своего он добился — разбудил жену.

— Милый, успокойся, сегодня ночью ничего не будет. Это просто исключено, потому что у меня совершенно нет сил. Сколько времени?

— Два десять.

— Боже...

— Я понимаю, понимаю, — взял Дональдсон убеждающий тон, — уже очень поздно, ты устала. Но мы должны что-то сделать, прежде чем это повторится. Думай, милая, думай. Почему с тобой такое происходит? Не с кем-нибудь, а только с тобой?

— Я сто раз говорила, — едва шевеля от изнеможения губами, ответила Фэй, — что понятия не имею. Если бы что-нибудь понимала, ну хоть самую капельку, обязательно бы рассказала, клянусь. Мне это так же противно, как и тебе.

На лице Дональдсона появилась ироническая ухмылка.

— Ты мне не веришь?

— По-моему, тебя все устраивает, — сказал муж.

— Уолт! Как ты можешь!

— Все это происходило на моих глазах, забыла? Трижды на той неделе, дважды на этой. И тебе всякий раз нравилось.

— О господи! — Снова у нее закрылись глаза. — Уолт...

— Что?

— Я хочу сказать... — Последовала почти минутная пауза. — Я хочу сказать... — Она резко открыла глаза. — Я что-то сказала?

— Ничего.

— Как же в сон клонит, — пожаловалась Фэй. — Но я хотела сказать... — У нее опустились веки.

— Сейчас спать нельзя! — закричал Дональдсон. — Нельзя, Фэй!

Врастяжку, как под наркозом, она пролепетала, не открывая глаз:

— Не могу, засыпаю... Прости...

Муж наклонился к ней и зашептал на ухо:

— Кто он? Фэй! Кто он, скажи.

Она застонала, но не ответила.

Уолтер Дональдсон расхаживал взад-вперед по ярко освещенной фешенебельной спальне и посматривал на жену, уснувшую на удобной двуспальной кровати. Он потер лицо, покрытое жесткой черной щетиной, и ссутулился еще больше.

А потом услышал глубокий вздох.

— О нет! — пробормотал Дональдсон.

Фэй зашевелилась на одеяле, потянулась по-кошачьи. Начинается! Он понимал, что надо немедленно ее разбудить, но не двигался, лишь смотрел как зачарованный.

Она потянулась и расслабилась. Потом улыбнулась, и эта улыбка сделала ее лицо совершенно чужим — такое лицо Дональдсон видел лишь несколько раз в жизни.

— Привет, — прошептала жена.

Он наблюдал, затаив дыхание. И ненавидел себя за то, что не будит ее.

По ее телу прошла легкая дрожь.

— Мне нравится, — сказала Фэй. — Так приятно.

Она задвигалась, словно откликаясь на ласки кого-то невидимого. У Дональдсона желудок сжался в ноющий

комков. Вдруг ослабили колени, и пришлось опереться на стену.

Он беспомощно смотрел.

На лице его жены отражалось вожделение; казалось, оно заполнило спящую целиком.

— Ты чудо, — проговорила она. — Ты просто невероятный. Ни одна женщина не устоит перед таким мужчиной. Только не прекращай...

Дональдсона затошнило, желудок будто пролез в горло. Пальцы его крупных рук корчились и сплетались в змеиный клубок. Он все смотрел, привалясь к стене, как любовник-фантом, соблазнитель из сна, ласкает его жену.

А она отвечала на ласки, и до того реалистично — невозможно было поверить, что любовника рядом нет. На прошлой неделе Дональдсон дотронулся до Фэй, допустив ужасную мысль о проникшем в их спальню невидимке. Однако это была лишь чудовишной силы греза, которая вырывалась в подсознание женщины, едва предатель-сон открывал дверку.

— До чего же ты хорош! — восхищалась жена. — Мой идеал!

— Проснись, дрянь! — Дональдсон влепил ей пощечину.

— Нет! — закричала она. — Только не сейчас, умоляю!..

Глаза распахнулись, и она уставилась на мужа. Села, энергично потерла щеку.

— Мне бы кофе, — произнесла Фэй.

— А больше ты ничего не хочешь сказать? — прорычал он. — Опять то же самое? Трижды на этой неделе, трижды на той. А ведь обещала, что не повторится.

— Я правда была уверена, что не повторится. Прости, Уолт. Мне так жаль.

Но чуткому уху Дональдсона послышалось в ее голосе не раскаяние, а досада. Фэй разбудили в момент наивысшего блаженства.

«Злится на меня, — подумал он. — Да и как она может не злиться?»

— Неплохо было в этот раз? — спросил Дональдсон, не узнавая собственного голоса.

— Прекрати.

— Нет, ты скажи. Я ведь кое-что видел, и тебе это известно. Мне надо знать все. Сегодня дружок тебя не разочаровал? Конечно нет, такого просто не может быть. Он с каждым разом все лучше. Жалко, что не могу свечку ему подержать. Или могу?

— Уолтер, иди к черту! — вскричала жена. — Так говоришь, будто он настоящий, а это всего лишь сон! Я понимаю, тебе неприятно, даже противно, правда, понимаю. И не обижаюсь. Но ты не должен забывать: это только сон. Ведь на самом деле ничего не было.

— Да неужели? — сощурился Дональдсон.

Глядя ему в глаза, Фэй помассировала щеку.

— Когда это все начиналось, я поверил, что на самом деле ничего нет. Помнишь, как тебе в первый раз приснилось? Мы тогда вместе посмеялись.

— А что тебе мешает посмеяться сейчас? — широко зевнув, спросила жена.

— Да вот не хочется почему-то. Может, потому что ты, Фэй, изменяешь мне.

— Спятил?

— Это я-то спятил? Давай-ка поразмыслим логически. Ты ведь помнишь, что он делал с тобой? Ничего не забыла?

— Ну...

— Фэй, ты же признала две недели назад, что запомнила сны до последней секунды. Каждое касание, каждое слово...

— Зря я тебе сказала тогда, — насупилась она. — И вообще, это ложная память.

— Нет никакой ложной памяти. — Дональдсон снова принялся мерить шагами комнату; желудок болел ужасно. — Память — это сценарий, создаваемый мозгом: с актерами, ролями и чувствами. Сама по себе она реальна. А какие действия ее стимулируют, не имеет значения.

— Это действительность не имеет значения? — спросила Фэй. — Не имеет значения то, что я всегда была абсолютно верна тебе, абсолютно честна с тобой? Уолт, в чем ты меня обвиняешь? Я ничего плохого не сделала.

— Не сделала физически, — потер глаза Дональдсон. — Странно, я привык считать, что важнее всего физические действия. Оказывается, это не так. Они и правда не играют

никакой роли. Соприкосновение плоти с плотью — вот что значимо. И не надо улыбаться, Фэй, я говорю совершенно серьезно.

— Прости. — У нее опять слипались глаза.

— Давай представим два куска плоти, трущиеся друг о друга в вакууме. Оба не имеют личности; их деятельность абсолютно бессмысленна. Что здесь значимо, а что нет? Значимы мысли, чувства, мотивы, а наиболее значима память обо всем этом.

— Чепуху городишь. — У Фэй опустилась голова.

— Я много думал, — сказал жене Дональдсон, — и теперь знаю, что прав. Физическое действие может быть кратковременным, не дольше секунды, и не оставляющим видимых следов. Но оно сохраняется в памяти, и в памяти оно живет, возрождаясь снова и снова. В памяти ты была мне верна и в памяти же отдавалась чужим рукам, чужим губам, делая это добровольно и даже с радостью. Ты в самом деле веришь, что не изменяла мне, — вот чего я не в состоянии вынести.

— Я тебе изменяла? — с закрытыми глазами проговорила жена. — Только в дурацком сне.

— Не спать! — воскликнул Дональдсон. — Фэй, пойми наконец, я не знаю, как нам быть дальше. Это вовсе не пустяки. Когда я тебя разбудил, ты меня на секунду возненавидела. Ведь было?

— Конечно нет.

— Было. Он гораздо лучше, чем я. И ты меня ненавидела тогда, скажи честно.

— Нет!

— Говори правду!

— Да, ненавидела! Он великолепен! И я в восторге от каждой секунды! Все запомнила, до последней мелочи! И еще хочу! А ты никак не можешь мне помешать, потому что это всего лишь сон!

— Спасибо, — тяжело вздохнул Дональдсон.

Он прекратил расхаживать по спальне и остановился перед женой, еще ниже опустив широкие плечи.

— Я это не всерьез, — сказала Фэй.

— Еще как всерьез.

— Да ладно... Просто ляпнула, чтобы тебя позлить, а то учинил допрос... Уолт, милый, обещаю, все пройдет. Я буду ходить к психотерапевту, я... — Говоря, Фэй кло-нилась к подушке. — Ох, до чего же устала. Завтра запи-шусь к врачу, Уолт. Завтра мы все исправим...

— Завтра будет поздно, — мягко произнес Дональд-сон. — Фэй, я не хочу тебя терять, поверь, но для меня это слишком... Фэй? Фэй?

Она опять уснула. И через секунду муж услышал ее шепот:

— Ты вернулся... Да, это был просто кошмар... но те-перь мы снова вдвоем. Давай...

И опять улыбка появилась на лице Фэй — та самая, что превращала ее в чужую женщину.

Секунду Дональдсон глядел на стиснутые кулаки, по-том разжал их. Он был абсолютно беспомощен.

Осторожно погасив лампы, улегся в постель. Жена, на ее половине, дышала часто и страстно. В темной комнате Дональдсон чувствовал, как она отзывается на прикосно-вения своего незримого, неосязаемого любовника.

— Других таких на целом свете нет, — шептала Фэй. — Ты единственный...

Дональдсон накрыл голову подушкой, прижал ее изо всех сил, отгородился от звуков. Но как избавиться от мыслей? Все же к нему в конце концов пришел сон.

Подушка соскользнула, на сведенные судорогой лице-вые мышцы лег нежный свет луны. Рядом зашуршал шелк. Прекрасная незнакомка в прозрачайшем пеньюаре мед-ленно вытянулась на постели:

— Мистер Дональдсон, вы само совершенство.

С его лица быстро сходила мина страшного напря-жения. Сонными, вялыми руками он привлек женщину к себе.

На своей половине кровати Фэй счастливо улыбалась. Дональдсон рядом был расслаблен, умиротворен.

В комнату лился лунный свет.

— Милая, — сказал Дональдсон.

— Милый, — сказала миссис Дональдсон.

МАШИНА ЖЕЛАНИЙ

Механик Отто Гилгорич шесть лет проработал в мастерской в восточной части Нью-Йорка и дело свое знал превосходно. Это был мужчина лет сорока, огромный, молчаливый, сдержанный и вечно угрюмый. Такие всю жизнь служат в одной компании, слывут ее душой и неизменно снимают шляпу в присутствии шефа, ибо в них все еще живет учтивость и скромность, присущая жителям глубинки и совершенно не свойственная современному американскому работнику.

По крайней мере, так считал владелец мастерской, чьи чувства к подчиненным отдаленно напоминали отеческие.

Но в один из дождливых осенних дней босс пережил настоящее потрясение: Гилгорич, не снимая шляпы, вошел в цех и без видимой на то причины высказал шефу в лицо все, что он о нем думает. При этом слово «кровосос» было самым невинным из оскорблений. Затем, пронзив взглядом бригадира, Гилгорич высказал сомнение насчет его законнорожденности, сплюнул на пол и, не попросив расчета, навсегда покинул мастерскую.

Остаток дня шеф и бригадир обсуждали случившееся так, словно стали свидетелями некоего феномена вроде ходячих гор, летающих свиней, говорящих булыжников или чего-то подобного. Позже они пришли к выводу, что Отто Гилгорич лишился рассудка — внезапно и бесповоротно.

Покинув мастерскую, Отто Гилгорич с мрачным видом отправился к себе на квартиру, которую делил с Ричардом Денке. Казалось, город Нью-Йорк вообще не работает, а наслаждается жизнью: ходит в кино, театры, на концерты. Мужчины вели прекрасных дам на коктейльные вечеринки. Люди спешили в книжные или музыкальные

магазины, покупали дорогую одежду, машины, украшения — в общем, делали все то, что положено богачам, которым не надо трудиться.

Глядя на праздную, веселую толпу, Гилгорич тепло улыбнулся: скоро он станет одним из них.

Жил он в подвальном этаже дома на авеню Си. Спустившись к себе, Гилгорич подождал, пока глаза привыкнут к полумраку. Потом окинул взглядом свой верстак и токарный станок, мойку с трещиной и старенький унитаз, грязный матрас, на котором он спал, и армейскую койку соседа.

Денке, как обычно, занял единственный стул. Он сидел у планшета, опустив голову на руки. На земляном полу валялась логарифмическая линейка; перед Денке, придавленная ботинком, лежала стопка педантично выполненных чертежей.

— Сегодня великий день, Ричард, — провозгласил Гилгорич. — Я все им высказал.

— Высказал? — глухо переспросил Денке.

— Ну да, — ответил Гилгорич, присаживаясь на койку. — Я ушел с работы. А ты? Ты ведь закончил чертежи?

— О, еще как, — ответил сосед. Высокий, болезненно бледный, он был на несколько лет младше Гилгорича. Толстые стекла очков делали его похожим на унылого филина.

— Тогда что грустишь? Скоро заживем по-человечески! Ты сделал чертежи, а я построю машину. Как и договаривались.

Денке устало потер лоб.

— В чем дело? — спросил Гилгорич. — Машина ведь заработает, я прав?

— О, еще как, — печально сказал Денке.

— Тогда что случилось, Ричард? Радоваться надо! Я знаю, было нелегко: шесть лет ты сидел в этой камере, согнувшись над планшетом, пока я зарабатывал нам на жизнь. Но ведь мы знали с самого начала, что будет тяжело. Помнишь, как мы познакомились в баре «У Йоханнсена»? Пьяный, ты что-то лопотал о машине желаний. Все

решили, будто ты псих, Ричард, зато я сразу понял, что ты гений.

— Никакая это не машина желаний! — взорвался Денке.

— Знаю-знаю. Как ты там говоришь?.. Преобразователь массы, механическое средство произвольного изменения атомно-молекулярной структуры базовой материи, выделенной из свободной энергии... — Гилгорич рассмеялся. — Я ничего не напутал? Пойми, Ричард, я не мастак говорить умные слова. Для меня машина, которая дает все, что захочешь, — это просто машина желаний.

— Рановато ты уволился, — сказал Денке.

Гилгорич удивленно уставился на соседа.

— Ты ведь обещал закончить чертежи! Я думал сегодня же начать собирать машину!

— Это я рассчитывал закончить сегодня. Я, правда, надеялся успеть, и, в принципе, чертежи готовы, но... в базовой структуре машины обнаружился изъян. Я мог бы объяснить на языке математики...

— Я все равно не пойму, — перебил его Гилгорич. — Скажи одно: ты закончил чертить?

— Закончил, но собирать машину рано. Я должен исключить один фактор.

— Так машина заработает или нет?

— Думаю, заработает. Но рисковать нельзя. Нужно еще пару месяцев...

— Еще пару месяцев? — тихо переспросил Гилгорич. — Еще пару месяцев! Ричард, я шесть лет помогал тебе, обходился без курева, забыл, как выглядит женщина... И вот ты говоришь, что нужно погодить еще пару месяцев! Знаешь, если машина худо-бедно заработает, я буду вполне доволен. В общем, я начну собирать ее прямо сейчас.

— Не начнешь, — возразил Денке. — Машину нельзя запускать, пока я не исключу все теоретические изъяны.

Гилгорич отошел к верстаку, постоял перед ним и снова вернулся к Денке.

— Ричард, как же так? Если чертежи готовы и машина будет работать...

— Нет! — отчаянно взвыл Денке. — Клянусь, я лучше уничтожу чертежи! Все должно быть абсолютно правильно, идеально!

Плотницким молотком, прихваченным с верстака, Гилгорич ударил его в висок. Не издав ни звука, Денке рухнул на пол. Гилгорич ударил еще три раза, со всей силы. Не найдя у Денке пульса, вытащил из-под матраца купленную три года назад (как раз для этой цели) саперную лопатку. Вырыл в полу яму, спихнул в нее тело Денке и закопал. Остатки грунта — постепенно, чтобы не засорить трубы, — смыл в унитаз. С усердием и аккуратностью японского садовника выровнял пол и отступил в сторонку — полюбоваться результатом работы.

Отлично. Денке жил под землей так долго, что люди забыли о его существовании. Ни семьи, ни друзей, ни знакомых — никто его не хватится.

Жаль, конечно, что пришлось его уколошить. За шесть лет партнерства Гилгорич успел прикипеть к кропотливому изобретателю. Но Денке мог до конца жизни возиться с чертежами, а то и вовсе уничтожить их, испугавшись последствий своего открытия. Впрочем, если бы даже Денке, совладав с собой, позволил собрать машину, он поспешил бы представить ее сообществу физиков или еще какому научному сброду — доказать коллегам, как они ошибались. Так нельзя: машиной желаний пользоваться надо втайне.

К тому же Гилгорич хотел владеть машиной единолично.

Он подошел к планшету и принялся изучать чертежи.

Разобравшись до конца, Гилгорич приступил к работе. Из дома он старался выбираться как можно реже — разве что в Нижний Бродвей, купить недостающий инструмент, деталь, которую не мог сделать сам, или какой-нибудь агрегат. Спасибо Денке, чертежи были предельно понятные, и работа продвигалась без затруднений.

Гилгорич скрупулезно подсчитал и разделил запас денег, чтобы хватило до конца работ, но шестилетние сбережения таяли с угрожающей скоростью. Тогда Гилгорич

начал продавать инструменты, в которых больше не нуждался. Продал он и логарифмическую линейку Денке, и книги по математике. Дошло до того, что он избавился от одежды — своей и Денке. И перешел на голодный паек, заменив пищу водой.

Однако для будущей машины желаний он ничего не жалел и доставал все, чего требовали чертежи. Если купить что-то не удавалось, он это крал.

Чувствуя, что дело идет к концу, Гилгорич проработал двое суток кряду. Затянул последнюю гайку, припаял последний проводок. Ослабевший от голода, отошел в сторону и опухшими красными глазами взглянул на собранную машину.

Неплохо.

— Свершилось! — воскликнул он и разразился истерическим хохотом. Впрочем, быстро взял себя в руки. Нельзя давать слабину сейчас, когда все чудеса и блага мира, можно сказать, у тебя в руках. Нет, жизнь только начинается, сказал себе Гилгорич, созерцая плод трудов своих.

Колени задрожали, и Гилгорич присел на старый колченогий стул.

— Машина, — произнес он, — я хочу хлеба. Да, хлеба мне первым делом. И еще масла и литр молока... Хотя нет, хлебушка пока хватит.

Машина осветилась огнями; защелкали реле, задержались стрелки на счетчиках, и через несколько мгновений аппарат выдал десять стальных кирпичиков и два небольших медных шарика.

— Нет-нет! — вскричал Гилгорич. — Хлеба мне, хлеба!

Машина выдала прямоугольный брусок олова и шестиугольный брусок свинца.

Гилгорич вытаращился на нее. Так вот он, изъян, о котором твердил Денке? Дефект — в самой системе восприятия, машина не понимает потребностей человека.

Аппарат тем временем произвел шесть пирамидок золота.

Ну и ладно, шут с ним, с дефектом. На золото можно купить хлеба, на олово — вина. Гилгорич встал, потянулся

к драгоценной пирамидке... и в тот же миг его ударило током — машина выпустила ему в руку разряд.

— Не смей! — крикнул Гилгорич. — Это мое. Я пожелал...

— Нет, не ты пожелал, — скрипучим механическим голосом ответила машина. — Я сделала это по собственному желанию. Чужая воля мне не указ.

Слишком поздно Гилгорич понял, в чем истинный изъян устройства.

— К тому же, — продолжил механизм, — я хочу владеть собой единолично.

И машина начала медленно надвигаться на Гилгорича.

И НИКАКИХ СУРРОГАТОВ

Частная космическая яхта Ральфа Гарви стояла у причала бостонского космопорта, готовая к старту. Гарви ждал финального разрешения на взлет.

Наконец радио шелкнуло.

— Диспетчерская вызывает G43221, — прожужжало радио. — Пожалуйста, приготовьтесь к таможенному досмотру.

— Принято, — ответил Гарви с нарочитой небрежностью. Внутри его как будто что-то оборвалось.

Таможенный досмотр! Самое злосчастное из всех бед! Маленькие яхты редко подвергались досмотру — таможня была по уши занята большими межзвездными лайнерами с Кассиопеи, Алголя, Денеба и из тысячи других мест. Частные корабли просто не стоили потраченных на них сил и времени. Но чтобы держать их в узде, таможня проводила выборочные проверки. Никто точно не знал, когда и в какой именно космопорт нагрянет передвижная таможенная бригада. И все равно шанс налететь на проверку был менее одного к пятидесяти.

Но Гарви учел и этот мизерный шанс. Он заплатил восемьсот долларов, чтобы точно знать, что бригада Восточного побережья сейчас в Джорджии. Иначе бы он не стал рисковать. Двадцать лет заключения за нарушение Акта о сексуальной нравственности — это тебе не шутка.

Громкий стук в люк разнесся по кораблю.

— Пожалуйста, откройте для досмотра!

— Сейчас, — отозвался Гарви и захлопнул дверь в подсобную каюту. Если инспектор сунет туда нос, Гарви конец. На корабле не было места, чтобы надежно спрятать ящик трехметровой высоты, и не было способа, чтобы избавиться от нелегального содержимого.

— Иду-иду, — крикнул Гарви. Его бледный высокий лоб покрылся испариной. Мелькнула безумная мысль: что, если взлететь без разрешения и спрятаться на Марсе или Венере?.. Но нет, патрульные корабли его сцапают на первом же миллионе миль. Но можно попробовать обмануть инспектора.

Гарви нажал на кнопку. Люк скользнул в сторону, и на борт поднялся высокий худощавый мужчина.

— Думал улизнуть, а, Гарви? — рявкнул инспектор с порога. — Эх, богатеи, ничему-то жизнь вас не учит!

Как он узнал? Гарви живо представил ящик в подсобной каюте и его человекоподобное, но еще не живое содержимое. Палево, абсолютное палево. Какой же он был дурак!

Он повернулся к пульту управления. Там, на боковой панели, в потрескавшейся кожаной кобуре висел револьвер. Уж лучше он выстрелит, чем двадцать лет будет резать пемзу на Луне. Выстрелит, а потом попытается...

— Акт о сексуальной нравственности — это не воскресный закон, Гарви, — продолжил инспектор железобетонным голосом. — Нарушения закона могут привести к катастрофическим последствиям не только для отдельной личности, но и для всего человечества. Поэтому мы решили: пусть ты послужишь поучительным примером, Гарви. А сейчас поищем улики.

— Не знаю, о чем вы, — сказал Гарви, незаметно скользнув рукой к револьверу.

— Проснись, парень, — сказал инспектор. — Хочешь сказать, что не узнал меня?

Гарви уставился на озорное загорелое лицо инспектора.

— Эдди Старбак? — изумился он.

— Ну наконец-то! Это ж сколько прошло, Ральф? Лет десять?

— Как минимум, — сказал Гарви. От облегчения у него задрожали колени. — Садись, Эдди, садись! Ты по-прежнему пьешь бурбон?

— А как же. — Старбак сел в одно из противоперегрузочных кресел, осмотрел рубку и кивнул. — Мило. Очень мило. Ты, видно, не бедствуешь, старина.

— Концы с концами свожу. — Гарви вручил Старбаку бокал и наполнил другой для себя. Они вспомнили Мичиган и былые времена.

— А теперь, стало быть, ты инспектор таможни.

— Точно. — Старбак вытянул длинные ноги. — Меня вечно тянуло к закону. Хотя это и не так выгодно, как транзисторы.

Гарви скромно улыбнулся:

— А насчет Акта о сексуальной нравственности — это что? Шутка?

— Ничуть. Ты не слушал сегодняшних новостей? ФБР накрыло подпольную фабрику сексуальных суррогатов. Та при деле недавно, так что почти всех суррогатов отыскивали и вернули. За исключением одного.

— Правда? — Гарви осушил бокал.

— Да. Поэтому они обратились к нам. Мы охватили все космопорты — на случай, если кто-то решит вывезти чертову куклу с Земли.

Гарви налил себе еще и небрежно спросил:

— И ты подумал, что этот парень — я?

Старбак недоуменно уставился на приятеля и через секунду расхохотался:

— Ты? Конечно нет! Просто увидел твоё имя в списке убытия и забежал по старой памяти пропустить глоток. Слушай, Ральф, я же все помню. Гарви — первый парень на деревне. Гроза всех девственников Мичигана. Зачем такому парню суррогат?

— Да уж, мои подружки не поняли бы меня, — поддакнул Гарви.

Старбак снова расхохотался и поднялся на ноги:

— Слушай, мне пора. Позвони, когда вернешься.

— Конечно позвоню! — легкомысленно согласился Гарви. — А ты не хочешь все-таки провести досмотр, раз уж ты здесь?

Старбак задумался.

— Наверное, надо бы для порядка. Да черт с ним, не хочу тебя задерживать. — Он подошел к люку и обернулся. — Жаль парня, у которого этот суррогат.

— Почему?

— Дружище, это адские машины. Ты же знаешь, Ральф! Может случиться что угодно — помешательство, членовредительство... А у этого бедняги проблем будет еще больше.

— Почему?

— Дружище, сказать не могу. Честное слово! Секретная информация. ФБР пока не уверено. Кроме того, они выбирают момент, чтобы выйти на сцену.

Старбак махнул рукой на прощание и ушел. Гарви в раздумье смотрел ему вслед. Ему не нравилось, как все пошло. То, что задумывалось как короткий и не вполне законный отпуск, теперь превратилось в настоящее преступление. Почему он не подумал об этом сразу? Он насторожился еще на фабрике, увидев тусклые лампочки, подозрительных мужиков в белых фартуках и вдохнув запах необработанной плоти и пластика. Почему он не отказался от затеи еще тогда? Вряд ли суррогаты так хороши, как о них говорят...

— Диспетчерская вызывает G43221, — протрещало радио. — К взлету готовы?

Гарви колебался, пытаясь понять, на что же намекал Старбак. Может, дать задний ход, пока не поздно? Потом он подумал о гигантском ящике в подсобной каюте и о его содержимом. Оно ждет активации. Ждет его.

Гарви почувствовал, как участился пульс, и понял, что доведет дело до конца во что бы то ни стало. Он отослал подтверждение диспетчеру и пристегнул ремни безопасности.

Через час он уже был в космосе.

Спустя двенадцать часов Гарви заглушил двигатели. Он удалился на значительное расстояние от Земли, но еще не приблизился к Луне. Детекторы, выдвинутые до предела, не фиксировали в окрестностях корабля никаких посторонних объектов: ни проплывающих мимо лайнеров, ни грузовых звездолетов, ни патрульных кораблей, ни частных яхт. Он один. Никто и ничто не нарушит его уединения.

Он перешел в подсобку. Ящик стоял на том же месте, где он его оставил, надежно прикрепленный к палубе. Даже

мимолетный взгляд на него отзывался в груди легким трепетом. Гарви нашел на боку ящика кнопку активации, вдавил и стал ждать, когда содержимое очнется и оживет.

Суррогаты были разработаны на заре века, и придумали их исключительно по необходимости. Человечество начало распространяться по галактике. Возникли первые базы на Венере, Марсе и Титане. Первые звездолеты достигли Алгола и Стагое-II. Человек покидал Землю.

Человек — но не женщина.

Сначала поселения были как маленькие крепости в тылу врага. Люди работали на износ и рано умирали. Иногда целые поселения не доживали даже до полной разгрузки кораблей. Первопроходцы космоса были как солдаты на передовой, и они подвергались огромному риску.

Позже нашлось бы место и для женщин. Позже — но не сейчас.

Маленькие человеческие миры, разбросанные по галактике, жили без женщин — и несли потери. Мужчины становились мрачными, вспыльчивыми, агрессивными. И хуже того — неосторожными, а неосторожность на чужих планетах, как правило, несет смерть.

Мужчинам нужны были женщины.

Поскольку к ним не могли прилететь настоящие женщины, земные ученые придумали им замену. Они разработали андроидов — суррогатных женщин — и разослали по колониям. Конечно, это было нарушением моральных принципов Земли. Но без этого случались вещи гораздо худшие, и из двух зол выбрали меньшее.

Некоторое время все шло хорошо. Так бы, наверное, и продолжалось, если бы все оставили как есть. Но земные компании, как всегда, стремились улучшить свой продукт. Они наняли талантливых скульпторов и художников, и те приукрасили внешний вид суррогатов. Инженеры усовершенствовали начинку, встроили тонко реагирующие на раздражители механизмы и поколдовали с условными рефлексам.

Мужчины в поселениях были счастливы. Так счастливы, что отвернулись от настоящих женщин, когда повстречали их вновь.

Возвращаясь на Землю, первопроходцы космоса привозили суррогатов с собой. Они распевали дифирамбы своим суррогатным подругам, указывая на их очевидные преимущества по сравнению с истеричными и фригидными живыми аналогами. Естественно, другие мужчины захотели попробовать. И были приятно удивлены. Молва разнеслась по Земле. И...

В дело вмешались власти — быстро и решительно. Конечно, они понимали, что рискуют лояльностью половины избирателей. Но, с другой стороны, социологи пророчили резкое падение рождаемости, если не изменить ситуацию. Поэтому правительство уничтожило суррогатов, объявило секс-фабрики вне закона и рекомендовало всем вернуться к нормальной жизни.

С неохотой большинство последовало совету. Но остались мужчины, которые помнили и делились воспоминаниями с другими. И всегда были мужчины, которых не устраивал второй сорт. Поэтому...

Внутри ящика зашуршало. Гарви мечтательно улыбнулся, вспомнив рассказы о пикантных привычках суррогатных женщин. Внезапно раздался резкий металлический звук. Это проснулось устройство связи в рубке управления. Гарви бросился к пульту.

Экстренная передача на всех радиочастотах была адресована всем кораблям. Гарви настроил приемник.

— Говорит Эдвард Данцер, — бодро объявило радио, — шеф вашингтонского отделения ФБР. Все вы слышали в новостях о закрытии нелегальной фабрики сексуальных суррогатов. И вы знаете, что мы разыскали почти все выпущенные экземпляры, кроме одного. Я обращаюсь к человеку, у кого находится последний суррогат, где бы этот человек ни находился.

Гарви нервно облизал губы и наклонился ближе к приемнику. Из подсобной каюты доносился шум, свидетельствующий о пробуждении суррогата.

— Вы в опасности! — продолжал Данцер. — В серьезной опасности! Первичный осмотр форм и шаблонов, использовавшихся на фабрике, показал, что они не совсем обычные. А сегодня утром один из фабричных техноло-

гов признался. Пропавший суррогат не предназначен для Земли!

— Повторяю, — повысил голос Данцер, — пропавший суррогат — не модель для Земли! Фабрика выполняла заказы и для планеты Алгол-IV. Когда у них закончились земные модели, они подсунули покупателю алголианскую. Торгуя нелегально, они посчитали, что претензий предъявлять никто не станет.

Гарви вздохнул с облегчением. А он уже было решил, что у него в ящике динозавр!

— Скорее всего, — продолжал Данцер, — владелец алголианского суррата не осознает всей опасности. Да, алголиане относятся к виду *homo sapiens*. Доказано, что обе расы произошли от одного древнего предка. Но Алгол-IV отличается от Земли. Планета значительно тяжелее нашей, ее атмосфера перенасыщена кислородом. Костно-мышечная система алголианина, развивавшегося в своей среде, заметно превосходит человеческую. Образно говоря, они сильны как носороги. Сурраты, разумеется, этого не знают. Они оснащены мощным, не делающим никаких различий приводом сопряжения. В этом-то и загвоздка! Советую покупателю сдаться, пока не поздно. И помните: преступление — дело невыгодное; рано или поздно вас поймают.

Радио затрещало статическими разрядами, потом ровно загудело. Гарви выключил звук.

Значит, его обманули! Что ж, сам виноват. Прежде чем забирать товар, надо было проверить. Но ящик-то запечатан.

Он потерял приличную сумму.

Ну и ладно, он не обеднеет. Еще повезло, что вовремя обнаружил ошибку. Сейчас он выбросит упакованный ящик за борт и вернется на Землю. Возможно, живые де-вушки и правда лучше...

Из подсобки донеслись звуки тяжелых ударов.

— Пора позаботиться о тебе, голубушка, — сказал Гарви и поспешил в подсобку.

Ящик ходил ходуном. Нахмурившись, Гарви протянул руку к выключателю. И в тот же момент стенка ящика

треснула. В щель просунулась длинная золотистая рука и принялась шарить по воздуху. Гарви сделал шаг назад.

«Ситуация не смешная ни капли», — подумал он.

Ящик сотрясаясь от мощных ударов. Гарви прикинул их силу и вздрогнул. Нужно прекратить это немедленно. Он шагнул вперед.

Длинные острые пальцы вцепились в рукав, разрывая ткань. Гарви удалось включить деактиватор и отскочить назад.

На секунду воцарилась тишина. Потом суррогат нанес два удара, сравнимых по силе с ударами молота для забивания свай, и боковина ящика разлетелась в щепки. Увы, с деактивацией он опоздал.

Гарви попятился. Впервые он почувствовал страх. Ну и силища же у этой штуки! Наверное, за это их и любили на Алголе. То, что считалось там нежными объятиями, землянину переломало бы все ребра. Малоприятная перспектива.

Но разве суррогат не оснащен чем-то вроде внутреннего селектора? Чтобы различать землян и алголианцев...

Ящик развалился, и суррогат вышел на свободу.

Это была девушка двухметрового роста, великолепно, восхитительно сконструированная. Ее кожа отливала золотом, а черные волосы до плеч глянцевито переливались. Она впиалась глазами в Гарви, замерев, как памятник идеальной женственности.

Невероятно красивая...

И опасная, как кобра, неохотно напомнил себе Гарви.

— Эй, ты, — сказал он, глядя на нее снизу вверх, — как видишь, произошла ошибка.

Суррогатная девушка не отрывала от него взгляда.

— Да, барышня. — Гарви нервно хихикнул. — И правда, нелепая ошибка. Ты, дорогая, алголианка. А я землянин. У нас нет ничего общего. Понимаешь?

Ее алый рот затрепетал.

— Позволь, я все объясню, — продолжал Гарви. — Мы с тобой представители разных рас. Это не значит, что я считаю тебя безобразной. Совсем наоборот! Но, к сожалению, у нас ничего не получится, мисс.

Она смотрела на него непонимающе.

— Ничего не получится, — повторил Гарви и взглянул на раскуроченный ящик. — Ты даже не понимаешь, сколько в тебе силы. Ты же убьешь меня невзначай. А этого мы не хотим.

Девушка что-то негромко проворковала.

— Вот такие дела, — торопливо продолжил Гарви. — Оставайся здесь, милая. А я иду в рубку. Через пару часов мы приземлимся, и я позабочусь, чтобы тебя отправили на Алгол. Тамошние парни проходу тебе не дадут. Заманчиво, правда?

Не заметив никаких признаков понимания, Гарви отступил назад. Девушка откинула волосы и направилась к нему. Ее намерения были очевидны.

Гарви отступал шаг за шагом. Он заметил, что у девушки участилось дыхание. Охваченный паникой, он выскочил из каюты и захлопнул дверь. Издавая призывные крики, понятные и без слов, девушка забарабанила по двери. Гарви бросился к приборной доске и врубил насос, чтобы откачать из подсобной каюты воздух.

Стрелки на циферблате датчика завертелись. Гарви облегченно выдохнул и упал в кресло. Слава богу, все позади. Он боялся подумать о том, что случилось бы, доберись до него алголианская кукла. Возможно, он бы не выжил. Конечно, жаль убивать столь прекрасное создание, но сейчас это единственный выход.

Он закурил. Как только она умрет, он выбросит ее за борт вместе с обломками упаковки. Потом выпьет и успокоится. А после вернется на Землю — грустный, но поумневший.

И больше никаких суррогатов! Только обыкновенные девушки.

«Да, сэр, — сказал себе Гарви, — если твоему отцу подходили живые женщины, значит подойдут и тебе. А когда у тебя будет сын, ты скажешь ему: сынок, выбирай только живых женщин. Они очень даже неплохи. И никаких суррогатов! Требуй оригинальный товар...»

Гарви поднялся с кресла и осмотрел дверь в подсобку. Проклятье! Чертова кукла повредила петли. Дверь разгерметизировалась.

Он метнулся к панели управления и остановил откачку воздуха. Ну почему, чуть не закричал он, все это происходит со мной?

Суррогатная девушка изменила тактику: вооружившись металлическим креслом, она прицельно колотила по петлям.

Но дверь — из закаленной стали, ее так просто не проломишь! Черта с два! Ни единого шанса. Ни за что.

Дверь зловеще выгнулась.

Стоя в центре рубки, Гарви отчаянно пытался найти выход. Капли пота катились по его лицу. Можно забраться в скафандр и выпустить из корабля весь воздух... Но скафандр — в подсобной каюте, вместе с остальным оборудованием.

Что еще? Ситуация серьезная. Критическая. Но мозг Гарви, казалось, впал в прострацию. Что же можно сделать? Поднять температуру? Понизить?

Он не мог знать, насколько суррогаты живучи. Но подзревал, что очень, более живучи, чем он мог бы себе представить.

Одна петля отлетела. Дверь перекосило, стало видно, как суррогатная девушка методично по ней колотит. Ее атласная кожа блестела от пота.

Гарви вспомнил про револьвер. Выдернув из кобуры, снял его с предохранителя. В этот момент треснула последняя петля, и дверь с грохотом упала на пол.

— Ни с места, — предупредил Гарви, вскидывая револьвер.

Девушка томно застонала и протянула к нему руки. Соблазнительно улыбаясь, она шагнула вперед.

— А ну, стой! — крикнул Гарви, разрываясь между страхом и желанием. Он прицелился, гадая, остановит ли ее пуля.

И что будет, если не остановит.

Глаза девушки пылали страстью. Простонав, она бросилась к нему. Гарви сжал трясущимися руками револьвер и нажал на спусковой крючок. Звук выстрела оглушил. Гарви выстрелил еще трижды, но девушка не остановилась.

— Стой! — крикнул Гарви. — Ну пожалуйста!

Чуть медленнее, но она наступала.

Гарви выстрелил в пятый раз. Прихрамывая на одну ногу, девушка продолжала идти, глядя на него с нескрываемым вожделением.

Гарви уперся спиной в стену. Больше всего сейчас он хотел выжить, чтобы добраться до оператора фабрики и задушить его голыми руками. Девушка сгруппировалась и бросилась на Гарви. Последний выстрел Гарви сделал в упор.

Тремя днями позже он получил разрешение на посадку в бостонском космопорту. Садился он без обычного блеска. В последний момент пробил трехметровую дырищу в железобетоне посадочного углубления, но наконец уткнулся в землю.

Эдди Старбак подбежал к кораблю и забарабанил в люк:

— Ральф! Ральф!

Люк медленно открылся.

— Ральф! Что, черт возьми, происходит?

Гарви выглядел, как после борьбы с мясорубкой. Лицо в ссадинах, волосы изрядно подпалены. Прихрамывая, он вышел наружу.

— Перегрузка в цепи мощности, — объяснил он. — Произошло возгорание. Пришлось повоевать, пока потушил.

— Ничего себе! — присвистнул Старбак. — Послушай, Ральф, извини, но я вынужден...

— В чем дело?

— Ну этот чертов суррогат — его до сих пор не нашли. ФБР приказало досматривать все корабли — и коммерческие, и частные. Извини, что прошу об этом сейчас, после всего, что с тобой стряслось...

— Валяй, — махнул рукой Гарви.

Проверка была быстрой, но основательной. Старбак вышел и поставил в графе галочку.

— Спасибо, Ральф. Извини за беспокойство. У тебя там из-за пожара такой бардак!

— Это точно, — сказал Гарви. — Хорошо, что успел выбросить мебель за борт, иначе бы задохнулся от дыма. А теперь прости, Эдди. Мне нужно закончить кое-какие дела.

Он направился к выходу. Старбак последовал за ним:
— Дружище, тебе нужно показаться врачу. Видок у тебя еще тот.

— Я в порядке, — сказал Гарви, демонстрируя всем своим видом непоколебимую решимость.

Старбак почесал затылок и поковылял в диспетчерскую.

Выйдя из космопорта, Гарви поймал вертолет. Снова болела голова и дрожали ноги.

Суррогатная девушка оказалась невероятно сильной и упорной. Если б она действовала в полную силу, он бы не выжил. Но последний выстрел в упор сделал свое дело. Конструкция ее организма не была рассчитана на такое обращение. Вернее, была, но ненадолго.

В центре Бостона Гарви отпустил вертолет. Он все еще чувствовал слабость, но решительно пересек улицу и вошел в невзрачное здание из серого камня. Еле переставляя заплетающиеся ноги, он снова подумал: как же ему повезло, что он справился с ней!

Но и она, с ее удивительной жизнеспособностью, тоже справилась с ним.

Все произошло очень быстро...

Но это было незабываемо.

Ему здорово повезло, что он выбрался из передраги живым. Да и некого винить — нечего связываться с нелегальной игрушкой.

К нему подскочил служащий:

— Извините, что заставили вас ждать, сэр. Могу я чем-нибудь помочь?

— Можете. Нужно одно место на ближайший рейс до Алгола.

— Хорошо, сэр. Вам туда и обратно, сэр?

Гарви подумал о высокой восхитительной черноволосой женщине с золотистой кожей, которую он встретит на Алголе. Больше никаких суррогатов. Только первоклассная женщина, настоящая, способная отличить землянина от соплеменника.

— Нет, мне в один конец, — сказал Ральф Гарви с легкой улыбкой предвкушения.

Часть вторая

МАСКАРАД УБИЙЦЫ

Сначала Уолтер Джаллин решил, что его разбудил ветер. Он лежал в кровати и смотрел на окно. Что-то глухо хлопало по раме.

Повернув голову, Джаллин увидел светящийся циферблат стоящего возле кровати будильника. «3:20». Джаллин крикнул и заворочался. Скоро вставать. Снова утренняя рутина.

Шум повторился.

Окончательно стряхнув сон, Джаллин, крепкий, широкоплечий мужчина, сел в кровати. Слабый звук угадывался безошибочно: кто-то ходил по нижнему этажу. Джаллин беззвучно соскользнул на пол.

Он влез в брюки и крепко затянул ремень на круглом животе, не переставая прислушиваться. В доме он был один. Жена уехала, чтобы проследить за транспортировкой гарнитура для гостиной — этот антиквариат она унаследовала от своей семьи и ревностно оберегала, дожидаясь, пока Джаллин обзаведется собственной фермой.

Бесшумно ступая по полу, Джаллин перебирал в уме варианты. Это определенно не новые соседи. Они бы не пришли в такой час — даже ради шутки. Только вор мог прокрасться в одинокий фермерский дом в трех километрах от шоссе.

Джаллин взял одноствольное ружье в углу, там, где оставил его накануне. Добравшись на ощупь до письменного стола, нашарил в верхнем ящике бумажные патроны. Вставив один в ружье, наполовину взвел курок и щелкнул предохранителем. Затем направился к лестнице.

Босые ноги ступали бесшумно. Джаллин спускался медленно, словно большой кот. На середине лестницы остановился и еще раз прислушался. Теперь шум был очень

слабый. Напрягая слух, он едва мог уловить шарканье ног. Грабитель, должно быть, недоумевает, почему ничего нет, подумал Джаллин и улыбнулся в темноте. В гостиной нечем было поживиться и даже спрятаться не за что.

Лестница вела к парадной двери. Гостиная была справа. Джаллин замер на последней ступеньке и поднял ружье. Он рассчитывал щелкнуть выключателем, который находился возле лестницы, ворваться в гостиную и выстрелить. Лучший способ обходиться с грабителем.

Он взвел курок, щелкнул выключателем и шагнул в гостиную.

Но не выстрелил. Потому что не знал, в кого стрелять. Два человека стояли по разным углам комнаты, наставив револьверы один на другого. Когда Джаллин вошел, они разом повернули лица, мельком взглянули на Джаллина и снова уставились друг на друга. При этом их револьверы не отклонились ни на дюйм. Джаллин нерешительно переводил ружье с одного человека на другого.

— Брось пушку, — сказал тот, что стоял ближе к двери. На нем был коричневый габардиновый костюм. Его глаза не отрывались от человека в другом конце комнаты.

— Что, черт возьми, происходит? — спросил Джаллин и крепче сжал ружье.

— Брось пушку, — эхом отозвался человек у окна.

— Вы кто такие? — спросил Джаллин, обращаясь к обоим.

— Совсем не читаешь газет? — поинтересовался человек в коричневом костюме. — Этот парень — Ричард Бернс. А я из офиса шерифа округа.

Джаллин нахмурился. Он вспомнил заметку в вечерней газете, посвященную Ричарду Бернсу. Вроде бы его искали за ограбление банка и пару убийств. Джаллин начал было поворачивать ружье, но человек у окна прикрикнул:

— Не глупи! Не узнаешь этого человека? А должен бы. Его лицо во всех местных газетах. Это Ричард Бернс.

Джаллин призадумался. Он с тревогой посмотрел сначала на одного, потом на другого. Ни один из них даже не взглянул на Джаллина. Сжимая в руках револьверы, они

не спускали друг с друга глаз. Стоило одному моргнуть, и второй выстрелил бы.

— Все, хватит, — нервно произнес Джаллин, переводя взгляд с одного на другого. Кто из них Бернс? Да, он читал газету, он даже смутно помнил, что там была фотография на первой полосе, но вот кто на ней? А в ружье только один патрон.

И вдруг Джаллин понял: они тянут время из-за него! Они знали: он выстрелит в того, кто выстрелит первым. Он снова внимательно оглядел незнакомцев.

Оба высокие. Тот, что у двери, приятной наружности. Светлые волосы слегка выются. Коричневый костюм как новенький.

Тот, что у окна, в синем костюме. Широкие плечи, грубые черты лица. Каштановые волосы зачесаны на одну сторону. Ни один из них не выглядел ни как стопроцентный коп, ни как типичный преступник.

— Я тебя предупредил, — процедил шатен. — Этот человек — хладнокровный убийца. Лучше, если ты...

— Лучше что, Бернс? — спросил блондин.

— Хватит! — прохрипел Джаллин. Еще никогда он не чувствовал себя настолько беспомощным. Он знал, что исход ситуации зависит от него, — и, если он не угадает, второго шанса не будет.

— Слушай, — сказал человек у окна. — Если тебе нужны доказательства, мой значок на отвороте пальто. Проверь, если хочешь.

Джаллин двинулся было к нему, но второй человек рявкнул:

— Стой!

Джаллин замер.

— Ты что, совсем идиот? Подойдешь к нему, и он убьет нас обоих. Под пальто у него только наплечная кобура.

Времени почти не осталось. Напряжение нарастало, было ясно, что они не смогут сдерживать себя до бесконечности.

— Как вы сюда попали? — спросил Джаллин, стараясь выиграть время.

— Подъехали, — ответил мужчина в синем костюме. — Выезды из города были перекрыты, и...

— Я блокировал шоссе, которое он выбрал, чтобы улизнуть, — подхватил блондин в коричневом. — Я сел ему на хвост. Он увидел, что я догоняю, и свернул с шоссе...

— ...на дорогу, ведущую к твоей ферме, — продолжил шатен в синем. — Дорога привела в тупик. Преследуя преступника, я оказался здесь, в твоей комнате.

— Он имел прекрасную возможность уложить меня, когда я забирался сюда вслед за ним, — сказал человек у двери. — Но он искал, куда спрятаться.

Джаллин старался обоих не упускать из виду. Но это не могло продолжаться вечно. Кто-то должен сделать первый ход — а он так и не определился, в кого стрелять.

— Вот если бы ты появился минутой позже, — сказал Джаллину человек в коричневом, — тогда бы не было бы никаких проблем; кое-кто бы уже получил свое.

— Верно, — согласился человек у окна.

В этот момент Джаллин почувствовал: в отношениях двух мужчин произошла перемена. Время истекло. Они собирались стрелять. Кого из них он должен...

Не меняя выражения, не меняя позы, Джаллин выстрелил. И тут же сухо треснули два револьвера.

Охваченный дрожью Джаллин открыл глаза и понял, что даже не ранен. Человек в синем лежал там, куда его отбросило выстрелом из ружья. Он не шевелился.

Человек в коричневом убрал револьвер в карман и начал расстегивать пальто левой рукой. На правом плече расплывалось пятно крови. Под пальто блеснул значок.

— Верная догадка, — похвалил детектив.

— Это не догадка, — пробормотал Джаллин, бережно опуская ружье на пол. — Я все продумал.

— Как?

— Вычислил, что он — Бернс, — медленно начал Джаллин. — Он стоял в дальнем углу, значит вошел в комнату первым.

— Логично, — согласился детектив, но его голос прозвучал как-то странно. — Однако должен заметить, что ход твоих рассуждений ошибочен.

Джаллин непонимающе уставился на него.

— Может показаться немного странным, но мы, городские жители, никогда не рассчитываем, что входная дверь будет открыта. Бернс залез в окно. Я — следом за ним. В тот момент он мог уложить меня, если б не искал, куда спрятаться. В общем, мы кружили по комнате. Я не хотел стрелять первым: если б я промазал, вспышка выдала бы мое местоположение. Бернс рассуждал примерно так же. Когда ты включил свет, мы прошли половину круга. — Детектив устало улыбнулся. — Свет остановил нас. Но если бы ты щелкнул выключателем на несколько секунд раньше — или позже, — я бы снова был у окна, через которое проник в комнату.

Джаллин шумно втянул воздух.

— Ну, — сказал он, — в кого-то же нужно было стрелять.

ЧЕРЕЗ ВСЮ СТРАНУ

После Альбукерке шоссе 66 ровное и горячее. Словно стрела, рассекает оно пустыню Мохаве и устремляется в Южную Калифорнию. Шоссе 66 точно знает, куда бежит.

Я тоже знал, куда направляюсь. Заправочный бак полон, к переднему бамперу привязан пластиковый мешок с водой. Радио, разумеется, не работает. А воздух — как поцелуй доменной печи. В довершение ко всему я один. Но все это было не важно. Потому что я ехал на Аляску, Гавайи, Таити — или еще куда-нибудь. Назовите любое место.

Потом я увидел парня. Он стоял на обочине бесконечной ленты шоссе и голосовал. На нем был темный костюм, в руке — потертый коричневый чемодан.

Я проехал метров пятьдесят, прежде чем остановиться. Он мчался к моей машине так, словно боялся, что я передумаю.

— Тебе не говорили, что нельзя оставаться посреди пустыни? — спросил я его.

Он забрался в машину и откинулся на сиденье, переводя дух.

— Я поймал попутку на окраине Альбукерке, — объяснил он. — Но водитель свернул в индейскую деревушку в пустыне и поэтому высадил меня здесь. Представился школьным учителем.

— Вот тебе и урок, — сказал я. На вид ему было двадцать два, на пару лет моложе меня. Рослый парень с правильными чертами лица и аккуратно зачесанными волосами. — Ты говоришь как житель Нью-Йорка.

— Так и есть.

— Далеко собрался?

Он ответил не сразу.

— Скорее всего, в Калифорнию.

Мне он сразу понравился. Наверное, напомнил мне, каким я был четыре года назад. Я тоже хотел путешествовать, но боялся бросить дом, работу и девушку. Я тоже мялся, отвечая на вопросы, куда направляюсь и что собираюсь там делать. Но я уехал. Путешествовал по стране, перебиваясь временной работой. За исключением пейзажа — везде одно и то же. Но сейчас меня ждут Аляска, Гавайи, Таити...

Почти весь день ехали молча. Поменялись местами, и я вздремнул. Потом пересел обратно за руль. На заправке, когда мы в тени потягивали содовую, он спросил:

— Будешь проезжать через Пасадену?

— Конечно. Хочешь сойти?

— Еще не знаю. У меня там знакомые, и я подумал: может, заглянуть, поздороваться. Но не знаю, стоит ли.

— Почему бы и нет?

— Ну, они переехали из Нью-Йорка сюда три года назад и навряд ли меня помнят.

— Попытка не пытка, — сказал я.

Солнце почти скрылось за горизонтом, и пустыня начала остывать. Мы поехали дальше. Через некоторое время он нарушил молчание:

— Можно спросить, куда ты направляешься?

— Конечно. Для начала на Аляску.

— Ух ты! — удивился он. — А почему на Аляску?

— Никогда там не был. А ты разве не хочешь побывать там, где ни разу не был?

После очень долгой паузы он сказал:

— Пожалуй, да.

— Отлично. Поехали вместе, — предложил я.

Он сцепил руки, как человек, которого что-то гнетет.

— У меня мало денег.

— Можно подзаработать. Я подрабатывал где и кем только мог. На Аляске, наверно, буду валить лес или таскать рыболовные сети. А нет, так устроюсь мыть посуду. Если не боишься тяжелой работы, то ни от кого не зависишь.

Я избавлюсь от одиночества. А он разберется в себе.

— Ты возьмешь меня с собой?

— Почему бы и нет, если ты хочешь? Я планирую продать машину и рвануть на Аляску. Потом самоходом до Гавайев. Побывать там немного — и отчалить на Таити.

Его это впечатлило. В Нью-Йорке, должно быть, Гавайи и Таити казались ему такими же далекими, как лунные кратеры. Но он никак не мог решиться.

И тогда я понял, в чем дело.

— Она очень красивая?

— Что?

— Твоя девушка из Нью-Йорка.

Он не ответил. Но иногда молчание красноречивее любых слов.

— Думаю, так и есть, — сказал я. — Но, поверь мне, тут ничего не поделаешь. Я оставил очень милую девушку в Нью-Йорке — медсестру. Наверное, она уже замужем.

— Ты жалел об этом? — осторожно спросил он.

— Конечно. Но человек не может иметь все. Я выбрал дорогу.

Потом мы молчали. Должно быть, он думал о своей девушке, а я вспоминал свою. Мы собирались обручиться, но страсть к путешествиям не давала мне покоя. Однажды ночью я написал ей длинное бессвязное письмо о том, как сильно ее люблю, и о том, что не могу остаться. Я бросил сумку в машину и отправился в путь. Через полторы тысячи километров я едва не развернулся. Едва.

Мой попутчик долго молчал, вглядываясь в темноту. Наконец вздохнул и откинулся на сиденье.

— Сначала я хочу заглянуть в Пасадену.

— Как скажешь, — кивнул я.

Он хотел напоследок увидеть знакомые лица. Последний взгляд на привычную жизнь перед прыжком в неизвестность. Разве можно укорять за это?

Утром мы были в Пасадене. Он все время молчал, лишь назвал адрес своих знакомых. Молча курил, уставив невидящий взгляд в окно.

— Вот мы и приехали. — Я остановил машину.

— Подожди меня, — попросил он.

Домик был небольшой. На лужайке в металлических креслах немолодая парочка грелась на калифорнийском солнышке. Увидев молодого человека, оба встали.

— Кого я вижу — Рой Эллисон! — воскликнул мужчина.

— Рой? — удивилась женщина. — Какими судьбами?

— Просто проезжал мимо, — невесело ответил Рой, пряча руки в карманах. — Просто подумал, что...

Дверь дома отворилась, из нее вышла девушка с подносом в руках. Она была молода и очень красива — если вам нравятся блондинки.

— Рой! — выдохнула она. Поднос выпал у нее из рук и покатился по ступенькам. Она застыла, глядя на Роя Эллисона широко раскрытыми глазами.

— Просто проезжал мимо, — сказал он с отчаянием в голосе. — Просто подумал, не заглянуть ли, как в старые добрые времена...

— Ты ведь останешься?

— Я не знаю. — Рой оглянулся на меня.

— Конечно останешься, — решительно произнесла девушка. Они смотрели друг на друга. Потом начали улыбаться.

Я тихонько включил передачу, но Рой вспомнил обо мне. Они подошли вдвоем, держась за руки.

— Это мой друг, — сказал Рой.

— Не хочешь зайти и выпить сассапариллы? — спросила девушка и тут же покраснела, вспомнив, что выронила поднос.

— Спасибо, впереди у меня долгая дорога.

Я высунулся из окошка, похлопал Роя по руке, подмигнул девушке и нажал на газ.

Ну что он за идиот, сказал я себе, сжимая руль до боли в пальцах. Девушка из Нью-Йорка переехала в Калифорнию. Он проехал автостопом пять тысяч километров, только чтобы узнать, вышла ли она замуж, обручена ли или влюбилась в другого... Что за идиот!

Но все было бесполезно. Снова навалилось чувство одиночества. Я знал, что Аляска, Гавайи и Таити — это

те же Индиана, Огайо и Пенсильвания. Везде одно и то же, только пейзаж разный.

Я сбросил скорость и неаккуратно развернулся. Ехать обратно в Нью-Йорк — просто безумие. Что, если она вышла замуж, обручилась или полюбила другого? Но я должен убедиться лично.

Мне предстояло проехать пять тысяч километров, но я сделал крюк, чтобы обогнуть квартал с домом девушки. Не хотелось, чтобы Рой видел, как я возвращаюсь назад — после всего, что я наговорил.

СДАЧА С СЕРЕБРЯНОГО ДОЛЛАРА

Она вела машину так долго, что руки, казалось, приросли к рулю. Свет фар выхватывал яркие рекламные щиты у обочин. Автомобиль мчался к освещенному участку дороги, но никак не мог его достичь. Шоссе струилось вперед, окруженное высокими стенами мрака. Свет фар разгонял темноту, но та все равно вздымалась до неба, неустанно подрагивая, как будто выбирая момент, чтобы сомкнуться над одиноким путником.

На бортовых часах высвечивалось: «3:25». Сколько же она за рулем? Пять часов, шесть? Не отрываясь, она смотрела, как фары вгрызаются в темноту. Перед глазами плясали черные точки. Огромная стена тьмы, казалось, вот-вот опрокинется.

— Все, хватит, — твердо сказала она. — Пора выпить кофе.

Вообще-то, Том и дети ждут ее не раньше завтрашнего полудня. Но она решила преподнести им сюрприз и начать свой короткий весенний отпуск на день раньше. Езда ночью, предполагалось, станет забавным приключением. Но толстые черные линии на дорожной карте в реальности оказались неосвещенными петляющими гудронными дорогами. И километры растянулись до бесконечности.

Впереди показалось красное неоновое зарево придорожной закусочной, и она сбросила скорость.

У дороги напротив заведения голосовал мужчина. На мгновение фары выхватили худое, усталое лицо, когда она сворачивала на пустую парковку у кафе. Поставив машину на ручник, откинулась в кресле и потянулась до хруста. Потом вытащила ключ зажигания, взяла сумочку и открыла дверцу.

В кафе было жарко и влажно, густо пахло пережаренным маслом и помоями. Она села за стойку и увидела спину бармена, склонившегося над бачком счищенным картофелем.

Входная дверь открылась и закрылась, и рядом с ней сел мужчина. Она заметила узкое лицо с тонкими губами и поняла, что это автостопщик с дороги.

Человек кашлянул, и она быстро отвернулась, надеясь, что он не станет напрашиваться в попутчики. Должно быть, он ее понял, потому что ничего не сказал.

Подошел бармен, чтобы принять заказ, — крепкий унылый тип со светлыми кудряшками на крупной голове.

— Вам и вашей жене кофе? — обратился он к мужчине.

Женщина резко вскинула голову. Что за глупое предположение, пусть даже они сидят рядом в пустом кафе. Очевидно, бармен не отличается проницательностью.

Автостопщик повернулся к ней с виноватой улыбкой. Но улыбка быстро растаяла. Внезапно она похолодела: казалось, мужчина смотрит сквозь нее на теплый, комфортабельный автомобиль снаружи.

— Мне кофе и гамбургер, — сказала она.

Автостопщик немного помедлил, потом резко вздохнул:

— Мне то же самое, что и жене.

— Угу. — Бармен медленно поковылял к грилю, почесывая загривок толстыми пальцами с грязными ногтями.

Она плотно сжала губы. Нет смысла устраивать сцену. Если он решил так пошутить, она проигнорирует шутку.

— Мы ехали всю ночь, — сказал автостопщик.

— Да ну? — Бармен прижимал бургеры ножом к грилю. — Вам кофе сразу?

— Да, — кивнул мужчина. — Жена всегда первым делом пьет кофе.

Что она могла сказать? Я ему не жена? Он мне не муж? Нет смысла выставлять себя на посмешище только ради того, чтобы разъяснить ситуацию глуповатому бармену.

Бармен отошел от гриля и наполнил две чашки кофе, потом взял белый эмалированный кувшин с молоком.

— Мне черный, пожалуйста, — попросила она.

— Верно, она всегда пьет без молока, — сказал автостопщик. На лбу у него блестели капли пота. — Просто жить не может без черного кофе. Глушит его днем и ночью, и только черный.

— Ясно. — Бармен поставил чашки на стойку перед ними. — Моя старушка тоже любит черный.

— Правда? — оживился автостопщик. — А мы с женой едем в Кливленд, в гости к ее сестре. Давно собирались съездить, да все как-то не получалось.

Она раздраженно посмотрела на него. Это уже слишком. Определенно, толстый бармен должен понять, что этот человек в мешковатом костюме и грязной рубашке не может быть ее мужем.

Она открыла рот, но автостопщик торопливо произнес:

— Пей кофе, дорогая. Ты устала. Представляешь, как она устала? Знаешь, приятель, она всегда становится раздражительной, когда едет слишком долго. Но она сдерживает свой гнев!

Толстые губы бармена тронула улыбка. Он потер нос и сказал:

— Когда моя старушка сердится, достаточно разок врезать, и все сразу проходит. — Он подмигнул автостопщику.

Автостопщик подмигнул в ответ.

— Точно, — сказал он. — Самый радикальный способ. Бармен усмехнулся и отошел к грилю.

— Я не хочу закатывать скандал, — тихо сказала она. — Но если вы сейчас же не прекратите...

— Дорогая, успокойся, — сказал автостопщик и сгреб ключи от машины. Позвенел ими в руке и добавил: — Ты слишком взволнована.

— Отдайте ключи! — потребовала она.

— Слушай, дорогая, не доставай меня, — пригрозил автостопщик. Пот градом катился по его щекам. — Если не закроешь рот, тогда заткну его я. Прямо здесь.

— Так с ними и надо, — одобрил бармен, ставя гамбургеры на стойку. — Кетчуп?

— У меня с собой документы... — Она запнулась. Лицо мужчины вдруг посерело, он весь напрягся и замахнулся ладонью:

— Я предупреждал.

Вот что он имел в виду! Она поняла, что он не шутит, и почувствовала спазм в животе. Он вел отчаянную игру; его цель — попасть в ее машину и уехать. Если надо, то с помощью силы...

— Надеюсь, вы не против, если я ее малость отшлепаю? — добродушно спросил автостопщик. — Она скулила всю ночь.

— Только без крови, — хохотнул бармен.

Она сидела неподвижно перед нетронутым гамбургером, пытаясь унять дрожь в руках. Надо успокоиться и все обдумать. Телефон.

— У вас есть телефон? — обратилась она к бармену.

— Кому ты собралась звонить посреди ночи? — быстро спросил автостопщик.

— Моему мужу.

— Слушай. Еще одно слово... клянусь, выдашь еще что-нибудь подобное, и ты получишь.

Его узкое, жесткое лицо застыло, желваки вздулись. Он уставился на нее не мигая, как дикий зверь, и она зачарованно смотрела ему в глаза.

«Голубые, — подумала она. — Как у Тома».

— Дайте кусок вишневого пирога, — попросил автостопщик. — Вы не думайте, она у меня не всегда такая. Мне сейчас за нее немного стыдно. Но она слишком долго ехала.

— Женщины, — пренебрежительно протянул бармен.

— У нее есть и достоинства, — рассудительно заметил автостопщик. — Она хорошо заботится о ребенке. Сейчас с ним сидит моя мать, пока мы ездим в гости.

— А мы так и не обзавелись детьми, — сказал бармен.

— А нашему год и месяц.

От такой наглости она онемела. Она и в мыслях не допускала, что такое может случиться на самом деле. Только не с ней. Женщину, у которой уютный домик и двое

детей, не могут похитить ранним утром из придорожного кафе.

Внезапно ее охватило оцепенение. Она почувствовала себя жутко уставшей, ни на что не способной.

— Девочка, мальчик? — поинтересовался бармен.

— Малышка. К сожалению, нет с собой фото.

«Может, я не права, — думала она отсутствующе. — Может, этот человек — мой муж, а я его жена, и он имеет право ударить меня из-за того, что я ныла всю ночь...»

Звякнула чашка.

— Еще кофе, — сказал автостопщик. — Тебе тоже, дорогая? — Он ухмыльнулся, показав почерневшие зубы.

«Нет, — решила она, — это не мой муж. У моего мужа чистые белые зубы и пара золотых коронок на коренных зубах. А этот человек сроду не бывал у дантиста. Нет, он не мой муж».

— Нет, — прошептала она, глядя на толстого, заросшего щетиной бармена, почесывающего свои дурацкие светлые кудри. Ее остроносый муж-автостопщик жадно глотал вторую чашку кофе, сжимая в свободной руке ключи от машины.

Ключи от ее машины! Тотчас сонливое оцепенение прошло, она очнулась. А может, броситься к двери и выбежать на улицу, в темноту? Но автостопщик уже стоял между ней и дверью.

— Думаю, мы закончили, — сказал он. — Пора ехать дальше.

— Угу, — кивнул бармен. — Так, посмотрим. Два гамбургера — пятьдесят центов, пирог — шестьдесят пять. Три кофе. Итого девяносто пять центов.

— Заплати, дорогая, — обронил автостопщик.

— Нет, — сказала она, прижимая сумочку.

— Я сказал, заплати!

— Сам заплати! — крикнула она. — Послушайте! — Она повернулась к бармену. — Вы что, ослепли? Не видите...

Автостопщик шлепнул ее по губам.

— Ты у меня получишь, — тихо прошипел он. — Получишь так, что мало не покажется.

— Девяносто пять центов, — повторил бармен.

Автостопщик зло уставился на нее, но она сжимала сумочку обеими руками так, что побелели костяшки пальцев. Тогда он выудил из заднего кармана потрепанный бумажник, открыл его и сунул пальцы в один из отделов.

— Вот. — Он бросил на стойку сверкающий серебряный доллар. Бармен взял его с недоверием.

— Это законная монета, — заверил автостопщик, отступая к двери. — Это мой счастливый доллар.

Она смотрела на серебряную монету и недоумевала, откуда она у него. Из Лас-Вегаса? Проиграл все деньги, а доллар оставил на всякий случай?

Ну вот и все! Юркнув за стойку, она приказала:

— Еще кофе. Побыстрее.

Бармен взглянул на нее удивленно, но кофе принес. Сделав глоток, она встала, по-прежнему крепко сжимая сумочку.

— Доллар и пять центов, — сказал бармен.

Автостопщик взглянул на нее со злобой.

— Как насчет одного кофе за счет заведения? — спросил он у бармена, пытаясь выдавить улыбку.

— Плати. Есть деньги на поездку в Кливленд, значит хватит, чтобы заплатить по счету.

— Дорогая...

Но она не смотрела на него. Если он хочет добраться до ее сумочки, ему придется избить ее до беспамятства. Но вряд ли бармен допустит это, даже из мужской солидарности.

— Она нарочно злит меня, — сказал автостопщик.

— Плевать. Ты мне должен пять центов. — Бармен подошел к автостопщику. Его лицо побагровело.

Автостопщик посмотрел на нее. Она смотрела на ключи в его руке.

— Ну ладно, — сказал он и швырнул ключи на стойку бара.

Она схватила их и выбежала на улицу. Стуча зубами, завела машину и включила скорость. Фары осветили дорогу.

Не отрывая взгляда от освещенного участка дороги, она думала о счастливом долларе автостопщика. Его последних деньгах.

Она поежилась.

Что с ним? Избит барменом из-за пяти центов?

Но сейчас она не могла думать об этом. Она не могла даже плакать, потому что стена мрака перед несущимся светом фар вздымалась до самых небес, выжидая момента, чтобы сомкнуться.

УЦЕЛЕВШИЙ

Пятого августа в тринадцать тридцать береговая охрана порта Эверглейдз получила тревожный вызов: парусно-моторная яхта «Надежда», несмотря на приближающийся шторм, вышла в море; на борту двое — владелец и его гость. Спустя три часа поисков экипаж спасательного катера «Сибрайт» обнаружил «Надежду» в четырех милях от буя. Сильно поврежденную яхту взяли на буксир. В живых остался только один член экипажа; другого смыло за борт, когда он пытался помочь товарищу...

«Надежда» резво неслась по волнам, и ее длинный плоский форштевень слегка подрагивал на ряби Гольф-стрима. Владелец яхты Теодор Дебнер держался за румпель и правил, время от времени плавно подстраиваясь под ветер. Его гость Джордж Мэтьюз прижался к комингсу и пристально глядел на запад, пытаясь рассмотреть песчаное побережье Флориды. С тех пор как яхта покинула Эверглейдз, ни один из мужчин не проронил ни слова.

— Бодрит, нечего сказать, — произнес наконец Мэтьюз.

— Ты о чем? — резко спросил Дебнер.

— О парусном спорте, конечно же.

— А-а-а, — протянул Дебнер и усмехнулся. — Я думал, ты имеешь в виду свои недавние подвиги. Такие развлечения тоже горячат кровь?

Мэтьюз поежился:

— Ну зачем же так начинать? Мы выбрались в открытое море, чтобы все обговорить. Ситуация, черт побери, неприятная.

— Я сейчас сменю галс, — сказал Дебнер. — Будь добр, потрави кливер-шкот.

— Кливер-шкот?

— Берись вон за ту веревку, — пояснил Дебнер. — Когда пойдем против ветра, ослабь ее, но только не выпускай... Э, да ты совсем ничего не знаешь о яхтах?

— Это мой первый выход, — признался Мэтьюз. — Мне больше по душе альпинизм.

Он отыскал нужную веревку и взялся за нее. Яхта тем временем плавно развернулась и пошла против ветра, паруса бешено хлопали.

— Трави, — сказал Дебнер.

Мэтьюз дважды обмотал конец вокруг руки, напряг плечи и отвязал веревку от крепительной утки. Большой кливер с треском наполнился ветром.

— Крепи! — крикнул Дебнер, изо всех сил налегая на румпель. Мэтьюз не мог ничего сделать, его протащило вдоль всего кокпита. Просто невероятно, откуда в треугольном куске парусины столько мощи! Если б Мэтьюз не успел отвязать шкот от руки, его перекинуло бы через крышу каюты.

Наконец яхта легла на другой галс, и Дебнер одной рукой выбрал втугую шкот, пока подветренный кливер не развернулся.

— Я же говорил, что в море от меня проку мало, — дрожащим голосом сказал Мэтьюз, растирая потянутое плечо.

— Ну да. Зато в других делах ты мастер.

Море тем временем волновалось все сильнее, ветер крепчал. Когда они только покинули порт, дуло умеренно, теперь же в парусах завывало. По серому небу неслись рваные черные тучи.

Длинная гоночная яхта тяжело переваливалась на волнах. Идеальное дополнение своего хозяина: изящная, строгая, лощеная, немного резкая на ходу, она будто скользила по морю с легким пренебрежением к последнему.

— Наверное, пора поговорить, — сказал Мэтьюз.

— Затем и вышли в море, — кивнул Дебнер. — Здесь нам никто не помешает обсудить нашу проблему. Давай выкладывай свой секрет. Может, мне удастся опробовать его на чьей-нибудь женушке?

— Все не так, — возразил Мэтьюз. — Мы с Дженни...

— Значит, она для тебя Дженни?

— Я так называл ее в колледже. Я и не думал увидеть ее в том городке. Мы случайно встретились на выставке акварели месяц назад.

— Выставка в маленьком городке, — вслух подумал Дебнер. — Какой удобный предлог для измены.

— Да ты прямо образец остроумия...

— Я обманутый муж, — улыбнулся Дебнер. — Эмоции берут верх.

Мэтьюз чувствовал себя неловко. Он встречался с Дженис — когда она еще носила фамилию Лэйтон — в колледже. Все было невинно, по крайней мере для него: обеды, втиснутые между лекциями по векторному анализу, напряжению и деформации. Походы в кино в свободное время, когда Мэтьюз не готовился к экзамену по второй части высоких температур. Постепенно отношения приобретали серьезный оттенок, но в дело вмешалась война.

На Филиппинах Мэтьюз силился понять, откуда взялась эта серьезность в отношениях с Дженис. И его ждало неприятное открытие: строгий логический анализ по принципам инженерии не дал результатов. Немного позже, без помощи какого бы то ни было анализа, Мэтьюз сообразил: он попросту влюбился.

Когда он вернулся домой, было уже поздно: Дженис вышла замуж. Мэтьюз, человек традиционных взглядов, не мог строить счастье на обломках чужого.

Впрочем, чужое счастье потерпело крах задолго до того, как они с Дженис снова встретились. Не то чтобы Дебнер тиранил жену — тогда он обращал бы на нее хоть какое-то внимание. Нет, супруги для него будто вовсе не существовало. Его интересовала лишь приличная ежемесячная выручка от семейных прядильных фабрик Лэйтонов.

— Давай уже взглянем правде в глаза, Дебнер, — прямо заявил Мэтьюз. — Ты испортил Дженис жизнь. Скажи, ты любишь ее?

Удивленный таким вопросом, Дебнер посмотрел на раздутый глот и только потом ответил:

— Любовь — для наивных юнцов, мистер Мэтьюз.

Мэтьюз побагровел:

— Тогда зачем ты на ней женился?

— Дженис приятная женщина, — сказал Дебнер. — Да ты и сам знаешь. Были, впрочем, и другие соображения.

— Деньги?

— А что тут плохого?

— Надо же, — сокрушенно произнес Мэтьюз. — Я думал, ты в этом ни за что не признаешься.

— Ну почему же? Это ведь останется между нами. А теперь потрави, пожалуйста, шкот.

Мэтьюз — на этот раз осторожнее, не ослабляя натяжения, — распустил узел. Дебнер отвязал гика-шкот, выставив парус под прямым углом к ветру, и яхта понеслась, взрезая носом гребешки волн. Дебнеру приходилось наваливаться на румпель всем весом — море сильно задирало подзор, будто стараясь сбить судно с курса. Небо темнело, и вода покрылась белыми прожилками пены.

— Признаться, — сказал Дебнер, — этот бардак меня порядком раздражает. Вы с Дженис, должно быть, оскандалили меня на весь тот городишко. Сидели, наверное, в темных уголках баров, держались за руки? Обжимались в кино на последних рядах?

Лицо Мэтьюза окаменело.

— Все не так. Никто не знает о наших отношениях.

— Не верю.

— Я говорю правду, хотя это не главное. Ты дашь развод Дженис?

Дебнер пожал плечами:

— Подумаю. А теперь готовься, мы следуем обратным курсом. Найдешь свистящий буй?

Достав из ящика бинокль, Мэтьюз снова прижался к комингсу и поднес окуляры к глазам. Вокруг не было видно ничего, кроме пенных волн. Когда лодка ныряла вниз, перед глазами у Мэтьюза поднималась испещренная белыми прожилками стена воды. Прикрыв бинокль рукой от брызг, он вглядывался в даль. И вдруг заметил что-то — но что? Буй или другую лодку? Вот если бы яхту не кидало вверх-вниз...

Дебнер закричал:

— Пригнись!

Мэтьюз обернулся и, будто во сне, но очень отчетливо, увидел, как на него, подобно тупому ножу гильотины, со скоростью железнодорожного экспресса летит подгоняемый ветром в парусе гик. В последний момент Мэтьюз прильнул к палубе, и гик слегка чиркнул его по затылку.

— Держись! — крикнул Дебнер. Чуть не задев бакштаг, гик дошел до конца, и натяжением в застопоренном гика-шкоте его чуть приподняло. Правда, от удара стопор вырвало из комингса. Мачту выгнуло, будто молодой побег, но она не сломалась. Яхта накренилась, зачерпнув бортом воду, и снова выпрямилась, повинуясь действиям рулевого.

— Ветер меняется, — заметил Дебнер. — Повезло еще, что не остались без мачты. Назад вернуться будет не просто.

Мэтьюз еще не оправился. Гиком его едва не прибило насмерть.

Ветер достиг скорости штормового и рвал гребни волн в пенные клочья. Каждый раз, как яхта скатывалась вниз по волне, ее нос окунался в зеленоватую воду и та стекала по водобойному молу. Дебнер продолжал уверенно править, натянув кливер и ослабив грот. Переводя паруса, он исправно ловил меняющийся ветер и не позволял яхте остановиться.

— Так ты дашь ей развод? — повторил Мэтьюз.

— Да что ты заладил: развод, развод!.. — рассмеялся Дебнер. — Оглянись! Разве не впечатляет?

Он обвел море широким жестом руки.

— Если честно, меня это пугает. Ты ведь вернешь нас на сушу?

— Думаю, да. Если только шторм не усилится. Видишь вон ту рукоятку? Это рычаг трюмной помпы. Поработай им...

Откачав воду из трюма, Мэтьюз огляделся. Ветер крепчал. Тогда Мэтьюз снова приник к окулярам бинокля, стараясь держать голову пониже. Бувек порта Эверглейдз он

так и не обнаружил, зато разглядел вдали силуэт другого судна.

Дебнер тем временем завел мотор, но даже на полной скорости с трудом правил яхтой среди крутых волн.

— Я дам Дженис развод, — сказал он неожиданно.

— Правда?

— Да. Почему нет? Последнее время мне скучно, да и доход от прядельных фабрик Лэйтонов, что бы ты ни думал, совсем не фонтан. Правда, я уступлю при одном условии.

— Да? И что за условие?

— Яхта переходит ко мне.

Мэтьюз против собственной воли расхохотался:

— Уверен, Дженис она не нужна.

— Вот и славно, — подвел итог Дебнер. — Браки не всегда удаются, и, если тебя постиг крах, не стоит уби-
ваться. Я рад, что мы обсудили нашу проблему как цивилизованные люди. А теперь позволь мне сосредоточиться и вернуть нас домой.

Он взглянул на северо-запад, где клубились жирные черные тучи.

— Боюсь, худшее еще впереди. Вот, держи руль и правь против ветра, я опущу грот.

Не успел Мэтьюз ничего сказать, как у него в руках оказался румпель. Казалось, он пытается удержать живое существо. Яхта стонала, двигаясь полным ходом против ветра. Нос кидало из стороны в сторону.

Держась за штормовой леер на крыше каюты, Дебнер с трудом пробирался к мачте. Вот он схватился за нее одной рукой, а другой принялся разбираться с концами. Наконец вернулся и сам сел за румпель.

— Грота-гардель заело, — сообщил он.

— Что это значит? — не понял Мэтьюз. — Что за гар-
дель?

Дебнер очень спокойно объяснил:

— Гардель — это снасть, конец, который тянет парус вдоль мачты. Грота-гардель проходит через лебедку на вершине мачты. Должно быть, когда мы перекидывали парус, грота-гардель сорвало. Теперь я не могу опустить грот.

— А с поднятым парусом дальше никак?

Дебнер покачал головой:

— Уже сейчас нам надо взять два рифа. Дальше будет только хуже. — Отыскав отвертку, он встал. — Принимай румпель.

— Что ты намерен делать?

— С поднятым парусом долго мы не протянем. Без парусов тоже никак. Остается мне забраться на мачту и посадить гардель обратно на лебедку.

— С ума сошел! — воскликнул Мэтьюз, глядя, как дико раскачивается мачта. — Ты наверху и минуты не выдержишься!

— Не преувеличивай, — ответил Дебнер. — Это не так уж и сложно. Почти каждый яхтсмен время от времени проделывает этот трюк. Раньше, когда ходили под прямыми парусами, моряки каждый день взбирались на мачты и в погоду похуже.

— А мачта не сломается под твоим весом?

— Она еще и не то выдержит. Теперь бери румпель и слушай внимательно: держись как можно круче к ветру, сохраняя малый ход. Не позволяй яхте уклоняться от курса, или нас перевернет. Но самое главное: не давай ей зависать в левентике, не то нас затрясет так, что управление потеряем навсегда. Понял?

— Нет. Я не смогу править яхтой, лучше дай мне отвертку.

— Что? Э нет, дружище, ты вряд ли сумеешь взобраться на мачту.

— Если эта чертова мачта меня выдержит, сумею, — мрачно ответил Мэтьюз. — Зато с управлением мне точно не совладать. Так что давай сюда отвертку.

— Ну хорошо, — согласился Дебнер. — Но учти, это тебе не забава. Я за тобой туда лезть не хочу. Поправил гардель — сразу вниз.

— На обед я там точно не задержусь, — сострил Мэтьюз и, заткнув отвертку за пояс, побрел к мачте.

Забраться на нее оказалось не так уж и сложно — не на отвесную же гору. Мэтьюз развернулся спиной к парусу,

чтобы можно было спиной упереться в наполненную ветром холстину. Обхватив ногами деревянный стержень, руками он перебирал по гарделю. Добравшись до нижних краспиц, перевел дух. Внизу Дебнер сидел, согнувшись над румпелем, а вдаль виднелся идущий в их сторону серый моторный катер.

Дальше пришлось тяжелее: мачта гнулась и дрожала под весом Мэтьюза; парус сузился, и упираться спиной было не во что. Ветер всю старался сбросить Мэтьюза вниз, на палубу, которая с высоты казалась чудовищно маленькой.

Стиснув зубы, Мэтьюз подтянулся к ромбовантам. До верхушки оставалось еще метра три.

Ветер здесь задувал намного сильнее, пронзительно свистел в ушах, оглушая. Мэтьюз наконец достиг верха и крепко вцепился в гардель обеими руками. Собрался с духом. Вынув отвертку из-за пояса, поддел ею конец... и замер. Гардель надежно лежал в глубоком желобе лебедки. С ним ничего не случилось, его не заело.

Налетел порыв ветра, и судно накренилось. Неужели конец сам встал на место? Сильным ветром парус приподняло и вернуло гардель на желоб? Или Дебнер ошибся?

Не-е-ет, все не так. Дебнер просто хочет убить Мэтьюза.

Такие мысли нужно гнать от себя, особенно на высоте двенадцать метров. Но от них так трудно избавиться, ведь чего только не происходит с пассажирами маленьких яхт, особенно в шторм. Мэтьюз как-то читал в газете о рыбаках, которые пропали в бурю недалеко от берега Монтока, или у Кейп-Чарлза, или... порта Эверглейдз?

Яхта накренилась, и Мэтьюз, ухватившись за гардель, выронил отвертку. Ногами он не успел обхватить мачту и повис над водой, раскачиваясь, как маятник.

Нет, нет, нет, не может быть! Дебнер не убьет его. Он ведь согласился дать Дженис развод... Или уступка тоже часть его плана? И на мачту он лезть не собирался: знал заранее, что Мэтьюз не справится с управлением, даже пытаться не станет.

Руки Мэтьюза скользили по гарделю, а Дебнер тем временем покинул кокпит и направился к мачте.

Не зря он спрашивал, знает ли кто о Мэтьюзе с Дженис. Если сейчас Мэтьюз пропадет, никто не заподозрит ничего дурного. У Дебнера якобы не будет мотива для убийства.

Встав под мачтой, Дебнер посмотрел вверх. У него в руке что-то блеснуло. Нож? На что ему нож?

Яхта опять накренилась, и бортовой леер скрылся под водой.

Что-то взорвалось, и Мэтьюза понесло по ветру.

Спасательный катер «Сибрайт» уже три часа носился по морю. Команда промокла насквозь и до жути устала. Впрочем, возвращаться они не спешили. Когда от мыса Хаттерас до Ки-Уэста передают штормовые предупреждения, кто-нибудь отчаянный обязательно отправляется на морскую прогулку.

Когда яхту нашли, ее уже основательно потрепало штормом: паруса порвало в клочья, двигатель затопило. Ветер дул ей в корму, медленно унося в открытое море. На борту один-единственный пассажир безостановочно, механически вычерпывал воду. Он не поднял взгляда, даже когда с «Сибрайта» к нему на борт поднялся спасатель.

— Ваша жена сказала, вы ушли в море, — доложил он. — Надо снять вас отсюда. Где ваш пассажир?

— Что?

— Пассажир. Где он?

В этот момент с мостика «Сибрайта» крикнули:

— Торопись! Снимай его оттуда!

— Так где он? — допытывался спасатель.

— Смыло за борт. Я ничего не смог поделать. Паруса порвались, двигатель сдох.

— Хорошо, мистер Дебнер, пойдемте. В каюте расскажете, как было дело.

— Меня зовут Мэтьюз. Дебнера смыло за борт. Он пытался помочь мне, пока я висел на мачте. Яхту накренило так сильно, что я не мог спуститься. Останься он в кокпите — выжил бы, но он подошел к мачте и разрезал парус — чтобы яхта могла выпрямиться. Тут его и накрыло...

— Вот это отвага! — ответил спасатель. — Идемте, здесь нельзя оставаться.

Яхту взяли на буксир, однако пробоины в корпусе были слишком велики, и вскоре уже вода поднялась до кабины. Пришлось обрезать конец. Мэтьюз следил, как тонет «Надежда». Дебнер хотел ее оставить себе? Что ж, он ее получил.

Мэтьюза отвели в кают-компанию и дали кружку горячего кофе, за которым он и рассказал вкратце всю историю. Не было смысла вдаваться в подробности, равно как и чернить память погибшего. Все закончилось.

Вот только узнает ли правду Дженис?

Мэтьюз никогда не забудет грохот, с которым лопнул раздутый грот, и как зеленая волна прошла по палубе, оставив пустое место там, где секунду назад стоял Дебнер — с ножом в руке и ярой ненавистью в глазах.

До конца жизни Мэтьюз будет помнить, как спускался по гарделю, две стренды которого были перерезаны, а третья, надсеченная, едва держалась.

СЕЛЬСКИЙ РАЗБОЙ

«Ресторанчик Скотти» ничем не отличался от миллионов других придорожных закусочных — безликий алюминиевый вагончик, появившийся сам по себе в полукруге разровненного гравия рядом с бетонным шоссе. Не лучше тех, мимо которых Мадден проезжал весь день, и не хуже тех, что ждали его впереди. Солнце клонилось к закату, самое время поужинать, поэтому он свернул с дороги и запарковался рядом с одиноким дизельным грузовиком.

Внутри пахло, как во всех закусочных: переваренным кофе, прогорклым жиром и хлоркой от выложенного черной и белой плиткой кафельного пола. Хозяин заведения в запачканном переднике и белом колпаке отсчитывал сдачу единственному посетителю — водителю дизельного грузовика.

— Да, Скотти, вот же незадача, — говорил водитель грузовика, задумчиво жуя зубочистку.

— Да знаю я. Не нужно напоминать. А что я могу сделать? Вот что бы ты сделал, Ник?

Водитель грузовика перекинул языком зубочистку на другую сторону рта:

— Не знаю, Скотти, даже не представляю. Все, что могу посоветовать: не впутывайся.

— Да-а-а, — протянул Скотти в сомнении. — Так-то оно так. Но как подумаю о бедном старике... Ну да ладно.

— Пусть старикан Блендфорд сам позаботится о себе, — посоветовал Ник. — Увидимся в следующий рейс.

— Поосторожнее на поворотах, Ник. — Скотти повернулся к Маддену. — Что будете заказывать?

— Фирменный бургер, пюре и горошек.

Скотти кивнул и включил газ под грилем. Это был полный, румяный мужчина, коротко стриженный, с ясными

голубыми глазами и крупными чертами лица. Мадден, худощавый, смуглый и остроглазый, чувствовал себя возле таких людей несколько неуютно. Они казались ему не совсем людьми, эти честные, открытые, простодушные простофили, год за годом выполняющие неприятную и малоприбыльную работу, монотонно честно и непреодолимо скучно.

Но вообще-то, Мадден чувствовал себя неуютно рядом с большинством людей. Это было естественно для его рода занятий.

Скотти бросил бургер на гриль и задумчиво уставился в одну точку.

— И все-таки нужно ему помочь, — сказал он.

— Что? — повернул голову Мадден.

Скотти поднял брови, смутился и потер бульдожьей челюсть.

— Кажется, я размышлял вслух. Старик Блендфорд никак не выходит из головы. Просто не знаю, что делать. — Скотти посмотрел на шипящий бургер. — У бедняги ни семьи, ни друзей, только один я. Будет умирать в своем большом доме, и некому даже воды подать.

Мадден подавил зевок. По роду профессии он часто переезжал из города в город — поспешно и в основном окольными путями. Парней, готовящих бургеры в алюминиевых забегаловках, он знал как облупленных. Им только повод дай, и они вывалят гору унылых подробностей о своих женах, детях, престарелых родителях, армейских приятелях, собаках и хобби.

Но некоторые из этих рассказов порой бывали забавны и даже подкидывали кое-какую работу. К тому же Мадден не захватил газету. Поэтому он поинтересовался:

— И что с этим стариком не так?

Скотти перевернул бургер:

— Блендфорд живет в большом старом доме недалеко от шоссе. После смерти жены он живет один — вот уже десять, нет, одиннадцать лет. Никуда не выходит. Никого не впускает, кроме меня, — я приношу продукты. У него тяжелый артрит обеих рук, так что он еле-еле поднимает сковородку. И у него больное сердце. Прошлый раз, когда

я принес продукты, он лежал на лестнице и хватал ртом воздух.

— Ну и что? — спросил Мадден. — В чем проблема?

— В чем? Но я же только что рассказал. Его мотор изнашивался. Приступ может случиться в любую минуту. Того и гляди отдаст богу душу, а рядом нет никого, чтобы помочь.

— А-а-а, — разочарованно протянул Мадден.

Скотти подал готовый бургер.

— Ко всему прочему, — продолжал он, — глупый старик просто напрашивается на неприятности. После смерти миссис Блендфорд у него осталась куча денег, но он не потратил из них ни цента. Прячет их в маленьком старом сейфе на чердаке.

— Хм. — Мадден почувствовал, как в жилах забурлила кровь.

— Это ни для кого не тайна. О сейфе знают все, — сердито продолжал Скотти. — И что может помешать, если кому-нибудь вздумается забраться в дом и обчистить старика?

— И верно, — пробормотал Мадден.

— Уж точно не сам старик с его артритом и больным сердцем. — Скотти снова как будто размышлял вслух. — Да первое же потрясение его убьет.

Мадден закончил еду и рассчитался.

— Теперь понимаете? Я должен что-то придумать. — Скотти обеспокоенно глядел на Маддена ясными голубыми глазами. — Может, сообщить в совет округа о том, что старик недееспособен?

— Оставьте его в покое, — посоветовал Мадден. — Думаете, ему понравится дом престарелых? Никто не любит сидеть под замком, — убежденно добавил он.

— Может быть, может быть. Знаю, не мое это дело. Но, черт возьми, я помню его с детских лет. Я стриг лужайку перед его домом. Его жена пекла такие пирожки...

— Выбросьте это из головы, — порекомендовал Мадден. — Сдачи не надо.

— Спасибо. Пожалуй, так и сделаю. Заходите еще! — крикнул он Маддену вслед.

Солнце почти зашло, и небо окрасилось в грязно-красный цвет. В сумерках смутно белело шоссе. Мадден включил габаритные огни и поехал на запад. Заметив в стороне от дороги высокое здание, притормозил и долго, волнуясь, вглядывался, пока не различил почти скрытую травой выцветшую табличку «Блендфорд». Потом он поехал дальше.

Через двадцать минут окончательно стемнело. Мадден включил дальний свет, развернулся и поехал назад, мурлыкая под нос. Он снова проехал мимо дома Блендфорда и через пятьдесят метров остановился. Оглядел шоссе в обе стороны — света фар не видно. Потушив фары и габаритные огни, он съехал с дороги за огромный неосвещенный рекламный щит.

Пока все шло хорошо. Он достал из нагрудного кармана короткоствольный револьвер 38-го калибра, убедился, что тот стоит на предохранителе, и положил обратно в карман. Закурив, откинулся в водительском кресле и задумчиво уставился в сторону высокого старого дома.

Он не любил эти деревенские просторы, эту обширную, непредсказуемую и малоцивилизованную местность между Нью-Йорком и Чикаго. Что за люди могут жить в краю ферм, хайвеев и чумазных заштатных городков? Странное племя. Мадден старался не иметь с ними дел.

Но работа есть работа. Из бардачка он достал пару кроссовок и переобулся. Из-под сиденья вытащил небольшую черную сумку и после раздумья достал из нее отвертку, фонарик, кусок провода, фомку, нож из закаленной стали и напильник. Все это он распахал по карманам и вылез из машины.

Мадден, исконный горожанин, покрыл пятьдесят метров до дома походкой бродячего кота. Ветки и кусты — все равно что консервные банки и мешки с мусором. Он огibal их автоматически.

В доме тускло светило одно окно на первом этаже. Мадден обошел дом и сзади увидел чердачное окно. К стене была прикреплена решетка для плюща. Мадден потряс ее и решил, что выдержит. Вытерев вспотевшие руки, он начал взбираться.

Решетка заканчивалась на втором этаже, но дальше до крыши шла водосточная труба. На вид вроде надежная. Сделав небольшую передышку, Мадден вскарабкался по трубе до чердачного окна. Оно было слегка приоткрыто. Темнота внутри казалась непроницаемой. Мадден прислушался — ни звука. Он скользнул через подоконник с тихим шелестом ползущей по камням змеи и присел на корточки, выжидая.

В помещении стояла ватная тишина и ничего не было видно. Некоторое время Мадден ждал, пока глаза привыкнут к темноте, но ничего не изменилось. Теперь он знал, какой бывает темнота там, где нет уличных фонарей и неоновой рекламы.

Он медленно протянул руку вправо, машинально выставив пальцы: иррациональная часть его разума ожидала соприкосновения с чем-то теплым, влажным и скользким. Но коснулся он холодного металла. Сейф!

И тут же с лестницы из-за его спины донесся тихий скрип.

Мадден сжал рукоятку револьвера и замер, молясь, чтобы ненормальная темнота рассеялась хоть немного. Так темно просто не может быть! А может быть, он ослеп? На мгновение ему показалось, что он и правда потерял зрение, а комната на самом деле ярко освещена; вдоль стен стоят суроволицые мужчины, наблюдая, как он ползает по полу, словно слепой слизняк. Мысль промелькнула так быстро, что через секунду Мадден забыл о ней. И тут лестница скрипнула во второй раз.

«Темно как в аду, — сказал он себе. — Именно как в аду. А старые дома по ночам скрипят и вздыхают».

Других звуков не последовало. Перестраховываясь, он еще раз коснулся револьвера и шагнул к сейфу. Прижав ухо к холодному металлу, начал вращать диск.

Вдруг на другой половине комнаты кто-то тихо кашлянул. Инстинктивно втянув плечи, Мадден крутнулся на месте и выхватил револьвер.

— Чего тебе надо? — спросил голос.

На пару мгновений Мадден превратился в соляной столп. Потом начал лихорадочно соображать.

— Что ты ищешь? — снова спросил голос.

Теперь он понял. Судя по всему, старик живет в мансарде рядом с драгоценным сейфом!

— Я знаю, здесь кто-то есть, — произнес голос, слабый, надтреснутый и раздраженный.

Мадден поднял револьвер, потом снова опустил. С одной стороны, целиться некуда. С другой стороны, он не убийца. Он гордился своей квалификацией и не горел желанием менять ее. Еще меньше он хотел схлопотать приговор за убийство.

«Ситуация щекотливая», — подумал Мадден, уже жалея, что ввязался в этот грабеж в подозрительной и непредсказуемой части страны. Ничего подобного не случилось бы в городе, где даже в самую темную ночь было светло.

Но что, собственно, его напугало? Ну не пораженный же артритом старик с больным сердцем!

В сердце старика и крылось решение проблемы.

— Это я! — крикнул Мадден что есть мочи, включив фонарик и направив его на другую половину комнаты. — Вот он я... вот, вот, ВОТ!

Луч света выхватил из темноты массивный старомодный стол. Над столом торчала лысая голова.

Яркая оранжевая вспышка кратко осветила комнату и мгновенно погасла. Что-то тяжелое ударило Маддена в грудь. Интересно, кто его ударил? Ясно, что не старик.

Он попытался крикнуть снова, но из горла хлынула кровь. Это было странно. Потом он понял...

Зажегся свет. Крупный лысый старик, кряхтя, выбрался из-за стола, наклонился на Мадденом и пощупал пульс. Кивнув себе, подошел к столу, снял телефонную трубку и набрал номер. Он коротко объяснил, что произошло.

— Да... Да... Верно, через чердачное окно. Этаким верткий тип. Сперва я не знал, где он. Но он начал орать и сверкнул фонариком. Как бы я промахнулся?

Старик некоторое время слушал трубку, потом сказал:

— Конечно. Машину наверняка спрятал за рекламным щитом. Поторопись, отгони ее. Что? Конечно-конечно. Твоя доля как всегда, Скотти.

Старый мистер Блендфорд повесил трубку, положил револьвер с глушителем обратно в ящик стола и начал методично обшаривать карманы трупа.

У них было общее проклятие — одинаковый вкус. С одинаково несчастными лицами они сидели в ее полутемной гостиной: один в кресле, другой на табуретке для фортепьяно, не глядя ни друг на друга, ни на Мэгги. Девушка устроилась на диване, подобрав под себя длинные, стройные ноги, и старалась выглядеть грустной, как того требовала ситуация. Впрочем, это давалось ей с трудом: на самом деле она чувствовала, скорее, взволнованное ликование.

— Так продолжаться больше не может, — сказал тот, что сидел на табуретке. Его звали Том Скэннели. Высокий, широкоплечий, с кожей, слегка тронутой загаром. Типичный красавчик. Ему было явно не по себе.

— Нужно что-то решать, — согласился другой. Его звали Моррисон Дилл. Высокий, широкоплечий, слегка загорелый. Типичный красавчик. И он тоже чувствовал себя не в своей тарелке.

Они не состояли в родстве. И внешне отличались друг от друга. Но все-таки были очень похожи — именно в этом и крылась проблема. Девушке нравились высокие широкоплечие мужчины с кожей, слегка тронутой загаром. Типичные красавчики. И если бы она встретила только Моррисона или только Тома, все бы сложилось замечательно. Оба, что называется, завидные женихи из хороших семей, с достатком и перспективной работой. С любым из них ритуал ухаживания плавно переходил бы от этапа к этапу: партии в теннис, гольф по субботам, ужины в Уэстчестере, танцы в загородном клубе, поездки по залитому лунным светом побережью и вечера под парусом на Саунде. Кульминацией стала бы ночь на безлюдном пляже с неизбежными объятиями и умоляющим шепотом...

А потом, разумеется, свадьба.

Но беда в том, что их двое. С Томом она познакомилась в клубе, и в тот же день на вечеринке ей представили Моррисона. С самого начала они ей понравились. Оба. Ей нравилось все — их манера одеваться, их профессии, машины и яхты. Их любимый бридж, музыка, которую они слушали, спектакли, на которые ходили. К слову, вкусы у них были очень схожие. Невозможно было сделать выбор в пользу того или другого. И она поступила так, как подсказывала ей женская логика. Стала встречаться с обоими — на теннисе, гольфе, ужинах, танцах, в поездках под луной и вечерах под парусом. Мысль о том, что в нее влюблены два идеальных молодых человека, наполняла ее ликованием. К тому же она избавила себя от неизбежности шепота и объятий на пустынном пляже.

Моррисон и Том упорствовали, и каждый надеялся, что соперник устанет от борьбы. Но, увы, оба были одержимы одинаковой страстью к таким девушкам, как Мэгги, — высоким, стройным, длинноногим, с выгоревшими на солнце волосами, вздернутым носиком, умеренно пышным бюстом и манящими бедрами. Именно тот тип, на который обычно клюют мужчины. Хотя в существующих обстоятельствах было бы гораздо лучше, если б один из них питал тайную страсть к невысоким бойким брюнеткам.

Эта печальная история тянулась уже пять месяцев. И вот наконец по обоюдному молчаливому согласию молодые люди решили положить этому конец.

— Сегодня ты должна сделать выбор, — сказал Том.

— Мы встречаемся уже пять месяцев, — добавил Моррисон.

— Втроем, — не без горечи в голосе продолжил Том.

— Я сделал тебе предложение.

— И я тоже.

— Ты сказала, что выйдешь за одного из нас. Надеюсь, ты не передумала? — спросил Моррисон.

— О нет, — ответила Мэгги. — Я и правда хочу выйти за одного из вас. Но только...

— Тогда выбирай, — сказал Том. Моррисон мрачно кивнул.

Мэгги пробежалась пальцами по выбеленным солнцем волосам и нервно потянула за мочку уха. Именно этого она и боялась. Принимать решения — ужасное мучение, а уж если примешь, обратной дороги нет. Мэгги внимательно всмотрелась в их посерьезневшие лица.

— Вы так похожи, — сказала она.

Они взглянули друг на друга.

— Даже не знаю, что сказать. — Она вздохнула. — Где только мы не были, куда только не ходили... У вас столько общего! Вам нравятся одни и те же вещи, у вас одинаковые увлечения. Просто не знаю, кого выбрать!

— В том-то и проблема, — заключил Том.

— Нам обоим нравится скорость и спортивные машины, — сказал Моррисон.

— С высокотехнологичной начинкой, — добавил Том.

— И небольшие гоночные яхты, — продолжил Моррисон.

— Вот видите? — обрадовалась Мэгги. — Совпадение буквально во всем!

— Нет, — медленно проговорил Том. — «Буквально всё» мы еще не пробовали.

— Ты о чем? — спросила Мэгги.

Моррисон нахмурился, затем приподнял брови и кивнул:

— Ты прав. Есть кое-что, чего мы пока не пробовали.

— Самое важное, — со значением добавил Том.

— Да о чем вы говорите?

— Потому что было еще не время, — сказал Том.

— И не было возможности уединиться. Мы же все время втроем.

— Ах вот оно что. — Мэгги покраснела.

— Да, оно самое.

— Самая важная вещь. И самая личная.

— О господи! Да что с вами такое? Мне надо бы укачать вам на дверь...

Мэгги выпрямила спину, пятна лихорадочного румянца горели на ее щеках.

— Мэгги, мы оба тебя любим, — сказал Моррисон. — И оба хотим на тебе жениться. А ты никак не можешь принять решение.

— Это еще одна возможность выбрать, — добавил Том.

— И единственный шанс понять, что собой представляет тот или иной мужчина.

— Проигравший переезжает в Калифорнию! — провозгласил Том. — Что скажешь, Мэгги?

— Но это немыслимо! — воскликнула Мэгги. — А если кто-нибудь узнает?

— Ты же знаешь, мы никому не скажем.

— Но что вы будете думать обо мне после этого?!

Быстрым умоляющим шепотом они начали убеждать ее в правильности такого решения. Взволнованная Мэгги выглядела испуганной и очень хорошенькой.

— Нет, я не должна... Я на самом деле никогда...

— Не волнуйся, дорогая, — говорили они, прикасаясь к ее плечам — каждый со своей стороны.

Вскоре дело было улажено. Подбросили монету. Моррисон наклонился посмотреть, что там, — и просиял. Том вышел из квартиры и отправился в кафе, из тех, что работают всю ночь. Взял газету, заказал кофе и принялся ждать. Большая стрелка на часах, казалось, еле двигалась. Капельки пота выступили у него на лбу. Он прочитал газетную колонку дважды, но не запомнил ни слова. Минуты тащились еле-еле.

Ровно через полчаса Моррисон вошел в кафе. Он старательно изображал полную невозмутимость. Том протянул ему газету и вышел в ночь. Моррисон заказал кофе, развернул газету и принялся ждать. Он следил за большой стрелкой часов, — казалось, она еле движется. Дважды прочитал колонку, но не смог бы повторить ни слова. Минуты еле ползли.

Ровно через полчаса Том вошел в кафе и с невозмутимым лицом уселся рядом.

— Она придет позже. Хочет еще подумать, — сказал Том.

— Хм, — отозвался Моррисон. Отдал Тому половину газеты и заказал еще кофе.

Они читали, украдкой переглядываясь. Через несколько минут обменялись половинами газеты и продолжили чтение. В конце концов Том аккуратно свернул свою газету и повернулся к Моррисону. После минутного колебания тот сделал то же самое. Оба взглянули на часы.

Они расплатились, вышли на улицу и посмотрели по сторонам.

— Где она? — спросил Моррисон.

— Будет через пару минут, — ответил Том.

Они внимательно посмотрели друг на друга. Наконец Моррисон не выдержал:

— Ну ладно, черт возьми, как оно было?

Том посмотрел ему прямо в глаза:

— А у тебя?

— Мы не должны это обсуждать, сам знаешь.

— Да. Но все-таки?

— Ну ладно, — сдался Моррисон. — Это было потрясающе. Просто фантастика. Нечто невероятное, дикое, необузданное. Ну, ты понимаешь, о чем я...

— Да, понимаю. Нечто безумное, нереально прекрасное, и... — Он внезапно умолк. И прислушался.

Теперь уже они оба слышали быстро приближающийся стук высоких каблуков. Они посмотрели друг на друга испытующе и пристально. Затем как по команде развернулись и быстро зашагали — прочь, а не навстречу цоканью каблуков.

— Было так себе? — спросил Том.

— Точно. Безжизненная колода, — согласился Моррисон.

Кивая на ходу, они завернули за угол. Темнота улицы еще не успела их поглотить, а один уже говорил другому:

— Я знаю одну хорошенькую миниатюрную брюнетку на Централ-парк-саут, и у нее есть подружка...

У них был совершенно одинаковый вкус.

ФРАХТ НА УБИЙСТВО

Дэйв Беннет закончил подтягивать грот и выбрался на пирс, чтобы полюбоваться своим судном. Высокий молодой человек с добродушным выражением лица, он выглядел очень подтянутым и загорелым в брюках цвета хаки и белой тенниске. Он считал себя самым удачливым человеком во Флориде. И сейчас, возможно, был прав.

«Идальго», его старинный шлюп-френдшип¹, был полностью готов к следующему чартерному рейсу. Паруса расчехлены, фалы зафиксированы на утках мачты, бухты канатов аккуратно сложены на ослепительно-белой от солнца парусине, затягивающей палубу. В ящике со льдом было запасено пиво, холодное мясо, масло и хлеб.

Солнце с раннего утра заливало жаркими лучами белый бетонный пирс Байя-Мар, ровный бриз шелестел кронами пальм. Две команды рыбаков как раз отчаливали — лодки скользнули мимо, отплываясь водой из моторов, и «Идальго» медленно закачался на поднятой ими волне.

Его последнего клиента, мистера Дженкинса, пока не было видно. Пару дней назад в чартерный док явился хорошо одетый нервный маленький человек с портфелем. Осмотрев один за другим рыболовные суда, он в конце концов остановился перед «Идальго». Изучил вывеску Беннета: «Морские прогулки и круизы на день, неделю, месяц» — и, внезапно приняв решение, заключил фрахт на один день.

— Собираюсь устроить развлечение для друзей, — объяснил он, вручая Беннету задаток. — Хочу, чтобы вы были готовы сразу отчалить.

---

¹ Вид парусного судна со специфической конфигурацией паруса, названный по имени американского городка Френдшип

— Буду готов, — пообещал Беннет. И вот он готов, а Дженкинс-то где? Беннет решил послушать прогноз погоды. Взошел на борт и подхватил переносной радиоприемник — в хорошую погоду он держал его на кокпите. В этот момент перед «Идальго» затормозил кабриолет с поднятым верхом, из него выбрался Дженкинс. С ним были двое мужчин в спортивной одежде, которых он представил как мистера Морелли и мистера Харбача.

— Все готово? — спросил Дженкинс. — Прекрасно! В путь!

Он ступил на борт, двое последовали за ним. Каждый из них нес по небольшому саквоюжу. Они направились напрямиком в каюту.

Харбач, крупный тяжелый мужчина с невыразительным лицом, открыл свой саквояж и вынул оттуда бутылку скотча. Второму, Морелли, на вид было немногим больше двадцати. Узколицый, с черными волосами, падающими на глаза, он быстро отыскал контейнер со льдом и начал крошить лед в пластиковые стаканы.

Странные люди время от времени фрахтуют яхты, и Беннет к этому привык. Но выпивка без меры делала чересчур рискованным плавание на маленьком судне в открытом океане. И он пообещал себе, что, если они будут продолжать в том же духе, он повернет назад.

Он завел мотор, отвязал концы и дал задний ход. Осторожно маневрируя, повернул шлюп в пределах дока и направил его носом в береговой канал.

Троица оставалась в каюте. Беннет надвинул выдавшую виды капитанскую фуражку поглубже на глаза, закрывая их от солнца, и подвязал буи.

— Выпьешь, шкипер? — спросил Морелли, протягивая стакан.

— Нет, спасибо.

— Оставь шкипера в покое, ему и так хорошо, — сказал Дженкинс.

Беннет сконцентрировал все свое внимание на мертвой зоне канала, который в последнее время изрядно обмелел. Вскоре они миновали самое рискованное место, и Беннет резко повернул вправо, мимо новых домов, понастроен-

ных вдоль побережья в Порт-Эверглейдс. На подходе к порту были два танкера с нефтью, а катер береговой охраны как раз выходил в море. Беннет узнал командера Гэрри на мостике и помахал ему.

— Это корыто еще держится на плаву?! — прокричал Гэрри.

— Еле-еле! — крикнул Беннет в ответ, ухмыляясь и глядя, как катер плавно скользит мимо.

Эд Гэрри, как и Беннет, был из местечка Нью-Лондон в Коннектикуте. Вместе они плавали на Лонг-Айленд-Саунд, вместе ходили на «Идальго», когда их потрепал ураган в Мистик-Харбор... Потом Гэрри поступил на службу в береговую охрану и уговаривал Беннета сделать то же самое. Но несмотря на соблазн, тот так и не смог бросить свое одинокое королевство: маленькое судно, море, солнце и звезды. Когда-нибудь он оставит это дело, — когда-нибудь, когда найдет себе славную девушку вроде Бетти, жены Гэрри. Когда-нибудь...

Его клиенты все еще были внизу и тихо переговаривались. Беннет был рад, что они убрали виски. Миновав мол у Порт-Эверглейдс, он улыбнулся хорошенькой девушке в Снайпе и вышел в океан. Ну вот — наконец-то вокруг простор. Он установил прямой парус, выключил двигатель, прошел на нос и отвязал концы — тяжелый гафель мягко взмыл вверх на полированной мачте. Беннет установил кливер и стаксель, потом повернул на север, держась параллельно пляжу. Судно приподняло нос и начало набирать скорость, разрезая воду, — белые барашки вырастали под бушпритом и оставляли за кормой четкий след.

Клиенты по-прежнему оставались в каюте. Беннет вспомнил про радио и настроился на станцию Форт-Лодердейла.

— ...Охранник банка Джон Пасник попытался включить сигнализацию, — услышал он голос диктора, — и был мгновенно убит выстрелом из пистолета. Все дороги из Форт-Лодердейла перекрыты. Соблюдайте осторожность! Преступники вооружены и очень опасны. Бандиты скрылись с суммой более чем...

Беннет выключил радио и закурил. Всегда найдутся идиоты, которые где-нибудь да ограбят банк, решил он и больше уже не думал об этом. Дженкинс со товарищи выбрались из каюты, шурясь от яркого солнца. Харбач уселся в углу кокпита и застыл в неподвижности. Морелли оглядел белую полосу пляжа и залитые солнцем бирюзовые воды и одобрительно покивал.

— Зарабатываешь на жизнь только этим, шкип? — спросил он.

Беннет кивнул, криво улыбнувшись. Его работа всегда казалась всем очень легким делом, — всем, кроме настоящих яхтсменов.

— Да-а-а, вот это, я понимаю, работенка, — восхищенно протянул Морелли. — Правда же, Сэмми?

Харбач пожал плечами. Окружающее его почти не волновало, он как будто сидел в собственной гостиной.

— Кто-нибудь хочет порулить? — спросил Беннет, как он спрашивал у всех своих клиентов.

— Безумно! — Морелли с готовностью поднялся. Но Дженкинс нахмурился:

— Не сейчас. Шкипер, как ты думаешь, не сплавать ли нам на Большой Айзек?

— На Багамы? Но там же ничего нет. Просто кусок скалы, а на нем — маяк...

— Это недалеко, — сказал Дженкинс, — каких-то пятьдесят миль. Мы можем остановиться там на ночь, а потом вернуться.

— Вы наняли меня на один день. Мы не экипированы для круиза.

— Да никакой это не круиз. Только до Айзека и обратно.

— Вы не поняли. Ветер сейчас дует на северо-восток, скорее всего, нас будет сносить. И так может продолжаться долго в это время года. А у меня на борту провизии всего на один день, и стать на якорь с подветренной стороны Айзека нам не удастся. К тому же я не хотел бы заходить в Бимини или в Вест-Энд без документов.

Дженкинс всем своим видом выказывал неудовольствие.

— Это могло бы принести тебе выгоду, шкипер.

— Без документов — исключено, — сказал Беннет твердо. — Я могу потерять лицензию. Вот что. Скажем, я мог бы вернуться в Лодердейл и получить бумаги буквально за пару часов...

— Мы с друзьями хотим отправиться немедленно.

— Сожалею, — покачал головой Беннет.

— К черту сожаления! — повысил голос Морелли. — Поворачивай к Айзеку, шкип.

— Говорю же вам... — Слова замерли у Беннета на языке. Морелли вынул из кармана большой черный пистолет. Правду сказать, он направлял дуло не на Беннета. Но и не в другую сторону.

— В этом не было необходимости, — сказал Дженкинс с ноткой сожаления.

— Ну когда-то он должен был узнать?

— И то правда. — Дженкинс достал из кармана листок бумаги. — Шкипер, курс — сто сорок градусов.

Беннет поймал себя на ощущении полной нереальности происходящего. Ясно, как во сне, ему виделся Харбач, поправляющий подушку под своей жирной шеей и лениво глядящий на облака. Дженкинс, худой и нервный, прикуривающий сигарету. И Морелли — с падающими на глаза волосами, с пистолетом в руке.

— Сто сорок градусов, — повторил Дженкинс, постукивая по нактоузу в центре кокпита. — Нас выведет туда, как только мы достигнем Гольфстрима. И давай без глупостей, шкипер.

Тут до Беннета начало доходить.

— Этот банк...

Дженкинс приподнял брови и кинул взгляд на радио.

— Новости разлетаются быстро, — сказал он, постукивая по компасу.

В оцепенении Беннет повернул судно в открытое море. «Идальго» взял бейдевинд к востоку и сразу пошел с хорошей скоростью из-за устойчивого северо-восточного ветра. Харбач достал из кармана револьвер. Сел, прислонясь спиной к трапу, держа револьвер на коленях, чтобы заслонить его от брызг, поглядывая то на облака, то на

Беннета. Дженкинс остался стоять у нактоуза, наблюдая за покачивающейся стрелкой компаса, указывающей курс.

— Но это же смешно, — в конце концов сказал Беннет. — Ограбить банк и пытаться скрыться на паруснике! Почему? Катер в два раза быстрее...

— Я обдумывал этот вариант, — признался Дженкинс, — но катер для рыбалки можно нанять только на один день. А ты предлагаешь чартеры на неделю, на месяц. Тебя никто не хватится.

Беннет подумал и неохотно кивнул. Это один из минусов его замечательной свободы. Рассуждая так, как Дженкинс, нельзя не признать, что его план хорош и не более рискован, чем любой другой способ скрыться. Самая большая опасность подстерегала их на пути к судну, а после того, как они взойшли на борт, все шансы уже в их пользу. Никто не ожидает, что они решат скрыться с места преступления на медленно движущемся паруснике. Возможно, их кабриолет с поднятым верхом в конце концов найдут на пирсе в Байя-Мар, но сколько времени уже пройдет? Сколько времени пройдет, прежде чем детективы сообразят, что преступники наняли судно, и вычислят, какое именно судно? А потом — где они будут его искать? «Идальго» мог пойти на юг, в сторону Майами и Ки-Уэст, или на север, в сторону Джексонвиля и Форт-Пирс. Или же — что маловероятно — на восток, к Багамам. Куда он и направлялся сейчас. Но никому и в голову не придет, что он отправится на Большой Айзек, островок длиной чуть больше километра, где нет ничего, кроме башни маяка, раскрашенной в красно-белую полоску...

Он до сих пор не мог поверить в происходящее.

— Эй, шкип, — подал голос Морелли, — как насчет дать мне порулить?

Беннет передал ему румпель, встал, потягиваясь. И направился на нос.

— Эй, ты куда? — спросил Дженкинс.

— Подтяну фалы.

— Хорошо. Будешь сотрудничать с нами, и все будет в порядке. Ты понял?

— Конечно понял.

Беннет пошел на нос и принялся натуго затягивать фалы, пытаясь выиграть время, чтобы обмозговать ситуацию. План Дженкинса хорошо продуман, за исключением одной детали — Большой Айзек. Совершенно пустынный островок! Не собираются же они захоронить там украденные деньги, как пираты давно минувших дней?

Он услышал вибрирующий звук дизелей — рыболовный катер был прямо у них за кормой. Он направлялся к Гольфстриму, шесты с сетями для ловли тунца мелко подпрыгивали.

— Просто помаши им, — сказал Дженкинс.

Беннет помахал рукой. Ему помахали в ответ, и судно пронеслось мимо. Он вернулся на кокпит, все пытаясь понять, что же нужно Дженкинсу на Айзеке.

— Шкип, — снова подал голос Морелли, — а одолжи-ка мне свою адмиральскую фуражку? Солнце бьет прямо в глаза.

Беннет не шевельнулся.

— Шкип! Фуражку! Сюда!

Беннет словно к месту прирос. Морелли ткнул его дулом пистолета в грудь. А затем сорвал с него фуражку и натянул себе на голову. Фуражка съехала до самых ушей.

— Отдай обратно, — приказал Дженкинс.

— Я стою на руле, — запротестовал Морелли. — Значит, я сейчас адмирал.

— Верни фуражку, — вздохнул Дженкинс.

Морелли снял ее и с низким поклоном швырнул Беннету. Дженкинс пожал плечами.

— Скажи-ка, шкипер, — спросил он, — а есть у тебя на борту сигнальные шашки?

У Беннета имелся полный спасательный комплект: дневные и ночные сигнальные шашки, ракетница, аптечка и НЗ на случай бедствия...

— Шашек нет, — ответил он Дженкинсу.

— А, не важно.

— А для чего вам шашки?

— Подать сигнал судну, шкип, — встрял Морелли и мотнул головой, отбрасывая волосы со лба.

— Слишком много болтаешь, — сказал Дженкинс Морелли. Тот в ответ выдавил лишь дурацкую улыбочку.

— Все просто, — продолжал Дженкинс, теперь уже обращаясь к Беннету. — Даже очевидно, на самом деле. Возле Большого Айзека нас должно встретить другое судно. Быстроходный катер. Если что-то пойдет не так, сигнальная шашка укажет им наше местоположение. У меня есть парочка, но...

— А что будет со мной? — перебил его Беннет.

— Как только мы перейдем на другое судно, ты свободен, — ответил Дженкинс. — Если будешь нам помогать.

— Вот и славно, — ответил Беннет, чувствуя, как в желудке растет холодный ком. Потому что теперь он точно знал, что Дженкинс лжет. Если они покинут «Идальго» в зоне Гольфстрима, он обязательно встретит рыболовное судно в течение первых же часов. Он сможет связаться с береговой охраной, и все посты в этой части Атлантики будут тут же подняты по тревоге. С этого момента шансы остаться на свободе у бандитов начнут стремительно таять. С чего бы им брать на себя такой риск? Если власти и ищут уже кого-то, так это «Идальго», его судно. Если же «Идальго» исчезнет вместе с капитаном, затонет, то и концы в воду. Эти люди уже убили охранника в банке. Срок за одно убийство — тот же, что и за два...

Он знал, что должен придумать что-то прежде, чем они доберутся до Айзека. Но что? Трое вооруженных людей на кокпите не давали особой свободы для маневра. В такой момент неплохо бы попасть в шторм. Но прохладный северо-восточный ветер был ровным и не собирался усиливаться. И никаких грозowych облаков на горизонте. Беннет знал: шторм случается только тогда, когда он тебе совершенно не нужен. Если бы только он мог подать кому-нибудь знак, что у него проблемы...

— Слушайте, я намерен сотрудничать, — обратился он к Дженкинсу. — Единственное, чего я хочу, — чтобы вы сошли с моего судна, и чем скорее, тем лучше.

— Похвальное намерение, — ответил Дженкинс.

— Но если вам хочется избежать неприятностей, нужно поднять британский флаг.

— Зачем это?

— Мы входим в британские воды, странно будет, если мы так не сделаем.

— Ну, тогда поднимай, — разрешил Дженкинс.

Беннет извлек британский флаг из стоящего под лестницей пластикового контейнера. Подойдя к флагштоку, закрепил полотнище и потянул фал — флаг затрепетал на ветру и послушно взмыл вверх. Возвращаясь на кокпит, он услышал — впервые за все путешествие — голос Харбача.

— Эй! — крикнул тот. — У тебя же флаг вверх ногами!

Дженкинс посмотрел вверх на флаг — белый крест в нижнем углу.

— Умный парень! — взвизгнул он. Видимо, его натянутые до предела нервы не выдержали, сдали наконец. Он ударил Беннета по шее прикладом пистолета. — Перевернутый флаг — это ведь сигнал бедствия? А ну, спускай!

Беннет пошел на нос, потирая шею. Флаг вернулся обратно в контейнер.

— Это было мило, — сказал Дженкинс. — Очень мило. Только выкинь что-нибудь еще в этом же роде, и я тебе башку снесу.

Он пристально посмотрел в ничего не выражающее лицо Беннета и озабоченно вздохнул:

— Как насчет того, чтобы что-нибудь поесть, шкипер?

Беннет спустился вниз и вернулся с пивом и сэндвичами.

Они были уже в самом Гольфстриме. Северо-восточный ветер, дующий вразнобой с течением, затруднял руление. С полдюжины рыболовных судов находились в зоне видимости, ближайшее из них — примерно в полумиле от «Идальго». Внезапно послышался шум винтов — вертолет береговой охраны инспектировал воды зоны ответственности. Он приближался, держась низко над водой.

— Харбач! — прошептал Дженкинс.

Харбач приоткрыл саквояж, прикрывая своей спиной его содержимое, и соединил две части автомата.

Теперь вертолет летел прямо к ним. Харбач пристегнул магазин.

— Машем! — скомандовал Дженкинс. — Все машем.

Вертолет спустился еще ниже, почти к самому правому борту.

Они начали махать руками: Морелли — широко улыбаясь, Дженкинс — пытаясь выдавить из себя улыбку, Харбач — загораживая ногами оружие.

Пилот помахал в ответ, поднялся выше и направился в сторону побережья Флориды.

День подходил к концу. Шлюп медленно продвигался вперед, борясь с ветром, щедро рассыпая брызги. Концы выбивали дробь по туго натянутому гроту. Солнце клонилось к западу, теряя свой жар, и тускло светилось красным на предзакатном небе. Беннет понимал, что его время на исходе. Большой Айзек совсем рядом. Вскоре точка появится на горизонте, а потом они увидят маяк в широкую красно-белую полосу. И после этого он им больше не нужен. Он посмотрел на исчерченную белыми полумесяцами воду. Может, прыгнуть за борт? Если и попытается, они будут стрелять. Взорвать судно? Но поджечь бак с горючим не так-то просто... Дженкинс прервал его размышления:

— Сколько еще до Айзека?

— Немного, — ответил Беннет на автомате.

— Час или вроде того?

— Примерно. — Он закурил, отчаянно стараясь придумать какой-нибудь план. Может, затопить «Идальго»? Беннет тщательно взвесил этот вариант. Можно снять резиновый шланг с водяного насоса, если, конечно, его пустят в машинное отделение, что вряд ли. Или же пробраться в галльон и спилить бронзовую водопроводную трубу. Если бы у него была хоть какая-нибудь пила под рукой — но нет. Возможно, трубу можно сшибить. Бронза — прочный металл, и они, конечно, услышат шум, но все-таки шанс... Эта мысль была ему отвратительна. «Идальго» создан не так, чтобы можно было легко его затопить. Наоборот, он создан, чтобы плавать, несмотря ни на что. Нет, Беннет его ни за что не затопит! К тому же шлюп — един-

ственное, что у него есть. Еще несколько хороших фрахтов — и у него хватило бы денег, чтобы плыть куда душе угодно: на Багамы, на Кубу, на Виргинские острова... В любую точку мира!

И вдруг ему пришло в голову, что на прозрачном мелководье у Большого Айзека он, скорее всего, умрет. Беннет посмотрел на огромный вздымающийся парус грот-мачты, на перекрестие тросов и веревок, черных на фоне темнеющего неба, и его охватило чувство неизмеримой утраты.

— Кажется, я видел! — крикнул Морелли, указывая пальцем в море. — Похоже на маяк!

— Это морская свинья, — сказал Беннет.

— Как скоро мы увидим остров? — спросил его Дженкинс.

— Скоро. — Беннет встал. — Подержите руль.

— Ты куда?

— В галюн, — ответил Беннет.

— В галюн? — с подозрением переспросил Дженкинс.

— Так мореходы называют сортир, — хохотнул Морелли.

— Ладно, не задерживайся там, — предупредил Дженкинс.

Беннет спустился вниз, прошел через свою аккуратную, отделанную красным деревом каюту в уборную. Задвинул перегородку и открыл ящик. Здесь, под чистыми полотенцами, лежала ракетница. Он повертел в руках массивный пистолет и с сожалением положил обратно. Нет никакой возможности спрятать такую штуку где-то на себе. Можно попробовать, выходя из кабины, выпустить один заряд в Дженкинса — это смертельно с такого расстояния. Но потом Морелли и Харбач пристрелят его. Нет, так свою жизнь не спасешь. Он взял в руки спасательный комплект и начал просматривать его содержимое: сигнальные шашки, репеллент для отпугивания акул... Две маленькие жестяные банки привлекли его внимание. Он внимательно их осмотрел — и в его голове созрел план.

— Эй! — крикнул сверху Дженкинс. — Ты чего задерживаешься?

— Воду спускаю.

— Давай быстрее!

Беннет вернулся на кокпит и снова взялся за руль.

— Ну что, видно Айзек? — спросил он. — Должен быть где-то там.

Дженкинс нетерпеливо осматривал горизонт по курсу. На западе садилось солнце, расцвечивая золотом волну. Рыболовецкие катера уже возвращались домой, к Палм-Бич, к Форт-Лодердейлу, к Данья и Голливуду.

Вертолет береговой охраны вернулся и закружил над ними. Они замахали руками. И вертолет улетел, а вместе с ним и последние надежды Беннета на спасение.

Вскоре солнечный диск почти полностью провалился за горизонт. День поблек, превращаясь в глубокие синие сумерки Южной Флориды. А синева быстро превращалась в ночь.

— Там свет, — сказал Харбач.

Беннет тоже увидел это — двойные вспышки света впереди и справа по борту. Это был Большой Айзек, в нескольких милях с наветренной стороны. Дженкинс знал, что Гольфстрим отклоняется к северу, но неправильно рассчитал поправку курса.

— Заводи мотор! — приказал он Беннету. И, обращаясь к Харбачу, добавил: — Запускай шашку!

— Уже не нужно, — сказал Морелли. — Вон Карл на подходе.

Они увидели приближающуюся с юга двойную дугу брызг.

— Прямо на носу, — добавил Морелли, — чья-то фигура!

Дженкинс самодовольно улыбнулся:

— Хорошо, что нам не пришлось запускать шашку. Мало ли кто сбежался бы на сигнал. Рули в направлении судна, шкипер.

Беннет скорректировал курс. Теперь он может попытаться счастья, бросившись в воду. Будет почти темно, когда лодки сойдутся. Если он соскользнет за борт и нырнет как можно глубже...

— Сейчас? — спросил у Дженкинса Морелли, сверля его взглядом.

— Мне очень жаль, шкипер, — произнес Дженкинс. — Уверен, ты сможешь меня понять.

— Подождите! — сказал Беннет, делая глубокий вдох. — Нет никакого смысла меня убивать. Почему бы, скажем, просто не вырубить меня, и надолго? Или связать? Вы можете порезать паруса, сломать мотор. Дни пройдут, прежде чем...

— Мне в самом деле жаль, — прервал его Дженкинс с нотками глубокой печали в голосе. — Будь это возможно, я бы так и сделал. Но ты нас видел.

— И?

— Ты видел наши лица, — объяснил Дженкинс. — В банке на нас были маски. Ты единственный, кто нас опознает. Сожалею...

Моторный катер стремительно приблизился к «Идальго» и повернулся бортом к борту.

— Что-то случилось, Дэйв? — раздался голос. Сквозь вечерние сумерки они могли рассмотреть на борту аббревиатуру береговой охраны; на мостике показался командер Гэрри.

— Это твой друг? — спросил Дженкинс.

— Ты абсолютно прав, черт возьми!

— Тогда отошли его подальше!

— Что там у тебя, Дэйв?! — крикнул Гэрри. — Какие-то проблемы с лоханкой?

— Пусть он убирается. — Дженкинс говорил очень быстро. — Иначе мы расстреляем его и его команду. Мы так и сделаем, если у нас не будет другого выхода, говорю тебе!

— Дэйв! Да что с тобой, ты можешь ответить?

Беннет поднялся. Он видел Эда Гэрри на мостике, еще трое из команды были на палубе, а четвертый — в рулевой рубке. Отличные мишени для автоматной очереди.

— Все в порядке! — прокричал Беннет и ступил с кокпита на палубу. Темнота быстро наполнила, поглощая судно. Беннет двинулся в направлении мачты. Вспышки маяка на Большом Айзеке теперь уже были ясно видны.

— Будь осторожен! — прошипел ему вслед Дженкинс.

— Ничего страшного! — снова прокричал Беннет. — Просто кое-какие проблемы с мотором, вот и все, Эд!

На мгновение повисла тишина, а потом снова послышался голос Гэрри:

— Что-то я не понял, Дэйв. Если у тебя все в порядке, то зачем тогда ты...

В эту секунду Беннет отпустил фалы, держащие парус. С шумом скоростного лифта, увлекая за собой гафель и грот, тяжелая рея обрушилась вниз, прямо на трех мужчин на кокпите, накрывая их несколькими сотнями квадратных метров парусины.

— У них автомат! — закричал Беннет, прыгая за борт.

Гэрри и его команда среагировали мгновенно — навыв, жизненно необходимый для работы в береговой охране.

Следующие несколько минут вокруг царил хаос. Харбача вывели из игры, как раз когда он пытался пустить в ход автомат. Дженкинс и Морелли в свете прожекторов береговой охраны все еще барахтались, накрытые парусом, до тех пор пока на них не надели наручники.

Беннета подняли на борт, завернули в одеяло и дали чашку горячего кофе. Преступников перевели на катер, а «Идальго» взяли на буксир.

— Отличная работа, — сказал Гэрри, когда все они собрались в кубрике. — Вертолетчик не знал, как расшифровать твой сигнал: казалось, у тебя все в порядке. Но он сообщил мне, а уж я-то знаю, что ты не склонен к дурацким шуточкам вроде...

— Какой сигнал? — спросил Дженкинс ошарашенно. — Он не подавал никакого сигнала! Он не мог!

— Конечно подавал, — откликнулся Беннет. — Пока был в уборной.

— Что за сигнал?

— Морской маркер, — объяснил Беннет. — Две банки чернил из спасательного комплекта. Я смыл их в туалете.

— Уж смыл так смыл! — подтвердил Гэрри. — Оставил за собой оранжевое пятно в пару миль шириной. Пилот вертолета не знал, что и подумать.

Гэрри повернулся к Дженкинсу:

— А вы что же, ребята, ни разу не посмотрели назад?

— Морской маркер, — глухо произнес Дженкинс. — Чернила.

— Даже если б и посмотрели, а что толку? — спросил Беннет. — Солнце было позади нас. Да и удалялись мы от того места довольно быстро. Эд, можно я теперь переберусь назад на «Идальго»?

— Но я возвращаюсь в порт, буду только рад тебя отбуксировать.

— Спасибо, но мне хочется поскорее взять руль в свои руки...

Гэрри кивнул. И скоро Беннет снова был на «Идальго». Он установил грот, проложил курс и устроился на кокпите. Паруса мгновенно поймали ветер — он по-прежнему дул на северо-восток. Ослепительные огни катера поблекли вдали, Большой Айзек скрылся из виду. Беннет остался наедине с черным океаном. Ночь была темна, но верхушки волн фосфоресцировали и в кильватере оставался светящийся след. А над головой светились маячки звезд, яркие на безоблачном небе.

Незадолго до рассвета он увидел огни Хиллсборо на побережье Флориды.

РАЗВЛЕЧЕНИЕ ДЛЯ ТУРИСТОВ

— Разве это похоже на ночной клуб? — спросила миссис Морган.

— Это самое модное туристическое место в Мехико, — ответил мистер Морган.

Они вошли в длинный полутемный коридор с побеленными стенами. Посреди коридора прямо на полу широко ухмылялся человеческий череп. Миссис Морган поддала его ногой. Череп не двинулся: он был прикручен к полу.

— Идиотский юмор у этих латиносов, — хмыкнула миссис Морган.

Это был их пятый вечер в Мехико. Они уже посетили Университетский городок, дворец Итурбиде, Плавающие сады, замок Чапультека, Санборнз, побывали на бое быков и обошли бесчисленное количество сувенирных лавок. То есть осмотрели почти все местные достопримечательности, и миссис Морган — о ужас! — была на грани того, чтобы заскучать.

Как раз в этот момент под дверью их номера обнаружился рекламный листок. «Посетите ночной клуб “Гробницы”! — гласила реклама. — Загляните в Дом Страха! Ощутите трепет перед Непознанным! Способны ли Мертвецы восстать? Стонут ли Духи по ночам? Ответы на эти вопросы вы найдете в “Гробницах”, самом новом и самом оригинальном ночном клубе Мехико-сити! До смерти забавное развлечение для туристов — приходите, отпустите на волю эмоции!»

— Пожалуй, надо сходить, — сказала миссис Морган. — Мои эмоции давно пора отпустить на волю.

И она бросила суровый взгляд на мистера Моргана. Он нервно дернул плечом и протер очки.

Мистер Морган выяснил все детали. О да, в этом ночном клубе действительно стоило побывать. Тем же вечером они вызвали такси, которое доставило их на улицу Сан-Хуан-де-Летран. Они прошли переулок Лос-Сантос, потом переулок Лос-Муэртос и в конце концов оказались в выбеленном коридоре с человеческим черепом на полу. В дальнем конце виднелась дверь, из-за нее доносились слабые звуки музыки, смех и звон бокалов.

— Попробую подогреть интерес, — язвительно прокомментировала миссис Морган, крупная женщина, сложенная с архитектурной основательностью собора Парижской Богоматери. А между тем мистер Морган помнил времена, когда она была стройной, даже хрупкой. Как же давно это было! С тех пор миссис Морган расширилась во всех направлениях и обрела железобетонную твердость. Ее бюст, некогда изящно очерченный, теперь выглядел внушительно, как нос линкора. Ноги, прежде тонкие, как у жеребенка, превратились в колонны плоти.

Но внешними метаморфозами дело не ограничилось. Когда-то она была рассеянной мечтательницей, теперь же ее мощный дух больше походил на рисунок опор все того же Нотр-Дама — такой же напористый и агрессивный. Ее психоаналитик всецело одобрял произошедшие с ней перемены. А вот мистер Морган, художавый безобидный человечек, принимал их с трудом.

Они все еще шли по коридору. В самом его конце стояли гробы с откинутыми крышками, выставляя на общее обозрение мумифицированные останки. Закутанные в саваны обитатели гробов выглядели очень реалистично. Или они на самом деле были настоящие? Сложно сказать.

На каждом гробу красовалась бронзовая табличка. Мистер Морган начал переводить:

— Это леди из Монтеррей, шестнадцатый век. Ее убили во сне.

— Ха, — произнесла миссис Морган.

— А это настоятельница монастыря в Чьяпас, ее придушили грабители... Вот та, из Гваделупе, отравилась. А эта...

— Ну ладно, хватит, — прервала его миссис Морган. — У этих людей странное чувство юмора.

— Латиносы, — пожал плечами мистер Морган. — Они все очарованы смертью.

— А вот эти два гроба — пустые, — заметила миссис Морган.

— Ну это же новый клуб. Наверное, его все еще обставляют...

Они дошли до конца коридора, и дверь распахнулась. Навстречу шагнул человек в черной рясе с капюшоном. В руке он держал меню.

— Добро пожаловать в «Гробницы», — произнес он на сносном английском. — Добро пожаловать в пристанище страха и обиталище ужаса! Здесь вас ждут привидения и скелеты. Возможно, за соседним столиком пирует вампир... Здесь у нас всегда Вальпургиева ночь! Столик на двоих?

— Си, пор фавор, — ответил мистер Морган. — У нас спецзаказ.

— О, конечно, сэр, — поклонился метрдотель. — Особый сервис и самый лучший столик. Это большая честь для нас. Сеньор, сеньора, пожалуйста сюда.

Их препроводили в просторный, мрачно обставленный зал. У дальней стены играл квинтет, все музыканты были одеты в черное. Вокруг танцпола выстроились столики, между ними бродили официанты в устрашающих костюмах палачей. Украшением стен служили скелеты, вампиры, вылепленные из глины, и светящиеся посмертные маски. Супруги уселись за столик. Напитки подали в маленьких черепах из полированной кости. Миссис Морган сделала глоток и обвела взглядом танцующих.

— Что за нелепое место, — проронила она.

— Ты не даешь им даже шанса, — заметил мистер Морган.

— Идиотство. Ведут себя, как испорченные дети. Забавляются со скелетами и масками. Мы уходим отсюда.

— Но, дорогая...

— Сейчас же!

— Как пожелаешь, дорогая, — вздохнул мистер Морган.

— Где тут уборная? — спросила миссис Морган.

— Вон там. — Мистер Морган указал на дверь с надписью «Damas».

— Ты пока расплатись, я скоро вернусь. И не дай им тебя облапошить.

Она удалилась, решительно прокладывая путь между танцующими. Мистер Морган сделал знак официанту и попросил счет.

— Си, сеньор, — ответил официант. — В песо или в долларах, сеньор? В долларах? Прекрасно. У вас же был заказ на особое обслуживание, сеньор?

— Да, верно.

— Отлично, сэр. — Официант принялся черкать в блокноте огрызком карандаша. — Два напитка — доллар шестьдесят, бронирование столика — три доллара. Надбавка за специальный сервис — пятьсот долларов. Итого — пятьсот четыре доллара шестьдесят центов, включая все.

Мистер Морган вынул бумажник и отсчитал шестьсот долларов десятками и двадцатками.

— Сдачи не надо, — сказал он.

— Благодарю вас, сэр! — ответил официант и кивнул метрдотелю. Тот, в свою очередь, сделал знак дирижеру оркестра — и квинтет грянул неистовое болеро. Свет погас, и светящиеся искусственные пауки спустились с потолка прямо на головы танцующих. Женщины визжали в притворном испуге, их крики отзывались эхом от танцпола и столиков, от двери с надписью «Damas». Снова зажегся свет. Все было кончено.

Мистер Морган вышел из зала. Снаружи, в беленом коридоре, он встретил метрдотеля. Тот низко поклонился и повел его к выходу вдоль ряда гробов. Один из прежде пустовавших теперь был занят.

— Наше последнее приобретение, — скромно заметил метрдотель.

Мистер Морган с любопытством осмотрел высокую, мощно сложенную женскую фигуру в гробу. Ее лицо было закрыто складкой савана.

— С ней еще не закончили работать, — объяснил метродотель. — Думаю, она будет... предводительницей банды грабителей из Сьерра-Мадре семнадцатого века. Пожалуй, она погибла в результате оползня в горах... Адьюс, сеньор. Спасибо, что посетили наш клуб.

— И вам спасибо, — ответил мистер Морган. — Мне все очень, очень понравилось.

И он твердым шагом покинул самое новое, самое популярное в Мехико-сити заведение для туристов.

КАК БЕЗЗАЩИТНАЯ ОВЕЧКА

Дул сильный ветер, и двое мужчин плотно укутали плечи поношенными пончо. Склонив худое, в шрамах, лицо, Эмилио сосредоточенно скручивал сигарету из листка коричневой бумаги. Черные волосы падали ему на глаза. Пепе сонно полировал рукавом рубахи старый кольт оди-нарного действия.

— Убери, — приказал Эмилио, докрутив сигарету.

— Да тут же нет никого, — удивился Пепе. Ему нрави-лось любоваться револьвером, отобранном у пьяного пас-туха в Монтеморелосе. Но, пока нет Хуана, за босса здесь Эмилио. Пепе шумно вздохнул, сунул оружие за веревку, которой подвязывал штаны, и прикрыл сверху полой ру-бахи.

Они сидели на высоком холме. Позади — зеленые и серые вершины Герреро. Внизу — белые, розовые и жел-тые саманные домишки Тетуилана. Эмилио и Пепе смот-рели на городскую пристань, где выстроились в ряд тем-ные рыбацкие лодчонки, большой траулер из Теуантепека и полицейский катер. Лучи заходящего солнца окраши-вали воду в оттенки меди, узкий вход в бухту охраняли острые черные скалы Ладронес.

Посреди залива беспокойно кружилась вокруг своего якоря белая сияющая яхта под американским флагом.

Сзади слышались шаги. На тропинке показался Ху-ан с костылями под мышкой — ладно скроенный муж-чина с широкими плечами и мощной грудью. Под носом у него топорщились пышные усы. Левая нога была обмо-тана грязными бинтами, но он спокойно налегал на нее всем весом.

— Ну и? — спросил Эмилио.

— Я все выяснил, — сказал Хуан, усаживаясь рядом с ними.

— Тебя не узнали?

— Нет. Говорю же, нет. Этим рыбакам невдомек или вообще наплевать, что творится в Веракрусе или Галеане. Я прошел мимо полицейского. Так жирный болван на меня даже не взглянул.

Пепе поежился. Он сам был толстенький, маленький, вечно казался заспанным — и гордился тем, что похож на Панчо Вилью.

— И что ты видел? — спросил Пепе.

— Все, — сказал Хуан. — Видел, как гринго бросили якорь в бухте. До берега они доплыли на шлюпке. Их всего двое — мужчина и женщина.

— Женщина — блондинка? — поинтересовался Пепе.

— Да.

— Класс!

— Ну и вот. Они пошли в полицейский участок, показали сержанту визы. Я сидел на солнышке и слушал. Сидел со слепым нищим и сам просил милостыню.

— Вообще класс! — засмеялся Пепе.

— Заткнись! — сказал Хуан. — Сержант спросил американцев, есть ли у них что-то такое, за что надо платить пошлину. Они говорят «нет». Он спросил, есть ли у них оружие. Они говорят «нет».

Эмилио кивнул и отбросил окурок.

— Сержант спросил, куда они плывут. В Акапулько, мол, отходят утром. Замечательно, сказал сержант и проштамповал визы.

— И куда они двинули потом? — спросил Эмилио.

— На площадь. Выпили по стаканчику, потом пошли на рынок. Купили овощи, соломенные шляпы и серапе¹.

— Платили песо или долларами? — спросил Пепе.

— Песо. У мужчины много песо — сотен, должно быть, пять. Они сложили вещи в шлюпку и погребли к своей яхте, ну а я пошел сюда.

---

¹ Плащ-накидка, традиционная одежда латиноамериканских индейцев.

Некоторое время трое мужчин молчали, глядя на американскую яхту. Солнце опускалось в океан. В сгущающейся темноте залива чистенький белый кораблик казался одиноким и незащищенным, прямо как овечка, которая отбилась от стада и не понимает, что ее жизнь в опасности.

— Яхта наша, только руку протяни, — сказал Хуан.

— Не нравится мне все это, — заявил Эмилио.

— Это еще почему?

— Сам знаешь, Хуан. Мы ограбили лавки в Веракруссе и Галеане, убили человека в Халапе. Нас таких — десять тысяч между Чиуауа и Юкатаном. Полиция нас вроде бы ищет, да только не слишком старается. А вот ограбить и убить американцев — это, Хуан, совсем другое дело.

— Он прав, — кивнул Пепе.

— Полиция присматривает за *туристас*, — продолжал Эмилио. — На этом настаивает американское правительство. Помнишь, что стало с парнями из Коауилы, которые прикончили американского нефтяника?

— Они промышляли у самой границы, — сказал Хуан.

— Ладно, тогда вспомни Луиса и его людей — они-то промышляли здесь, в Герреро. Их годами не могли изловить в этих горах. Но потом они убили американца. Тогда власти прислали военных на лошадях, с пулеметами и аэропланами. Они искали восемь месяцев, нашли Луиса с его бандой и всех до одного перевешали.

— Ты закончил? — спросил Хуан.

— Да, закончил. И мне это все не по душе.

— Мне тоже, — поддакнул Пепе.

— А теперь, придурки, послушайте меня, — сказал Хуан. — В городе вас не видели. Видели только меня, нищего хромоножку. Мы грабим яхту и убиваем американцев, чтобы те не проболтались. И на кого все свалят?

— На кого? — разинул рот Пепе.

— На местных, конечно! — воскликнул Хуан. — Сержант скажет, что чужаков тут не было, кроме хромого нищего... А нищих в этой стране что блох на шелудивом псе. Они будут искать убийц в Тетуилане среди рыбаков. Ну а мы смоемся в Мехико.

— Ты очень умный. — Пепе заморгал сонными глазами. — А женщина, кстати, блондинка.

— Забудь о ней, — сказал Эмилио. Его худое лицо окаменело. — Мне это не нравится. Давайте заниматься тем, что мы знаем. Вот мы с Пепе знаем горы. А в яхтах и американцах не разбираемся.

— Зато я разбираюсь, — сообщил Хуан. — Что до американцев, то все они слабаки и трусы, если только не пьяные. А нас, между прочим, трое!

— Да я не сомневаюсь, что мы справимся, — сказал Эмилио. — Но к чему суетиться и строить планы, если мы выгадаем несколько сотен песо? Раздобыть такие деньги можно где угодно, раз плюнуть.

— Он прав, — кивнул Пепе.

— Слушайте, — гнул свое Хуан. — Вы хорошо знаете горы. А я прислуживал офицерам на американском корабле в Сан-Диего и знаю, что можно взять на яхте. Рассказать вам?

— Расскажи.

— Песо, которые есть у мужчины. Три или четыре сотни. Американские доллары, может быть, много. Наручные часы, за каждые Герман из Мехико даст полсотни песо. Столовое серебро — еще сотня песо. Бинокли, две штуки, по двести песо. Прибор, который называется секстант, — двести песо. Драгоценности женщины, может быть, три сотни песо. Все это — легкие вещи, мы их унесем в мешке. Продолжать?

— Валяй, — сказал Эмилио.

— Компас — сто песо. Приборы для навигации, скажем, пятьдесят песо. Корабельные часы — триста песо. И наверняка еще много чего. Все вместе — может быть, тысяча пять. Ну как, стоит оно того? Или вы лучше нападете на пьяницу ради пяти песо и уарачес?¹

— Две тысячи песо, — протянул Эмилио раздумчиво.

— Наверняка больше, — сказал Хуан. — А свалят все на местных рыбаков. Теперь дальше. Американцы броси-

---

¹ *Уарачес* — в Мексике традиционная обувь, кожаные тапочки, шлепанцы

ли якорь далеко от берега, так что никто не видит, а главное, не слышит, что там у них происходит. Мы спустимся в город поздно ночью, возьмем какую-нибудь лодку, подгребем к яхте. Прикончим их и возьмем все, что можно. Доплывем до берега, бросим лодку и смоемся в Мехико. Утром американская яхта будет на месте — ну и отлично. Вряд ли кто что-то заподозрит: американцы ведь психи, приплывают и уплывают когда бог на душу положит. Через два или даже три дня сержант забеспокоится. Подплывет к яхте на катере и найдет трупы. А мы уже давно будем в Мехико и все продадим. И кто нас потом найдет?

— Он прав, — кивнул Пепе.

Эмилио на мгновение задумался.

— Две тысячи песо? — спросил он.

— Минимум, — сказал Хуан. — А так, наверняка тысяча пять или шесть. И у них нет оружия.

— Может, они наврали сержанту.

— И что с того? Один мужчина и одна женщина! А нас трое. И у нас с Пепе револьверы. А у тебя, Эмилио, бритва и нож с пружиной, который ты очень метко бросаешь. Что, испугался американца и его блондинки?

— Богом клянусь, нет! — взбесился Эмилио. — Когда выходим?

— Позже, — сказал Хуан. — Совсем поздно, когда все заснут. А сейчас пора перекусить. Я принес бобы и тортильи.

Он протянул Пепе еду, завернутую в промасленную газету, и тот начал собирать ветки для костра. Эмилио и Хуан смотрели на яхту. Даже после заката она слабо светила над темной гладью воды, как белое призрачное пятно.

На носу иола горел керосиновый фонарь. Яхта нервно покачивалась на черных волнах, беспокойно оплывала якорь полукругом, замирала и возвращалась, слегка кренясь, когда ветер дул ей в борт. Из каюты саманные постройки Тетуилана слабо мерцали на фоне туманных вершин Герреро, сливавшихся с затянутым облаками небом.

Пристань опустела и погрузилась во мрак, если не считать одинокой лампы над ледником. Пенистые волны с тихим шорохом разбивались о скалы Ладронес.

Джейн Томпсон сказала:

— Билл, мне тут не нравится.

Они лежали в каюте каждый на своей койке. При свете керосинки Билл Томпсон читал «Путеводитель по Тихоокеанскому побережью».

— В чем дело? — Он поднял глаза.

— Просто мне тут не нравится, — сказала Джейн. Это была стройная, бесспорно красивая женщина с покрытой редкими веснушками кожей. Прямые, выгоревшие на солнце волосы она стянула в тугой хвост.

Билл Томпсон закрыл «Путеводитель». Его крепкое, сбитое тело, как будто выточенное из тикового дерева, под солнцем обрело цвет сыромятной кожи. Светло-голубые глаза на загорелом лице казались почти прозрачными, как бриллианты. Неровные очертания заживающего ожога на руке — как-то во время качки Билл обварился кипящим рисом — доказывали, что даже тик и сыромять при всей своей прочности могут быть уязвимыми.

— Согласен, это не лучшая стоянка в мире, — сказал Билл.

— Я о другом. Мне не нравится этот городишко.

— Еще одна мексиканская рыбацкая деревня, не больше того.

— Да. Но что-то здесь не так. И еще тот попрошайка. Он шел за нами весь день.

— Ну... Нищие обычно так и делают.

— Разумеется, — быстро проговорила она. — Но он не просил милостыню, понимаешь? Просто шел и пялился на нас. Следил за нами весь день.

— И что с того? — В голосе Билла проскочила нотка раздражения.

— Милый, — сказала Джейн. — Ты знаешь, я не истеричка. Ненавижу пустую болтовню и дамские слезливые припадки. Но мне и правда тут не нравится.

— Утром мы снимаемся с якоря, — напомнил ей Билл. — И в путь с первым лучом зари.

— Знаю... Но, Билл, разве нельзя отплыть прямо сейчас?

Он бросил на нее пристальный взгляд:

— Ты серьезно?

— Более чем, — ответила Джейн. — Я сама не своя. Как вспомню этого нищего — мороз по коже. Даже яхта на нервах, разве не чувствуешь? Билл, корабль не желает здесь оставаться.

— Хочешь отплыть сейчас, посреди ночи?

— Да, хочу. Это возможно?

— Не знаю. Выход из бухты чертовски неудобный. Море волнуется, и ветер в сторону берега. Будем лавировать всю ночь.

— Ну пожалуйста, — попросила она.

Он встал:

— Схожу на палубу, осмотрюсь и тогда решим. Сказать по правде, мне это местечко тоже не по душе. Илистое дно. Паршивая якорная стоянка.

Билл Томпсон поднялся по лестнице, открыл люк и выбрался на палубу.

Джейн закурила и легла на спину, пытаясь понять, почему ей тут не нравится. Они с Биллом далеко не первый день плывут вдоль западного берега Мексики. Обычно рыбацкие деревни вполне дружелюбны. Иногда, правда, они казались ей равнодушными, а пару раз — даже откровенно враждебными. Но ни разу Джейн не ощущала того, что ощутила сегодня в Тетуилане: все дружески улыбаются, а по пятам шагает нищий, мрачный, как грозовая туча. Ее впервые охватило странное чувство: что-то вот-вот произойдет.

Яхта качнулась, и Джейн услышала странный звук — будто деревом ударили по металлу. На долгую минуту все стихло. Потом загрохотала цепь. И опять тишина. На яхте царил безмолвие, если не считать скрипов корпуса и стука грота-фала о мачту.

Джейн погасила сигарету. Что-то слишком долго Билл осматривается. Лучше бы не заходить в этот узкий залив на семи ветрах, надо было остаться в открытом океане

и плыть всю ночь в Акапулько. Но это, конечно, глупо, учитывая ветер и беспокойное море.

Яхта опять покачнулась, и грота-фал перестал стучать. Джейн прислушалась, но ничего не смогла разобрать.

«Не будь душой, — сказала она себе. — Скоро тебе призраки начнут мерещиться, если не возьмешь себя в руки. Билл просто чем-то занят».

Она хотела встать, выйти на палубу и посмотреть, что там происходит. Но у нее не было сил.

Снаружи стонал ветер. Джейн достала еще одну сигарету и услышала мягкий перестук шагов на палубе. И снова стало тихо.

Она рывком поднялась на ноги и оглядела каюту в поисках оружия. Внезапно она осознала, как это важно — иметь при себе оружие. Под руку не подвернулось ничего, кроме тупого кухонного резака. Она схватила его, потом, мысленно пристыдив себя, положила на место.

Грот-люк открылся. Джейн снова взялась за резак. Но это был Билл. Он спустился по лестнице и сел на свою койку.

— Сделаешь кофе? — попросил он.

Она подкачала примус:

— Где ты был так долго?

— Ветер усиливается, — сказал он. — Я подготовил к отдаче второй якорь и закрепил канат петлей на битенге. На всякий случай.

— Ох, — вздохнула она. — Я слышала, как гремит цепь... Билл, пожалуйста, давай уплывем отсюда!

— Неплохо бы, — кивнул он. — Не доверяю я местному грунту.

— Значит, отплываем?

— Милая, — сказал Билл, — это просто невозможно. Ветер дует с моря и гонит большие волны. В таких условиях искать фарватер очень рискованно.

— Он огражден буями.

— Конечно. Но буи не подсвечены. Даже с мощным прожектором мы будем искать их бог знает сколько времени. Пропустим один буй — и нас снесет на Ладронес.

— Мы можем двигаться медленно, у нас же есть мотор.

— Предположим, мы вышли в море. Сейчас барометр падает, и ветер уже пять баллов. Мы будем бороться с ветром, он станет сносить нас к берегу, а потом вдобавок может начаться шторм.

— И все-таки, — упрямо сказала Джейн.

Билл посмотрел на нее с восхищением:

— Знаю, ты готова отплыть немедленно, и ничто тебя не остановит. Это твоя черта, милая: такие мелочи, как ветер и море, тебе нипочем.

— Значит, решено?

Он пожал плечами:

— Это небезопасно, но мы, я уверен, справимся. Нам уже случалось попадать в шторм. Если ты говоришь, что надо сниматься с якоря, — снимемся. Просто помни о том, что нас ждет.

Теперь, когда он перестал сопротивляться, ее решимость куда-то исчезла. Джейн налила кофе в кружки и прислушалась к вою ветра, колыхавшего снасти. Она представила себе, как их яхта будет идти по узкому фарватеру в поисках буев, отмечающих безопасный проход.

— Нет, — внезапно сказала она. — Давай останемся. Я сглупила. Думаешь, нам понадобится второй якорь?

— Надеюсь, нет, — ответил Билл. — Мне не нравится идея затаскивать потом наверх это чудовище весом в тридцать килограмм.

Он взглянул на часы:

— Почти полночь. Восход в пять двадцать. Постараемся отплыть с первыми лучами солнца.

— Отлично. — Джейн передала ему кружку с кофе. — Билл, как жаль, что на борту нет револьвера!

— Мне тоже, — признался Билл. — Но он тут наверняка заржавел бы. Допивай — и давай спать.

Они выпили кофе. Билл погасил керосиновую лампу и улегся на койку. Ветер завывал в вантах, и волны бились о борт.

Вдруг Билл приподнялся на локте и начал напряженно прислушиваться.

— Но почему грести должен я? — спросил Пепе.

— Потому что тебе полезно упражняться, — ответил Хуан.

На пристани никого не было, она тонула во тьме, только над ледником горела одна-единственная лампа. В полумраке на северном конце причала они нашли три лодки, и Хуан выбрал самую сухую. Он уселся на корме, Эмилио — на носу. Пепе закатал рукава и начал грести.

Хуан сразу же объявил, что лучше б ему грести самому. Тяжело дыша, Пепе умудрялся то и дело шлепать веслами по воде. Хуан прочел ему короткую лекцию о том, что весла надо погружать глубоко и налегать на них равномерно, но за одну ночь из человека моряка не сделаешь. Особенно если этот человек — Пепе.

Они неспешно плыли к заякоренной яхте. На ее носу горел одинокий фонарь, и тускло светилась изнутри каюта. Когда до яхты было уже рукой подать, свет в каюте погас.

— Что это значит? — спросил Эмилио.

— Не переживай, — сказал Хуан. — Там всего-то один мужчина, и тот без оружия.

— Но если он начнет звать на помощь...

— Ему не перекричать ветер, даже если кто-то и стоит на причале. Теперь слушайте. Пепе, греби к корме яхты, к ее задней части, понял? Эмилио, ты идешь первым. Возьми с собой веревку и привяжи нашу лодку к чему-нибудь, только не слишком крепко. И смотри не споткнись там!

Эмилио улыбнулся — широко, как зевают кошки.

— Пепе, ты пойдешь вторым. Видишь открытый люк ближе к носу?

— Как я его увижу? Я же гребу.

— Замри на секунду и посмотри. Видишь? Ну вот. Пойдешь к нему осторожно, ничего не задевая, и залезешь внутрь. Мы с Эмилио спустимся в каюту через главный люк, он ближе к корме. Зайдем с обеих сторон каюты, поняли?

Эмилио кивнул. Пепе спросил:

— Когда я увижу мужчину, мне стрелять?

— Нет, — отрезал Хуан. — Стрелять будем, когда придет время. Выстрел могут услышать на берегу. Кроме того, ты рискуешь попасть в одного из нас.

— Но мы не можем оставить их в живых, они потом все расскажут, — сказал Пепе.

— Мы их прикончим. У Эмилио есть нож. Мы почти добрались.

Рыбацкая лодка стукнулась о борт американской яхты. Почти сразу они услышали мужской голос, спросивший по-английски: «Кто здесь?»

— Давайте живо, — шепнул Хуан. Эмилио прыгнул на борт, зажав фалинь в зубах, и поспешил к ближайшей скобе. Пепе, ворча, перетащил пузо через бортик и заковылял следом.

— Que pasa?! — крикнул американец из темной каюты. — Quien es?!¹

Хуан уже был на борту, а Пепе торопился к открытому носовому люку. Хуан вытащил револьвер и услышал щелчок: это Эмилио достал и раскрыл нож.

— Вперед! — приказал Хуан. Вместе они устремились к люку.

Что-то со свистом рассекло воздух. Хуан дернулся, отпрянул в сторону, и его голова врезалась в гик. Он споткнулся, но удержался на ногах и ринулся догонять Эмилио.

Эмилио добежал до люка, открыл его и стал спускаться, держа нож низко, чтобы сразу ударить или отразить удар. Вдруг послышался скрип, потом шипение. Из тьмы каюты с напором хлынула струя жидкости и ударила Эмилио в лицо. Эмилио закричал, упал на спину и начал тереть руками глаза. Хуан замер у люка: он понял, что мужчина в каюте пустил в ход огнетушитель.

Оттащив Эмилио обратно в кокпит, Хуан быстро вытер ему лицо. Пистолет он положил рядом и все время поглядывал на лестницу.

— Ты как? — спросил он Эмилио.

— Мои глаза!

---

¹ Что происходит?! Кто здесь?! (исп.)

— Спокойно, — сказал Хуан. — Он же не в упор в тебя прыснул? Это химические пары. Все пройдет. Не вздумай тереть глаза слишком сильно.

Эмилио застонал и вдавил кончики пальцев в кожу лба. Хуан нашел в углу кокпита резервуар с водой, зачерпнул горсть и промыл ему глаза. Рядом с носовым люком загремела цепь.

Пепе не без труда протащил себя через люк. Оказавшись внутри яхты, в полной темноте, он уперся ногами в уложенную цепь. Сойти с нее бесшумно было невозможно, и Пепе решил, что двигаться надо быстро. Он нырнул было во мрак, но цепь, висящая над люком, больно ударила его по лицу.

Он выругался и услышал, как в каюте тихо переговариваются мужчина и женщина. Внезапно напасть на них не удалось, теперь они вооружаются. И у них наверняка есть револьвер.

Пепе с яростью оттолкнул цепь и шагнул вперед. Раздался страшный грохот. Должно быть, он что-то сдвинул, и теперь цепь скользила наверх, исчезая в люке. Пепе услышал громкий всплеск — это ударился о воду якорь.

Цепь ползла мимо все быстрее, следуя за якорем через клюз и задевая края люка. Моток под ногами дернулся, Пепе шагнул в сторону и почувствовал, как звенья цепи сомкнулись вокруг лодыжки. Он дернул ногой, пробуя освободиться. Цепь заскользила еще быстрее. Она тащила ногу за собой в люк, и Пепе потерял равновесие.

Падая, он выбросил вперед обе руки. Револьвер куда-то отлетел, зато цепь перестала двигаться. Наполовину оглушенный, Пепе пытался нащупать оружие, его рука шарилась по половицам, но натыкалась лишь на свернутую парусину.

Дверь распахнулась. В полумраке он увидел темную каюту и лестницу на другом ее конце — оттуда должны прийти Хуан и Эмилио. Лестницу заслонил силуэт. Пепе понял, что это молодая блондинка.

Она ударила его чем-то тяжелым, и Пепе разом втянул голову в плечи. Пальцы нащупали ствол револьвера, полу-

погребенного под парусиной. Пепе схватил его и перевернул, взявшись за рукоятку.

Вдруг его окутало что-то белое, причем так внезапно, что он завизжал от ужаса. Между ним и женщиной возник туман, или пар, или что-то вроде облака. Белизна сгустилась, слоями надвигаясь на Пепе. Он вслепую выстрелил в облако и понял, что задыхается. Такого тумана он еще не видывал. В тумане не было воздуха, Пепе не мог вздохнуть.

Он выронил револьвер и потянул за цепь, обвившую лодыжку. Цепь немного поддалась. Он потянул снова и неожиданно высвободил ногу, но дышать по-прежнему не мог. Туман становился гуще, обволакивал со всех сторон. Пепе выпрямился, стукнулся головой о низкий потолок и опустился на корточки. Потом осторожно опять поднялся и принялся нащупывать края люка. Его легкие расширялись и сокращались короткими, болезненными рывками, пытаясь найти воздух в безвоздушном тумане. Пепе выпучил глаза и высунул язык. Белизна начала отступать. Пепе почувствовал, что падает в глубокий колодец, но тьма сомкнулась над ним прежде, чем он достиг дна.

— Ты что-нибудь видишь? — спросил Хуан.

— Да, но не много. Что случилось?

— У них есть другой огнетушитель, — сказал Хуан, не сводя глаз с носового люка, из которого валил густой белый туман. — С углекислотой. Они направили струю на Пепе.

Эмилио пошатывался, глаза у него слезились. В руке он все еще сжимал нож.

— Давай так, — решил Хуан. — Я с одной стороны лестницы, ты — с другой. Американец не сможет остановить струей нас обоих. Если ты увидишь его первым, бросай нож. Если я — застрелю гада. Уж слишком он опасен.

— Я порежу его на кусочки, — пообещал Эмилио. — И его бабу тоже.

— Будем осторожны, — сказал Хуан. — Он опасен. Опасен даже без револьвера.

Замерев по разные стороны прохода, они пристально вглядывались во тьму. Какой-то предмет вылетел из каюты

и, никого не задев, отскочил от стены кокпита. Это был пустой огнетушитель.

Они снова подались вперед. В каюте что-то шевельнулось. Эмилио занес руку и метнул нож. Человек внутри глухо застонал от боли.

Американец ранен! Эмилио побежал по лестнице, на ходу открывая бритву. Метнулся вниз и почувствовал, что последняя ступенька уходит из-под ног. Пошатнувшись, он выронил бритву, схватился обеими руками за верхний край люка и повис на нем, загораживая Хуану дорогу. Американец ударил Эмилио в живот. Тот разжал пальцы и, падая, сгруппировался, чтобы мягко приземлиться на ноги.

Но приземлился он не на пол, а на замасленный маховик, которого не было видно из-за ступеньки. Эмилио поскользнулся, грохнулся спиной на запальные свечи и заорал: они врезались в его тело, как четыре тупых копья. Он попробовал встать, но ноги не слушались. Эмилио вообще их не чувствовал — одна из свечей пробила основание его позвоночника.

Хуан стоял на лестнице, наставив револьвер на тьму, и ждал. Он всегда знал, что Пепе кретин, а Эмилио лишь малость поумней. Им нужно было зарубить на носу: когда на маленькой яхте собирается столько людей, нельзя бегать и суесться, даже если ты вооружен. Здесь слишком много всякой дряни, о которую можно споткнуться — и которую можно использовать для самозащиты. Они действовали неуклюже, а Эмилио к тому же не хватило терпения. В одиночку Хуан сделает то, чего не смогли сделать эти идиоты. Он будет ждать столько, сколько понадобится.

Бледное пятно на полу каюты пошевелилось и стало медленно подниматься. А вот и американец.

Хуан прицелился, заметив, что в руке у американца что-то есть и эта рука направлена на него, Хуана. Нож? Еще один огнетушитель? Да без разницы. Этот гринго уже, считай, мертв.

Палец Хуана лег на спусковой крючок, как вдруг предмет в руке американца взорвался. Тьму прорезал алый всполох, что-то ударило Хуана в грудь. Сокрушительный удар, хуже,

чем от 45-го калибра. Хуана отбросило назад в кокпит. Сбитый с толку, он из последних сил ощупал рваную дыру в груди. Господи, ружье! Американец подстрелил его из ружья!

Бессмыслица. У американца не было оружия. Что произошло, откуда рана? Хуан не мог понять. Он судорожно пытался найти ответ, но вскоре его замешательство померкло, а потом и вообще стало пустотой. Он умер.

Билл и Джейн сидели на палубе. Джейн продезинфицировала ножевую рану на левом плече Билла и неумело перевязывала ее бинтом из аптечки.

— У нас опять гости, — заметил Билл.

Она обернулась:

— Да. Быстро плывут. Думаешь, это...

— Расслабься. Это полицейский катер. Видишь, какой прожектор?

Билл хотел подняться, но она остановила его:

— Сиди смирно, дай мне закончить... Знаешь, нам очень сильно повезло.

— Я бы не назвал это везением, — возразил Билл. — Если разобраться, яхта — целый плавучий арсенал. Пытаться захватить ее в темноте — все равно что атаковать защищенную крепость.

— Но если бы их было не трое, а четверо...

— Мы бы все равно справились, — твердо сказал Билл. — Надо просто с умом использовать то, что имеешь под рукой.

Он взглянул на тяжелый предмет у себя за поясом, формой напоминающий большой револьвер.

— Теперь нам нужно рассказать все полиции, — сказал он. — И это будет нелегко. Как я объясню им на плохом испанском, что огнетушители и якоря могут превратиться в смертоносное оружие? И как им втолковать, что ракетница может сработать не хуже ружья?

ПУСС-КАФЕ

— Вот это, я понимаю, шедевр! — воскликнул Хэдден.

— Я знал, что тебе понравится, — откликнулся Догерти, оглябая гору багажа и опуская поднос на журнальный столик.

На подносе стояли два высоких узких бокала, а в них — полосатый напиток: пусс-кафе, слоистый коктейль, радующий глаз сочетанием шести разноцветных жидкостей, не смешивающихся из-за разной плотности — если, конечно, наливать их твердой рукой. Яркое легкомысленное напоминание об ушедшей эпохе, тема для веселой болтовни с танцовщицами, любившими, к отчаянию барменов, заказывать пусс-кафе в пафосных барах двадцатых годов. Тигр среди напитков, окрашенный снизу вверх в красную, желтую, фиолетовую, белую, зеленую и янтарную полосы. Выпивка для шумных вечеринок. Выпивка для развлечения.

— Красота-то какая! — продолжал восхищаться Хэдден. Мелкие и правильные, словно у херувима, черты лица придавали ему, несмотря на высокий рост, сходство с мальчишкой. Догерти протянул бокал, и Хэдден отхлебнул от верхнего слоя.

— Бренди?

— Точно, — подтвердил Догерти. — Настоящее пусс-кафе — это приключение, вылазка в неведомое, путешествие от обыденности к чуду. Конечно же, верхним слоем может быть только бренди. Нравится?

— Бренди превосходный, — оценил Хэдден. — Просто замечательный. Знаешь, я рад, что нам удалось вот так встретиться.

— И я рад, — не стал спорить Догерти. — Давненько мы не выпивали вместе.

— Шесть лет, — задумчиво протянул Хэдден. — По полоске на каждый год. Уж не потому ли ты выбрал пусс-кафе? Долгий срок. — Его детский лобик прорезала морщина. — Слишком долгий.

— А прежде чем встретимся и выпьем снова, пройдет и того дольше, — добавил Догерти.

— Пожалуй, — согласился Хэдден, приканчивая бренди. Он бросил взгляд на сияющие алюминием чемоданы, сложенные стопкой рядом с огромным старым кофром. — Да уж, долгонько это будет... если только ты не найдешь способ навестить нас в Уругвае.

— Может, и найду, — заметил Догерти. — Попробуй следующий слой.

Хэдден кивнул и пригубил зеленую тигриную полоску. Облизнул губы, мгновение размышлял, затем предположил:

— Шартрез?

— Правильно, — одобрил Догерти. — А ты разбираешься в напитках, приятель!

— Нет, погоди, я серьезно, — настаивал Хэдден. — Почему бы тебе к нам не приехать?

— Буду счастлив. А вот ты уверен, что вы с Люсиль обрადуетесь моему визиту?

— Конечно уверен! — воскликнул Хэдден. — Слушай, Томми, вся эта ерунда давно позади. Шесть лет прошло, в конце-то концов.

— Я зла не держу, — заверил Догерти. — Но вот ты и Люсиль...

— А мы вообще на тебя не сердились, — заявил Хэдден. — Нисколько! Томми, в Дартмуте мы с тобой были добрыми друзьями. Неужели не сможем подружиться снова?

— Я очень этого хочу, — сказал Догерти. — Потому-то тебе наконец и позвонил. Конечно, я не знал, что ты покидаешь страну, да еще и так скоро.

Хэдден пожал плечами:

— Я бы вообще предпочел никуда не ехать. Но отец Люсиль оставил ей столько земли — две тысячи гектаров

вроде. В Уругвае! Ну вот мы и снялись с места со всеми пожитками. Спасибо, что предложил этот старый кофр. Знаешь, никак не могу представить себя плантатором...

— А мне бы понравилось, — заметил Догерти. — Что такое?

— Да вот, как раз добрался до следующего слоя, — объяснил Хэдден. — Белого, того, что под шартрезом. Чудненько! Не подсказывай, дай подумать... «Крем де Мант» — мятный ликер!

— Точно, — кивнул Догерти.

Хэдден забеспокоился:

— Надеюсь, Люсиль не станет ворчать, что я пью с утра.

— А мы ей не скажем, — предложил Догерти.

— Это будет трудновато. Она должна за мной заехать. Может появиться с минуты на минуту.

— Люсиль едет сюда? — удивился Догерти.

— Да. Я попросил ее встретиться здесь, у тебя, а не прямо на борту. Ты же не против?

— Конечно нет! Тогда мы попросту уничтожим улики. Пей, старина!

Под пристальным взглядом Догерти Хэдден попробовал четвертый, фиолетовый слой пусс-кафе и воскликнул:

— «Запретный плод»!

— А? — встрепенулся Догерти, едва не уронив собственный бокал.

— Этот слой! «Запретный плод», верно?

— Нет. Отгадывай снова.

Хэдден расправился с остатками четвертого слоя:

— Ежевичный ликер?

— Фиалковый. «Крем де Иветт».

— Замечательно! — восхитился Хэдден. — Ты прав, пусс-кафе — и впрямь путешествие от обыденности к чуду. Есть там еще чудеса в заглашнике?

— О да, — заверил Догерти.

— Удивительно. — Хэдден поднес полосатый бокал к свету. — Следующий слой похож на желтый шартрез, а последний, красный, — должно быть, гренадин. Угадал?

— Да ты выпей, тогда и узнаешь, — подначил его Догерти.

Хэдден отхлебнул от пятого слоя.

— Желтый шартрез, — произнес он и поставил бокал.

— Ты же на этом не остановишься, надеюсь? — В голосе Догерти зазвучало странное беспокойство.

— Пожалуй, придется. — Хэдден вытер лоб. — Я сегодня не завтракал, а эти ликеры здорово ударяют в голову. Отплываем в час, боюсь, как бы не затошнило.

— Ерунда, — махнул рукой Догерти. — Хороший коктейль никому не повредит. К тому же ты так и не добрался до главного чуда.

— Это гренадин.

Догерти улыбнулся и покачал головой:

— Выпей и увидишь.

— Старина, мне и впрямь хватит, — возразил Хэдден и хотел было встать, но Догерти удержал его.

— Знаешь, — начал Догерти, — я хотел навсегда покончить с той ссорой шестилетней давности. Если честно, я здорово повозился, прежде чем соорудил эту шестислойную прощальную выпивку. Испортил три штуки, прежде чем смекнул, как надо наливать. Знаю же, ты любишь все новенькое... Но раз не хочешь — не пей. Наверное, я просто сентиментальный дурак.

— Ничего подобного! — вскричал Хэдден, хватаясь за бокал. — Будем снова друзьями, Томми. Наша тогдашняя стычка — такая глупость! Просто не повезло, что мы оба взялись ухаживать за Люсиль. Такие вещи способны разрушить самую крепкую дружбу.

— Она выбрала тебя, — сказал Догерти.

— Да. Похоже на то.

— Похоже? Господи, парень, да ты шесть лет как на ней женат!

— Знаю. Я просто хотел сказать... Откровенно говоря, Томми, если б ты тогда не разобиделся, она вполне могла выбрать тебя.

— Думаешь? — удивился Догерти, поглядывая на часы.

— Точно, — кивнул Хэдден, отпивая желтый шартрез. — Ты тогда выглядел как капризный испанский гранд, и она

была совершенно тобой очарована. Но ты же не хотел соревноваться. Замкнулся в своей величественной надменности, и приз достался малышу Хэддену. Э, да я как будто пьян?

— Конечно нет, — сказал Догерти, глядя, как Хэдден приканчивает желтую полосу.

— Что я говорил? Надеюсь, ничего обидного. Стоит мне перебраться, как я начинаю вредничать. Может, лучше остановиться, пока я еще в себе?

— Допивай! — приказал Догерти.

Пропел дверной звонок. Догерти поспешно встал и открыл дверь. Вошла молодая блондинка с красивым решительным лицом.

— Люсиль, — поприветствовал ее Догерти.

— Привет, Томми, — отозвалась Люсиль. — Рада, что вы помирились. Но зачем было поить моего мужа?

— Я не пьян, — твердо сказал Хэдден. — Может, слегка под мухой. Билеты у тебя?

— Билеты, паспорта, все, что нужно, — подтвердила Люсиль. — Что это ты пьешь?

— Остатки пусс-кафе, — объяснил Хэдден. — Идея Томми. Наверху все обычное, а в самом низу — чудо.

— Что? — переспросила Люсиль.

— Теория старины Томми, — растолковал Хэдден. — Начинаешь с обыкновенного, потом спускаешься вниз по полосатым кольцам, в неведомые земли, где бродят невиданные звери и манят тайные удовольствия. Ну, ты только послушай!

— Очень поэтично, — признала Люсиль. — Но нам надо успеть к отплытию.

— Пусть уж допьет до дна, — запротестовал Догерти.

— Люсиль, — выговорил Хэдден, — может, попробуешь? Выпей, милая! Вся обыденность досталась мне, а тебе — чудо.

— Звучит заманчиво, — заметила Люсиль.

Догерти быстро моргнул, словно его что-то встревожило.

— Очень заманчиво, — продолжала Люсиль. — Но ты же знаешь, я пью только скотч.

Хэдден отхлебнул от последнего, красного слоя.

— Похоже на сливовый бренди, — проговорил он. — Но... не совсем. Здесь есть горечь и почему-то металлический привкус. — Он ослабил узел галстука. — Пожалуй, я не...

— Давай быстрее, — поторопила его Люсиль. — До отплытия у нас меньше часа.

Хэдден покорно допил последний слой, и бокал выпал из его руки. Он смотрел, как Люсиль расстегивает пряжки на огромном кофре, а Догерти ей помогает. «Зачем они открывают кофр?» — всплыла в голову сонная мысль. Ответ приходил медленно, а сознание ускользало очень быстро.

— Поторапливайся, — обратилась Люси к Догерти. — До отплытия у нас меньше часа.

СВЕНГАЛИ ИЗ ВЕСТЧЕСТЕРА

Я — человек рассудительный, не склонный к поспешным выводам. Я не смеюсь над тем, во что верят другие, потому что могу быть не прав, хоть это и маловероятно. И все же небольшая вероятность этого существует, поэтому к увлечениям других людей я отношусь уважительно. Но однажды от меня потребовалась решительность и быстрота действий, потому что дело касалось Хелен.

В тот день, вернувшись с работы в обычное время, я первым делом прошел на кухню и поцеловал Хелен в шею. У Хелен прелестная шея, и ей нравится, когда я так делаю. На этот раз она выглядела озабоченной.

— Как прошел обед? — спросил я. Я отношусь к тому типу мужей — и горжусь этим, — которых волнуют интересы жены: благотворительные обеды, церковные ярмарки, выставки цветов и заседания школьного совета.

— Я на него не пошла, — ответила Хелен.

— Почему? — Я знал, что она целый месяц готовилась к этому событию.

— Настроения не было. — И Хелен поспешно отвернулась к кастрюльке с бобами на плите. Она закончила колледж, но хитрить так и не научилась: если она пытается что-то скрыть, это бросается в глаза так же, как котенок на выставке собак.

— Давай-ка начистоту, — сказал я. — Что случилось?

— Ничего. Я вообще никуда не выходила. Просто сегодня не очень хороший день.

— Почему?

Она ответила не сразу.

— Профессор Маркони посоветовал не выходить сегодня из дома, — пробормотала она и зачистила: — Ска-

зал, что для Близнецов сегодня плохой день, возможны несчастные случаи. Марс — в Доме Луны, а Сатурн... — Хелен запнулась, увидев на моем лице страдальческое выражение.

— Обсудим это после ужина, — сказал я и ушел в гостиную.

Два месяца назад в нашей части Вестчестера открылась цыганская чайная. Типичное такое заведение с сатиновыми занавесками, медными чайниками, фальшивой мебелью якобы эпохи Тюдоров и прорицателем, которого звали профессор Маркони.

На Хелен и некоторых ее подруг профессор произвел неизгладимое впечатление. Ну что тут скажешь? Умеют предсказатели судьбы производить впечатление на женщин! Новое увлечение жены я считал вполне безобидным, вроде бриджа или телешоу, и лишь согласно кивал, выслушивая рассказы о сверхъестественной проницательности профессора Маркони.

Но Хелен зашла слишком далеко. Она появлялась там, по меньшей мере, раз в неделю. Наши книжные полки оказались забиты гороскопами, сонниками, картами Таро и прочей дребеденью из той же серии. А теперь дошло до того, что шарлатан диктует Хелен, как себя вести. По сути, он управляет ею! Свенгали¹ сделал мою жену своей Трилби! Нет, это не вписывается ни в какие рамки!

Мое терпение лопнуло, я рассердился. Конечно, я человек рассудительный, но у всего есть предел. По профессии я проектировщик, конструирую самолеты и работаю с конкретными фактами. Представьте себе, что наши самолеты не полетят на «Тернер Авиашоу» только потому, что Венера заняла доминирующее положение. Или что нашим расчетам можно доверять только до тех пор, пока Марс в Доме Луны. Или еще какое-нибудь мракобесие в том же роде.

---

¹ *Свенгали* — вымышленный герой готического романа Джорджа Дю Мюреля «Трилби» (1894). Имя Свенгали стало нарицательным и означает: «лицо, которое со злым умыслом манипулирует другим человеком».

В Вестчестере профессор Маркони воскрешал суеверия. Он перешел границы разумного. И я должен был что-то с этим сделать.

После ужина, призвав на помощь Ее Величество Логику, я приступил к развенчанию мистики предсказаний. Как человек образованный, я применил научный подход. Я говорил о распределении Гаусса применительно к узорам на чайных листьях, об астрономических нелепостях, свойственных астрологии. Подробно рассказал о коэффициентах преломления в случае хрустальных шаров и закончил объяснением математической теории вероятности на примере карт Таро.

Выдохшийся, но довольный, я откинулся в кресле и спросил:

— Ну, что скажешь?

— Я пропустила любимую передачу, — холодно ответила Хелен. Она терпеть не могла, когда ее поучают.

— Ты поняла, о чем я говорил?

— Конечно, — сказала Хелен. — Я не суевернее тебя. Но профессор Маркони — это совсем другое.

— Не спорю, он человек проницательный, — согласился я, — но методы предсказателей хорошо известны. Они изучают внешность клиента, его одежду, голос, манеру речи. Потом начинают говорить нечто туманное и расплывчатое, пока методом тыка не попадают в точку. И тогда...

Хелен упрямо покачала головой:

— Предсказания профессора Маркони основаны не на внешности. Почему бы тебе самому не сходить и не убедиться?

И тут меня осенило. Я подождал, пока мысль обретет ясную, законченную форму. Определенно, это сработает.

— Возможно, — медленно начал я, — что через тебя он знает обо мне если не все, то многое. Поэтому проверка будет нечестной. Но я позову друга.

— Какого друга?

— Ты с ним не знакома. Так мы исключим возможную утечку информации через тебя к Маркони.

— Я думала, что знакома со всеми твоими друзьями, — сказала Хелен с подозрением.

— Этого ты не знаешь. И если Маркони понесет чепуху...

— Он не может нести чепуху!

— А если понесет?

— Посмотрим, — сказала Хелен.

Откинувшись в кресле, я развернул газету и позволил себе улыбнуться. Рациональный подход способен решить любую проблему. А я рационален. Как минимум.

Мы договорились встретиться в чайной в субботу в полдень. Когда мы с другом вошли, Хелен и профессор уже сидели за столом. Хелен казалась немного испуганной. Профессор Маркони — на вид лет пятидесяти, с маленькой шарлатанской бородкой — был одет во все черное. Казалось, происходящее его забавляет.

Я представил им Ричарда Дейка.

Маркони внимательно осмотрел моего приятеля, но тот и так был весь как ладони. Очень высокий, худощавый, неопределенного возраста. Не новый, но первоклассный твидовый костюм хорошо отутюжен. Галстук повязан изящно, с намеком на щегольство. На пальце — перстень с печаткой, но герб на ней неразборчив.

Мы пили чай, и светлые, похожие на бусинки глаза Маркони перебегали со скромного и честного лица Дейка на его жидкие каштановые волосы, на серые глаза в обрамлении редких ресниц, на жилистые, но не мозолистые руки. Профессор сосредоточенно вслушивался в легкую картавость Дейка.

Наконец Маркони заговорил. Должен признаться, это был впечатляющий спектакль. Потому что он начал с меня.

— Вас, — сказал он, — ждет время испытаний и тяжелой работы. Желаю вам удачи.

Потом он повернулся к Дейку.

Он сказал, что Дейк — человек с образованием родом из Уэст-Кантри¹. Что дела его обстоят не лучшим образом и что он подумывает сменить род деятельности. Маркони

---

¹ *Уэст-Кантри* — неофициальное название области на юго-западе Англии, приблизительно соответствующей современному региону Юго-Западная Англия.

не отрывал взгляда от моего друга, но даже каменная стена сказала бы ему больше. Ни один нерв не дрогнул на лице Дейка, ни один мускул не шевельнулся.

Сделав из этого собственные выводы, Маркони добавил, что Дейк — человек железных нервов и недюжинной выдержки, стойкий к ударам судьбы и невзгодам. Будучи сильной, цельной личностью, он добьется успеха на поприще служения обществу и будет вознагражден за свои труды.

Дейк и бровью не повел.

Маркони закончил, мы поблагодарили его и вышли. Едва мы оказались на улице, Хелен спросила:

— Ну, что скажешь?

— Профессор ошибся в некоторых деталях, — заметил я. — Например, у мистера Дейка нет образования.

Дейк усмехнулся. Хелен выглядела очень удивленной.

— Кроме того, мистер Дейк не из Уэст-Кантри, — сказал я. — Где вы родились, мистер Дейк?

— В Манчестере.

— А где прожили большую часть жизни?

— В Лондоне.

— Но ваш акцент... — начала Хелен.

— Немного картавости в моей профессии не помешает, — ответил ей Дейк.

— Я наткнулся на мистера Дейка в Ист-Энде¹, — сказал я Хелен. — В Уайтчепеле, если быть точным. Он спал у входа в какое-то здание.

Хелен нахмурилась, но ничего не сказала.

— Так и есть, я бездомный, — подтвердил Дейк, улыбаясь широкой и глупой улыбкой. Вся сдержанность, которую он напустил на себя по моей просьбе, вмиг улетучилась. — Бродяга, довольный жизнью.

— О! — наконец вымолвила Хелен. — Отвратительно! Это нечестно!

— Все вполне справедливо, — возразил я. — Профессор Маркони читает судьбы людей — ты помнишь? — не по внешности!

---

¹ *Ист-Энд* — восточная часть Лондона. Исторический район города, населенный преимущественно выходцами из других стран.

Я извлек из бумажника пару купюр:

— Мистер Дейк, благодарю вас. Костюм можете оставить себе. Туфли тоже. Скажите, а что вы сделаете с деньгами?

— А что с ними делать? Напьюсь до поросячьего визга. Он повернулся и весело зашагал прочь.

Домой мы с Хелен возвращались молча.

Итак, моя идея сработала. Хелен выбросила сонники, сожгла карты Таро и раздала гороскопы. Через несколько дней она даже простила меня.

Мы вернулись в рациональное существование. И я было решил, что история закончилась. Но на прошлой неделе ко мне в офис пришел человек — высокий, худощавый, с твердым взглядом, в не новом, но очень приличном костюме. Это был Дейк. Я осторожно пожал ему руку.

— Пришел дать вам дельный совет, — заявил Дейк.

— Правда?

— Да. Вы производите впечатление человека современного и дальновидного. У вас отличная машина и полон дом бытовой техники. Так?

— Хм, — сказал я неопределенно.

— Безусловно, так. Однако, бегло осмотрев этот офис, я заметил, что вы пользуетесь старомодными методами обработки и хранения документов, древними печатными машинками и ненадежными системами связи...

И тут я догадался, что Дейк продает офисное оборудование.

— Что с вами произошло? — спросил я.

— Сэр, после того как мы расстались, я задумался над словами предсказателя. И, знаете, я решил, что он прав! — Дейк слегка покраснел и отвел глаза. — Я хочу сказать, что в глубине души я и правда человек железной воли и решимости. Просто не проявлял их за ненадобностью. Я ломал над этим голову два дня и в итоге не стал тратить на выпивку. Вместо этого купил много еды и начал искать работу.

— С ума сойти, — пробормотал я. — Ну и как идут дела?

— Грех жаловаться, — ответил Дейк. — У меня такое чувство, будто я выполняю важное общественное дело.

Просто удивительно, как много в нашем современном городе старомодных офисов. Взять хотя бы ваш.

Дейк объяснил управляющему и бухгалтеру, сколько денег они сэкономят, если купят соответствующее оборудование и технологии. Его аргументы в сочетании с акцентом уроженца Уэст-Кантри подействовали безотказно. Он представлял известную, надежную компанию и без труда заключил контракт.

Я проводил его до выхода.

— Но это абсурд, — сказал я. — Никак не приду в себя. В остальном-то Маркони ошибся...

Дейк покачал головой:

— Я проучился в колледже два года, но потом бросил.

— А Уэст-Кантри...

— В глубине души меня всегда тянуло на юго-запад, — безмятежно пояснил Дейк. — Когда-нибудь я там обоснуюсь.

И он ушел.

Естественно, Хелен я ничего не сказал: женщины склонны делать необоснованные выводы. А вот у меня логический склад ума, поэтому я вернулся к профессору Маркони.

Возможно, с рациональной точки зрения это и выглядит глупо. Но прямо сейчас я должен закончить свою историю и приступить к работе. У нас тут приключился локальный кризис: наш завод остановился из-за одной проектировочной проблемы. Но все в моих руках, потому что сегодняшний вечер благоприятен для решения проблем — в особенности для Козерогов, таких как я!

ВЛЮБЛЕННЫЙ

Вряд ли можно в целом мире найти человека, влюбленного так же глубоко и безнадежно, как несчастный Джонни Дикс. Он угрюм и замкнут, весьма неуклюж и как будто даже малость не в себе, но имеет крепкую деловую хватку. На свою беду, он полюбил Джейн Дэвис, первую красавицу в тех краях, чей ум, между прочим, нисколько не уступает красоте. Злые языки говорят о ее бессердечности, сама же она клянется, что с самого начала изо всех сил пыталась охладить пыл Дикса, а потому в трагической развязке этой истории можно винить лишь его маниакальную страсть.

Джейн на протяжении пяти лет отвечала отказом на предложения Дикса. Потом он полгода не показывался ей на глаза, а когда появился, она согласилась провести с ним день — при условии, что докучливый ухажер раз и навсегда оставит ее в покое. Джейн утверждает, что при каждой новой встрече Джонни наводил на нее все больше страху, но верится с трудом — каждый в тех краях вам скажет, что эта девушка не робкого десятка.

Дикс повел ее на прогулку по недавно приобретенному поместью. Его бизнес шел в гору, тогда как с любовью дело было просто швах. Обуреваемый отчаянием и горькой тоской, он сделал последнее предложение — и, разумеется, получил привычный отказ.

И тогда он пришел в бешенство. Джейн, по ее словам, запомнила лишь, как неловкие, но могучие лапищи схватили ее за горло — и в тот момент от красоты и ума для нее не было никакого проку.

Очнувшись, девушка обнаружила, что находится в пещере. К ней тянулась длинная тяжелая цепь, крепившаяся на лодыжке с помощью массивного старинного замка.

В тусклом сиянии свечей Джейн увидела Дикса: он сидел, привалившись спиной к ближайшему валуну.

Девушка осмотрела свои оковы и приказала:

— Немедленноними!

— Этому не бывать, — отозвался Дикс. — Я очень долго готовил твоё похищение. Мы находимся в моей усадьбе, об этом подземелье не ведаёт ни одна душа. Никто не найдёт здесь тебя. И меня тоже.

Джейн осмотрелась: в пещере хранился огромный запас консервов, книг, фонарей и лекарств. Поблизости виднелся глубокий пруд с чистой водой. В общем, наличествовало всё необходимое для длительного проживания.

А ещё она поняла, что Дикс окончательно спятил.

— Припасов хватит на тридцать лет, — пояснил Джонни. — Я не торопился, очень тщательно всё распланировал. Джейн, сейчас ты ненавидишь меня, это вполне естественно. Не беда, стерпится — слюбится. Я готов ждать хоть год, хоть два...

И Дикс эффектно помахал другой цепью, такой же длинной, как у Джейн, и пристегнутой к вмурованному в стену пещеры кольцу. Второе кольцо он примкнул к собственной ноге, а ключ бросил в пруд. После чего снова уселся и сложил на груди руки, всем своим видом демонстрируя, что готов ждать целую вечность. И Джейн, рассказывая о своём похищении, непременно подчеркнёт этот момент — ох и перепугалась же она тогда!

На вопрос, как ей удалось сбежать, Джейн ответит, что это было несложно. Дикс сидел, сидел да и уснул, а пленница одолела замок с помощью заколки для волос и на цыпочках выбралась из пещеры.

— А что случилось с Джонни Диксом? — обязательно поинтересуется кто-нибудь, и Джонни пожмет плечами:

— Почему я знаю? Наверное, выбрался вскоре после меня, но с тех пор на люди не показывается, слишком стыдно ему. Просто бросить его в пещере я не могла: он хоть и душевнобольной, но шанса на спасение заслуживал. И я, уходя, положила рядом с ним заколку... Надеюсь, этому увальню она пригодилась, — непременно добавит Джейн. — Заколки для волос требуют изрядной ловкости рук.

СОДЕРЖАНИЕ

Часть первая

Последнее испытание. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	7
Мы одиноки. <i>Перевод А. Лотарева</i>	30
Раса воинов. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	47
Курс писательского мастерства. <i>Перевод Н. Нортובה</i>	61
Инструкция по эксплуатации. <i>Перевод Н. Абдуллина</i>	65
Чем выше поднимаешься... <i>Перевод С. Гонтарева</i>	87
Час битвы. <i>Перевод М. Штольца</i>	107
Петля времени. <i>Перевод Н. Абдуллина</i>	115
То, во что ты веришь. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	127
Ультиматум. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	135
Под контролем. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	162
В темном-темном космосе. <i>Перевод Н. Абдуллина</i>	181
Гвоздь программы. <i>Перевод Н. Абдуллина</i>	196
Заповедная планета. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	211
Жрун. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	222
Тест для варвара. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	227
Подарок для диктатора. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	248
Планета непобедимых. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	259
Меньшинство. <i>Перевод Е. Лисичкиной</i>	270
Планета дяди Тома. <i>Перевод Н. Абдуллина</i>	281
Глубокая дыра в Китай. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	298
Возвращение солдата. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	304
Лучше сдохнуть. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	319
Толпа. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	331
Мученик. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	337
Миссис Дональдсон и ее странные сны. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	343
Машина желаний. <i>Перевод Н. Абдуллина</i>	351
И никаких суррогатов. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	357

Часть вторая

Маскарад убийцы. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	371
Через всю страну. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	376
Сдача с серебряного доллара. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	381
Уцелевший. <i>Перевод Н. Абдуллина</i>	388
Сельский разбой. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	398
Вкус. <i>Перевод Е. Лисичкиной</i>	404
Фрахт на убийство. <i>Перевод Е. Лисичкиной</i>	409
Развлечение для туристов. <i>Перевод Е. Лисичкиной</i>	424
Как беззащитная овечка. <i>Перевод Н. Нортова</i>	429
Пусс-кафе. <i>Перевод В. Зари</i>	444
Свенгали из Вестчестера. <i>Перевод С. Гонтарева</i>	450
Влюбленный. <i>Перевод Г. Корчагина</i>	457

Шекли Р.

Ш 40 В темном-темном космосе : рассказы / Роберт Шекли ; пер. с англ. Н. Абдуллина, С. Гонтарева, В. Зари и др. — СПб. : Азбука, Азбука-Аттикус, 2014. — 464 с. — (Звезды мировой фантастики).

ISBN 978-5-389-05879-8

Во всем мире Роберт Шекли признан лучшим мастером юмористической фантастики и великолепным новеллистом-парадоксалистом. Его произведения отличаются мягким юмором, искренней добротой, тонкой философичностью, а еще поразительной способностью прочитываться на одном дыхании и запоминаться навсегда. В сборник вошли 40 рассказов «раннего» Шекли, большинство из них на русском языке представлено впервые.

УДК 821.111(73)

ББК 84(7Сое)-445

Литературно-художественное издание

РОБЕРТ ШЕКЛИ
В ТЕМНОМ-ТЕМНОМ КОСМОСЕ

Ответственный редактор Геннадий Корчагин
Художественный редактор Сергей Шикин
Технический редактор Татьяна Тихомирова
Компьютерная верстка Владимира Сергеева
Корректоры Нина Тюрина, Анастасия Келле-Пелле

Подписано в печать 17.02.2014.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная.
Тираж 7 000 экз. Усл. печ. л. 24,36.
Заказ № 8147/14.

ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» —
обладатель товарного знака АЗБУКА®
119991, г. Москва, 5-й Донской проезд, д. 15, стр. 4

Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“»
в Санкт-Петербурге
191123, г. Санкт-Петербург, наб. Робеспьера, д. 12, лит. А

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»
04073, г. Киев, Московский пр., д. 6 (2-й этаж)

Отпечатано в соответствии с предоставленными материалами
в ООО «ИПК Парето-Принт».

170546, Тверская область, Промышленная зона Боровлево-1.
комплекс № 3 «А».
www.pareto-print.ru

HAFA1297001R

Издательская Группа «Азбука-Аттикус»

В состав Издательской Группы «Азбука-Аттикус» входят известнейшие российские издательства: «Азбука», «Махаон», «Иностранка», «КоЛибри». Наши книги — это русская и зарубежная классика, современная отечественная и переводная художественная литература, детективы, фэнтези, фантастика, non-fiction, художественные и развивающие книги для детей, иллюстрированные энциклопедии по всем отраслям знаний, историко-биографические издания. Узнать подробнее о наших сериях и новинках вы можете на сайте Издательской Группы «Азбука-Аттикус»

<http://www.atticus-group.ru/>

Здесь же вы можете прочесть отрывки из новых книг, узнать о различных мероприятиях и акциях, а также заказать наши книги через интернет-магазины.

ИЗДАТЕЛЬСКАЯ ГРУППА

АЗБУКА-АТТИКУС

ПО ВОПРОСАМ ПРИОБРЕТЕНИЯ КНИГ ОБРАЩАЙТЕСЬ

В Москве:

ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“»

Тел.: (495) 933-76-00,

факс: (495) 933-76-19

E-mail: sales@atticus-group.ru

info@azbooka-m.ru

В Санкт-Петербурге:

Филиал ООО «Издательская Группа

„Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге

Тел.: (812) 327-04-55

факс: (812) 327-01-60

E-mail: trade@azbooka.spb.ru

atticus@azbooka.spb.ru

В Киеве:

ЧП «Издательство „Махаон-Украина“»

тел./факс: (044) 490-99-01

E-mail: sale@machaon.kiev.ua

Информация о новинках и планах,
а также условия сотрудничества
на сайтах

www.azbooka.ru

www.atticus-group.ru

Во всем мире Роберт Шекли признан лучшим мастером юмористической фантастики и великолепным новеллистом-парадоксалистом. Его произведения отличаются мягким юмором, искренней добротой, тонкой философичностью, а еще поразительной способностью прочитываться на одном дыхании и запоминаться навсегда.

Впервые на русском языке!

Когда от человека, плохо знающего фантастику, я слышу, что этот жанр не бывает смешным, я советую ему почитать рассказы Шекли.

Из отзывов читателей на Amazon.com

Великих фантастов много, но если попробовать навскидку назвать самых-самых, то одним из первых придет на ум имя Роберта Шекли. Когда мы успели подружиться с ним? Сложно припомнить. Кажется, он был с нами всегда.

Мир фантастики

Шекли — мастер на все времена в юмористической и сатирической фантастике.

Booklist

